

экономические и социальные перемены

№ 2 (180)
март — апрель 2024

МЕДИА-
СОЦИОЛОГИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ
ДИАГНОСТИКА

СОЦИОЛОГИЯ
МОЛОДЕЖИ

ГОСУДАРСТВО
И ОБЩЕСТВО

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Бирюкова Светлана Сергеевна —
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института социальной политики НИУ ВШЭ

M77   Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2024. — № 2 (180). — 286 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Е. В. Петрова

«Интернет там, где у меня пожар»: как молодые люди относятся к интернету и какое значение ему придают? 3

И. В. Мирошниченко, А. И. Кольба, И. В. Самаркина, О. А. Бориско

Молодежные лидеры в Краснодарском крае: профили, стратегии успеха и ресурсный потенциал.....28

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

Ю. А. Афанасьева, Б. О. Соколов, А. А. Широканова

Изменчивость ковид-скептических установок в России: результаты анализа двух волн лонгитюдного опроса «Ценности в кризисе» 53

С. О. Парвадов

Связь субъективной религиозности с антииммигрантскими установками в Европе: анализ на основе данных Европейского социального исследования (ESS)..... 78

К. С. Григорьева

Расовое профилирование цыган: операция «Табор» как непреднамеренный результат политизации безнадзорности и секьюритизирующая практика 96

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

И. А. Помигуев, Д. В. Алексеев, Н. А. Зарипов

«Не делом, а словом»: дискурс-сетевой анализ парламентских обсуждений закона о повышении пенсионного возраста в России..... 116

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: март — апрель 2024.....141

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

И. А. Анкудинов

Патриотический дискурс в Рунете: до и после 24 февраля 2022 г. 153

Е. С. Богомягкова

Блогеры в сфере здоровья в оценках горожан: практики, коммуникация, доверие 178

МЕДИАСОЦИОЛОГИЯ

О. А. Башева, С. О. Гоманова, Ю. В. Ермолаева

Место волонтеров в системе реагирования на чрезвычайные ситуации:
результаты анализа дискурса российских СМИ..... 203

А. Д. Казун

Потребление новостей в повседневной рутине думскроллеров..... 226

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

И. Е. Сапан, И. Р. Шарапов

Серая зона социального: к вопросу о концептуализации
в рамках системно-коммуникативного подхода..... 245

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

О. В. Вередюк, Е. А. Черных

Качество занятости работников в России:
измерение на основе индексного подхода 258

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

А. Г. Асмолов

Человек как субъект полимотивации.

Рец. на кн.: Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты
исследований / под науч. ред. Л. Н. Овчаровой, В. А. Аникина, П. С. Сорокина.

М.: ВЦИОМ, 2023.....277

DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2456](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2456)

Е. В. Петрова

«ИНТЕРНЕТ ТАМ, ГДЕ У МЕНЯ ПОЖАР»: КАК МОЛОДЫЕ ЛЮДИ ОТНОСЯТСЯ К ИНТЕРНЕТУ И КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕМУ ПРИДАЮТ?

Правильная ссылка на статью:

Петрова Е. В. «Интернет там, где у меня пожар»: как молодые люди относятся к интернету и какое значение ему придают? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 3—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2456>.

For citation:

Petrova E. V. (2024) "The Internet Is Where I Have a Fire": Young People's Attitudes Towards Online Practices and Their Context. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 3–27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2456>. (In Russ.)

Получено: 20.07.2023. Принято к публикации: 20.03.2024.

«ИНТЕРНЕТ ТАМ, ГДЕ У МЕНЯ ПОЖАР»:
КАК МОЛОДЫЕ ЛЮДИ ОТНОСЯТСЯ К
ИНТЕРНЕТУ И КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЕМУ
ПРИДАЮТ?

*ПЕТРОВА Евгения Викторовна — канди-
дат филологических наук, доцент, На-
циональный исследовательский уни-
верситет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

E-MAIL: evpetrova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9806-4704>

“THE INTERNET IS WHERE I HAVE A FIRE”:
YOUNG PEOPLE’S ATTITUDES TOWARDS
ONLINE PRACTICES AND THEIR CONTEXT

*Evgeniya V. PETROVA¹ — Cand. Sci.
(Philol.), Assistant Professor*

E-MAIL: evpetrova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9806-4704>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье представлены ре-
зультаты исследования отношения мо-
лодых людей в возрасте от 16 до 20 лет
к интернету. Автор отмечает, что мо-
лодежь оказалась в ситуации, когда
пройдены этапы расширения досту-
па, а интернет постепенно становится
частью все большего числа социаль-
ных процессов, и анализирует ситуа-
ции использования интернета и раз-
ные варианты отношения к нему среди
молодежи.

Работа опирается на 34 глубинных полу-
структурированных интервью, собран-
ных в Гжельском сельском поселении
в 2019 г. и в Москве в 2021—2023 гг.
Материал структурирован с опорой
на три метафоры, предложенные Ан-
нет Маркхэм: интернет как инструмент,
интернет как пространство и интернет
как образ жизни. Использование ме-
тафор помогает сделать видимым зна-
чение интернета, которое ему придают
пользователи. Метафоры инструмента
и пространства появились в результате
сравнения интернета с тем, что имеет
реальное физическое воплощение. Ме-
тафора образа жизни фиксирует такое
отношение к интернету, при котором ин-
тернет не выделяется в отдельную сфе-
ру. Автор приходит к выводу, что поль-

Abstract. The article presents the re-
sults of a study focused on attitude of
young people aged 16 to 20 years old
towards the Internet. The author notes
that young people find themselves in a
situation where the stages of expanding
access have passed, and the Internet is
gradually becoming part of an increas-
ing number of social processes, — and
analyzes situations of using the Internet
and different attitudes towards it among
young people.

The study is based on 34 in-depth
semi-structured interviews collected in
the Gzhel rural settlement in 2019 and
in Moscow in 2021–2023. The material
is structured based on three metaphors
proposed by Annette Markham, namely:
the Internet as a tool, the Internet as a
space, and the Internet as a way of life.
The use of the metaphors helps clarifying
the meaning that users attach to the In-
ternet. The metaphors of tool and space
come from comparing the Internet to the
real, physical world. The metaphor of the
way of life captures an attitude towards
the Internet where it is not identified as
an isolated sphere. The author concludes
that users only partially use the capabili-
ties of the Internet, and young people de-
fine its meaning in the context of solving

зователи только частично используют возможности интернета, а его значение молодые люди определяют в контексте решения проблем, которые им кажутся наиболее важными и актуальными.

Ключевые слова: интернет, отношение к интернету, молодые пользователи, повседневные практики, метафоры интернета

Благодарность. Часть материала статьи собрана в рамках проекта «Трансформация медиасреды и практик медиапотребления и медиаиспользования в сельской местности России (кейс сельской агломерации Гжель Московской области)» (2019), поддержанного Программой Фонда образовательных инноваций в рамках проекта «Открываем Россию заново». В 2022 г. мы начали новый исследовательский проект «Цифровизация чтения в контексте актуальных исследований и образовательных практик», поддержанный Институтом медиа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Этот проект помог собрать эмпирическую базу статьи и способствовал развитию теоретической части исследования.

problems that seem to them the most important and relevant.

Keywords: Internet, attitudes towards the Internet, young users, everyday practices, Internet metaphors

Acknowledgments. The part of the material of the article was collected within the project “Transformation of the media environment and practices of media consumption and media use in rural areas of Russia (case of rural agglomeration Gzhel of the Moscow region)”, supported by the Program of the Educational Innovation Foundation within the framework of the project “Rediscovering Russia”. In 2022, we started a new research project “Digitalization of Reading in the Context of Current Research and Educational Practices”, supported by the Media Institute of the HSE University. This project helped to gather the empirical base of this article and contributed to the development of the theoretical part of this study.

Статья посвящена исследованию отношения молодых людей к интернету. По результатам наблюдений за тенденциями цифровизации общества эксперты отмечают: среди российских домохозяйств увеличивается доля имеющих доступ к интернету (в 2022 г. достигла 86,6 %, в 2010 г. была меньше 50 % (48,4 %)), при этом она постепенно сравнялась с долей имеющих доступ к высокоскоростному широкополосному интернету¹. Молодежь — наиболее активная часть пользовательской аудитории интернета²: месячный охват в этой социально-демографической груп-

¹ В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др. Индикаторы цифровой экономики (статистический сборник). М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/892389163.pdf> (дата обращения 25.04.2024).

² Аудитория интернета в 2022 году // Медиаскоп. 2023. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/3d8/qrlhud7t7dxyzw1rhtzvg3rwwk8deg7uk/2022_%D0%98%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%95%D0%A2.pdf (дата обращения: 10.07.2023). В данных компании Медиаскоп выделены возрастные группы 12—17 лет и 18—24 года.

пе составляет более 97 % населения. То есть почти все представители этой социальной группы имеют доступ к интернету и опыт его использования.

Распространенность и значимость интернета определили внимание к нему со стороны исследователей с разными подходами. К примеру, в отечественной науке широко представлены работы, в которых интернет рассматривается в контексте системы средств массовой информации. Постепенно это направление дополнялось и двигалось в сторону медиаисследований, в рамках которых ученые объединили подходы как российских школ, так и зарубежных исследователей [Коломиец, 2020]. В то же время интернет рассматривается учеными не только как технологический посредник (медиа), но и как самостоятельная и значимая технология в рамках такого направления, как исследования науки и технологий (STS), в многочисленных ответвлениях которого заметные позиции занимает социальное конструирование технологий (SCOT) [Бычкова, 2020].

В диссертации Полины Колозариди, посвященной интернет-исследованиям как направлению социальных наук, отмечается проблема междисциплинарности этого направления и двойственности предмета исследований, находящегося между двумя противоположными подходами — социальным конструктивизмом и социологическим детерминизмом [Колозариди, 2017: 5—6]. Парадоксальность интернета еще и в том, что он «не схватывается и требует дополнительного изучения, [оказывается] тем, что ускользает... Исследование этого постоянного изменения превращается в мониторинг, который необходимо все время проводить и который уже невозможен без участия самого интернета» [Колозариди, Макушева, 2018: 10]. «Выхватывая одну часть объекта, мы не замечаем соседние — и теряем из виду объект в целостности» [Колозариди, Юлдашев, 2021: 48].

По мнению Барри Веллмана, возможно выделить три периода интернет-исследований: 1) начало 1990-х годов связано с утопией социальных трансформаций; 2) конец 1990-х — с подсчетом пользовательской активности и статистики интернета; 3) 2000-е годы — обращение к фигуре пользователя, интернет становится персональным для каждого индивида [Wellman, 2004]. Несмотря на разнообразие подходов, рост значимости фигуры пользователя признают исследователи, придерживающиеся разных направлений. Например, по мнению Виктора Коломийца, актуальная рефлексия о медиа исходит из активной роли индивида в процессе коммуникационного взаимодействия: он равноправный автор символично-смыслового содержания [Коломиец, 2020]. Социальное конструирование технологий признает, что «пользователи „создают“ технологию не в меньшей степени, чем разработчики, переосмысляя идеи разработчиков так, чтобы решать свои проблемы» [Сафронов, 2020: 37].

Внимание к использованию интернета молодежью проявляют профессиональные социологические службы (ВЦИОМ, «Левада-Центр»³, ФОМ и др.), маркетинговые компании (ПОМИР, Deloitte, IPSOS, Brand Analytics), аналитические подразделения крупных компаний («Яндекс», VK). Опыт использования интернета молодежью интересен и академическим исследователям. Они изучают поколенческие характеристики медиапотребления [Медиапотребление «цифровой мо-

³ Российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции иностранного агента.

лодежи»..., 2021; Назаров, 2023] и особенности медиапотребления специфических типов контента [Логунова, Завгородняя 2022; Круглова, 2022], уделяют внимание новым возможностям технологии и ее рискам [бойд, 2020; Солдатова и др., 2022] и т. д.

Использование интернета — важный фактор цифрового развития, которое на современном этапе является определяющим для многих сфер жизни. Однако процесс этот многоаспектный. Исследователи выделяют такие проблемы, как цифровое неравенство, цифровые разрывы. Юлия Варламова описывает три уровня цифрового разрыва [Варламова, 2022]. Первый уровень предусматривает различия в доступе к цифровым технологиям, в основном в доступе к интернету. Доступ к технологии не означает ее автоматическое использование [там же: 54]. Начиная с 2002 г. исследователи цифрового неравенства стали выделять второй уровень цифрового разрыва, который предполагает разницу не только в доступе к цифровым технологиям, но и в их использовании индивидами. Попытки понять последствия использования интернета привели к выделению третьего уровня цифрового неравенства. Этот уровень, по сути, фиксирует взаимосвязь использования интернета с изменениями в разных сферах жизни. Выделение этого уровня связано с различными методологическими сложностями: как определять взаимосвязи разных сфер, как оценивать влияние в сложных системах. Но именно такой более целостный подход отражает суть цифровых изменений: они тесно связаны практически со всеми сферами жизни людей и для их понимания нужно сфокусироваться не только на технологических аспектах, но и изучать более широкий контекст.

Авторы концепции полимедиа Дэниэл Миллер и Мирка Мадриану много лет изучали, как люди в разных странах мира использовали медиа [Madianou, Miller, 2012; Miller, 2016a, 2016b]. Как они выяснили, разнообразие использования платформ вызвано социальным и культурным контекстом сообществ, их задачами [Мадриану, Миллер, 2018]. Исследователи предложили следующую трактовку концепта полимедиа: «Это среда, вырастающая из коммуникационных возможностей, функционирующая как „интегрированная структура“, внутри которой специфика каждого отдельного медиа определяется через отношение к контексту всех остальных медиа» [там же: 337]. Определяющим фактором возникновения полимедиа стал интернет. Основное напряжение системы возникает между возможностями, предлагаемыми технологиями, медиаплатформами, и мотивами, стимулами выбора, который делают пользователи. Концепция полимедиа объединяет разные подходы к пониманию интернета. Исследования прошли путь от фиксации распространенности технологии и того, как она используется, к попыткам понять, как интернет взаимосвязан с другими сферами и что значит интернет в реальной жизни реальных людей.

Наша работа опирается на глубинные интервью, собранные в нескольких исследовательских проектах. Мы изучали отношение молодежи к интернету. Отношение мы понимаем как систему суждений, ощущений и различные формы взаимодействия, которые в ракурсе нашего исследования представлены практиками использования интернета. В Социологическом энциклопедическом словаре в одном из значений термин «отношения» определен как «мысленное сопоставление

различных объектов или сторон этих объектов»⁴. Выражая свое отношение к интернету, наши информанты формулировали его характеристики, его ценность и смысл, то есть значение. Сложность предмета нашего исследования в том, что сопоставлять с интернетом можно очень многое, да и сам интернет — сложное и многогранное явление. Наши данные ограничены, а значит, ограничены и варианты суждений.

Изложить результаты изучения собранного материала мы попытались через метафоры, предложенные Аннет Маркхэм для концептуализации значений интернета: 1) интернет как пространство, 2) как инструмент и 3) как часть образа жизни [Markham, 2003]. Мы опирались на метафоры как на распространенный инструмент человеческого познания, который активируется при попытке понять новые и абстрактные явления [Puschmann, Burgess, 2014]. Академик Д. С. Лихачев отмечал, что метафора пытается видимое осмыслить невидимым, а невидимое — видимым [Лихачев, 1979].

Предложенным Маркхэм метафорам уже более 20 лет, но именно они стали базовым вариантом, на который исследователи опираются, предлагая новые подходы, и с которым сравниваются дальнейшие исследования [Markham, Tiidenberg, 2020]. В более поздний период исследовательница стала больше внимания уделять метафоре интернета как образа жизни, но для нашей работы метафоры пространства и инструмента тоже оказались важны. Карлос А. Сколари в обзоре изменения метафор в исследованиях медиа отмечает, что метафоры всегда сопровождают появление нового [Scolari, 2021]. По мнению Сколари, люди не просто выражают себя с помощью метафор, они через них конструируют мир. Далее мы попытаемся с помощью метафор посмотреть на то, как представляют свой мир наши информанты.

Описание методологии исследования и эмпирического материала

Фокус на молодежной аудитории обусловлен несколькими причинами. Во-первых, молодежь — самая активная возрастная группа интернет-пользователей: это относится и к распространенности технологии в этой среде (данные приведены выше), и к уровню навыков использования возможностей сети. Кроме того, как отмечают исследователи, «использование интернет-технологий в современных условиях выступает своеобразным индикатором социальной адаптивности и активности граждан: чем мобильнее человек, тем чаще ему требуется мобильный выход в виртуальное пространство. Чем ниже социальная адаптивность к новым жизненным условиям и пассивнее адаптивное поведение, тем ниже интернет-активность» [Шиняева, Полетаева, Слепова, 2019: 79]. Таким образом, фокус на молодежной аудитории дает нам возможность сконцентрироваться на масштабном, насыщенном опыте использования интернета. В предыдущих исследованиях мы изучали не только молодежную аудиторию [Петрова, Претер, 2022] и выяснили, что в более старших группах опыт использования интернета сильно фрагментирован.

В эмпирической базе данного исследования 34 полуструктурированных глубинных интервью, собранных в рамках трех этапов. В 2019 г. в экспедиции в Жель-

⁴ Социологический энциклопедический словарь. М.: ИНФРА М; Норма, 1998. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6556 (дата обращения: 26.02.2024).

ское сельское поселение⁵ мы исследовали медиапотребление сельских жителей. Для целей статьи мы отобрали из этой базы 13 интервью на основании возрастного критерия, разнообразия и насыщенности представленного в интервью опыта. В 2021 г. в рамках работы научно-исследовательского семинара «Исследования практик взаимодействия аудитории с медиа» в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» мы собрали 10 интервью, соответствующих целям данного исследования. Третий этап был проведен с декабря 2022 по март 2023 г. В его рамках было собрано еще 11 полуструктурированных глубинных интервью. Все интервью второго и третьего этапов проводились в Москве. Список информантов представлен в приложении к статье.

Все информанты в нашей базе относятся к социальной группе учащихся — это ученики старших классов средних школ, студенты колледжей и университетов, их возраст от 16 до 20 лет. Эти параметры рекрутинга не были заданы изначально: мы отобрали из первой волны все интервью с молодыми информантами, у которых был разнообразный, описанный подробно опыт взаимодействия с интернетом, и оказалось, что все такие информанты относились к группе учащихся. В следующих волнах мы специально включили в параметры рекрутинга возрастной диапазон и социальный статус. В данной статье при использовании цитат мы обозначали имя, возраст, социальный статус, информацию о том, где проводилось интервью, волну исследования. Имена информантов были изменены.

В гайде полуструктурированного интервью были выделены тематические блоки, посвященные повседневной жизни информантов, их медийным практикам, практикам использования интернета, отношению к интернету, технологиям, платформам и контенту. При этом нас прежде всего интересовало не столько то, что именно делают наши информанты в цифровой среде (с этой задачей гораздо лучше справятся исследователи, работающие с цифровыми данными), а что молодые люди фиксируют как свои интернет-практики, что запоминают, как относятся к ним, какое значение им придают. Отметим, что в эмпирическую базу в итоге вошли только те интервью, которые, на наш взгляд, получились и помогли в поиске ответов на поставленные исследовательские вопросы.

От идеи описать количественные характеристики интернет-практик мы отказались еще на первом этапе. Дело в том, что мы неоднократно имели возможность сравнить, как люди количественно оценивают, например, продолжительность использования смартфона с показателями, которые фиксирует само устройство. Из 17 таких сравнений только у троих респондентов показатели были близки. Дважды наши информанты отказались показать данные самого устройства («оставьте меня в моих иллюзиях», «это слишком личное, давайте вы поверите моему рассказу»). В итоге мы поняли, что в глубинных интервью имеем возможность зафиксировать не столько сами практики, сколько представление наших информантов о них, отношение к ним. В материале такого типа возможно схватить не фоновый

⁵ В 2019 г. Гжельское поселение было упразднено и вошло в состав Раменского городского округа. В экспедиции 2019 г. мы собрали материалы в поселке Гжель и селе Гжель, селе Речицы, деревнях Григорово и Глебово. Экспедиция проводилась в рамках проекта «Трансформация медиасреды и практик медиапотребления и медиаиспользования в сельской местности России (кейс сельской агломерации Гжель Московской области)» (2019), поддержанной Программой Фонда образовательных инноваций в рамках проекта «Открываем Россию заново».

опыт использования медиа, а смысловой, то есть тот, который информанты осознают и которому уделяют внимание.

Изначально мы не предполагали структурировать свое исследование с помощью метафор, опираясь на которые, Аннет Маркхэм описала значение интернета. Наш материал довольно четко структурировался в три смысловые группы, между которыми мы не нашли никаких явных различий в социальном статусе информантов. В этих группах смешивался опыт городских и сельских жителей, школьников и студентов, информантов женского и мужского пола. Однако смысловые границы выделялись довольно четко. В итоге именно описание через метафоры, на наш взгляд, точнее всего выразило специфику каждой из выделенных групп. В заголовке статьи мы использовали фразу нашей участницы, сказанную ей в конце интервью, на этапе концептуализации своего опыта и в ответ на реакцию интервьюера. Им было отмечено, что, судя по рассказу информантки, интернет появляется во всех важных сферах ее жизни и в самые важные моменты. Информантка согласилась с этим высказыванием и подытожила: *«Интернет там, где у меня пожар»*.

Интернет как инструмент

Метафору интернета как инструмента Аннет Маркхэм описывает через три образа: хранилище (container), протез (prosthesis), проводник (conduit). Все три образа мы можем проиллюстрировать на материале нашей эмпирической базы.

Хранилище

Интернет позволил стать цифровыми многим аналоговым практикам хранения. Наши респонденты хранят на облачных дисках текстовые файлы, фото, аудио- и видеоматериалы. Такие хранилища используются как для учебы и работы наших информантов, так и для личных целей (увлечения, семейный архив, медицинские документы и т. д.). Информанты отмечали, что интернет дал возможность сохранять важную для них информацию, но принципам ее систематизации они уделяют минимальное внимание. Интересно, что наряду с дисками компьютера, памятью телефона, облачными дисками в качестве площадок информанты также называли электронную почту, социальные сети и мессенджеры. Это не было продуманным решением, а скорее стало следствием отсутствия интереса к вопросам хранения, организации этого процесса. В итоге складывается ситуация, когда информации очень много, а воспользоваться ей становится все сложнее.

У меня сотни папок с фотографиями. Я просто сливаю туда все подряд, когда память телефона нужно почистить. Вот ни разу не пыталась что-то там найти. Мне как-то понадобилось свое лицо для одного проекта вставить, думала там поискать, но мы в итоге пошли на фоне стены меня сфоткали, вырезали и вставили. (Маргарита, 18 лет, студентка, Москва, 2 волна)

Случай одной из информанток иллюстрирует ситуацию, когда хранение контента связано с эмоциональным опытом. Интернет, обладающий огромными возможностями, может оказаться невостребованным, если не откликается на этот

эмоциональный опыт. Мама девушки каждый год школьной жизни своей дочери делала альбом. Собирала фотографии, оформляла их, делала смешные подписи. Альбомы хранятся в распечатанном виде, на фотографиях много школьных друзей девушки и школьных событий.

Я не очень люблю фотографировать, но даже у меня в телефоне сотни фото. А моя подруга вообще все фотографирует. Но когда мы со школьными подругами решили встретиться, ну, девичник такой, старушки собирались, они меня попросили именно альбомы привезти... В социальных сетях тоже иногда такие подборки делают с воспоминаниями, но это по-другому как-то... там случайные фото, а тут именно о нас. С теплой. Раньше меня мама лучше понимала... (Лариса, 20 лет, студентка, Москва, 3 волна)

С хранением информации связана еще одна важная тема — безопасность личных данных. Все информанты говорили, что это очень важный вопрос, он беспокоит их, но мало кто изменил свои привычные практики, чтобы обезопасить свои данные. Среди примеров, когда это все-таки было сделано: «скачал свои личные папки из облака, храню на внутреннем диске», «закрывает все профили в социальных сетях», «удалила фото», «блокирую всяких мутных людей». Информанты редко используют настройки платформ, которые призваны сделать пользовательский опыт более безопасным, гораздо чаще используют радикальные методы: удалить контент или профиль, заблокировать что-то. Между пониманием важности безопасного использования интернета и реальными практиками не хватает инструмента, который бы мог помочь сделать шаг от потребности к реальному опыту.

Протез

Осмыслить интернет как расширение или протез означает сосредоточиться на масштабировании возможностей человека. «Интернет позволяет людям вытягивать конечности и чувствовать большие расстояния, чтобы общаться с другими людьми» Markham, 2003: 3]. Такая физиологичность образов характерна не только для интернета, но и для других технологий. Маршалл Маклюэн отмечал: «Любое изобретение и любая технология представляет собой внешнюю проекцию, или самоампутацию, наших физических тел» [Маклюэн 2007: 54]. Развитие технологической инфраструктуры сопровождается последовательной «ампутацией» различных способностей человека. В то же время технологии дают возможность реализовать потребности человека, которые в иных условиях не могут быть реализованы. В таких случаях технология выступает как протез. Приведем несколько примеров из нашего эмпирического материала.

Старшеклассник рассказывал нам, что хотел бы чаще встречаться с друзьями, но в реальной жизни видеться получается редко, поэтому общаются в основном в интернете.

Мы с мамой из-за этого часто ссоримся. Она считает, что интернет — зло. Ничего хорошего там нет. «Надо реальной жизнью жить» [воспроизводит мамины голос и мимику].

— *Может, мама права?*

— *Ага (скептически). А вы видели мое расписание? Когда там с друзьями встречаться?*

А ночью меня все равно никто никуда не отпустит. Так что без вариантов. Хвала интернету! (Егор, 16 лет, школьник, сельское поселение Гжельское, 1 волна)

Еще один пример показывает, как интернет восполняет возможность общаться с отцом одной из наших информанток. Родители девушки в разводе. Мать категорически против личных встреч с отцом. По словам информантки, мать всегда очень эмоционально реагирует даже на обсуждение такой возможности, а общению в интернете не препятствует («ну, как бы и ладно, это все равно несерьезно»). В итоге девушка почти ежедневно переписывается с отцом в WhatsApp, отец и дочь отправляют друг другу голосовые сообщения, фото и видео.

Мне кажется, мы даже больше стали общаться. В нашей семье вообще не принято разговаривать друг с другом. Мы ходим и молчим, просто молчим или молчим недовольно. А сейчас я даже голос папы стала чаще слышать. (Ксения, 18 лет, студентка, Москва, 3 волна)

Анализируя такие примеры, на одном из этапов исследования мы сформулировали следующую рабочую гипотезу: компенсаторная природа взаимодействия с интернетом — то, что объединяет информантов. Используют интернет по-разному, но механизм вовлечения, выбора очень схож. Эта гипотеза частично была подтверждена нашими данными. Но на следующих этапах исследования мы убедились, что такого объяснения недостаточно⁶.

Проводник

В работе Аннет Маркхэм образ проводника означает технологию, перемещающую пользователя из одного места в другое [Markham, 2003]. Этому образу близок по значению образ дороги. В данном случае основное значение имеет не столько само пространство (об этом подробнее в следующей части), сколько возможность связи, движения от одного к другому. В нашей эмпирической базе эта метафора представлена, например, в интервью с информантами, которые находятся на границе разных этапов жизненного цикла. Под этапами/фазами жизненного цикла обычно понимают «качественно отличные периоды индивидуальной или групповой жизни по мере взросления человека, сопровождающиеся изменениями его роли и статуса» [Семенова, 2009: 19]. Исследователями подтверждено, что жизненный цикл является значимым фактором для субъективного благополучия людей [Кученкова, Татарова, 2019].

В нашей эмпирической базе есть, например, старшекласники, планирующие поступление в университеты других городов, жители небольших населенных пунктов, которые хотят переехать в другие места. Такие информанты рассказывали, что в социальных сетях они подписаны и на группы, характерные для их нынеш-

⁶ Автор статьи благодарит за продуктивное обсуждение, конструктивную критику первой версии данного исследования сотрудников Европейского университета в Санкт-Петербурге декана факультета антропологии, кандидата социологических наук Анну Клепикову, доцента факультета антропологии, кандидата искусств Михаила Лурье, старшего научного сотрудника, кандидата исторических наук Елену Лярскую. Особую благодарность за подробный разбор примеров, ценные замечания автор выражает члену-корреспонденту РАН, профессору, доктору филологических наук Николаю Борисовичу Вахтину. Этот опыт помог значительно доработать исследование.

него статуса, и на те, к которым стремятся стать ближе. Эту особенность мы сначала тоже трактовали в контексте компенсаторных функций интернета: у людей нет возможности быть в желаемом месте или в желаемой социальной группе, и они достигают этого с помощью интернета. Но интервью, в которых тема раскрыта подробнее, позволили иначе увидеть эту проблему. Компенсаторные механизмы предполагают, что у наших информантов были какие-то возможности, а потом доступ к ним стал невозможен, но интернет сбалансировал это. Однако в рассматриваемых случаях дело не столько в компенсации, сколько в расширении возможностей.

В терминологии Аннет Маркхэм в таких ситуациях интернет приобретает значение не столько протеза, сколько проводника. Это целесообразно проиллюстрировать примерами из интервью со старшеклассниками. До наших встреч они уже заметили учебные заведения, в которые планируют поступать после окончания школы, вступили в соответствующие группы, наблюдают за беседами и иногда вступают в них, активно оставляют символы своих реакций. Все эти действия дают шанс представить себя среди студентов выбранных вузов и в итоге более точно определиться с выбором. Интернет расширяет возможности, становится тем проводником, который помогает пройти путь от одного жизненного этапа к другому.

Мы собрали более двух десятков историй о том, как наши информанты знакомились в интернете с новыми людьми и как развивали такие контакты. Среди этих историй есть и романтические знакомства, и деловые контакты, и поиск единомышленников, разделяющих общие интересы. Некоторые из них далее развивались вне виртуальной среды. Но важно и то, что значительную часть этого опыта информанты не хотели переносить за пределы цифровой среды. Его ценность была в возможности оставаться внутри цифровых границ.

Инф.: Если честно, я понял, что люди не хотят общения вживую. Однажды была такая вещь, что я разместил свой номер телефона в ВК, то есть буквально на два дня и написал типа: «Давайте встретимся, поговорим, пообщаемся». Мало людей кто позвонил. Даже, я вам так скажу, мне позвонил только друг, сказал о том, что тебя походу взломали, ты номер телефона поставил на страницу.

Инт.: Ну, кстати, хороший друг.

Инф.: Я просто так понял, что мы уходим все дальше в интернет. (Владимир, 18 лет, студент, сельское поселение Гжельское, 1 волна)

В приведенных примерах упомянутые значения интернета пересекаются с еще одной важной темой — публичными кругами общения, которые так важны для наших информантов. Д. бойд в таком случае использует термин «публики», которые, на ее взгляд, представляют собой «воображаемую общность, возникшую в результате пересечения людей, технологий и практики» [бойд, 2020: 30]. Наши информанты не используют термин «публики», так же как и термин «сообщество», хотя проблематика общности, социальных связей доминирует во всех интервью. Д. бойд описывает публики и как пространства, построенные с помощью сетевых технологий. Мы же отнесли эти примеры к части, посвященной значению интернета как инструмента. Мы шли в данном вопросе за участниками исследования.

В самих интервью главный фокус, основное напряжение были связаны с социальной ситуацией (например, отношения с родителями, предстоящий переезд и т. д.), именно это волновало наших информантов. Интернет становился инструментом внутри этой социальной конструкции. Это похоже на соотношение фигуры и фона, применяемое в когнитивных науках. Одна и та же ситуация может выглядеть иначе при изменении фокуса нашего внимания и восприятия.

В следующей части мы рассмотрим кейсы, в которых, на наш взгляд, более ярко выделялось отношение к интернету как к пространству.

Интернет как пространство

Эта метафора одна из самых устойчивых и распространенных и в зарубежном, и в российском академическом дискурсе. Как отмечают исследователи, «даже само использование слова „интернет“ в обыденной речи часто строится на онтологической метафоре „пространства“: есть вещи, происходящие „в интернете“, есть вещи, происходящие „в реальности“, интернет — принципиально другое пространство, нежели пространство наших физических действий» [Колозариди, Макушева, 2018: 6]. Пространство существует там, где есть участник и наблюдатель социальных взаимодействий. Оно всегда социальное пространство, которое создается и может быть расшифровано и прочитано [Lefebvre, 1991]. Социальное пространство «с точки зрения пространства тел и мест тел оказывается метафорой» [Филиппов, 2008: 52]. Исследователи, как правило, понимают пространство как более широкую категорию, а место — как более конкретную, пространство также возможно определить как совокупность мест [Филиппов, 2008; Колозариди, 2014; Трегубова, 2020]. Уникальная идентичность в сочетании с разными местами внутри места взаимодействия (социальная сети, компьютерные игры, платформы для дистанционных встреч и т. д.) делают метафору пространства применимой к интернету.

В одном из исследований были проведены интервью с 16 студентами университетов с целью понять, какие пространственные метафоры они используют, когда говорят о своем онлайн-опыте. Затем ученые сравнили эти данные с теми, что были получены в схожем исследовании, проведенном в более ранний период. Авторы работы пришли к выводу, что студенты по-прежнему представляли виртуальный мир как отдельное место, куда они «ходят», хотя в более поздний период информанты использовали меньший объем пространственной лексики для описания интернета по сравнению с респондентами в 1990-х годах [Matlock et al., 2014].

Пространственная метафора интернета оказалась распространенной и в собранном нами эмпирическом материале. В пограничных ситуациях, которые возможно понять в контексте разных метафор, к части о пространственных метафорах мы относили следующие характеристики: прямое сравнение интернета с пространством, местом, территорией и т. д., использование пространственной лексики в описании ситуации (*ставить, протянуть, переехать* и т. д.), сопоставление с физической сферой (*палитра широкая — от дома до большой помойки*), описание, которое схоже с описанием физического мира (перенос представлений). Во всех интервью из нашей эмпирической базы встречалась хотя бы одна из этих характеристик. На наш взгляд, пространственная метафора является базовой для

формулирования отношения к интернету. В наших примерах мы попытались понять, что именно она означает.

В период пандемии интернет дал возможность расширить пределы физического пространства. Так, одна из информанток рассказывала об опыте празднования дня рождения подруги в период строгого локдауна. Все друзья встретились на одной из платформ, поставили один и тот же фон для своих профилей, включили музыку, приготовили похожую еду.

Инф.: Потусили немножко, даже какие-то шутки классные были, поздравили.

Инт.: А ты хотела бы и дальше так отмечать дни рождения?

Инф.: Никогда в жизни! Вы бы знали, как я бежала на реальную встречу, когда нас все-таки выпустили. (Вика, 20 лет, студентка, Москва, 3 волна)

Еще один ракурс понимания значения интернета через пространство оказался тесно связан с темой приватности наших информантов. Исследователи отмечают, что категория приватности в принципе значительно трансформировалась в интернете [Колозарида, Макушева, 2018]. Все информанты активно использовали социальные сети. В интервью выяснилось, что у большинства из них есть несколько профилей в социальных сетях, в каждом случае они образуют свою систему, в которой пытаются настроить разные режимы приватности. К примеру, один из вариантов — профили, которые видны родителям, и профили, скрытые от них. В двух случаях информанты обсудили это с родителями и вместе пришли к такому решению, но все остальные информанты не стали рассказывать родителям о таком опыте.

Мама у меня вечно всего боится. Она подписана на один мой аккаунт. Я там даже матом не ругаюсь. Если уж очень все х***, туда не пишу. Потом перебешусь, успокоюсь, а она еще будет названивать, меня спасать. (Лера, 18 лет, студентка, Москва, 2 волна)

Инф.: Я раньше проще к этому относилась. Но сестра, которая есть у меня в друзьях, наядбедничала моему деду про мои фотографии. Ну, дед в этом вообще ничего не понимает, для него разместить фотографии в купальнике — это все равно что голый по нашему поселку пройти. Разругались мы с ним сильно. Сестру я удалила, профиль закрыла.

Инт.: А как потом, наладились отношения с дедом, сестрой?

Инф.: Да забылось это уже. Я учиться уехала. Но я вообще по-другому к интернету стала относиться. Нет там безопасности. (Светлана, 18 лет, студентка, сельское поселение Гжельское, 1 волна)

Когда отец зарегистрировался в социальных сетях, я вообще хотел отовсюду удалиться. Но потом остыл, почистил свой профиль и сделал еще новый закрытый. Он теперь у меня основной. (Федор, 19 лет, студент, Москва, 2 волна)

Информанты отмечали, что разные аккаунты позволяют точнее структурировать аудиторию («для каждого свое пространство»), достичь большей приватности, которая имеет важное значение для наших информантов. Большую безопасность

они ощущают там, где нет или мало знакомых («меньше вопросов к моим действиям», «нет людей, которые за тебя волнуются», «ты не связан рамками своей семьи, универа, образа»). Информанты, как правило, понимают, что в социальных сетях создается определенное впечатление о человеке, пытаются управлять этим процессом. Одна из информанток рассказала нам, что, когда она искала работу, было одно очень ценное предложение.

Это такой уровень был. Я для них специально даже профиль в ВК создала. Вылизала там все идеально. Я бы сама себя на работу взяла после такого профиля. (Марина, 20 лет, студентка, Москва, 3 волна)

И на более раннем, сельском, этапе, и в материале московских волн исследования очевидно, что для информантов важен и актуален разговор о взаимосвязи интернет-практик и реального жизненного опыта. При этом информанты осознают специфику интернет-среды и ищут формулировки, образы, метафоры, выражающие это.

Все-таки общение в интернете — это другое... Ты не видишь этого человека, ты как будто за перегородкой. То есть ты как будто в стеклянном куполе, за которым тебя человек как бы, в принципе, обидеть не сможет. В принципе ты сможешь сказать ему что угодно. Мне почему-то легче свои мысли объяснить, даже ссориться мне там легче. Как-то это все не так остро, всегда можно просто выключить телефон. Я, правда, так никогда не делала. Но ведь можно же... (Дарья, 17 лет, студентка, сельское поселение Гжельское, 1 волна).

Несколько иной ракурс пространственной метафоры интернета появился в одном из интервью со старшеклассником. Молодой человек рассказал нам, что очень хотел бы поехать в Данию, но пока нет такой возможности, часто «гуляет» в Google-картах.

Инф.: Я, честно сказать, не знаю, когда смогу туда попасть. Мы когда ездили с папой, я еще мало знал об этой стране. Тогда просто понравилось. Сейчас бы уже каждая улица для меня как родная была.

Инт.: Потому что читаешь об этом много?

Инф.: Да, читаю. Но я еще в Google Maps гуляю. Вот реально все закоулки прошел. (Игорь, 16 лет, школьник, Москва, 2 волна)

На первом этапе исследования нам казалось, что эта история хорошо иллюстрирует нашу гипотезу о компенсаторной функции интернета. Мы рассуждали так: информант не может поехать в страну, которой интересуется, интернет компенсирует эту возможность. Но желание нашего информанта было основано не на рациональной необходимости, а скорее на эмоциональном интересе. Мы не исключаем, что интерес нашего информанта сформирован под влиянием скандинавского стиля в том его варианте, который оказался популярен в интернет-среде (об этом подробнее см. [Колпинец, 2022]). В интервью информант рассказал о своем инте-

ресе к скандинавской литературе. На его аватаре в социальной сети стояло фото немецкого художника Каспара Давида Фридриха «Мечтатель». Картина относится к числу произведений романтизма.

Компенсаторная функция возникает из потребности человека в переживании, которых ему в силу каких-либо причин не хватает. В таком ракурсе в ситуации нашего информанта выбранная страна интересует его не столько как физическое пространство, в которое он хотел бы переместиться, сколько как контекстуальное, смысловое пространство, в котором создаются возможности для переживания недостающего опыта. Таким образом, наша изначальная идея о компенсаторных возможностях интернета частично нашла в этой истории подтверждение. Но механизмы оказались не столь очевидными, как нам представлялось на первом этапе.

Французский эстетик М. Дюфрен считал, что искусство обладает утешительно-компенсаторной функцией. Оно призвано иллюзорно восстанавливать в сфере духа гармонию, утраченную в реальности [Дюфрен, 1991]. Если учесть, что интернет дает возможности творческого отражения действительности, то, вероятно, на интернет возможно посмотреть не только в контексте медиа, технологии, но и в контексте подходов к пониманию сферы искусства. А компенсаторный механизм как раз является основой этой взаимосвязи. Мы снова и снова возвращались к эмпирическому материалу, пытались понять, возможно ли развить эту идею. Но в нашем исследовании она была сформулирована уже на заключительном этапе, и собранных данных оказалось недостаточно, чтобы продвинуться в понимании этой темы. Однако нам бы хотелось зафиксировать ее — возможно, для дальнейшей научной дискуссии.

Наши данные подтверждают, что пространственная метафора по-прежнему является базовой, опыт, связанный с интернетом, осмысливается через сопоставление с физическим миром, но границы этого значения иногда трудноразличимы и смещаются в сторону представлений об интернете как части образа жизни.

Интернет как часть образа жизни

Эта метафора фокусируется в первую очередь на «я» индивида и на том, как это «я» взаимодействует с миром и придает ему смысл. Можно представить ситуацию, когда пользователи, контактирующие с различными технологиями, склонны воспринимать жизнь и технологию в одном и том же плане, не проводя между ними больших различий, концептуализируя жизнь как опосредованную интернетом [Маркхэм, 2003]. Исследователи отмечают, что медиа стали бесконечно переплетаться со всеми способами бытия, движения и действия, не заменяя при этом мир живого опыта [Deuze, 2012; Ловинк, 2019].

Проанализировав письменные ответы 171 респондента в Великобритании, Марина Декавалла пришла к выводу, что метафоры интернета как пространства и как инструмента по-прежнему актуальны. Однако были также свидетельства того, что метафора образа жизни спонтанно появлялась в ответах и использовалась наряду со старыми общепринятыми метафорами. По мнению исследовательницы, это может указывать на переходный период, когда сосуществует множество различных обозначений для выражения разнообразного опыта людей в виртуальном мире [Dekavalla, 2022].

Использование интернета создало новые комбинации практик. Теперь совмещаются не только офлайн- и онлайн-практики, но и несколько онлайн-практик могут создавать свои сочетания. Например, в одном из наших интервью информантка рассказала, что любит готовить домашнее задание (на ноутбуке) под фоновую музыку (через «умную» колонку). На ноутбук специально не ставила Telegram, чтобы не отвлекаться. Поэтому телефон всегда рядом и периодически информантка обращается к нему, чтобы проверить сначала Telegram, а потом и другие мессенджеры и социальные сети.

Наши информанты рассказывали, что использовали смартфон в дороге, во время приема пищи, на занятиях и на работе, на прогулках и в спортивных центрах, на концертах и вечеринках. Смартфон встроен практически во все повседневные практики: от покупок (онлайн-заказы, обсуждение с подругой, покупать ли конкретную вещь) до контроля сна и состояния здоровья (различные трекаеры). Метафора образа жизни, по сути, фиксирует важный момент в отношении к интернету. Все сложнее отделить интернет-практики от другой деятельности. В наших интервью для того, чтобы узнать это, необходимо было уточнять, как именно осуществлялась та или иная практика. Информанты, как правило, рассказывают о своем опыте без упоминания гаджетов, интернета, платформ и т. д. В наших предыдущих исследованиях ситуация несколько отличалась [Давыдов, Логунова, Петрова, 2020; Кирия и др., 2021; Петрова, Претер, 2022]. К примеру, для информантов старшего возраста было важно подчеркнуть, что они активно пользуются интернетом, это позволяло им чувствовать себя «продвинутыми». В эмпирическом материале этой статьи таких примеров было несколько: интервью с информантом, который настроил в своей квартире функционал «умного» дома, интервью с информанткой, которая тщательно следит за своим питанием с помощью мобильных приложений, и интервью с обладателем «умных» часов, который подробно раскритиковал их работу. Мы сталкивались с тем, что информанты склонны преуменьшать свой опыт использования медиа. Особенно когда обсуждаются компьютерные игры и социальные сети.

Инт.: А, может быть, в «Dota» играешь, например?

Инф.: Все, поймали. Да, играю, да.

Инт.: А чем нравится?

Инф.: Тактика, стратегия, но, правда, из-за того что комьюнити бывает токсичным, иногда хочется опустить руки и перестать играть, но потом, допустим, заходишь в другую игру — и ребята там вроде нормальные, общаетесь, даже дружите (вот так, кстати, друзей нахожу в Москве посредством игр). Мы можем собраться, о чем-то долго говорить и, в принципе, вот так я в основном и ищу знакомства — через игры. (Савва, 16 лет, школьник, сельское поселение Гжельское)

В приведенной цитате видно, как переплетается несколько практик: специфическая практика онлайн-игр оказывается интересной не только сама по себе, но и в сочетании с возможностью офлайн-встреч. Игра, как и в прежние времена, создает ситуацию общности и становится катализатором социальных контактов, которые имеют важное значение для молодых людей.

В своем исследовании Марина Декавалла отмечает, что метафора интернета как образа жизни спонтанно появилась в 64 % ответов (метафоры инструмента и пространства встречались почти во всех ответах) [Dekavalla, 2022]. Это происходило без каких-либо подсказок в вопросах. Исследовательница считает, что произошел сдвиг в дискурсе: интернет занял место незаметного посредника в повседневных делах, и, следовательно, у него нет специальных обозначений. Присутствие интернета в практиках респондентов не осознается ими и не имеет обособленных формулировок.

В интервью мы интересовались и офлайн-, и онлайн-практиками, то есть фокус был не исключительно на онлайн-среде, а на том, что важнее всего для информантов и о чем они готовы говорить. Метод глубинных полуструктурированных интервью давал нам возможность уточнять, как именно устроена практика. В первом тематическом блоке интервью мы задавали вопросы о повседневной жизни информантов, и уже на этом этапе стало понятно, что мы имеем дело с нерелексируемой гибридной средой. К примеру, утро нашей информантки начинается со звука будильника, затем она общается со своим молодым человеком. Далее оказывается, что молодой человек живет в другом городе, они уже месяц не виделись офлайн и все общение исключительно цифровое. В другом интервью информант рассказал, что вчера вечером у него была сложная контрольная работа в университете. *«Я с утра начал кричать всем, чтобы сбросили конспекты, я одну тему так и не смог найти»*, — отметил наш информант. Оказалось, что «кричать» означало написать сообщение в общем чате группы. То есть физически информант не произнес ни звука, его практика была цифровой, но репрезентировалась она в традиционной формулировке, характерной для ситуации.

Сложность метафоры образа жизни в том, что она фиксирует такое отношение к интернету, при котором интернет не выделяется в отдельную сферу. В нашем эмпирическом материале оказалось немного примеров метафоры образа жизни. Метафоры инструмента и пространства появились в результате сравнения интернета с тем, что имеет реальное физическое воплощение. Это наиболее распространенные метафоры, на которые опираются исследователи, и они характерны для этапов расширения доступа к интернету. Для характеристики систем, в которых доступ к интернету близок к максимальным значениям и технические параметры находятся на высоком уровне, больше подходит метафора образа жизни. Но как отмечено в начале статьи, в России только недавно такие возможности получили охват, близкий к максимальному. Возможно, в дальнейшем метафора образа жизни может быть представлена более масштабно. Но чтобы это зафиксировать, исследователям предстоит еще больше внимания обратить на методологию: как спросить, чтобы выявить роль интернета в ответах информантов, когда они не разделяют онлайн и офлайн, и при этом не разрушить драматургию глубинного интервью постоянными уточнениями. В рамках нашего исследования мы искали такой баланс, во многом его удалось достичь, но доработка инструментария еще будет продолжаться.

Выводы

Особенность выбранного метода (полуструктурированных глубинных интервью) позволила нам не только фиксировать практики и их сочетания, но и попытаться

ся понять, какими смыслами наши информанты наделяют интернет. Исследователям хорошо известна сложность, многоаспектность интернета, но что из этого множества имеет значение для пользователей? Это тем более важно, поскольку интернет дал пользователям возможности быть авторами, принимать участие в создании и развитии контента и технологий.

Молодые люди, у которых мы брали интервью, оказались в ситуации, когда пройдены этапы расширения доступа к интернету и масштабирования практик. Интернет стал частью их повседневной жизни и продолжает расширять свое присутствие на все большее число важных социальных процессов. Этот уровень, по сути, фиксирует взаимосвязь интернета с изменениями в разных сферах жизни. Умелое использование интернета означает большие шансы на эффективное развитие, поэтому те, кто стремится к нему, неизбежно вовлекаются в данный процесс.

Собрав глубинные интервью, мы получили данные о разном опыте использования интернета. Структурировать материал получилось с опорой на метафоры, которые помогают пользователям выразить значение интернета в их жизни. Наиболее точно пользовательский опыт наших информантов соответствовал метафорам, предложенным Аннет Маркхэм: интернет как инструмент, интернет как пространство и интернет как образ жизни. Мы столкнулись с рядом методических трудностей, связанных с тем, что информанты редко разделяют офлайн- и онлайн-практики, смешивая разнообразие варианты и создавая гибридные системы. В итоге частично удалось решить эту проблему, уточняя структуру практик, конкретизируя их с помощью дополнительных вопросов.

Мы предполагали, что для интернета характерна компенсаторная функция, но смогли подтвердить это частично. Было выяснено, что интернет может не только заменять утраченное или компенсировать то, что недоступно в реальной жизни, он еще и расширяет число вариантов, дает возможности их перебора, создает новые практики, которые могут как образовывать разные сочетания с тем, что не связано с интернетом, так и оставаться только в цифровом виде.

Когда результаты исследования были сформулированы, оказалось, что они отличаются от результатов другой работы, в которой с опорой на метафоры изучалось развитие интернета в России. Авторы, исследовавшие отношение к интернету российских новаторов (то есть тех, кто раньше других столкнулся с ним, внес вклад в его развитие), пришли к выводу, что метафоры, на которые мы опирались, не подходят для понимания опыта взаимодействия с интернетом [Kolozaridi, Shchetvina, Tiidenberg, 2020]. На первый взгляд может показаться, что наши исследования противоречат друг другу. Можно предположить, что причина столь разных результатов связана с пресловутыми рисками качественной методологии — интервью у других информантов, возможно, дали бы иные результаты. Но мы считаем, что дело в другом. Интернет дал пользователям возможность стать авторами контента, создателями своей индивидуальной системы информации, а авторам и создателям — быть в позиции пользователей, как бы уравнивая эти позиции. Но это не означает, что смысл интернета для тех и других одинаковый. С позиции новаторов исследователи увидели интернет как прогрессивную привилегию для небольшой группы профессионалов, которая объединяла людей и сопричастность к которой они ощущали. Молодыми пользователями же интернет понимался как

способ сбалансировать, а иногда масштабировать их социальный опыт в контексте пространства, инструментов и образа жизни. Интернет дал схожие возможности и новаторам, и пользователям, но означает для них разное. В исследовании выяснено, что молодые люди используют интернет «там, где пожар», то есть с помощью интернета решают те проблемы, которые им кажутся наиболее важными и актуальными, а для фиксации значения самого интернета оказалось достаточно базовых метафор.

Список литературы (References)

бойд д. Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях / пер. с англ. Ю. Каптуревского. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2020.

boyd d. It's Complicated. The Social Lives of Networked Teens. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Бычкова О. Исследование науки и технологий (STS): чему научили нас за 50 лет? // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 3. 7—21. <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2020-13001>.

Bychkova O. (2020) The STS Field: What Have They Taught Us in 50 Years? *Sociology of Science and Technology*. Vol. 11. No. 3. 7—21. <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2020-13001>. (In Russ.)

Варламова Ю. А. Межпоколенческий цифровой разрыв в России // Мир России. 2022. Т. 31. № 2. С. 51—74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74>.
Varlamova Yu. A. (2022) The Intergenerational Digital Divide in Russia. *Universe of Russia*. Vol. 31. No. 2. P. 51—74. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74>. (In Russ.)

Давыдов С. Г., Логунова О. С., Петрова Е. В. Особенности потребления интернета в российских селах // Блокнот медиасоциолога / сост. С. Г. Давыдов. М.: ВЦИОМ, 2020. С. 270—290.

Davydov S., Logunova O., Petrova E. (2020) Features of Internet Consumption in Russian Villages. In: *Notebook of a Media Sociologist*. Moscow: VCIOM. P. 241—249. (In Russ.)

Дюфрен М. Кризис искусства // Западноевропейская эстетика XX в. М.: Знание, 1991.
Dufrenne M. (1991) The Crisis of Art. *Western European aesthetics of the 20th century*. Moscow: Znaniye. (In Russ.)

Кирия И., Чумакова В., Новикова А., Качкаева А., Петрова Е. Зачарованное место. Медиапотребление, медиаграмотность и историческая память сельских жителей. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021.

Kiriya I., Chumakova V., Novikova A., Kachkaeva A., Petrova E. (2021) Enchanted Place. *Media Consumption, Media Literacy and Historical Memory of Rural Residents*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Колпинец К. Формула грез. Как соцсети создают наши мечты. М.: Individuum, 2022.
Kolpinez K. (2022) Dream Formula. *How Social Media Creates Our Dreams*. Moscow: Individuum.

Колозариди П. В., Юлдашев Л. О. Что такое интернет? Опыт разведывательно-го исследования в области Internet studies // Новое время, новое поле: меняющийся мир качественных исследований и новые технологии. СПб. : Алетейя, 2021. С. 48—76.

Kolozaridi P., Uldashev L. (2021). What is the Internet? Intelligence Research Experience in the Field of Internet Studies. In: *New Time, New Field: The Changing World of Qualitative Research and New Technologies*. Sant Petersburg: Aletheia. P. 48—76. (In Russ.)

Колозариди П. В., Макушева М. О. Интернет как проблемное поле социальных наук // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 1—11. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.01>.

Kolozaridi P.V., Makusheva M. O. (2018) The Internet as a Problematic Field of Study in Social Sciences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 1—11. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.01>. (In Russ.)

Колозариди П. В. Интернет-исследования как направление социальных наук: теоретико-методологический анализ: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. Kolozaridi P.V. (2017) Internet Research as a Direction of Social Sciences: Theoretical and Methodological Analysis: Abstract. Diss. ... cand. sociol. sciences. Moscow: HSE University.

Колозариди П. В. Чем онлайн отличается от оффлайна и какой теоретический смысл есть в этом различии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. № 7. С. 117—123.

Kolozaridi P.V. (2014) How Does Online Differ from Offline and What Is the Theoretical Meaning of This Difference? *Interaction. Interview. Interpretation*. No. 7. P. 117—123. (In Russ.)

Коломиец В. П. Медиатизация медиа. М.: Издательство Московского университета, 2020.

Kolomiec V. P. (2020) Mediatization of Media. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)

Круглова Л. А. Аудиовизуальное медиапотребление цифрового поколения: тренд на глубокое прослушивание в условиях пандемии // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 77. С. 241—249. <https://doi.org/10.17223/19986645/77/12>.

Kruglova, L.A. (2022) Audiovisual Media Consumption of the Digital Generation: The Trend Towards Deep Listening in the Pandemic. *Tomsk State University Journal of Philology*. No. 77. P. 241—249. <https://doi.org/10.17223/19986645/77/12>. (In Russ.)

Кученкова А. В., Татарова Г. Г. «Этап жизненного цикла» как детерминанта субъективного благополучия личности // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 30—43.

Kuchenkova A., Tatarova G. (2019) «Life-Cycle Stage» as a Determinant of Personal Subjective Wellbeing. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 8. P. 120—132. (In Russ.)

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979.

Lihachev D. S. (1979) Poetics of Old Russian Literature. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019.

Lovink G. (2019) *Critical Theory of the Internet*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Логунова О. С., Завгородняя П. М. Конструирование образа микроселебрити в Instagram*: анализ пользовательского опыта // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 1. С. 106—122. <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.1.5>.

Logunova O. S., Zavgorodniaia P. M. (2022) Constructing the Image of Microcelebrity on Instagram*: Analyzing User Experience. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 1. P. 106—122. <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.1.5>. (In Russ.)

Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007.

McLuhan M. (2007) *Understanding Media: The Extensions of Man*. Moscow: Giperboreya, Kuchkovo Pole. (In Russ.)

Мадяну М., Миллер Д. Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении / пер. с англ. А. Пауковой, В. Чумаковой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 334—356. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.17>.

Madianou M., Miller D. (2018) Polymedia: Towards a New Theory of Digital Media in Interpersonal Communication. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 334—356. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.17>. (In Russ.)

Медиапотребление «цифровой молодежи» в России / под ред. Д. В. Дунаса. М.: Издательство Московского университета, 2021.

Dunas D. V. (ed.) (2021) *Media Consumption of “Digital Youth” in Russia*. Moscow: Moscow State University. (In Russ.)

Назаров М. М. Медиа: Аудиторные тренды. Человек в современной российской медиасреде. М.: ЛЕНАНД, 2023.

Nazarov M. (2023) *Media: Audience Trends. Man in the Modern Russian Media Environment*. Moscow: Lenand. (In Russ.)

Петрова Е. В., Претер В. П. Советский телезритель в постсоветское время: портрет в сельской среде // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 11—36. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-54-11-36>.

Petrova E., Preter V. (2022) The Soviet TV Viewer in the Post-Soviet Period: Portrait in a Rural Environment. *Antropologicheskij forum*. No. 54. P. 11—36. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-54-11-36>.

Сафронов А. В. Компьютеризация управления плановой экономикой в СССР: проекты ученых и нужды практиков // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 3. С. 22—41.

Safronov A. V. (2020) Computerization of the Planned Economy in the USSR: Projects of Scientists and the Needs of Practitioners. *Sociology of Science and Technology*. Vol. 11. No. 3. P. 22—41. (In Russ.)

Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009.

Semenova V. (2009) *Social Dynamics of Generations: Problem and Reality*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Солдатова Г., Рассказова Е., Вишнева А., Теславская О., Чигарькова С. *Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие*. М., 2022.

Soldatova G, Rasskazova E., Vishneva A, Teslavskaya O., Chigarikova S. (2022) *Born Digital: Family Context and Cognitive Development*. Moscow. (In Russ.)

Трегубова Н. Д. Транснациональный мигрант в интернете: теоретические основания исследования транснационализма в режиме онлайн // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 2. С. 405—419. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1637>.

Tregubova N. D. (2020) Transnational Migrants in the Internet: Theoretical Foundations for Studying Transnationalism Online. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 405—419. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1637>. (In Russ.)

Филиппов А. Ф. *Социология пространства*. СПб.: Владимир Даль, 2008.

Filippov A. F. (2008) *Sociology of Space*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)

Шиняева О. В., Полетаева О. В., Слепова О. М. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 4. С. 68—85. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>.

Shinyaeva O. V., Poletaeva O. V., Slepova O. M. (2019) Information and Digital Inequality: Searching for Effective Population Adaptation Practices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 68—85. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>.

Deuze M. (2012) *Media Life*. Cambridge: Polity Press.

Lefebvre H. (1991) *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.

Dekavalla M. (2022) Metaphors of the Virtual: How Ordinary People Frame What the Internet Is. *Social Semiotics*. <https://doi.org/10.1080/10350330.2022.2144203>.

Kolozaridi P, Shchetvina A., Tiidenberg K. (2020) No Country for IT-Men: Post-Soviet Internet Metaphors of Who and How Interacts with the Internet. In: Markham A. N., Tiidenberg K. (eds.) *Metaphors of Internet Ways of Being in the Age of Ubiquity*. New York, NY: Peter Lang. P. 221—233.

Markham A. N. (2003) *Metaphors Reflecting and Shaping the Reality of the Internet: Tool, Place, Way of Being*. (Unpublished manuscript) Presented at the 4th annual CONFERENCE of the INTERNATIONAL Association of Internet Researchers (AoIR), Toronto.

Markham A. N., Tiidenberg K. (eds.) (2020) *Metaphors of Internet Ways of Being in the Age of Ubiquity*. New York, NY: Peter Lang.

Matlock T., Castro S., Fleming M., Gann T., Maglio P. (2014) Spatial Metaphors of Web Use. *Spatial Cognition & Computation*. Vol. 14. No. 4. P. 306—320.

- Madianou M., Miller D. (2012) *Migration and New Media: Transnational families and Polymedia*. London: Routledge.
- Miller D. (2016a) *Social Media in an English Village*. London: UCL Press.
- Miller D. (2016b) *How the World Changed Social Media*. London: UCL Press.
- Puschmann C., Burgess J. (2014) Metaphors of Big Data. *International Journal of Communication*. Vol. 8. P. 1690—1709.
- Scolari C. A. (2021). In Media(tization) Studies We Love Metaphors. In: Valdettaro S. (ed.) *Mediatization(s) Studies*. Rosario: UNR Editora. P. 122—148.
- Wellman B. (2004) The Three Ages of Internet Studies: Ten, Five and Zero Years Ago. *Newmedia & Society*. Vol. 6. No. 1. P. 123—129. <https://doi.org/10.1177/1461444804040633>.

Приложение.
Список информантов

Номер	Имя	Пол	Возраст	Статус	Место проведения интервью	Этап исследования
1	Алина	Ж	18 лет	Студентка	сельское поселение Гжельское	1 волна
2	Людмила	Ж	17 лет	Студентка	сельское поселение Гжельское	1 волна
3	Михаил	М	16—17 лет	Студент	сельское поселение Гжельское	1 волна
4	Светлана	Ж	18 лет	Студентка	сельское поселение Гжельское	1 волна
5	Владимир	М	18 лет	Студент	сельское поселение Гжельское	1 волна
6	Дарья	Ж	17 лет	Студентка	сельское поселение Гжельское	1 волна
7	Егор	М	16 лет	Школьник	сельское поселение Гжельское	1 волна
8	Марина	Ж	17 лет	Студентка	сельское поселение Гжельское	1 волна
9	Анна	Ж	18 лет	Студентка	сельское поселение Гжельское	1 волна
10	Иван	М	18 лет	Студент	сельское поселение Гжельское	1 волна
11	Савва	М	16 лет	Школьник	сельское поселение Гжельское	1 волна
12	Кристина	Ж	19 лет	Студентка	сельское поселение Гжельское	1 волна
13	Вероника	Ж	19 лет	Студентка	сельское поселение Гжельское	1 волна
14	Лера	Ж	18 лет	Студентка	Москва	2 волна
15	Федор	М	19 лет	Студент	Москва	2 волна
16	Игорь	М	16 лет	Школьник	Москва	2 волна
17	Надежда	Ж	17 лет	Школьница	Москва	2 волна

Номер	Имя	Пол	Возраст	Статус	Место проведения интервью	Этап исследования
18	Маргарита	Ж	18 лет	Студентка	Москва	2 волна
19	Софья	Ж	19 лет	Студентка	Москва	2 волна
20	Александр	М	20 лет	Студент	Москва	2 волна
21	Юлия	Ж	17 лет	Школьница	Москва	2 волна
22	Полина	Ж	20 лет	Студентка	Москва	2 волна
23	Наталья	Ж	19 лет	Студентка	Москва	2 волна
24	Ксения	Ж	18 лет	Студентка	Москва	3 волна
25	Вика	Ж	20 лет	Студентка	Москва	3 волна
26	Николай	М	16 лет	Школьник	Москва	3 волна
27	Максим	М	19 лет	Студент	Москва	3 волна
28	Марина	Ж	20 лет	Студентка	Москва	3 волна
29	Лариса	Ж	20 лет	Студентка	Москва	3 волна
30	Виктор	М	20 лет	Студент	Москва	3 волна
31	Варвара	Ж	20 лет	Студентка	Москва	3 волна
32	Олег	М	19 лет	Студент	Москва	3 волна
33	Валерия	Ж	19 лет	Студентка	Москва	3 волна
34	Анастасия	Ж	20 лет	Студентка	Москва	3 волна

DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2401](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2401)

И. В. Мирошниченко, А. И. Кольба, И. В. Самаркина, О. А. Бориско

МОЛОДЕЖНЫЕ ЛИДЕРЫ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: ПРОФИЛИ, СТРАТЕГИИ УСПЕХА И РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Правильная ссылка на статью:

Мирошниченко И. В., Кольба А. И., Самаркина И. В., Бориско О. А. Молодежные лидеры в Краснодарском крае: профили, стратегии успеха и ресурсный потенциал // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 28—52. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2401>.

For citation:

Miroshnichenko I. V., Kolba A. I., Samarkina I. V., Borisko O. A. (2024) Youth Leaders in Krasnodar Region: Spheres, Success Strategies and Resource Potential. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 28–52. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2401>. (In Russ.)

Получено: 17.03.2023. Принято к публикации: 29.02.2024.

МОЛОДЕЖНЫЕ ЛИДЕРЫ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: ПРОФИЛИ, СТРАТЕГИИ УСПЕХА И РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

YOUTH LEADERS IN KRASNODAR REGION: SPHERES, SUCCESS STRATEGIES AND RESOURCE POTENTIAL

МИРОШНИЧЕНКО Инна Валерьевна — доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

E-MAIL: mirinna78@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2650-6662>

Inna V. MIROSHNICHENKO¹ — Dr. Sci. (Polit.), Head of the Department of Public Policy and Public Administration

E-MAIL: mirinna78@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2650-6662>

КОЛЬБА Алексей Иванович — доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

E-MAIL: alivka2000@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7663-8890>

Alexey I. KOLBA¹ — Dr. Sci. (Polit.), Professor at the Department of Public Policy and Public Administration

E-MAIL: alivka2000@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7663-8890>

САМАРКИНА Ирина Владимировна — доктор политических наук, декан факультета управления и психологии, заведующий кафедрой политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

E-MAIL: smrkn@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0205-8543>

Irina V. SAMARKINA¹ — Dr. Sci. (Polit.), Head of Management and Psychology Faculty, Head of Department of Political Science and Political Administration

E-MAIL: smrkn@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0205-8543>

БОРИСКО Ольга Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

E-MAIL: olgbor@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0097-3796>

Olga A. BORISKO¹ — Cand. Sci. (Pol.), Associate Professor at the Department of Public Policy and Public Administration

E-MAIL: olgbor@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0097-3796>

Аннотация. В статье отражены результаты исследования субъектных характеристик молодежного лидерства в Краснодарском крае. Цель работы —

Abstract. The article presents the results of a study on the subjective characteristics of youth leadership in the Krasnodar region. The aim of the study

оценить возможности включения молодежных лидеров в систему публичного управления развитием человеческого капитала в регионе. Междисциплинарная методология основана на сочетании социологического, психологического и политологического подходов к анализу молодежного лидерства. Применяется качественная стратегия эмпирического исследования, включающая в себя комплекс социологических методов сбора информации (фокус-групповые дискуссии, экспертные сессии, глубинные интервью).

Полученные результаты позволили уточнить содержание профилей молодежных лидеров («потребители» и «преобразователи»), различающихся ориентацией либо на собственное развитие, либо на решение общественных проблем. Охарактеризованы траектории развития молодежных лидеров (институционально-представительская, командная, «управление развитием» и др.) и выделены присущие им стратегии достижения успеха. Определены актуальные и латентные ресурсы, существующие в рамках двух типов лидерства, субъектные и объектные маркеры лидерства. В целом состояние молодежного лидерства в регионе по итогам проведенного исследования охарактеризовано как кризисное. Авторы приходят к выводу, что ресурсный потенциал молодежных лидеров может быть более полно использован для их интеграции в институты и практики публичного управления регионом.

Ключевые слова: «лидеры-преобразователи», «лидеры-потребители», ресурсный потенциал лидерства, стратегии успеха, публичное управление, молодежное лидерство

is to assess the possibilities of including youth leaders in the system of public management of human capital development in the region. The study employs an interdisciplinary methodology based on a combination of sociological, psychological, and political science approaches to the analysis of youth leadership. The authors choose a qualitative strategy of empirical research, which includes a set of sociological methods of collecting information (focus group discussions, expert sessions, and in-depth interviews).

Based on the data analysis, the authors reveal two profiles of youth leaders (consumers and transformers), differing in their orientation either to their own development or to solving public problems. The authors also characterize the development trajectories of youth leaders (institutional and representative, team, development management trajectory, etc.), highlight their inherent strategies for achieving success, and identify currently important and latent resources within the framework of the two types of leadership, as well as subjective and objective markers of leadership. In general, the study characterizes the state of youth leadership in the region as critical. The authors conclude that the resource potential of youth leaders could be used for their integration into the institutions and practices of public management in the region to a greater extent.

Keywords: leaders-reformers, leaders-consumers, leadership resource potential, success strategies, public governance, youth leadership

Благодарность. Исследование «Молодежное лидерство в региональных практиках публичного управления развитием человеческого капитала: стратегии достижения успеха, возможности, результаты» выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (FZEN -2022-0013).

Acknowledgments. The study “Youth leadership in regional practices of public management of human capital development: strategies for achieving success, opportunities, results” was carried out as part of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (FZEN-2022-0013).

Введение

В современной ситуации, когда увеличиваются экономические и политические риски для России в целом и отдельных ее регионов, необходимо использование институциональных механизмов для формирования модели поведения и представлений молодежи о власти, государстве и своем будущем. В этих условиях одним из важных элементов системы публичного управления, позволяющим ориентировать молодежь на конструктивные формы реализации ее потенциала, становится молодежное лидерство. В то же время оно является одним из источников кадрового обновления и институциональных преобразований данной системы.

Характеристики молодежного лидерства недостаточно конкретизированы. Как для концептуализации представлений о нем, так и для реализации прикладных задач важно представлять социальные и карьерные ориентации лидеров, их подход к успеху и стратегии его достижения. Целью представленного в данной статье исследования является комплексная оценка указанных характеристик молодежного лидерства в регионе, его состояния и возможностей интеграции в систему публичного управления.

В последние годы руководство Краснодарского края декларирует политику развития, связанную с широким использованием нематериальных ресурсов, в первую очередь человеческого капитала. Одно из направлений его развития — привлечение ресурсов молодежного лидерства. В регионе институционализируются механизмы, позволяющие объединять молодежную и кадровую политики, в частности используются конкурсные механизмы, главный из которых — губернаторский проект «Лидеры Кубани», ориентированный на создание сообщества молодежных лидеров края. При этом остается дискуссионной степень их готовности включаться в новые практики. Поэтому рассмотрение кейса Краснодарского края представляется оправданным для достижения цели исследования.

Теоретические и методологические рамки исследования

Молодежное лидерство — важный и не в полной мере востребованный ресурс системы публичного управления. В междисциплинарном предметном поле исследований компонентов молодежного лидерства можно выделить несколько направлений научных дискуссий.

Одно из них — теоретико-методологическая концептуализация лидерства как явления. Обобщая классические и современные теоретические интерпретации ли-

дерства в социальных, политических и управленческих системах [Albritton, Oswald, Anderson, 2008; Getz, 2009; Мирзоян, 2013], его можно рассматривать как динамический процесс, в ходе которого лидеры и их последователи взаимодействуют в условиях ситуаций, контекстов, характеризующихся возрастающей сложностью [Самсонова, Шпуга, 2016: 142]. В этой трактовке решающую роль в реализации лидерских функций играют доступные лидеру ресурсы. В рамках теории человеческого капитала ресурсный потенциал лидерства исследуется как совокупность знаний, навыков, способностей и мотиваций человека, имеющих экономическую ценность и служащих источником будущих доходов и выгод [Shultz, 1968; Becker, 1964], а также как набор субъективных характеристик человека: способностей, жизненного и профессионального опыта и навыков, готовности к продуктивной жизнедеятельности [Селезнева и др., 2010: 105].

Другое направление исследований проблематики молодежного лидерства связано со спецификой актуальных проблем молодежи и молодежной политики. К специфическим характеристикам молодежи исследователи относят ее креативный и инновационный потенциал, нацеленность на самореализацию и стремление осуществить свою субъектную позицию в различных общественных процессах, способность привлекать внимание к новым темам и новым участкам социальных конфликтов [Ильинский, 2009, 2016; Луков, Луков, 2020; Петухов, 2020]. Исходя из этого, молодежные лидеры могут рассматриваться как носители и выразители интересов данной возрастной группы.

Исследования личных возможностей участия молодежных лидеров в практиках публичного управления развитием человеческого капитала ведутся в рамках позитивного подхода к развитию молодежи. Он ориентирован на вовлечение молодежи в продуктивную деятельность и исходит из того, что часть молодых людей отличается целеустремленностью, способностью видеть и занимать «свободные места», благодаря чему создаются очаги инноваций [Damon, 2009]. Близка к данному подходу концепция Р. Харта «Лестница участия», обосновывающая различные степени участия молодых людей в проектах, организациях или сообществах [Hart, 2008].

Анализ деятельности молодежных лидеров через призму их траекторий развития и стратегий успеха представлен в работах исследователей, учитывающих социальные [Хозинов, 2016], институциональные [Червинская, 2017] и ценностные [Филиппов, 2021] аспекты молодежного лидерства. В этом секторе исследований внимание ученых сосредоточено на изучении условий и факторов, способствующих наиболее полному раскрытию лидерского потенциала в системах публичного управления.

В англоязычном сегменте научного дискурса, связанного с проблемами развития лидерского потенциала и интеграции лидеров в систему публичного управления, значительное внимание традиционно уделяется проблемам выявления и развития лидерских качеств, в том числе с помощью специализированных образовательных программ [Ricketts, Rudd, 2002; Kahn, Hewes, Ali, 2009; Pfeiffer, Wechsler, 2013; Seemiller, 2018; Yuan et al., 2019; Rumeli et al., 2021]. Несколько иная ситуация в отечественных исследованиях, посвященных схожей тематике.

Специфика молодежного лидерства в публичной сфере современной России рассматривается преимущественно в контексте ее политико-психологической

и институциональной составляющих. Одной из ключевых проблем является оценка эффективности рекрутирования молодежных лидеров, совпадение «формальной» (занятие постов в системе управления) и «реальной» (узнаваемость в молодежной среде, восприятие лидеров как «своих») составляющих лидерства [Селезнева, Божедомова, Луканина, 2022]. Актуален вопрос о трактовке понятия «молодежный лидер» и критериях отнесения лидеров к данной категории [Палитай, Сокрыкин, 2023].

Карьерные стратегии молодежных политических лидеров изучаются преимущественно на основе принципов неоинституционального подхода [Бурцев, 2018а, 2018б, 2018в; Варанкин, Ильиных, 2019; Ершов, Ивлева, 2014]. Так как влияние политических институтов проявляется через реализацию нормативных, регулятивных и когнитивных функций, представляется важным определение условий, при которых они могут обеспечивать необходимый баланс реализации общественных и личных интересов в деятельности молодежных лидеров.

В последние годы проводились исследования, охватывающие ряд субъектов РФ, в которых представлен анализ личностных и институциональных составляющих молодежного лидерства на региональном уровне [Попова, 2018; Асеева, Шашкова, 2021; Попова и др., 2020; Меньшикова, Малкова, 2017]. Обозначены проблемы, связанные как с институциональными характеристиками систем публичного управления регионами (наличие барьеров для самоорганизации молодежи, выявления лидеров, обладающих инновационным потенциалом), так и с установками самих представителей этой социально-демографической группы.

По результатам проведенного анализа можно выделить ряд проблем, находящихся в центре научного дискурса о молодежном лидерстве. К ним относятся сущность и понимание молодежного лидерства, дифференциация типов и стратегий лидерства, создание и реализация его ресурсной базы в системе публичного управления, значение личностных, политико-психологических и институциональных составляющих в раскрытии инновационного потенциала молодежных лидеров и их способность быть выразителями интересов молодежи и субъектами преобразований.

Дизайн эмпирического исследования

Методика эмпирического исследования опиралась на политико-психологические, социологические и институциональные основания и включала в себя комплекс социологических методов сбора информации (фокус-групповые дискуссии, экспертные сессии, глубинные интервью), обработки, анализа и интерпретации данных в рамках качественной стратегии. В ходе эмпирического исследования в августе — сентябре 2022 г. были проведены:

— 5 фокус-групповых интервью с представителями различных по социальным характеристикам групп молодежи для выявления социальных характеристик молодежного лидерства и условий его формирования — проводились в пяти районах Краснодарского края (численность фокус-групп 9—12 человек).

— 4 экспертные сессии с представителями институциональных структур, взаимодействующих с молодежными лидерами Краснодарского края для определения социальных характеристик лидерства, лидерских стратегий достижения успе-

ха, а также институциональных условий их рекрутирования в систему публичного управления.

— Глубинные интервью с формальными и неформальными молодежными лидерами (30 интервью), включенными в лидерские сообщества региона, для выявления ресурсов, треков и возможностей их инкорпорирования в систему публичного управления Краснодарского края¹.

Выбор качественных методов исследования обусловлен ограниченностью и слабой сформированностью представлений о молодежном лидерстве в регионе на этапе планирования исследования. Фокус-групповые интервью и экспертные сессии были ориентированы на получение внешних оценок молодежного лидерства со стороны молодежных сообществ и экспертов. Глубинные интервью позволили выявить стратегии и ресурсы молодежного лидера в описаниях самих лидеров.

Для формирования фокус-групп использовались базы данных органов по работе с молодежью муниципальных образований Краснодарского края. Из них отбирались типичные представители определенной категории молодых людей (молодежные активисты; творческая молодежь; молодые люди, имеющие достижения в той или иной сфере общественной жизни; «проблемная» молодежь, в том числе состоящая на учете в правоохранительных органах).

Информанты для экспертных сессий отбирались на основе позиционного подхода. В них приняли участие руководители региональных и муниципальных структур по работе с молодежью; представители вузов Краснодарского края — проректора по воспитательной работе, профсоюзные лидеры студенчества; руководители некоммерческих организаций, ведущих проектную деятельность в молодежной среде.

Информанты для интервью рекрутировались на основе сформулированных по итогам фокус-групп и экспертных сессий критериев молодежного лидерства. Использовалась база данных конкурса «Лидеры Кубани». Информанты отбирались из числа победителей конкурса за пять лет его проведения. Рекрутировались как лидеры, занимающие формальные позиции в системе молодежной политики, так и осуществляющие свои функции в рамках общественных и бизнес-структур.

Анализ и представление данных

Для обработки данных фокус-групп использовался метод кодирования характеристик молодежного лидерства. Участникам задавался ряд вопросов по данной тематике:

- кто сегодня является лидером для данной группы молодежи?
- где эти люди ведут свою деятельность?
- откуда берутся молодежные лидеры?

Также участников просили привести пример реального молодежного лидерства. Ставился акцент на персонификацию информации — соотнесение представлений о лидере с реально действующим лидером. Полученные данные обрабатывались методом кодировки по нескольким параметрам (возраст лидера; статус лидера;

¹ Информацию об участниках исследования см. в приложении: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFileId?fileId=14425&hash=94a8894ace7da614c4b758921c14f6df>.

сфера деятельности лидера; опыт лидерства; карьерная траектория лидера), что позволило выявить наиболее существенные характеристики молодежного лидерства с точки зрения различных групп молодежи, а также наличие или отсутствие существенных расхождений между этими характеристиками.

Участникам экспертных сессий задавались аналогичные вопросы. Для обработки полученных данных применялся тот же метод кодировки. Это позволило выявить наиболее существенные характеристики молодежного лидерства с точки зрения экспертов. Помимо этого, ряд вопросов был связан со стратегиями и траекториями молодежного лидерства и возможностями инкорпорирования лидеров в систему публичного управления:

— что происходит с молодежными лидерами, когда по возрасту они выходят из категории «молодежь»?

— как часто и с какими целями они интегрируются в систему публичного управления?

— остаются ли они после этого частью системы работы с молодежью?

— какие еще карьерные траектории для них возможны?

Полученные ответы кодировались для каждого эксперта и анализировались на основе сравнений экспертных мнений.

По результатам проведения фокус-групповых интервью и экспертных сессий было определено, что под молодежными лидерами понимаются не только представители молодежи до 35 лет, но и лидеры, осуществляющие деятельность в сфере государственной молодежной политики региона с «возрастной пролонгацией». Лидеры старше 35 лет имеют опыт работы в структурах молодежной политики (в качестве руководителей региональных структур публичного управления, общественных организаций и других) или экспертные компетенции в сфере работы с молодежью (представители предпринимательского, академического и других сообществ).

Данные глубинных интервью обрабатывались на основе соотнесения с характеристиками социальных профилей молодежного лидерства («потребители» и «преобразователи»), которые впервые были выявлены членами научного коллектива в предыдущих исследованиях [Самаркина, Мирошниченко, Мальцев, 2022]. Ключевым критерием выделения этих двух профилей является выраженность социальной ориентации. В первом случае («потребители») речь идет об ориентации на себя, на собственное развитие и решение собственных проблем. Лидеры такого типа оценивают успешность своего развития преимущественно с точки зрения собственного продвижения по карьерной лестнице, получения признания, материальных благ и т. п. Для «лидеров-преобразователей» свойственна ориентация на общество, на решение проблем других людей. Они рассматривают собственную успешность через призму решения тех общественных проблем, которые находятся в их зоне ответственности. Важно отметить, что выделенные профили представляются «идеальными типами» лидерства. Большинство молодежных лидеров демонстрируют гибридные характеристики с выраженной склонностью к одному из профилей и связанным с ним поведенческим стратегиям.

В топик-гайде экспертного интервью были выделены блоки вопросов:

— становление лидера (биографический);

— лидерство: понимание, ресурсы;

- треки (направления) реализации лидерского потенциала;
- лидер и сообщества;
- образ будущего в восприятии лидера.

Ответы каждого информанта кодировались по вопросам первого и второго блоков, что позволило сопоставить полученные данные с характеристиками социальных профилей молодежных лидеров. К каждому из «чистых типов» лидерства может быть отнесено порядка 15% информантов, остальные демонстрируют близость к тому или иному профилю.

Профили молодежного лидерства

Профиль «лидера-потребителя» отличается прежде всего актуализированными потребностями представителей молодежи в высоком уровне дохода и качестве / комфортном образе жизни. «Лидеры-потребители» — это представители молодежи, занимающие статусные позиции в качестве руководителей молодежной организации, органа управления по делам молодежи и др. и демонстрирующие вертикальные карьерные стратегии в сфере региональной молодежной политики. «Потребители» используют институциональную систему молодежной политики как набор «социальных лифтов» в достижительной стратегии, способствующей удовлетворению своих потребностей и интересов:

Раньше что было: сидели люди во власти и делили Краснодарский край без нас... сейчас мы начинаем иметь влияние... (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 29 лет)

...Я стараюсь не рефлексировать над проблемами, думаю только о том, как идти дальше. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 33 года)

Лидер — это активный человек, который не останавливается, идет вперед, несмотря ни на что. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 27 лет)

В глубинных интервью «лидеры-потребители» отмечают свои личностные качества, среди которых целеустремленность, стрессоустойчивость, ответственность, гибкость, лояльность, инициативность, аналитический склад ума, открытость к новому опыту и готовность к переменам.

По мнению интервьюируемых, для успешной деятельности в качестве лидеров в системе государственной молодежной политики необходимы коммуникативные и профессиональные компетенции, что дает им возможность эффективно взаимодействовать как с различными целевыми группами молодежи, так и с представителями публичного управления. Коммуникативные компетенции описываются ими как способности «эффективно общаться с представителями разных возрастов и убеждений», «идти на компромиссы при взаимодействии с людьми», умение вести собственные «истории в социальных сетях».

К профессиональным компетенциям «лидеры-потребители» относят: «умение подбирать в качестве помощников людей», «распределять ответственность», спо-

способность «видеть и принимать государственные приоритеты», умение «работать с молодежью в разных технологических форматах», «способность адаптироваться к изменениям», в том числе к институциональной среде государственной молодежной политики.

«Лидеры-потребители», несмотря на личностную ориентацию, «нуждаются в команде», однако в качестве членов своей команды они рассматривают представителей молодежной среды, имеющих формализованные статусные позиции (члены молодежных общественных организаций, сотрудники предприятий или органов публичного управления, учащиеся школ и студенты ссузов/вузов), а не «единомышленников», нацеленных на общее дело, общую стратегию развития сообщества, территории, как в случае с «лидерами-преобразователями».

...Я слабо верю в то, что можно повести людей и пропагандировать, образно говоря, идеологию взгляда, не имея этот взгляд... В этом случае лидер становится манипулятором-управленцем. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, женщина, 27 лет)

Мой путь как лидера был тернист, но я никому ничего не должен, нет у меня никаких обязательств перед теми, кто мне когда-то помог. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 29 лет)

Важно отметить, что большинство из опрошенных молодежных лидеров в Краснодарском крае по своим характеристикам тяготеют к профилю «лидеров-потребителей», что также соотносится с мнениями участников экспертных сессий: «Лидеры, которые в крае были два года назад, либо те же, либо они просто меняются в должностях, либо у одного 33 должности», они «пытаются удержаться на лидерских позициях», «гонятся за статусными позициями в органах власти», «рассматривают государственную молодежную политику как стартовую площадку для дальнейшей политической или управленческой стратегии». Такие лидеры не в полной мере видят проблемы молодежи, хотя знают об их существовании, у них относительно слабо развиты компетенции стратегического управления, связанные с выработкой приоритетов развития, организацией деятельности по их достижению, а также использованию адекватных интересам молодежи и приоритетам развития технологических форматов:

Есть в них какая-то жесткая категоричность, и зачастую молодого человека рассматривают, в том числе и в своей команде, как некий ресурс, способ достижения целей. (Из транскрипта экспертных сессий с представителями институциональных структур, взаимодействующих с молодежными лидерами Краснодарского края)

При этом они стремятся широко использовать имеющиеся институциональные возможности для собственного продвижения:

Это был одиннадцатый класс, когда были выборы школьного самоуправления... подумал, почему бы не пойти... и далее началась управленческая деятельность, взаимо-

действие с разными людьми... (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 22 года)

Становление происходило в результате участия в общественной жизни, начиная от школы, когда была возможность избраться в органы школьного самоуправления, в вузе — студенческого самоуправления, затем — в общественных организациях. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, женщина, 36 лет)

Легко быть лидером, когда тебя поддерживают всякие институты развития, администрации вузов, молодежи, у тебя тогда не возникает проблем, организуешь мероприятия — и все... (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 27 лет)

Если ты везде мелькаешь во всякой студенческой движухе, и видно тебя одного, и ты впереди всех бежишь с флагом и кричишь какие-то непонятные кричалки и слова, то ты — звездочка: «Этот шумный парень, давайте его заберем к себе, пускай он уже шумит у нас...» (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 23 года)

Эти лидеры имеют политическое понимание, как устроена система власти... А как работать с другими людьми, они не научились... Они — псевдолидеры. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 31 год)

Профиль «преобразователя» отличается доминированием ярко выраженной социальной ориентации, связанной с потребностями молодежи включаться в решение проблем других людей, сообществ, территорий.

Лидер — это человек, который сам формирует свою жизнь, горизонт событий, в котором он существует... Таким образом он притягивает в свою жизнь события, людей, ресурсы и сам себя удивляет. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 30 лет)

Первое, этот человек должен хотеть всегда, чтобы его окружающая среда развивалась. Второе — это уметь формулировать и формировать какую-то свою инициативу, не бояться брать ответственность. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 32 года)

«Лидеры-преобразователи» «привязаны» к определенным сообществам (профессиональным, территориальным, проблемным, добровольческим и другим), которые они формируют или представляют, зачастую одновременно интегрируясь в несколько из них. Лидеры данного типа «выращивают» команды единомышленников, последователей, так как решают проблемы и воплощают в жизнь инновационные идеи и проекты развития.

Когда в городе мы видим какую-то проблему, мы собираем жителей района, вместе с ними изучаем эту проблему, вырабатываем решение, готовим обращение, собираем подписи. И молодежь вовлекаем в этот процесс, чтобы они видели, как эти про-

блемы решаются. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 27 лет)

Развивая себя, лидеры вкладываются в команду, способствуя формированию не только компетенций ее участников, но и определенного системного видения той отрасли, той территории, в которой они работают, «философии жизни» и моделей принятия решений, институтов преемственности и социального инвестирования в развитие подрастающих лидеров, о чем говорилось в ряде глубинных интервью.

Важными «связующими» для двух социальных профилей молодежных лидеров являются потребности в самореализации, однако у «преобразователей» они создают основания для наращивания достаточного багажа компетенций, участия в решении общественных проблем, в развитии конкретных сообществ и территорий, в создании чего-то нового. «Лидеры-преобразователи» умеют продуцировать изменения, достижение конкретных результатов. К их личностным качествам относятся харизматичность, открытость, инициативность, человечность.

Такие лидеры живут проблемами молодежи, они понимают, слышат и стараются сделать жизнь молодежи лучше. (Из транскрипта экспертных сессий с представителями институциональных структур, взаимодействующих с молодежными лидерами Краснодарского края)

Оба типа лидерства востребованы в молодежной политике. Российские исследователи считают вполне оправданным сочетание мотивов «власть ради амбиций» и «власть ради дела» для профессиональных политиков [Селезнева, Божедомова, Луканина, 2022]. Проблемным аспектом может быть количественное соотношение лидеров различных типов в сфере молодежной политики и распределение между ними позиций, на которых востребованы те или иные лидерские качества.

Траектории развития и стратегии успеха молодежных лидеров

В рамках данного раздела предлагается авторская классификация траекторий развития и стратегий успеха молодежных лидеров, разработанная на основе результатов исследования. Под траекториями развития понимаются последовательности стадий развития лидеров. Стратегии успеха характеризуют способы достижения поставленных целей, соотносящиеся с определенной траекторией развития.

Для «лидеров-потребителей» и «лидеров-преобразователей» общей траекторией развития является «командная». Она связана с «выращиванием» лидеров из действующей команды, которая доказала свою успешность в определенном институциональном сегменте публичного управления. Такие лидеры — носители определенного стратегического видения, системы корпоративных ценностей и правил, благодаря чему они взаимодействуют с различными сообществами, разрабатывая и реализуя решения в сфере государственной молодежной политики.

Я вырос из команды... Те ребята, которые начинали, сейчас уже руководят собственными направлениями, но при этом все тесно сотрудничаем и взаимодействуем постоянно. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 28 лет)

Для лидеров, становление которых происходит в рамках «командной» траектории, в равной степени типичны как «вертикальные» (внутри институциональной системы региональной молодежной политики), так и «горизонтальные» стратегии успеха (переходы в разные сектора). Например, многие, нарастив свои компетенции в профессиональной команде управленцев из сферы государственной молодежной политики, уходят в предпринимательство (дополнительное образование для взрослых и детей, ивент- или медиабизнес) или в руководство некоммерческими организациями. В некоторых случаях, сформировав команду единомышленников в определенном виде спорта или творческом направлении, их лидеры «перетекают» в сферу региональной молодежной политики.

«Лидеры-потребители» чаще следуют «институционально-представительской» траектории развития, которая предполагает их рекрутирование в систему регионального молодежного представительства (органы школьного, студенческого самоуправления, молодежные парламенты и советы при органах местного самоуправления, общественные организации и т. д.).

«Ресурсно-адаптивная стратегия успеха», свойственная «потребителям», развивающимся по данной траектории, представляет собой целенаправленную деятельность молодежных лидеров по наращиванию социального капитала в политико-административных элитах и молодежной среде региона, достижению статусных позиций в системе публичного управления за счет продвижения политической повестки в молодежной среде и использования ресурсных возможностей государственной молодежной политики для личностного развития и профессиональной карьеры. Некоторые представители лидерского сообщества, действующие в рамках этой стратегии, приобретают статус лидеров мнений за счет регулярного освещения своей деятельности в сфере молодежной политики в социальных сетях, позиционируя свою востребованность в системе регионального публичного управления. Другие разрабатывают в духе «предпринимательской истории» собственные образовательные и консалтинговые форматы работы с целевыми аудиториями государственной молодежной политики.

Мы написали, выиграли и реализовали три социальных проекта, и после чего начали стараться обучать ребят написанию социальных проектов... (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 23 года)

Лично меня в последнее время очень часто стали приглашать в качестве эксперта на различные мероприятия для того, чтобы поделиться с молодежью своим опытом, своим видением... (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 23 года)

Траектория «управление развитием» характерна для «лидеров-преобразователей», которые благодаря своему личностному и профессиональному потенциалу, достигаемому в результате целенаправленного собственного развития, формируют эффективную команду не только в сфере государственной молодежной политики, но и в системе публичного управления; создают новые и конвертируют существующие ресурсы для достижения стратегических целей страны и региона. «Триггерами»

в актуализации конструктивного лидерского потенциала в данной траектории развития становятся наставники, формирующие или трансформирующие «картину мира», и/или образовательные форматы «социальных лифтов» (школы и конкурсы лидеров):

Лидерство — это не только система отношений между людьми, это отношения тебя и дела, с максимальным прицелом на результаты... (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 30 лет)

В 17 лет своей жизни я начал заниматься общественной деятельностью... Средством этой истории я попал на очень интересные проекты Департамента молодежной политики Ямало-Ненецкого автономного округа, в частности на «Школу лидера»... Не единожды в своей жизни сталкивался с тем, что формировал какую-то идею и цель и вокруг этой идеи, цели объединял людей. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 32 года)

Старт моей лидерской истории начался, когда я поступил в «Капитаны России»², и там мы начинали создавать свои первые команды и с ними стартапы... (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 27 лет)

В рамках «командной» траектории и траектории «управление развитием» также возможно использование «проактивной стратегии успеха», которая представляет собой целенаправленную деятельность «лидеров-преобразователей» по развитию собственного и командного потенциала для достижения приоритетных целей государства на основе стратегического мышления и сформированного образа будущего страны, территории, отрасли государственной молодежной политики. Важно подчеркнуть, что молодежные лидеры, реализующие «проактивную стратегию успеха», не всегда занимают высокие статусные позиции. Однако они обладают безусловным авторитетом в общественной и экспертной среде. «Проактивная стратегия успеха» способствует совмещению социальных позиций формального и неформального лидерства, а также возрастной пролонгации лидеров в сфере молодежной политики.

В сегодняшней молодежной политике уже есть многое: методики, технологии, практики, которые просто достаточно оптимизировать, адаптировать под свое какое-то организационно-управленческое видение и стратегическое развитие и просто этим заниматься ежедневно. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 31 год)

Результаты анализа глубинных интервью молодежных лидеров показали, что «лидеров-преобразователей» с «проактивной стратегией успеха» в региональном сообществе относительно немного. В основном это «выходцы» из предпринимательского сообщества, медийной сферы, не интегрированные в пространство публичного управления, остающиеся «за бортом» институциональных структур государственной молодежной политики, где присутствуют в единичных случаях.

² Всероссийский конкурс предпринимательских идей. О каком годе проведения конкурса идет речь, из интервью неясно.

Есть лидеры, которые работают с системой власти, а есть те, которые работают без нее... И многие толковые лидеры, занимающиеся бизнесом или журналистской деятельностью или еще какой-нибудь иной, — они не сотрудничают с органами власти и с органами молодежной политики. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 27 лет)

Я знаю бизнес-сообщества, это руководители разных предприятий, предприниматели, собственники бизнеса. Очень редко они как-то взаимодействуют с властью... Это связано с тем, что у нас нет культуры взаимодействия с органами власти и тем более с некоммерческим сектором. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, женщина, 35 лет)

Такая ситуация подтверждается экспертными оценками представителей структур, участвующих в выработке и реализации региональной молодежной политики.

«Сквозной» для разных траекторий молодежного лидерства является стратегия «вращающихся дверей», сочетающая свойственное «горизонтальной» стратегии наращивание собственных ресурсов и характерное для «вертикальной стратегии» стремление к карьерному росту. Таким примером являются молодые лидеры из предпринимательского сообщества (как «преобразователи», так и «потребители»), которые избираются сначала депутатами представительных органов местного самоуправления, затем — Законодательного Собрания Краснодарского края. Вкладывая собственные ресурсы (финансовые, организационные, кадровые и др.) для решения проблем сообществ и территорий, они наращивают свой социальный капитал в кругах общественности и политической элиты; впоследствии приобретая новые возможности как для развития собственного бизнеса, так и для актуализации своей лидерской позиции в новом статусе (в качестве главы муниципального образования, управленца в системе органов исполнительной власти или мецената, инвестирующего в проекты развития).

Институтом развития лидеров — представителей гибридного депутатского сообщества, состоящего из предпринимателей и общественников, является Совет молодых депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края. Он интегрирует сообщество молодых депутатов, создавая условия и стимулируя сетевое взаимодействие между лидерами муниципальных образований Краснодарского края, в том числе в рамках проектов развития, а также способствует вовлечению их в региональную политическую повестку через образовательные семинары и другие мероприятия. Еще одна распространенная практика в рамках стратегии «вращающихся дверей» — переход молодежных лидеров из институциональных структур молодежной политики в структуры органов исполнительной власти муниципальных образований, обеспечивающий вертикальную мобильность в системе публичного управления.

Ресурсный потенциал молодежного лидерства

Различия между лидерами, отнесенными к разным профилям, во многом проявляются в ресурсной обеспеченности их деятельности. Они характеризуются разным набором актуальных (имеющихся в наличии и активно используемых) и латентных (слабо представленных, но потенциально формируемых) ресурсов,

обеспечивающих эффективность реализуемой роли в системе молодежной политики, шире — публичного управления. Актуальные ресурсы «лидеров-потребителей» во многом определяются их интегрированностью в формальные политические и управленческие структуры. Для «лидеров-преобразователей» в большей степени актуальны ресурсы, связанные с их включенностью в неформальные сообщества.

Потенциал «лидеров-потребителей», который раскрывается прежде всего через административно-организационные ресурсы и широкие социальные связи, может быть использован для решения организационно-управленческих задач в сфере государственной молодежной политики, трансляции политической повестки и заданных приоритетов развития в новых медийных форматах. Они в дальнейшем могут быть инкорпорированы в командные траектории развития лидерских сообществ в рамках конкретных профильных направлений. Это даст возможность преодолевать присущий им дефицит стратегического видения за счет таких ресурсов, как прогностический, кадровый и имиджевый, которые имеет команда, а также способствовать наращиванию собственных компетенций для более эффективной технологической деятельности в сфере публичного управления (см. табл. 1).

Таблица 1. Актуальные и латентные ресурсы молодежного лидерства для системы публичного управления

Профили лидерства	Актуальные ресурсы	Латентные ресурсы
«Лидеры-потребители»	— Административный ресурс (интеграция в структуры публичного управления); — организационный ресурс (ресурсы организации / учреждений, которые лидеры представляют); — символический ресурс (влияние на представления и поведенческие установки); — коммуникативный ресурс в цифровом пространстве (наличие «живых» аккаунтов в социальных сетях).	— Профессиональный ресурс (профессиональные и надпрофессиональные компетенции); — кадровый ресурс (имеют возможность рекрутировать профессиональные кадры); — прогностический ресурс; (стратегическое видение и проектирование будущего собственного, коллективного); — имиджевый ресурс (деловая репутация); — интеллектуальный ресурс (креативное мышление, эрудированность).
«Лидеры-преобразователи»	— Интеллектуальный ресурс (креативное мышление, эрудированность); — личный ресурс (ориентация на результат и решение проблем сообществ, готовность изменяться); — профессиональный ресурс (профессиональные и надпрофессиональные компетенции); — социальный капитал (включенность в различные сообщества и доверие (межличностное и институциональное); — символический ресурс (влияние на представления и поведенческие установки); — миджевый ресурс (деловая репутация).	— Прогностический ресурс (стратегическое видение и проектирование собственного и коллективного будущего); — административный ресурс (лидеры не интегрированы в систему публичного управления); — коммуникативный ресурс в цифровом пространстве (наличие «живых» аккаунтов в социальных сетях).

«Лидеры-преобразователи», имея мощные интеллектуальные (креативное мышление, эрудированность), профессиональные, личностные (ориентация на результат и решение проблем сообществ, готовность изменяться) ресурсы, могут в полной мере реализовать себя в стратегической деятельности по проектированию развития территорий, отраслей, сообществ в системе публичного управления регионом (см. табл. 1).

Молодежные лидеры — это носители креативных идей и нестандартных решений, что дает возможность решать задачи инновационного развития страны и региона. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 32 года)

Для меня профессиональной вершиной на сегодня станет то, что я смогу вот эти ресурсы консолидировать для того, чтобы не просто прививать людям знания, умения, навыки, а учить людей мыслить. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 35 лет)

Социальный и репутационный капитал «лидеров-преобразователей» позволяет влиять на представление и поведенческие установки молодежи, сохраняя при этом высокий уровень межличностного и институционального доверия.

Вовлечение молодежи в различные виды деятельности не добровольно-принудительным способом, а добровольно-восхитительным. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 31 год)

Связующим звеном, позволяющим объединить ресурсный потенциал «лидеров-преобразователей» и «лидеров-потребителей», является ресурс команды, которая может создаваться под разные функциональные задачи («лидеры-потребители» как часть команды «лидера-преобразователя»), и сообществ, к интересам и проблемам которых они могут быть сопричастны.

Самое главное — сформировать команду, самую сильную команду. Лидером стать проще, чем взрастить сильную команду. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 29 лет)

Если ты собираешься привносить изменения в этот мир, то тебе однозначно нужны другие люди, потому что у тебя не хватит ни времени, ни сил... необходима команда однозначно. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, женщина, 35 лет)

Наиболее успешно действующие механизмы становления, социализации и рекрутирования молодежных лидеров формируются в системе образования. Практики развития лидерского потенциала связаны с формированием новых солидарностей в российском обществе, основанных на созидании нового будущего.

Если говорить про вуз, то это движуха, когда ты молодой, в тебе куча энергии... И у нас вот такая большая дилемма, что сегодня много ребят, которые хотят чем-то заняться,

но очень много ребят, которые безынициативны от слова совсем, им надо помогать...
(Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 23 года)

Серьезный социальный эффект дает развитие сообществ управленцев из числа участников губернаторского конкурса «Лидеры Кубани».

На конкурсе «Лидеры Кубани» я встретил таких же равнодушных, активных, развивающихся, стремящихся людей. У нас есть совместные проекты, есть совместные инициативы, причем как коммерческие, так и социальные. Главное, что это все переходит к каким-то реальным результатам. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 30 лет)

Потенциал «лидеров-преобразователей», по мнению экспертов и участников фокус-групповых интервью, не в полной мере реализован в экономической сфере и сфере гражданского-патриотического воспитания молодежи. В первом случае речь идет о форматах и траекториях развития малого и среднего предпринимательства в молодежной среде:

...Нужно восстанавливать экономику, а экономика восстанавливается через развитие малого и среднего бизнеса, через очень гибкие компании, которые легко растут, легко создаются. (Из транскрипта экспертных сессий с представителями институциональных структур, взаимодействующих с молодежными лидерами Краснодарского края)

Второй вектор развития «лидеров-преобразователей» связан с формированием сообщества лидеров мнений, которые могли бы транслировать смыслы и посылку, направленные на укрепление общероссийской гражданской идентичности и консолидацию российского общества, охватывая и молодежь:

Мы видим, как, с какой легкостью и виртуозно вражеские СМИ и пропагандисты входят в каждый дом в России. Поэтому в молодежной среде эта тема тоже сейчас очень сильно должна поддерживаться и прокачиваться. (Из транскрипта экспертных сессий с представителями институциональных структур, взаимодействующих с молодежными лидерами Краснодарского края)

Использованию ресурсного потенциала лидеров в решении задач консолидации различных групп молодежи, в том числе с другими поколенческими группами, препятствует отсутствие сформированных ценностных установок у представителей регионального сообщества молодежных лидеров. Большинство опрошенных молодежных лидеров характеризуют ценности, которые их объединяют, как инструментальные, что позволяет им осуществлять деятельность по «прокачке молодежи». Среди таковых порядочность, взаимопомощь, отзывчивость, активность, самореализация и др. Только немногие лидеры, представляющие казачьи организации, четко идентифицируют разделяемые ими жизненные (доброта, семья, любовь к Родине, Отечество) и политические ценности (патриотизм, развитие, семейные ценности, гражданское единство и развитие, сильное государство).

Почему футболка с надписью USA стоит дешевле, чем футболка с надписью Россия? Как такое получается? Поэтому у молодежи происходит подмена понятий и ценностей. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 28 лет)

Для выходцев из предпринимательского сообщества приоритетные политические ценности — свобода мышления и развитие.

Отсутствие сформированной и разделяемой большинством участников регионального лидерского сообщества системы жизненных и политических ценностей влияет на проектируемый в их сознании образ будущего.

Я не понимаю, куда мы идем, какие задачи, какие направления реализуем, какие цели достигаем, я этого не вижу. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, женщина, 27 лет)

Раньше мы о конкретном будущем думали, а сейчас все живем одним днем: сегодня прожил — и хорошо... (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 27 лет)

Основные контуры образа будущего России в целом и Краснодарского края в частности связаны с решением системных проблем в социальной сфере (образования, медицины, социального обслуживания), развития инфраструктуры и благоустройства территорий, стремительного развития высокотехнологического сектора экономики. В политическом плане высказываются надежды на смену механизмов рекрутирования политико-административных элит и появление возможностей для молодежных лидеров включаться в процесс выработки и реализации важных государственных решений.

Молодежи хочется видеть, кто же будет дальше руководить страной, видеть подтверждение того, что молодежные лидеры поддерживают действующую власть. (Из транскрипта глубинного интервью с молодежным лидером, мужчина, 27 лет)

Проблематика образа будущего имеет четкую политическую проекцию, так как молодежь со всеми своими замыслами и надеждами непосредственно участвует в реальной конкурентной борьбе за цели и задачи общественного развития.

Результаты и выводы

Подход, использованный нами при проведении эмпирического исследования, ориентирован на расширенную трактовку молодежного лидерства и позволяет рассматривать его субъектные и институциональные характеристики в широком контексте публичного управления на различных уровнях (национальном, региональном, локальном). Согласно такой теоретической интерпретации молодежного лидерства, в нашем исследовании изучались не только те, кто занимает определенные статусные позиции в структурах молодежной политики или является выходцем из них, но и молодежные лидеры, работающие в общественных и образовательных организациях, политических партиях, бизнесе.

Результаты исследования позволяют сделать новые теоретические обобщения и инициировать научные дискуссии, касающиеся потенциала лидеров и лидерских сообществ как активных субъектов социально-политических и социально-экономических преобразований, их роли и успешных практик в достижении значимых приоритетов общественного развития.

Полученные результаты показали, что молодежное лидерство значительно дифференцировано по профилям лидерства, траекториям и стратегиям развития лидеров. Лидеры не образуют единого сообщества или нескольких крупных сообществ. Они скорее представляют набор автономных микросообществ, которые различаются по своей профильности («потребители», «преобразователи»); видам деятельности (предпринимательство, общественная деятельность в структуре молодежного представительства и общественных организаций, депутатство, профессиональная деятельность в системе государственной молодежной политики); траекториям развития (институционально-представительская траектория, командная траектория, траектория «управление развитием»); стратегиям успеха (вертикальная ресурсно-адаптивная стратегия, вертикальная проактивная стратегия, горизонтальная стратегия «вращающихся дверей»).

Ресурсный потенциал молодежного лидерства позволяет говорить о неиспользованных возможностях интеграции молодежного лидерства в систему публичного управления Краснодарского края для решения ключевых проблем региона. Так, в ценностно-смысловом аспекте молодежное лидерство отличается фрагментированными ценностными установками, отсутствием четких представлений о собственном будущем, будущем страны и региона. В лидерской среде молодежной политики отсутствует, с одной стороны, преемственность поколений, которая бы обеспечивала единую стратегию развития кадрового потенциала в регионе, с другой — системность и связность работы механизмов рекрутирования и развития новых кадров, обладающих лидерским потенциалом. Это существенно ограничивает интеграцию лидеров в систему публичного управления через соотнесение собственных ценностей со смысловым ядром политик на уровне субъекта РФ. Отметим, что последнее также не в полной мере сформировано, поэтому перед научным сообществом стоит задача исследования роли институтов, агентов и факторов политической социализации молодежных лидеров.

Ресурсные ограничения также связаны со стратегиями лидерского поведения, предполагающими определенные типы использования ресурсов. На наш взгляд, существует дисбаланс между представленностью «лидеров-потребителей» и «лидеров-преобразователей» в системе публичного управления. Последние при этом не всегда занимают позиции, соответствующие их устремлениям. Преобладание ориентации на карьерный успех связано с наличием таких факторов, как высокая текучесть кадров в сфере молодежной политики, восприятие ее как своеобразного «полигона» для построения дальнейшей траектории развития. Оказывает свое влияние и достаточно частая смена векторов и приоритетов политики, что заставляет ориентироваться преимущественно на решение краткосрочных задач.

Результаты эмпирического исследования позволили охарактеризовать уровень субъектности молодежных лидеров в практиках публичного управления развитием человеческого капитала. Реальную субъектность молодежного лидера марки-

руют его личностные характеристики (политическая воля, стрессоустойчивость и адаптивность к изменениям; сформированность необходимых профессиональных и надпрофессиональных компетенций; способность артикулировать, агрегировать и продвигать интересы молодежи (групп/сообществ молодежи) в конструктивных форматах взаимодействия с властью в пространстве публичной политики); наличие ресурсной базы, способность создавать и конвертировать разнообразные ресурсы для достижения целей не только личного, но и общественного характера; значимые для общественной системы региона, территорий или среды отдельных организаций последствия действия или бездействия лидера.

Молодежное лидерство как объект воздействия институтов системы публичного управления регионом характеризуется партийной принадлежностью, статусом государственного или муниципального служащего, статусом депутата, включенностью в сообщества различной природы и направленности (субкультурные, сетевые, образовательные, криминальные и др.), материальной зависимостью от спонсоров своей деятельности, грантовых программ и инструментов финансирования деятельности, проектов лидеров региональными и федеральными институтами развития.

Перспективы исследования данной проблематики связаны с осмыслением на теоретическом уровне и дальнейшим исследованием на эмпирическом уровне роли молодежного лидерства в контексте трансформации взаимодействия государства и общества в условиях новых геополитических реалий, связанных с выявлением успешных механизмов политической социализации лидеров, способных решать задачи новой общественной повестки и участвовать в достижении национальных приоритетов развития, каналов их рекрутирования в систему публичного управления.

Список литературы (References)

Асеева Т. А., Шашкова Я. Ю. Особенности реализации молодежного политического лидерства в регионах РФ (на примере Алтайского края) // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3. № 1. С. 94—99.

Asseva T. A., Shashkova Y. Yu. (2021) Features of the Implementation of Youth Political Leadership in The Regions of the Russian Federation (The Case of the Altai Krai). *History and Modern Perspectives*. Vol. 3. No. 1. P. 94—99. (In Russ.)

Бурцев С. А. Дискурс лидерства в российской молодежной среде: потенциал вертикальной социально мобильности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018а. № 4. С. 103—111.

Burtsev S. A. (2018a) Leadership Discourse Among the Russian Young People: Potential of Vertical Social Mobility. *The Bulletin of Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies*. No. 4. P. 103—111. (In Russ.)

Бурцев С. А. Лидерство в молодежной среде: образно-символическое измерение // Гуманитарий Юга России. 2018б. Т. 7. № 5. С. 53—62. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.5.4>.

Burtsev S. A. (2018b) Leadership in the Youth Circles: Figurative and Symbolic Dimension. *Humanities of The South of Russia*. Vol. 7. No. 5. P. 53—62. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.5.4>. (In Russ.)

Бурцев С. А. Лидерство в российской молодежной среде: структурные стимулы и ограничения // *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*. 2018в. № 5. С. 43—53.

Burtsev S. A. (2018c) Leadership in The Russian Youth Environment: Structural Incentives and Limitations. *POISK: Politics. Social Studies. Art. Sociology. Culture*. No. 5. P. 43—53. (In Russ.)

Варанкин Д. Г., Ильиных О. П. Попытка субъектно-объектного подхода к определению роли молодежи // *Социальные и гуманитарные науки: теория и практика*. 2019. № 1. С. 209—216.

Varankin D. G., Ilinykh O. P. (2019) Subject-Objective Approach to Determining the Role of Youth. *Social Sciences and Humanities: Theory and Practice*. No. 1. P. 209—216. (In Russ.)

Ершов А. Н., Ивлева О. С. Молодежное лидерство. Казань: Центр инновационных технологий, 2014.

Ershov A. N., Ivleva O. S. (2014) Youth Leadership. Kazan: Center of Innovative Technologies. (In Russ.)

Ильинский И. М. Молодежь. Молодежная политика. Молодежная организация. М.: Терра, 2016.

Ilyinsky I. M. (2016) Young People. Youth Policy. Youth Organization. Moscow: Terra. (In Russ.)

Ильинский И. М. О критериях эффективности молодежной политики // *Наша молодежь*. 2009. № 1. С. 5—7.

Ilyinsky I. M. (2009) On the Criteria for The Effectiveness of Youth Policy. *Nasha molodezh'*. No. 1. P. 5—7. (In Russ.)

Луков В. А., Луков С. В. Субъектность молодежи в процессах социализации и инкультурации // *Горизонты гуманитарного знания*. 2020. № 1. С. 3—20. <https://doi.org/10.17805/ggz.2020.1.1>.

Lukov V. A., Lukov S. V. (2020) Youth's Subjectivity in Socialization and Inculturation Processes. *Horizons of Humanitarian Knowledge*. No. 1. P. 3—20. <https://doi.org/10.17805/ggz.2020.1.1>.

Меньшикова К. В., Малкова Е. В. Предпосылки молодежного лидерства, или ориентиры пермской молодежи // *Социальные и гуманитарные науки: теория и практика*. 2017. № 1. С. 290—297.

Menshikova K. V., Malkova E. V. (2017) Preconditions of Youth Leadership or Landmarks of Perm Young People. *Social Sciences and Humanities: Theory and Practice*. No. 1. P. 290—297. (In Russ.)

Мирзоян В. А. Управление и лидерство: сравнительный анализ теорий лидерства // *Вопросы философии*. 2013. № 6. С. 3—15.

Mirzoyan V. A. (2013) Management and Leadership: Comparative Analysis of Leadership Theories. *Voprosy Filosofii*. No. 6. P. 3—15. (In Russ.)

Палитай И. С., Сокрюкин А. В. Формирование молодежных политических лидеров в современной России: проблемы и возможности // Южно-российский журнал социальных наук. 2023. Т. 24. № 1. С. 6—16. <https://doi.org/10.31429/26190567-24-1-6-16>.

Palitay I. S., Sokriukin A. V. (2023) Formation of Youth Political Leaders in Present-Day Russia: Challenges and Prospects. *South-Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 24. No. 1. P. 6—16. (In Russ.) <https://doi.org/10.31429/26190567-24-1-6-16>.

Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119—138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>.

Petukhov V. V. (2020) Russian Youth and Its Role in Society Transformation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 119—138. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>.

Попова О. В. Политический потенциал молодежного лидерства в российских условиях: результаты межрегионального исследования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2018. Т. 14. № 4. С. 492—511.

Popova O. V. (2018) The Political Potential of Youth Leadership in The Russian Context: The Results of Interregional Research. *Political Expertise: POLITEX*. Vol. 14. No. 4. P. 492—511. (In Russ.)

Попова О. В., Шашкова Я. Ю., Асеев С. Ю., Асеева Т. А., Лагутин О. В., Негров Е. О., Казанцев Д. А. Молодежное политическое лидерство в российских регионах: монография. СПб. : Скифия-принт, 2020.

Popova O. V., Shashkova Ya. Yu., Aseev S. Yu., Aseeva T. A., Lagutin O. V., Negrov E. O., Kazantsev D. A. (2020) Youth Political Leadership in Russian Regions: monograph. Saint Petersburg: Scythia-print. (In Russ.)

Самаркина И. В., Мирошниченко И. В., Мальцев С. С. Лидеры и ведомые: молодежная политика в представлениях ее участников на примере Краснодарского края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 856—882. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-856-882>.

Samarkina I. V., Miroshnichenko I. V., Maltsev S. S. (2022) Leaders and Wingmen: Youth Policy in the Views of its Participants — an Evidence from Krasnodar Territory. *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 24. No. 4. P. 856—882. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-856-882>. (In Russ.)

Самсонова Т. Н., Шпуга Е. С., Политическое лидерство перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4. С. 142—163.

Samsonova T. N., Shpuga E. S. (2016) The Challenges Political Leadership Faces in The Modern World. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. Vol. 22. No. 4. P. 142—163. (In Russ.)

Селезнева А. В., Божедомова А. Л., Луканина Е. В. Образы молодежных политических лидеров в сознании российской молодежи // Вестник Томского государственного

ного университета. *Философия. Социология. Политология*. 2022. № 67. С. 190—201. <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/17>.

Selezneva A. V., Bozhedomova A. L., Lukanina E. V. (2022) Images of Youth Political Leaders in the Consciousness of Russian Youth. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 67. P. 190—201. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/17>.

Селезнева А. В., Рогозарь-Колпакова И. И., Филистович Е. С., Трофимова В. В., Добрынина Е. П., Стрелец И. Э. Российская политическая элита: анализ с точки зрения концепции человеческого капитала // *Полис. Политические исследования*. 2010. № 4. С. 90—106.

Selezneva A. V., Rogozar-Kolpakova I. I., Filistovich Ye. S., Trofimova V. V., Dobrynina Ye. P., Streletz I. E. (2010) Russian Political Elite: Analysis from The Perspective of the Human Capital Concept. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 90—106. (In Russ.)

Филиппов И. М. Молодежное лидерство в управленческой деятельности: аксиологические аспекты // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2021. № 2. С. 167—174.

Filippov I. M. (2021) Youth Leadership in Management Activities: Axiological Aspects. *Economic and Social Research*. No. 2. P. 167—174. (In Russ.)

Хозинов Р. Р. Молодежное лидерство в управленческих отношениях: концептуальный анализ // *Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии*. 2016. № 1. С. 146—151.

Khozinov R. R. (2016) Youth Leadership in Management Relationship: Conceptual Analysis. *Bulletin of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy*. No. 1. P. 146—151. (In Russ.)

Червинская Е. О. Молодежное лидерство в современной Великобритании: условия и факторы развития // *Социальные и гуманитарные науки: теория и практика*. 2017. № 1. С. 351—358.

Chervinskaya E. O. (2017) Youth Leadership in Modern Britain: Conditions and Factors of Development. *Social Sciences and Humanities: Theory and Practice*. No. 1. P. 351—358. (In Russ.)

Albritton M. D., Oswald S. J., Anderson J. S. (2008) Leadership Quality and Follower Affect. *Journal of Leadership Studies*. Vol. 1. No. 4. P. 6—22. <https://doi.org/10.1002/jls.20035>.

Becker G. S. (1964) *Human Capital*. New York, NY: Columbia University Press.

Damon W. (2009) *The Path to Purpose: How Young People Find Their Calling in Life*. New York, NY: The Free Press.

Getz I. (2009) Liberating Leadership: How the Initiative-Freeing Radical Organizational Form has been Successfully Adopted. *California Management Review*. Vol. 51. No. 4. P. 32—58. <https://doi.org/10.2307/41166504>.

Hart R. A. (2008) Stepping Back from “The Ladder”: Reflections on a Model of Participatory Work with Children. In: Reid A., Jensen B. B., Nikel J., Simovska V. (eds.) *Partic-*

ipation and Learning. Perspectives on Education and the Environment, Health, and Sustainability. New York, NY: Springer. P. 19—31.

Kahn L., Hewes S., Ali R. (2009) Taking the Lead: Youth Leadership in Theory and Practice // *The Youth of Today*. October. URL: <https://youngfoundation.b-cdn.net/wp-content/uploads/2012/10/Taking-the-Lead-October-2009.pdf?x22784>.

Pfeiffer S. I., Wechsler S. M. (2013) Youth Leadership: A Proposal for Identifying and Developing Creativity and Giftedness. *Estudos de Psicologia*. Vol. 30. No. 2. P. 219—229.

Ricketts J., Rudd R. (2002) A Comprehensive Leadership Education Model to Train, Teach, and Develop Leadership in Youth. *Journal of Career and Technical Education*. Vol. 19. No. 1. P. 7—17.

Rumeli M. S., Arshad M. M., Ismail I. A., Rami A. A. M. (2021) Youth Leadership Development through Training Transfer and Mentoring. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. Vol. 11. No. 5. P. 272—284.

Shultz T. (1968) Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 6. New York, NY.

Seemiller C. A. (2018) Competency-Based Model for Youth Leadership Development. *Journal of Leadership Education*. Vol. 17. No. 1. P. 56—72. <https://doi.org/10.12806/V17/I1/R1>.

Yuan Y., Chen Q., Sun X., Liu Z., Xue G., Yang D. (2019) Development and Preliminary Validation of the Youth Leadership Potential Scale. *Frontiers in Psychology*. Vol. 10. P. 1—14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02310>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2523](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2523)

Ю. А. Афанасьева, Б. О. Соколов, А. А. Широканова

ИЗМЕНЧИВОСТЬ КОВИД-СКЕПТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ДВУХ ВОЛН ЛОНГИТЮДНОГО ОПРОСА «ЦЕННОСТИ В КРИЗИСЕ»

Правильная ссылка на статью:

Афанасьева Ю. А., Соколов Б. О., Широканова А. А. Изменчивость ковид-скептических установок в России: результаты анализа двух волн лонгитюдного опроса «Ценности в кризисе» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 53—77. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2523>.

For citation:

Afanasyeva Y. A., Sokolov B. O., Shirokanova A. A. (2024) Variability of COVID Skeptical Attitudes in Russia: Findings from Two Waves of the “Values in Crisis” Longitudinal Survey. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 53–77. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2523>. (In Russ.)

Получено: 20.11.2023. Принято к публикации: 16.04.2024.

ИЗМЕНЧИВОСТЬ КОВИД-СКЕПТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ДВУХ ВОЛН ЛОНГИТУДНОГО ОПРОСА «ЦЕННОСТИ В КРИЗИСЕ»

АФАНАСЬЕВА Юлия Александровна — независимый исследователь, Алматы, Казахстан
E-MAIL: afanasye8a@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9607-3180>

СОКОЛОВ Борис Олегович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Рональда Ф. Инглхарта, доцент департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: bssokolov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5151-8147>

ШИРОКАНОВА Анна Александровна — кандидат социологических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: shirokaner@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2908-520X>

VARIABILITY OF COVID SKEPTICAL ATTITUDES IN RUSSIA: FINDINGS FROM TWO WAVES OF THE “VALUES IN CRISIS” LONGITUDINAL SURVEY

Yulia A. AFANASYEVA¹ — Independent Researcher
E-MAIL: afanasye8a@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9607-3180>

Boris O. SOKOLOV² — Cand. Sci. (Polit.), Leading Researcher at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research;
E-MAIL: bssokolov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5151-8147>

Anna A. SHIROKANOVA³ — Cand. Sci. (Soc.), Independent Researcher
E-MAIL: shirokaner@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2908-520X>

¹ Almaty, Kazakhstan

² HSE University, St. Petersburg, Russia

³ St. Petersburg, Russia

Аннотация. В ходе пандемии COVID-19 многие люди, в том числе в России, не воспринимали угрозу, исходящую от нового вируса, всерьез и игнорировали базовые меры предосторожности, такие как ношение масок и соблюдение социальной дистанции. В силу очевидной опасности, которую подобные взгляды и провоцируемое ими безответственное поведение представляют для других людей, феномен ковид-скептицизма стал объектом пристального интереса социологов

Abstract. During the COVID-19 pandemic, many people, including in Russia, did not take the threat posed by the new virus seriously and ignored basic precautions such as mask wearing and social distancing. Due to the obvious danger that such views and the irresponsible behavior they provoke pose to other people, the phenomenon of COVID skepticism has become an object of close interest among sociologists and public health specialists. However, most existing research on the topic focuses on identify-

и специалистов в сфере общественного здоровья. Однако большинство научных работ по теме фокусируются на установлении коррелятов ковид-скептицизма в статической, кросс-секционной перспективе.

Настоящее исследование направлено на выявление социально-демографических и личностных факторов изменчивости индивидуальных установок по отношению к коронавирусу в российском контексте и пытается ответить на вопрос, какие характеристики отличают тех, кто перестает быть ковид-скептиками с течением времени, от тех, чьи установки меняются в обратном направлении. Для этого используются данные двух волн российской части лонгитюдного международного онлайн-опроса «Ценности в кризисе» (июнь 2020 г. и апрель — май 2021 г.).

Доля скептиков среди участников опроса, принявших участие в обеих волнах, чуть менее чем за год сократилась с 37,4% до 31,6%. Среди повторно опрошенных 15,4% перестали быть ковид-скептиками, а 9,6% стали ими. Те, кто отказывается от скептической позиции, старше тех, кто ее принимает, имеют более высокий доход, больше тревожатся по поводу здоровья — как собственного, так и близких. Кроме того, бывшие скептики в большей степени (по сравнению с новыми) поддерживают ценности равенства и выбора (подвиды эмансипативных ценностей К. Вельцеля). Переход из группы нескептиков в группу скептиков (равно как и наоборот) также тесно ассоциируется со снижением (ростом) институционального доверия.

Ключевые слова: COVID-19, ковид-скептицизм, теории заговора, базовые

ing correlates of COVID skepticism from a static, cross-sectional perspective.

This study is aimed at identifying socio-demographic and personality factors in the variability of individual attitudes towards coronavirus in Russia and tries to reveal the characteristics distinguishing those who cease to be COVID skeptics over time from those whose attitudes change in the opposite direction. For this purpose, the authors use the data from two waves of the Russian part of the longitudinal international online survey “Values in Crisis” (June 2020 and April — May 2021).

The study shows that, in less than a year, the share of skeptics among those who participated in both waves dropped from 37.4% to 31.6%. Of the panel respondents, 15.4% ceased to be COVID skeptics, and 9.6%, on the contrary, became sceptics. Abandoning a skeptical position is positively associated with age, income, and health-related anxiety. In addition, former skeptics to a greater extent (compared to new ones) support the values of equality and choice (components of Welzel's emancipative values). The transition from a group of non-skeptics to a group of skeptics (as well as vice versa) is also closely associated with a decrease (increase) in institutional trust.

Keywords: COVID-19, COVID-19 skepticism, conspiracy theories, Schwartz's

ценности Шварца, эмансипативные ценности, институциональное доверие

basic values, emancipative values, institutional trust

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

Acknowledgments. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

Введение

Пандемия COVID-19 оказалась одним из наиболее серьезных глобальных кризисов в области здравоохранения за последние десятилетия, в силу чего привлекла к себе пристальное внимание представителей академического сообщества. В социальных науках одной из важнейших тем исследований по соответствующей проблематике стало восприятие людьми информации о новой болезни.

Несмотря на быстрое появление убедительных данных о чрезвычайной опасности коронавирусной инфекции, а также о сравнительной эффективности разнообразных способов противодействия ей, многие не доверяли официальным сведениям о вирусе SARS-CoV-2 и не верили в серьезность вызываемого им заболевания, а иногда и отрицали сам факт его существования¹. Эти люди — ковид-скептики (или ковид-диссиденты) — зачастую отказывались соблюдать рекомендованные меры предосторожности² (карантин, ношение масок, социальное дистанцирование, мытье рук и пр.; на поздних этапах — вакцинация) и даже организовывали массовые протесты против них³, что, вполне возможно, внесло свой вклад в мировую статистику по заражениям и смертям (к концу октября 2023 г. — 7 млн погибших по официальным данным и более 27 млн по оценкам на основе информации об избыточной смертности⁴).

В России ковид-скептические убеждения пользовались значительной популярностью — как в абсолютных величинах, так и относительно других стран. По данным международного проекта «Ценности в кризисе» [Aschauer et al., 2021], летом 2020 г. Россия занимала первое место среди всех государств-участников⁵ по доле ковид-

¹ Among the COVID Sceptics: «We Are Being Manipulated, without a Shadow of a Doubt» // The Guardian. 2021. 8 April. URL: <https://www.theguardian.com/news/2021/apr/08/among-covid-sceptics-we-are-being-manipulated-anti-lockdown> (дата обращения: 05.04.2023).

² Work and a Desire to Exercise, Socialize Are Why People Didn't Social Distance, Stanford Researchers Find // Stanford News. 2020. 14 April. URL: <https://news.stanford.edu/2020/04/14/people-didnt-social-distance/> (дата обращения: 05.04.2023).

³ Protests against COVID Rules and Lockdowns Erupt across Europe // CNBC. 2021. 23 November. URL: <https://www.cnbc.com/2021/11/22/photos-of-anti-covid-protests-in-europe.html> (дата обращения: 05.04.2023).

⁴ The Pandemic's True Death Toll // The Economist. 2023. 23 October. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/coronavirus-excess-deaths-estimates> (дата обращения: 05.04.2023).

⁵ К концу августа 2020 г. первая волна «Ценностей в кризисе» прошла в 15 странах: Австрия, Бразилия, Великобритания, Германия, Греция, Грузия, Казахстан, Китай, Колумбия, Мальдивы, Польша, Россия, Швеция, Южная Корея, Япония. Позже к ним добавились Гонконг, Италия и Чили.

скептиков с показателем в 38%⁶ [Соколов, Завадская, 2021]. Материалы других исследований свидетельствуют, что в ходе пандемии многие российские граждане игнорировали базовые меры предосторожности, а также демонстрировали низкую готовность вакцинироваться⁷. Согласно одному из опросов ВЦИОМ, россияне отмечали масочный режим (20%) и необходимость соблюдать социальную дистанцию (12%)⁸ в качестве одних из наиболее негативных последствий пандемии. До начала массовой вакцинации от COVID-19 доля готовых прививаться в России составляла, по разным источникам, от 13% [Рассказова, Тхостов, 2021] до 38% населения⁹. В то же время в некоторых других странах готовность вакцинироваться демонстрировали от 60% до 80% населения [Neumann-Böhme et al., 2020].

При этом официальные данные Росстата показывают, что к концу 2021 г. количество смертей от COVID-19 в России составило от 600¹⁰ до 700 тыс. человек¹¹. Согласно косвенным оценкам, основанным на данных об избыточной смертности¹², — более 1 млн человек¹³ (второе место в мире после Индии [Wang et al., 2022; Msemburi et al., 2023]). Резонно предположить, что одной из причин высокой смертности послужило широкое распространение ковид-скептических представлений и порождаемого ими безответственного с эпидемиологической точки зрения поведения. Необходимость понимания причин данных явлений (без чего невозможна разработка эффективных мер по борьбе с ними) обуславливает актуальность изучения потенциальных факторов, способствующих их развитию.

В отличие от большинства опубликованных исследований ковид-скептицизма, опирающихся в основном на кросс-секционные данные [Соколов, Завадская, 2021; Gemenis, 2021; Latkin et al., 2022], в настоящей работе используются материалы лон-

⁶ В Чили в первой волне опроса показатель был еще выше — 60,5%. Однако сбор данных в этой стране происходил значительно позже — с января по май 2021 г. Представляется, что не вполне корректно сравнивать результаты, полученные в столь разных временных контекстах.

⁷ Коронавирус, грипп и вакцинация // Левада-центр. 2023. 5 февраля. URL: <https://www.levada.ru/2023/02/15/koronavirus-gripp-i-vaksinatsiya/> (дата обращения: 10.04.2024) (материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

⁸ Прощай, COVID-19? Два года пандемии, адаптация и смена повестки // ВЦИОМ. 2022. 15 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proshchai-covid-19-dva-goda-pandemii-adaptatsiya-i-smena-povestki> (дата обращения: 10.04.2024).

⁹ Новость о создании вакцины от коронавируса у 46% россиян вызвала негативные эмоции // Левада-центр. 2020. 28 августа. URL: <https://www.levada.ru/2020/08/28/novost-o-sozdanii-vaktsiny-ot-koronavirusa-u-46-rossiyan-vyzvala-negativnye-emotsii/> (дата обращения: 10.04.2024) (материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

¹⁰ Естественное движение населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. 2023. 23 июня. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения: 13.02.2024).

¹¹ Смертность среди больных COVID-19 в России за год превысила 500 тыс. // РБК. 2022. 28 января. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/01/2022/61f419dd9a79479898e05026> (дата обращения: 08.02.2024).

¹² Избыточная смертность — это разница между фактической смертностью от всех причин за конкретный период времени и ожидаемой смертностью от всех причин за этот же период, рассчитанной на основе предшествующих периодов. Указанный показатель считается более точным, чем данные о количестве смертей непосредственно от коронавируса, публикуемые статистическими ведомствами разных стран, так как он менее подвержен ошибкам классификации и учета (в том числе намеренным фальсификациям) и включает смерти, вызванные не напрямую заболеванием, а неоказанием достаточной помощи людям с другими диагнозами из-за переключения ресурсов системы здравоохранения на борьбу с пандемией (и прочими подобными экстерналиями) [Leon et al., 2020; Karlinsky, Kobak, 2021; Wang et al. 2022; Msemburi et al., 2023].

¹³ Более подробные и свежие данные о смертности в России в ходе пандемии COVID-19 (в том числе в региональном разрезе и в сравнении с другими странами) доступны в следующем публичном репозитории: Kobak D. Excess Mortality during the COVID-19 Pandemic. URL: <https://github.com/dkobak/excess-mortality> (дата обращения: 09.02.2024).

гитюдного опроса, а именно двух волн российской части проекта «Ценности в кризисе» (сбор данных — июнь 2020 г. и апрель — май 2021 г.). Это позволяет выявить социально-демографические и личностные характеристики респондентов, которые изменили свое мнение относительно COVID-19 за указанный период, и понять, какие из этих характеристик связаны с ковид-скептическими убеждениями, а какие, напротив, препятствуют формированию таковых или помогают от них избавиться.

Обзор литературы

Скептицизм в отношении COVID-19 не имеет общепринятого определения и проявляется в разных формах (которые могут вполне успешно совмещаться в системе взглядов отдельных индивидов): отрицание самого факта существования вируса, убежденность в его искусственном происхождении, неверие в серьезность заболевания, сомнения в эффективности или необходимости действий, направленных на предотвращение распространения инфекции [Küppers, Reiser, 2021; Gemenis, 2021; Levin, Bradshaw, 2022; Latkin et al., 2022]. Пренебрежительное отношение к болезни, как правило, провоцирует осознанное игнорирование превентивных мер, что может рассматриваться как поведенческое измерение ковид-скептицизма [Jaspal, Nerlich, 2023; Latkin et al., 2021].

В этом отношении указанный феномен сближается с таким явлением, как вакцинная нерешительность [Дудина, Сайфулина, 2023; Sallam, 2021]. Оба они выступают как частные варианты более широкого комплекса установок и идей, отражающих склонность ставить под сомнение достижения и постулаты современной науки, который включает в себя такие явления, как отрицание климатических изменений или теории эволюции и неприятие ГМО [Gemenis, 2021; Rutjens et al., 2021; Scheitle, Corcoran, 2021; Reinemann et al., 2022; Priniski, Holyoak, 2022]. Характерно, что люди, демонстрирующие высокий уровень доверия науке, в большей степени соблюдают рекомендованные ВОЗ и национальными правительствами меры по предотвращению заражения коронавирусом [Muğaloğlu et al., 2022].

Ковид-скептицизм также тесно сопряжен со склонностью к конспирологическому мышлению [Hughes et al., 2022]. Существует множество теорий заговора, связанных с COVID-19, например, нарративы о том, что пандемия является фальсификацией, результатом умышленного распространения вируса Китаем или позволяет усилить контроль за населением со стороны «мировой закулисы» [van Mulukom et al., 2022; Latkin et al., 2022]. Особенно активно такие сюжеты распространялись в начале пандемии, когда уровень неопределенности был высок и людям требовались какие-то когнитивные инструменты для совладания с тревогой и обретения чувства контроля [Архипова¹⁴ и др., 2020; Kruglanski et al., 2021]. Впрочем, вера в теории заговора и ковид-скептицизм — это пересекающиеся, но не тождественные явления: многие согласны с тем, что COVID-19 — это реальное заболевание, и не поддерживают конспирологические идеи, но тем не менее сомневаются в опасности вируса. Эмпирические данные показывают, что число таких людей значительно превышает число убежденных сторонников теорий заговора на коронавиральную тематику [Pennycook et al., 2022].

¹⁴ Внесена в реестр иностранных агентов.

Одной из главных отличительных черт ковид-скептиков является низкий уровень институционального доверия, особенно в постсоветских и посткоммунистических обществах [Küppers, Reiser, 2022; Макушева, Нестик, 2020; Соколов и др., 2022; Соколов, Завадская, 2021; Eichhorn et al. 2022; Zavadskaya, Caras, 2023]. Недоверие государственным институтам (в том числе медицинским) провоцирует сомнения в распространяемой ими информации о COVID-19, что, в свою очередь, может приводить к нежеланию соблюдать официально рекомендованные меры предосторожности [Lalot et al., 2022; Pagliaro et al., 2021], в частности вакцинироваться [Fobiwe et al., 2022].

Ковид-скептики, в том числе российские, в целом меньше доверяют традиционным средствам массовой информации и больше — онлайн-медиа [Reinemann et al., 2022; Дейнека, Максименко, 2021; Соколов, Завадская, 2021; Нестик, Дейнека, Максименко, 2020]. Использование социальных сетей в качестве основного источника информации положительно связано с поддержкой конспирологических идей и отрицательно — с соблюдением антиковидных мер [Allington et al., 2021]. Есть множественные свидетельства, что именно социальные сети сыграли ключевую роль в популяризации теорий заговора, связанных с пандемией, — за счет того, что они позволяют быстро распространять информацию (включая непроверенную) и способствуют формированию информационных «пузырей», в которых люди общаются преимущественно с единомышленниками и не сталкиваются с альтернативными точками зрения [Goreis, Kothgassner, 2020; Joseph et al., 2022; Liu, 2021; Ramos et al., 2022].

Ковид-скептики зачастую больше ценят личную свободу и автономию, а не общественное благополучие [Hornsey et al., 2021; Соколов, Завадская, 2021], и демонстрируют более высокий уровень индивидуализма [Biddlestone et al., 2020]. Идеологические убеждения также являются важным предиктором восприятия коронавирусной проблематики: среди консерваторов и сторонников правых взглядов ковид-скептиков больше [Eichhorn et al., 2022]. В частности, представители этих групп меньше беспокоятся по поводу COVID-19, реже носят медицинские маски и соблюдают социальную дистанцию, склонны обвинять Китай в распространении вируса, а также чаще верят в соответствующие теории заговора [Hornsey et al., 2020; Levin, Bradshaw, 2022; Prichard, Christman, 2020; Eberl et al., 2021; Kim, Kim, 2021; Druckman et al., 2021].

Один из основных социально-демографических предикторов ковид-скептицизма — возраст. Предыдущие исследования показывают, что чем моложе человек, тем с большей вероятностью он будет разделять ковид-скептические убеждения [Eichhorn et al., 2022; Latkin et al., 2022] или не соблюдать меры предосторожности [Алиева и др., 2023]. Скептики также чаще встречаются среди людей с низкими уровнями образования [Magarini et al., 2021] и дохода [Eichhorn et al., 2022; Hornik et al., 2021].

Большая часть исследований ковид-скептицизма, а также вакцинной нерешительности и соблюдения ограничительных мер в контексте пандемии COVID-19, опирается на кросс-секционные данные, поэтому об устойчивости подобных взглядов и поведенческих паттернов, равно как и о факторах, способствующих их развиту (или отказу от них), известно не очень много. С одной стороны, есть данные, что в некоторых странах (например, в Германии) доля ковид-скептиков уменьша-

лась по мере развития пандемии [Eichhorn et al., 2022]. С другой стороны, в ряде работ [de Albuquerque Veloso Machado et al., 2021; Fridman et al., 2021; Oleksy et al., 2022] отмечается, что с течением времени снижалась готовность людей вакцинироваться. Одним из немногих исключений стала Новая Зеландия, где этот показатель оставался высоким как до, так и после начала массовой прививочной кампании [Prickett et al., 2021].

Немногочисленные опубликованные на данный момент лонгитюдные исследования показывают, что использование социальных сетей для получения новостей, авторитарные/консервативные взгляды и вера в теории заговора на раннем этапе пандемии положительно связаны с наличием сомнений в эффективности вакцин в более поздние периоды, тогда как просоциальные установки — отрицательно [Oleksy et al., 2022; Ahmed et al., 2022; Druckman et al., 2021]. Изначальная склонность к конспирологии также предсказывала сообщения об отказе от соблюдения и других рекомендаций, направленных на сдерживание коронавирусной инфекции, в последующих волнах опросов [Karić, Međedović, 2021; Oleksy et al., 2021]. Интересно, что в одном исследовании меры предосторожности чаще игнорировали те респонденты, которые исходно высказывали опасения насчет того, что действия правительства по борьбе с COVID-19 приведут к ограничению гражданских прав [Oleksy et al., 2021]. Таким образом, ковид-скептицизм может быть связан не только с поддержкой авторитаризма, но и с его неприятием.

Насколько эти результаты можно распространить на Российскую Федерацию — неизвестно: на сегодняшний день не имеется опубликованных лонгитюдных исследований по ковид-скептической проблематике в отечественном контексте. Настоящая статья имеет своей целью восполнить указанный пробел и выявить с помощью разведывательного анализа материалов панельного опроса социально-демографические и личностные факторы, связанные с динамикой индивидуальных установок по отношению к коронавирусу. Так как большая часть корпуса научных знаний по этой теме основывается прежде всего на эмпирических результатах (зачастую противоречивых) и не привязана к конкретным теоретическим традициям, а также в силу значительного числа рассматриваемых в анализе показателей, гипотезы по отдельным переменным не выдвигаются.

Данные

В статье используются данные первых двух волн российской части международного проекта «Ценности в кризисе» (ЦВК) [Понарин, Климова, Соколов, 2021; Понарин, Соколов, Климова, 2021; Aschauer et al., 2021]. Этот проект начался в 2020 г. и имеет своей целью исследовать воздействие пандемии COVID-19 на повседневную жизнь людей, равно как и на их убеждения, ценности и поведенческие привычки. В России первая волна опроса состоялась в июне 2020 г.; в ней приняли участие 1527 респондентов. Вторая волна проводилась в апреле — мае 2021 г.; было опрошено 1199 респондентов.

Данные собирались с помощью коммерческой онлайн-панели маркетинговой компании OMI. Выборка была сформирована с использованием квот по полу и возрасту согласно переписи 2010 г. Следует отметить, что респонденты выбывали неравномерно относительно квот (для соблюдения которых выбывших заменяли но-

выми), поэтому среди тех, кто участвовал в обеих волнах, доля женщин оказалась значительно ниже, чем по результатам переписи (49,2% против 54,88%), в то время как доля мужчин — выше (50,8% против 45,12%). Средний возраст оставшихся (48,15 лет на момент первой волны) также превышал аналогичные показатели согласно переписи (45,35) и в полной выборке первой волны (45,72). Наконец, уже в исходной выборке были недостаточно представлены люди с низким уровнем образования (9 классов школы или меньше: 3,5% против 14,6% в переписи) и проживающие в сельской местности (13,2% против 26,3%) [Корсунова, Соколов, 2022: 14]; в панели соответствующие доли оказались еще меньше (2,4% и 12%).

Исследование сосредоточено на 977¹⁵ респондентах, которые приняли участие в обеих волнах. Основная его цель заключается в выявлении факторов, ассоциирующихся с изменчивостью убеждений по коронавирусной проблематике, в силу чего особое внимание уделяется тем, кто поменял свои взгляды по этому вопросу между волнами¹⁶.

В анкете ЦВК (основанной на опросниках Всемирного исследования ценностей и Европейского социального исследования) содержится множество показателей, которые отражают как фундаментальные личностные черты и ценности участников исследования, так и их отношение к широкому кругу общественно-политических проблем, а также социально-демографические характеристики. Важный блок составляет группа вопросов, относящаяся к различным аспектам индивидуального опыта пандемии: опыт заражения коронавирусом у респондента или членов его семьи, степень тяжести заболевания, столкновение с экономическими последствиями ухудшения эпидемиологической ситуации, уровень тревожности по поводу происходящего. В ходе анализа были рассмотрены практически все включенные в анкету показатели, но подробно описываются результаты только по тем переменным, для которых были выявлены значимые связи с динамикой установок по отношению к COVID-19 между волнами.

Операционализация

Чтобы оценить, разделяет ли респондент ковид-скептические взгляды, использовался следующий вопрос, представленный в анкете ЦВК: *«В социальных сетях можно найти сообщения, в которых объявляют пандемию коронавируса обманом, а введение ограничительных мер — истерией и слишком острой реакцией. Согласны ли Вы с этим или не согласны?»* Он имел только два варианта ответа: «да» или «нет». Соответственно, все респонденты были поделены на две категории: ковид-скептиков (ответили «да») и ковид-нескептиков (ответили «нет»).

Такой подход позволяет исследовать различия между указанными группами с помощью простых статистических тестов на значимость различий в средних или пропорциях, но не учитывает градации ковид-скептицизма и не различает отношение к самой пандемии и отношение к правительственным мерам по борьбе с ней. Есть и другая проблема: в силу недостаточной конкретизации того, что

¹⁵ Всего в обоих этапах опроса приняло участие 978 человек, однако один респондент не ответил на вопрос о восприятии пандемии во второй волне и был исключен из анализа.

¹⁶ Сравнению кросс-секционных результатов первой и второй волн посвящена первая часть настоящей статьи [Афанасьева, Соколов, Широконова, 2023].

именно подразумевается под «этим» в вопросе, ответ может выражать (не-)согласие респондента как с (1) утверждением о наличии подобных сообщений в соц-сетях (что никак не характеризует его позицию относительно коронавируса), так и (2) (не-)согласие с их содержанием (что, собственно, и является маркером ковид-скептицизма). С другой стороны, в анкету второй волны ЦВК были включены дополнительные вопросы, измерявшие степень поддержки нескольких теорий заговора, связанных с коронавирусом. Среди ковид-скептиков сторонников таких теорий оказалось значительно больше [Афанасьева, Соколов, Широконова, 2023].

Кроме того, предыдущие исследования на российском материале, использовавшие данный индикатор, продемонстрировали его высокую внешнюю валидность и наличие сильных связей¹⁷ между ним и широким кругом других характеристик респондентов [Соколов, Завадская, 2021, 2023; Соколов и др., 2022; Афанасьева, Соколов, Широконова, 2023]. Это свидетельствует о том, что такой способ измерения ковид-скептицизма, несмотря на недостатки, представляется допустимым¹⁸.

Результаты

Чтобы понять, какие факторы могут способствовать или, наоборот, противодействовать ковид-скептицизму в динамике, все респонденты, принявшие участие в обеих волнах опроса, были разделены на четыре группы (см. рис. 1):

1) «убежденные нескептики» (или просто «нескептики») — респонденты, не менявшие взгляды между волнами, таковых оказалось 53,0 %;

2) «убежденные скептики» (или просто «скептики») — 22,0 %;

3) «бывшие скептики» — те, кто был скептиком в первой волне, но изменил свою позицию ко второй. Их доля составила 15,4 %;

4) «новые скептики», начавшие сомневаться в серьезности происходящего только ко второй волне, — 9,6 %.

Рис. 1. Четыре траектории изменения позиции по отношению к коронавирусу между первой и второй волнами

¹⁷ При этом выявленные паттерны согласуются с результатами других работ по теме, как отечественных, так и зарубежных, в которых использовались альтернативные — и более надежные — индикаторы ковид-скептицизма (см., например, источники, упомянутые в обзоре литературы выше).

¹⁸ См. также аргументацию в работе [Соколов, Завадская, 2021: 418].

Какие характеристики позволяют дифференцировать представителей последних двух групп (которые в сумме составляют 25,0% от всех респондентов, принявших участие в обеих волнах)? Можно выделить три типа сравнений между «непостоянными» скептиками: внутри первой волны исследования (исходные различия), внутри второй волны (различия, появившиеся с течением времени) и между волнами. Так как исследование носит разведывательный характер, интерес представляют все три. При этом, хотя третий тип является функцией от первых двух, фокус на нем позволяет лучше понять именно динамику, то есть направление и величину изменений — конкретных корреляторов ковид-скептицизма. Результаты по всем трем типам различий для упоминаемых ниже показателей суммированы в таблице А1 приложения.

Первым важным фактором является возраст. Средний возраст новых скептиков — 45,8 лет, а бывших скептиков — 49,8 года ($\Delta = 4$, $t = 2,34$, $p = 0,02$)¹⁹. Указанные группы также отличались во второй волне по уровню дохода: медианное значение среди бывших скептиков — от 40 до 60 тыс. руб.; среди новых — от 30 до 40 тыс. руб. (в первой волне в обеих категориях медианой был вариант ответа «от 30 до 40 тыс. руб.»).

Бывшие скептики в обеих волнах демонстрировали чуть большую приверженность ценностям равенства²⁰ [Вельцель, 2017] (волна 1: 0,63 против 0,55 по шкале от 0 до 1; $\Delta = 0,08$, $t = 2,80$, $p = 0,01$; волна 2: 0,63 против 0,57; $\Delta = 0,06$, $t = 2,03$, $p = 0,044$). Похожая картина наблюдается и для ценностей выбора: в первой волне средние значения по данному конструкту в этих группах равняются 0,46 и 0,36 ($\Delta = 0,10$, $t = 3,10$, $p = 0,00$), а во второй — 0,48 и 0,38 ($\Delta = 0,10$, $t = 3,05$, $p = 0,00$).

Различия между группами респондентов, изменивших мнение относительно коронавируса, были обнаружены для трех базовых ценностей первого порядка по Шварцу [Шварц и др., 2012; Магун, Руднев, 2008]. Во-первых, во второй волне у новых скептиков средние значения ценности власти были несколько выше ($-0,32$ против $-0,60$; $\Delta = 0,28$, $t = 2,45$, $p = 0,02$). Во-вторых, будущие новые скептики в первой волне в меньшей степени ценили универсализм (впрочем, для данной ценности разница была только погранично значимой: 0,35 против 0,50; $\Delta = 0,15$, $t = 1,70$, $p = 0,09$) и самостоятельность (0,17 против 0,45; $\Delta = 0,28$, $t = 2,52$, $p = 0,01$). Во второй волне, однако, различия между этими группами по обоим конструктам исчезли: средние по ценности универсализма — 0,54 против 0,57 ($\Delta = 0,03$, $t = 0,28$, $p = 0,78$); по ценности самостоятельности — 0,21 против 0,30 ($\Delta = 0,09$, $t = 0,83$, $p = 0,41$) соответственно.

¹⁹ Здесь и далее разница средних и соответствующая t -статистика приводятся по модулю, так как вместе с ними даются и средние значения для сравниваемых групп, в силу чего не составляет труда понять, в какой группе целевой показатель выражен в большей степени. Если прямо не указано иное, то по умолчанию используется критерий Стьюдента для независимых выборок.

²⁰ Ценности равенства и ценности выбора являются вариантами предложенного К. Вельцелем понятия эмансипативных ценностей [Вельцель, 2017], расширяющего более известные русскоязычному читателю концепции пост-материалистических ценностей и ценности самовыражения [Инглхарт, Вельцель, 2011; Инглхарт, 2018]. Первый из указанных конструктов фиксирует, насколько респонденты поддерживают гендерное равенство в таких сферах, как политика, образование и рынок труда. В свою очередь, ценности выбора отражают индивидуальные представления о допустимости таких практик, как гомосексуальность, аборт и разводы. В настоящем исследовании эти понятия измеряются с помощью композитных индексов, составленных на основании соответствующих вопросов анкеты и приведенных к шкале от 0 до 1, где 1 соответствует наиболее либеральным взглядам (см. полное описание соответствующей методики в работе [Вельцель, 2017]).

Другое важное различие между бывшими и новыми скептиками — уровень тревоги в начале пандемии. Последние во время первой волны сильнее беспокоились о возможных негативных последствиях пандемии в плане как здоровья (3,13 против 2,48 по шкале от 0 до 4; $\Delta = 0,65$, $t = 4,34$, $p = 0,00$), так и благосостояния²¹ (3,20 против 2,93; $\Delta = 0,27$, $t = 1,88$, $p = 0,06$). Во второй волне существенной разницы между двумя группами не наблюдалось: средние значения тревожности относительно здоровья были 2,93 и 2,85 ($\Delta = 0,08$, $t = 0,51$, $p = 0,61$) соответственно; относительно материального положения — 2,91 и 2,84 ($\Delta = 0,07$, $t = 0,47$, $p = 0,64$).

На момент первой волны опроса новые скептики отличались от бывших скептиков более высоким уровнем доверия к традиционным СМИ (ТВ и радио) по сравнению с социальными сетями (2,94 против 2,61 по шкале от 1 до 5; $\Delta = 0,33$, $t = 2,00$, $p = 0,047$). Во второй волне разница стала незначимой (2,72 у новых против 3,00 у бывших; $\Delta = 0,28$, $t = 1,86$, $p = 0,06$). При этом уровень доверия традиционным медиа значимо вырос среди бывших скептиков ($\Delta = 0,39$, $t = 3,63$, $p = 0,00$ ²²).

Уровень доверия правительству (1,26 против 0,95 по шкале от 0 до 3; $\Delta = 0,31$, $t = 2,57$, $p = 0,01$), системе здравоохранения (1,29 против 0,95 по шкале от 0 до 3; $\Delta = 0,34$, $t = 3,08$, $p = 0,00$) и институтам страны в целом (1,31 против 1,10 по шкале от 0 до 3; $\Delta = 0,21$, $t = 1,92$, $p = 0,06$) у новых скептиков в первой волне также был выше. Как и для многих других переменных, ко второй волне указанные различия исчезают или становятся существенно меньше: средние уровни доверия правительству у новых и бывших скептиков весной 2021 г. составляли 0,99 и 0,97 ($\Delta = 0,02$, $t = 0,20$, $p = 0,85$) соответственно; системе здравоохранения — 1,15 и 1,05 ($\Delta = 0,10$, $t = 0,84$, $p = 0,40$); институтам страны в целом — 1,28 и 1,26 ($\Delta = 0,02$, $t = 0,24$, $p = 0,80$). При этом доверие правительству значимо снизилось среди новых скептиков ($\Delta = 0,27$, $t = 3,20$, $p = 0,00$ ²³) между волнами, а доверие институтам страны значимо выросло среди бывших скептиков ($\Delta = 0,16$, $t = 2,64$, $p = 0,01$ ²⁴).

В отличие от институционального доверия, расхождения между этими группами в плане их оценки конкретных действий правительства по противодействию пандемии оказались не такими выраженными. В первой волне данный показатель был немного (статистически незначимо) выше среди новых скептиков (1,78 против 1,61; $\Delta = 0,17$, $t = 1,13$, $p = 0,26$). Во второй волне позиция бывших скептиков стала существенно более одобрительной (среднее значение — 1,94 против 1,61 в первой волне; $\Delta = 0,33$, $t = 3,97$, $p = 0,00$ ²⁵). Среди новых скептиков уровень одобрения правительства тоже вырос, но минимально (1,84 против 1,78; $\Delta = 0,06$, $t = 0,58$, $p = 0,57$ ²⁶). Тем не менее допустимо предположить, что разочарование в официальных источниках информации и существующих социально-

²¹ Соответствующие вопросы фиксировали, насколько сильно респонденты беспокоились насчет того, что они сами или их близкие заболеют и серьезно пострадают от коронавируса или от экономического спада, вызванного коронавирусом.

²² Результаты теста Стьюдента для парных выборок.

²³ Результаты теста Стьюдента для парных выборок.

²⁴ Результаты теста Стьюдента для парных выборок.

²⁵ Результаты теста Стьюдента для парных выборок.

²⁶ Результаты теста Стьюдента для парных выборок.

политических институтах может способствовать росту ковид-скептицизма, а обратный процесс — отказу от него.

Заключение

Анализ материалов двух волн лонгитюдного опроса «Ценности в кризисе» показывает, что индивидуальные представления о пандемии коронавируса могут меняться с течением времени: четверть (25,0 %) респондентов, принявших участие в обоих этапах исследования, в апреле — мае 2021 г. ответили на соответствующий вопрос не так, как в июне 2020 г. Более 40 % тех, кто был ковид-скептиком в первой волне ЦВК (15,4 % из 37,4 %), перешли в категорию нескептиков; при этом примерно каждый шестой нескептик (9,6 % из 62,6 %) в первой волне стал скептиком во второй. С одной стороны, эти числа свидетельствуют о том, что снижение уровня неопределенности относительно нового заболевания по мере развития ситуации способствует также и снижению доли ковид-скептиков. С другой стороны, этот процесс не является однонаправленным: один из десяти участников опроса, напротив, начал сомневаться в серьезности пандемии только спустя довольно значительный промежуток времени после ее начала.

Новые скептики демонстрируют более высокий исходный уровень обеспокоенности потенциальными последствиями пандемии для их (и членов их семей) здоровья. Возможно, их переход к скептицизму и снижение уровня обеспокоенности по мере развития пандемии — это проявление своеобразной стратегии преодоления стресса: когда люди чего-то боятся и не имеют возможности это контролировать, они находят простое объяснение сложной проблемы, за счет чего снижают тревогу (характерно, что во второй волне между бывшими и новыми скептиками различий в уровнях тревожности обоих типов нет). Это наблюдение может объясняться и по-другому: появление дополнительной информации о вирусе в ходе пандемии способствовало одновременно снижению неопределенности и тревоги, но также и появлению сомнений в серьезности угрозы. При этом среди убежденных скептиков уровень обеспокоенности по поводу здоровья в обеих волнах был существенно ниже, чем среди новых скептиков. Это согласуется с наблюдениями других исследователей, согласно которым индивидуальное восприятие риска заболеть может быть нелинейно (U-образно) связано со склонностью к конспирологическому мышлению [Rozukalne et al., 2021].

Кроме того, отказ от ковид-скептицизма (в сравнении с обратной трансформацией) чаще наблюдался среди лиц старшего возраста и с более высоким уровнем дохода. Первая тенденция, очевидно, отражает объективно более серьезные риски COVID-19 для пожилых людей — они попросту не могут позволить себе «роскошь» сомнения. Свою роль здесь играет куда более распространенный (и менее оптимистичный²⁷) среди этой категории непосредственный опыт знакомства с болезнью. Вторая тенденция, видимо, отражает «скептический» эффект неудовле-

²⁷ Молодые люди или лица среднего возраста с хорошим здоровьем чаще всего переносят коронавирус в легкой форме. Подобный опыт может интерпретироваться некоторыми из них в качестве эмпирического подтверждения тезиса о том, что коронавирус не страшнее гриппа. Среди пожилых такой благоприятный сценарий значительно менее вероятен (плюс выше — и тем самым заметнее — смертность среди их непосредственного круга общения), в силу чего и причин сомневаться в серьезности связанных с болезнью угроз у них меньше.

творительного материального положения, описанный ранее в литературе, в том числе и в российском контексте (см., например, [Соколов и Завадская, 2021]).

Кроме того, бывшие скептики в большей степени (чем новые) поддерживают ценности равенства и выбора (по Вельцелю) и в меньшей степени — власти (по Шварцу). Вероятно, просоциальные и эгалитарные установки могут способствовать большему доверию к официальной информации (см. также [Глазков, 2022]), хотя стоящий за этим механизм неясен. Впрочем, исследований связи между ценностями и отношением к коронавирусу (и, шире, склонностью к конспирологическому мышлению) на данный момент крайне мало, особенно лонгитюдных, в силу чего делать какие-либо обобщения и сравнения представляется преждевременным.

Наконец, в первой волне среди бывших скептиков доверие традиционным медиа и различным национальным институтам было сильно ниже, чем у новых скептиков. Во второй волне эти различия в общем сохранились (за исключением доверия медиа), но сильно ослабли: у бывших скептиков указанные показатели между волнами выросли, а у новых скептиков — сократились. Эти тенденции подтверждают предыдущие свидетельства о том, что ковид-скептицизм тесно связан с институциональным или политическим доверием [Макушева, Нестик, 2020; Соколов, Завадская, 2021; Соколов, Завадская, Чмель, 2022; Соколов, Завадская, 2023].

Рассматривались и иные характеристики респондентов: пол, образование, проживание в городе / сельской местности, наличие детей, уровень субъективного благополучия (в том числе показатели по шкале депрессии), «большая пятерка» личностных черт, все базовые ценности Шварца первого порядка, различные аспекты негативного опыта пандемии (заболевание коронавирусом, потеря работы) и ряд других. По ним значимых различий между бывшими и новыми скептиками выявлено не было.

В целом полученные результаты согласуются с выводами других исследований о том, что ковид-скептицизм в большей степени распространен среди представителей младших и средних возрастных групп, людей с меньшим уровнем дохода [Eichhorn, 2022] и с низким уровнем институционального доверия [Küppers, Reiser, 2022], а также тех, кто предпочитает традиционным медиа социальные сети в качестве источника информации [Goreis, Kothgassner, 2020]. При этом на российских данных не удалось обнаружить связь между политической позицией по шкале «левый — правый» и формированием скептических взглядов по отношению к коронавирусу, ранее описанную на материалах западных стран [Hornsey et al., 2020; Kim, Kim, 2021; Levin, Bradshaw, 2022; Prichard, Christman, 2020]. Возможно, указанная шкала плохо ухватывает особенности российского идеологического пространства.

Следует обозначить основные ограничения работы. Во-первых, в качестве метрики ковид-скептицизма использовался единственный вопрос с не самой удачной формулировкой, к тому же смешивающий отношение к пандемии и оценку эффективности деятельности правительства по борьбе с ней. Кроме того, он не позволяет разграничить различные виды ковид-скептицизма: от простого отказа соблюдать меры предосторожности и неверия в серьезность заболевания до веры в теории заговора по теме COVID-19. Еще одной важной проблемой является то, что изменение позиции респондентов относительно коронавируса между двумя волнами опроса могло быть вызвано случайными причинами: например,

респонденты попросту невнимательно (или не задумываясь) отвечали на измеряющий ковид-скептицизм вопрос. С другой стороны, маловероятно, что доля таких ответов является хоть сколько-нибудь заметной, иначе вряд ли бы удалось получить какие-либо осмысленные результаты в плане ассоциаций с другими характеристиками опрошенных. Также необходимо указать, что полноценное понимание причин изменения индивидуальной позиции по отношению к коронавирусу требует сравнения не только бывших и новых скептиков между собой, но и с теми, чьи установки оставались неизменными — убежденными скептиками и нескептиками. Это, однако, является задачей для будущих исследований.

Кроме того, как отмечается выше, использованная выборка имеет ограниченную репрезентативность. Следует подчеркнуть, однако, что настоящее исследование в первую очередь направлено на выявление коррелятов динамики ковид-скептицизма, а не на точную оценку распространенности самого феномена в России. Согласно ряду недавних методологических публикаций [Coppock, McClellan, 2019; Peyton, Huber, Coppock, 2022; Moss et al., 2023], статистические коэффициенты, измеряющие силу связи между различными признаками, являются менее чувствительными к характерному для онлайн-опросов смещению выборки относительно генеральной совокупности по одному или нескольким параметрам, чем меры центральной тенденции. В этом отношении полученные результаты могут рассматриваться в качестве относительно достоверных и репрезентативных, как минимум в плане знака и статистической значимости выявленных ассоциаций.

Список литературы (References)

Алиева А., Бадалян Д., Костенко В., Пантелеев К., Пацюкова Ю., Станевич О. Социальные предикторы соблюдения ограничительных мер в первую волну пандемии Covid-19 в Санкт-Петербурге // Журнал исследований социальной политики. 2023. Т. 21. № 1. С. 25—44. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-1-25-44>.
Alieva A., Badalyan D., Kostenko V., Panteleev K., Pacyukova YU., Stanevich O. (2023) Social Predictors of Compliance with Restrictive Measures in the First Wave of the Covid-19 Pandemic in St. Petersburg. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 21. No. 1. P. 25—44. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-1-25-44>. (In Russ.)

Архипова А. С.²⁸, Радченко Д. А., Козлова И. В., Пейгин Б. С., Гаврилова М. В., Петров Н. В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>.
Arhipova A. S., Radchenko D. A., Kozlova I. V., Peigin B. S., Gavrilova M. V., Petrov N. V. (2020) Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>. (In Russ.)

Афанасьева Ю. А., Соколов Б. О., Широканова А. А. Факторы ковид-скептицизма в России: результаты анализа материалов двух волн лонгитюдного опроса «Ценности в кризисе» // Мониторинг общественного мнения: экономические и соци-

²⁸ Внесена в реестр иностранных агентов.

альные перемены. 2023. № 5. С. 115—137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2375>.

Afanasyeva Y. A., Sokolov B. O., Shirokanova A. A. (2023) Factors of COVID-19-Skepticism in Russia: Evidence from Two Waves of the “Values in Crisis” Longitudinal Survey. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 115—137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2375>. (In Russ.)

Вельцель К. Рождение свободы. М.: ВЦИОМ, 2017
Welzel C. (2017) *Freedom Rising*. Moscow: VCIOM. (In Russ.)

Глазков К. П. В погоне за коллективным иммунитетом: прививочные стратегии россиян в контексте различных форм принуждения к вакцинации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 301—326. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2110>.

Glazkov K. P. (2022) Chasing Herd Immunity: Vaccination Strategies of Russians in the Context of Various Forms of Enforcement to Vaccination. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 301—326. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2110>. (In Russ.)

Дейнека О. С., Максименко А. Динамика отношения россиян к вызванной COVID-19 пандемии и режиму самоизоляции в период первой и второй волн // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / под ред. Т. А. Нестика, А. Л. Журавлева, А. Е. Воробьевой. М.: Институт психологии РАН, 2021. С. 197—216. https://doi.org/10.38098/fund_21_0442_05.

Deyneka O. S., Maximenko A. A. (2021) Dynamics of Russians' Attitudes Towards the Pandemic Caused by COVID-19 and the Self-Isolation Regime during the First and Second Waves. In: *The Impact of the Pandemic on Personality and Society: Psychological Mechanisms and Consequences*. Moscow: Institute of Psychology, RAS. P. 197—216. https://doi.org/10.38098/fund_21_0442_05. (In Russ.)

Дудина В. И., Сайфулина В. О. «Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось»: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 279—298. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2344>.

Dudina V. I., Saifulina V. O. (2023) «I Read It, I Wanted To Get Vaccinated Even Less»: An Online Discourse of Vaccine Hesitancy. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 279—298. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2344>. (In Russ.)

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия / под ред. Ю. Кузнецова; пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство, 2011.
Inglehart R., Welzel C. (2011). *Modernization, Cultural Change, and Democracy*. Moscow: Novoe Izdatel'stvo. (In Russ.)

Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / под ред. М. А. Завадской, В. В. Костенко, А. А. Широкановой; научн. ред. Э. Д. Понарин; пер. с англ. С. Л. Лопатиной. М.: Мысль, 2018

Inglehart R. (2018). *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Корсунова В. И., Соколов Б. О. Ценностные установки россиян: сравнение результатов онлайн- и офлайн-опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 4—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2083>.

Korsunova V. I., Sokolov B. O. (2022) Value Orientations in Russia: Comparing Evidence from Online and Face-to-Face Surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 4—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2083>. (In Russ.)

Магун, В. С., Руднев, М. Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1. С. 33—58.

Magun V. S., Rudnev M. G. (2008) The Life Values of the Russian Population: Similarities and Differences in Comparison with Other European Countries. *Vestnik Obshchestvennogo mneniya. Danniiye. Analiz. Discussii*. No 1. P. 33—58. (In Russ.)

Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427—447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>.

Makusheva M. O., Nestik T. A. (2020) Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 427—447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>. (In Russ.)

Нестик Т. А., Дейнека О. С., Максименко А. А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 87—104. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110407>.

Nestik T. A., Deyneka O. S., Maksimenko A. A. (2020) Socio-Psychological Predictors of Belief in Conspiracy Theories of the Origin of COVID-19 and Involvement in Social Media. *Social Psychology and Society*. Vol. 11. No. 4. P. 87—104. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110407>. (In Russ.)

Понарин, Э. Д., Климова, А. М., Соколов, Б. О. Values in Crisis-International/Ценности в кризис (данные по российской выборке) 2020 г. Номер свидетельства: RU 2021622511, 2021. URL: https://fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet?DB=D&DocNumber=2021622511&TypeFile=html.

Ponarin, E. D., Klimova, A. M., Sokolov, B. O. (2021) Values in Crisis International (Russia) 2020. Registration number: RU 2021622511. URL: https://fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet?DB=DB&DocNumber=2021622511&TypeFile=html. (In Russ.)

Понарин, Э. Д., Климова, А. М., Соколов, Б. О. Values in Crisis-International / Ценности в кризис (данные по российской выборке) 2021 г. Номер свидетельства: RU 2021622861. URL: https://www1.fips.ru/fips_servl/fips_servlet?DB=DB&DocNumber=2021622861&TypeFile=html.

Ponarín, E.D., Sokolov, B.O., Klimova, A.M. (2021) Values in Crisis International (Russia) 2021. Registration number: RU 2021622861. URL: https://www1.fips.ru/fips_servl/fips_servlet?DB=DB&DocNumber=2021622861&TypeFile=html. (In Russ.)

Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш. Готовность к вакцинации против коронавируса как мера доверия официальным медицинским рекомендациям: роль тревоги и представлений // Национальный психологический журнал. 2021. № 1. С. 76—90. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0107>.

Rasskazova E. I., Tkhostov A. Sh. (2021) Eagerness to Be Vaccinated against Coronavirus as an Indicator of Trust to Official Medical Recommendations: The Role of Anxiety and Beliefs. *National Psychological Journal*. No. 1. P. 76—90. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0107>. (In Russ.)

Соколов Б. О., Завадская М. А. Социально-демографические особенности, личностные черты, ценности и установки ковид-скептиков в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 410—435. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938>.

Sokolov B. O., Zavadskaya M. A. (2021) Socio-Demographic Profiles, Personality Traits, Values, and Attitudes of COVID-Skeptics in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 410—435. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938>. (In Russ.)

Соколов Б. О., Завадская М. А., Чмель К. Ш. Динамика индивидуальной политической поддержки в России в ходе пандемии COVID-19: анализ данных опроса «ценности в кризисе» // Политическая наука. 2022. № 2. С. 122—143. <https://doi.org/10.31249/poln/2022.02.06>.

Sokolov B. O., Zavadskaya M. A., Chmel K. Sh. (2022) The Dynamic of Political Support in Russia during the COVID-19 Pandemic: Evidence from ‘The Values in Crisis’ Survey Data Analysis. *Political Science (RU)*. No. 2. P. 122—143. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.06>. (In Russ.)

Соколов Б. О., Завадская М. А. Индивидуальный опыт первой волны пандемии COVID-19 и политическая поддержка в России (по материалам опроса «Ценности в кризисе») // Полис. Политические исследования. 2023. Т. 4. № 4. С. 152—167. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.11>.

Sokolov B. O., Zavadskaya M. A. (2023) Individual Experience of the First Wave of the COVID-19 Pandemic and Political Support in Russia: Evidence from the Values in Crisis Survey. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 152—167. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.11>. (In Russ.)

Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43—70.

Schwartz Sh., Butenko T., Sedova D., Lipatova A. (2012) A Refined Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. Vol. 9. No. 2. P. 43—70. (In Russ.)

Ahmed S., Rasul M. E., Cho J. (2022) Social Media News Use Induces COVID-19 Vaccine Hesitancy through Skepticism Regarding Its Efficacy: A Longitudinal Study from the United States. *Frontiers in Psychology*. Vol. 13. Art. 900386. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.900386>.

Allington D., Duffy B., Wessely S., Dhavan N., Rubin J. (2021) Health-Protective Behaviour, Social Media Usage and Conspiracy Belief during the COVID-19 Public Health Emergency. *Psychological Medicine*. Vol. 51. No. 10. P. 1763—1769. <https://doi.org/10.1017/S003329172000224X>.

Aschauer W., Seymer, A., Bodi-Fernandez O., Herzog M., Hadler M., Höllinger F.,bacher J., Welzel C., Boehnke K., Delhey J., Deutsch F., Eichhorn J., Kühnen U., Moraes D., Kemer T., Gonzalez R., Salvatierra V., Fuentes A., Chang Y., ..., Stier J. (2021) Values in Crisis International (SUF edition) [Data set]. *AUSSDA*. <https://doi.org/10.11587/LIHK1L>.

Biddlestone M., Green R., Douglas K. M. (2020) Cultural Orientation, Power, Belief in Conspiracy Theories, and Intentions to Reduce the Spread of COVID-19. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 59. No. 3. P. 663—673. <https://doi.org/10.1111/bjso.12397>.

Coppock A., McClellan O. A. (2019) Validating the Demographic, Political, Psychological, and Experimental Results Obtained from a New Source of Online Survey Respondents. *Research & Politics*. Vol. 6. No. 1. <https://doi.org/10.1177/2053168018822174>.

de Albuquerque Veloso Machado M., Roberts B., Wong B. L. H., van Kessel R., Mossialos E. (2021) The Relationship Between the COVID-19 Pandemic and Vaccine Hesitancy: A Scoping Review of Literature Until August 2021. *Frontiers in Public Health*. Vol. 9. Art. 747787. <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpubh.2021.747787>.

Druckman J. N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J. B. (2021) Affective Polarization, Local Contexts and Public Opinion in America. *Nature Human Behaviour*. Vol. 5. No. 1. P. 28—38. <https://doi.org/10.1038/s41562-020-01012-5>.

Eberl J.-M., Huber R. A., Greussing E. (2021) From Populism to the “Plandemic”: Why Populists Believe in COVID-19 Conspiracies. *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*. Vol. 31. Sup1. P. 272—284. <https://doi.org/10.1080/17457289.2021.1924730>.

Eichhorn J., Spöri T., Delhey J., Deutsch F., Dragolov G. (2022) Reality Bites: An Analysis of Corona Deniers in Germany over Time. *Frontiers in Sociology*. Vol. 7. Art. 974972. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2022.974972>.

Fobiwe J. P., Martus P., Poole B. D., Jensen J. L., Joos S. (2022) Influences on Attitudes Regarding COVID-19 Vaccination in Germany. *Vaccines*. Vol. 10. No. 5. P. 658. <https://doi.org/10.3390/vaccines10050658>.

Fridman A., Gershon R., Gneezy A. (2021) COVID-19 and vaccine hesitancy: A longitudinal study. *PLOS ONE*. Vol. 16. No. 4. Art. e0250123. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0250123>.

Gemenis K. (2021) Explaining Conspiracy Beliefs and Scepticism around the COVID-19 Pandemic. *Swiss Political Science Review*. Vol. 27. No. 2. P. 229—242. <https://doi.org/10.1111/spsr.12467>.

Goreis A., Kothgassner O. D. (2020) Social Media as Vehicle for Conspiracy Beliefs on COVID-19. *Digital Psychology*. Vol. 1. No. 2. P. 36—39. <https://doi.org/10.24989/dp.v1i2.1866>.

Hornik R., Kikut A., Jesch E., Woko C., Siegel L., Kim K. (2021) Association of COVID-19 Misinformation with Face Mask Wearing and Social Distancing in a Nationally Representative US Sample. *Health Communication*. Vol. 36. No. 1. P. 6—14. <https://doi.org/10.1080/10410236.2020.1847437>.

Hornsey M. J., Chapman C. M., Alvarez B., Bentley S., Salvador Casara B. G., Crimston C. R., Ionescu O., Preya Selvanathan H., Steffens N. K., Jetten J. (2021) To What Extent Are Conspiracy Theorists Concerned for Self versus Others? A COVID-19 Test Case. *European Journal of Social Psychology*. Vol. 51. No. 2. P. 285—293. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2737>.

Hornsey M. J., Finlayson M., Chatwood G., Begeny C. T. (2020) Donald Trump and Vaccination: The Effect of Political Identity, Conspiracist Ideation and Presidential Tweets on Vaccine Hesitancy. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 88. Art. 103947. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2019.103947>.

Hughes J. P., Efstratiou A., Komer S. R., Baxter L. A., Vasiljevic M., Leite A. C. (2022) The Impact of Risk Perceptions and Belief in Conspiracy Theories on COVID-19 Pandemic-Related Behaviours. *PLOS ONE*. Vol. 17. No. 2. Art. e0263716. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263716>.

Jaspal R., Nerlich, B. (2023) Social Representations of COVID-19 Skeptics: Denigration, Demonization, and Disenfranchisement. *Politics, Groups, and Identities*. Vol. 11. No. 4. P. 750—770. <https://doi.org/10.1080/21565503.2022.2041443>.

Joseph A. M., Fernandez V., Kritzman S., Eaddy I., Cook O. M., Lambros S., Jara Silva C. E., Arguelles D., Abraham C., Dorgham N., Gilbert Z. A., Chacko L., Hirpara R. J., Mayi B. S., Jacobs R. J. (2022) COVID-19 Misinformation on Social Media: A Scoping Review. *Cureus*. Vol. 14. No. 4. Art. e24601. <https://doi.org/10.7759/cureus.24601>.

Karić T., Međedović J. (2021) COVID-19 Conspiracy Beliefs and Containment-Related Behaviour: The Role of Political Trust. *Personality and Individual Differences*. Vol. 175. Art. 110697. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110697>.

Karlinsky A., Kobak D. (2021) Tracking Excess Mortality across Countries during the COVID-19 Pandemic with the World Mortality Dataset. *ELife*. Vol. 10. Art. e69336. <https://doi.org/10.7554/eLife.69336>.

Kim S., Kim S. (2021) Searching for General Model of Conspiracy Theories and Its Implication for Public Health Policy: Analysis of the Impacts of Political, Psychological, Structural Factors on Conspiracy Beliefs about the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. No. 1. Art. 266. <https://doi.org/10.3390/ijerph18010266>.

Kruglanski A. W., Molinario E., Lemay E. P. (2021) Coping with COVID-19-induced threats to self. *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 24. No. 2. P. 284—289. <https://doi.org/10.1177/1368430220982074>.

Küppers A., Reiser M. (2022) Ideological Extremism or Far-Right Attitudes? The Role of Ideology for COVID-19 Scepticism. *Representation*. Vol. 58. No. 4. P. 481—499. <https://doi.org/10.1080/00344893.2022.2134190>.

Lalot F., Heering M. S., Rullo M., Travaglino G. A., Abrams D. (2022) The Dangers of Distrustful Complacency: Low Concern and Low Political Trust Combine to Undermine Compliance with Governmental Restrictions in the Emerging COVID-19 Pandemic. *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 25. No. 1. P. 106—121. <https://doi.org/10.1177/1368430220967986>.

Latkin C. A., Dayton L., Moran M., Strickland J. C., Collins K. (2022) Behavioral and Psychosocial Factors Associated with COVID-19 Skepticism in the United States. *Current Psychology*. Vol. 41. P. 7918—7926. <https://doi.org/10.1007/s12144-020-01211-3>.

Latkin C., Dayton L. A., Yi G., Konstantopoulos A., Park J., Maulsby C., Kong X. (2021) COVID-19 Vaccine Intentions in the United States, a Social-Ecological Framework. *Vaccine*. Vol. 39. No. 16. P. 2288—2294. <https://doi.org/10.1016/j.vaccine.2021.02.058>.

Leon D. A., Shkolnikov V. M., Smeeth L., Magnus P., Pechholdová M., Jarvis C. I. (2020) COVID-19: A Need for Real-Time Monitoring of Weekly Excess Deaths. *The Lancet*. Vol. 395. No. 10234, e81. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30933-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30933-8).

Levin J., Bradshaw M. (2022) Determinants of COVID-19 Skepticism and SARS-Cov-2 Vaccine Hesitancy: Findings from a National Population Survey of U.S. adults. *BMC Public Health*. Vol. 22. No. 1. Art. 1047. <https://doi.org/10.1186/s12889-022-13477-2>.

Liu P. L. (2021) COVID-19 Information on Social Media and Preventive Behaviors: Managing the Pandemic through Personal Responsibility. *Social Science & Medicine*. Vol. 277. Art. 113928. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.113928>.

Magarini F. M., Pinelli M., Sinisi A., Ferrari S., De Fazio G. L., Galeazzi G. M. (2021) Irrational Beliefs about COVID-19: A Scoping Review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. No. 19. Art. 9839. <https://doi.org/10.3390/ijerph18199839>.

Msemburi W., Karlinsky A., Knutson V., Aleshin-Guendel S., Chatterji S., Wakefield J. (2023) The WHO Estimates of Excess Mortality Associated with the COVID-19 Pandemic. *Nature*. Vol. 613. No. 7942. P. 130—137. <https://www.nature.com/articles/S41586-022-05522-2>

Moss A. J., Hauser D. J., Rosenzweig C., Jaffe S., Robinson J., Litman L. (2023) Using Market-Research Panels for Behavioral Science: An Overview and Tutorial. *Advances in Methods and Practices in Psychological Science*. Vol. 6. No. 2. <https://doi.org/10.1177/25152459221140388>.

Muğaloğlu E. Z., Kaymaz Z., Mısır M. E., Laçin-Şimşek C. (2022) Exploring the Role of Trust in Scientists to Explain Health-Related Behaviors in Response to the COVID-19 Pandemic. *Science & Education*. Vol. 31. No. 5. P. 1281—1309. <https://doi.org/10.1007/s11191-022-00323-5>.

Neumann-Böhme S., Varghese N. E., Sabat I., Barros P.P., Brouwer W., van Exel J., Schreyögg J., Stargardt T. (2020) Once We Have It, Will We Use It? A European Survey on Willingness to Be Vaccinated Against COVID-19. *The European Journal of Health Economics*. Vol. 21. No. 7. P. 977—982. <https://doi.org/10.1007/s10198-020-01208-6>.

Oleksy T., Wnuk A., Gambin M., Łyś, A. (2021) Dynamic Relationships between Different Types of Conspiracy Theories about COVID-19 and Protective Behaviour: A Four-Wave Panel Study in Poland. *Social Science & Medicine*. Vol. 280. Art. 114028. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2021.114028>.

Oleksy T., Wnuk A., Gambin M., Łyś A., Bargiel-Matusiewicz K., Pisula E. (2022) Barriers and Facilitators of Willingness to Vaccinate against COVID-19: Role of Prosociality, Authoritarianism and Conspiracy Mentality. A Four-Wave Longitudinal Study. *Personality and Individual Differences*. Vol. 190. Art. 111524. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111524>.

Pagliaro S., Sacchi S., Pacilli M. G., Brambilla M., Lionetti F., Bettache K., ... Zubieta E. (2021) Trust predicts COVID-19 prescribed and discretionary behavioral intentions in 23 countries. *PLOS ONE*. Vol. 16. No. 3. Art. e0248334. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0248334>.

Pennycook G., McPhetres J., Bago B., Rand, D. G. (2022) Beliefs About COVID-19 in Canada, the United Kingdom, and the United States: A Novel Test of Political Polarization and Motivated Reasoning. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 48. No. 5. P. 750—765. <https://doi.org/10.1177/01461672211023652>.

Peyton K., Huber G., Coppock A. (2022) The Generalizability of Online Experiments Conducted During the COVID-19 Pandemic. *Journal of Experimental Political Science*. Vol. 9. No. 3. P. 379—394. <https://doi.org/10.1017/XPS.2021.17>.

Prichard E. C., Christman S. D. (2020) Authoritarianism, Conspiracy Beliefs, Gender and COVID-19: Links Between Individual Differences and Concern About COVID-19, Mask Wearing Behaviors, and the Tendency to Blame China for the Virus. *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. Art. 597671. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.597671>.

Prickett K. C., Habibi H., Carr P.A. (2021) COVID-19 Vaccine Hesitancy and Acceptance in a Cohort of Diverse New Zealanders. *The Lancet Regional Health — Western Pacific*. Vol. 14. <https://doi.org/10.1016/j.lanwpc.2021.100241>.

Priniski J. H., Holyoak K. J. (2022) A Darkening Spring: How Preexisting Distrust Shaped COVID-19 Skepticism. *PloS One*. Vol. 17. No. 1. Art. e0263191. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263191>.

Ramos M. D. M., Machado R. D. O., Cerqueira-Santos E. (2022) “It’s True! I Saw It on WhatsApp”: Social Media, Covid-19, and Political-Ideological Orientation in Brazil. *Trends in Psychology*. Vol. 30. No. 3. P. 570—590. <https://doi.org/10.1007/s43076-021-00129-4>.

Reinemann C., Haas A., Rieger D. (2022) “I Don’t Care, ’Cause I Don’t Trust Them!” the Impact of Information Sources, Institutional Trust, and Right-Wing Populist Attitudes on the Perception of the COVID-19 Pandemic during the First Lockdown in Germany.

SCM Studies in Communication and Media. Vol. 11. No. 1. P. 132—168. <https://doi.org/10.5771/2192-4007-2022-1-132>.

Rozukalne A., Murinska S., Tifentale A. (2021) Is COVID-19 an 'Ordinary Flu' That Benefits Politicians? Perception of Pandemic Disinformation in Latvia. *Communication Today*. Vol. 12. No. 2 P. 68—82.

Rutjens B. T., Van der Linden S., Van der Lee R. (2021) Science Skepticism in Times of COVID-19. *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 24. No. 2. P. 276—283. <https://doi.org/10.1177/1368430220981415>.

Sallam M. (2021). COVID-19 Vaccine Hesitancy Worldwide: A Concise Systematic Review of Vaccine Acceptance Rates. *Vaccines*. Vol. 9. No. 2. Art. 160. <https://doi.org/10.3390/vaccines9020160>.

Scheitle C. P., Corcoran K. E. (2021) COVID-19 Skepticism in Relation to Other Forms of Science Skepticism. *Socius*. Vol. 7. <https://doi.org/10.1177/237802312111049841>.

Van Mulukom V., Pummerer L. J., Alper S., Bai H., Čavojeová V., Farias J., Kay C. S., Lazarevic L. B., Lobato E. J. C., Marinthe G., Pavela Banai I., Šrol J., Žeželj I. (2022). Antecedents and Consequences of COVID-19 Conspiracy Beliefs: A Systematic Review. *Social Science & Medicine*. Vol. 301. Art. 114912. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2022.114912>.

Wang H., Paulson K. R., Pease S. A., Watson S., Comfort H., Zheng P., ... Murray C. J. (2022) Estimating Excess Mortality Due to the COVID-19 Pandemic: A Systematic Analysis of COVID-19-Related Mortality, 2020—21. *The Lancet*. Vol. 399. No. 10334. P. 1513—1536. [https://doi.org/10.1016%2FS0140-6736\(21\)02796-3](https://doi.org/10.1016%2FS0140-6736(21)02796-3).

Zavadskaya M., Caras V. (2023) (No) Blame for the Crisis: COVID-19 Sceptics and Political Support in Central-Eastern Europe during COVID-19. In: Zavadskaya (ed.) *The Politics of the Pandemic in Eastern Europe and Eurasia*. London: Routledge. P. 16—39.

Приложение

Таблица А1. Различия между новыми и бывшими скептиками
в первой и второй волнах опроса по упомянутым в тексте переменным

	Новые скептики	Бывшие скептики	Разница
Возраст (среднее значение)			
Волна 1	44,8	48,8	-4,0*
Волна 2	45,8	49,8	-4,0*
Доход (медианное значение)			
Волна 1	от 30 до 40 тыс. р.	от 30 до 40 тыс. р.	—
Волна 2	от 30 до 40 тыс. р.	от 40 до 60 тыс. р.	—
Ценности равенства Вельцеля (по шкале от 0 до 1)			
Волна 1	0,55	0,63	-0,08**
Волна 2	0,57	0,63	-0,06*
Разница между волнами	-0,02	0,00	
Ценности выбора Вельцеля (по шкале от 0 до 1)			
Волна 1	0,36	0,46	-0,10**
Волна 2	0,38	0,48	-0,10**
Разница между волнами	0,02	0,02	
Ценность власти Шварца (центрированные значения)			
Волна 1	-0,36	-0,54	0,18
Волна 2	-0,32	-0,60	0,28*
Разница между волнами	0,04	-0,06	
Ценность универсализма Шварца (центрированные значения)			
Волна 1	0,35	0,50	-0,15
Волна 2	0,54	0,57	-0,03
Разница между волнами	0,19**	0,07	
Ценность самостоятельности Шварца (центрированные значения)			
Волна 1	0,17	0,45	-0,28*
Волна 2	0,21	0,30	-0,09
Разница между волнами	0,04	-0,15	
Тревога по поводу последствий для здоровья (по шкале от 0 до 4)			
Волна 1	3,13	2,48	0,65***
Волна 2	2,93	2,85	0,08
Разница между волнами	-0,20	0,37***	
Тревога по поводу последствий для благосостояния (по шкале от 0 до 4)			
Волна 1	3,20	2,93	0,27
Волна 2	2,91	2,84	0,07
Разница между волнами	-0,29*	-0,09	
Доверие традиционным СМИ против социальных медиа (по шкале от 1 до 5)			
Волна 1	2,94	2,61	0,33*
Волна 2	2,72	3,00	-0,28
Разница между волнами	-0,22	0,39***	

	Новые скептики	Бывшие скептики	Разница
Доверие правительству (по шкале от 0 до 3)			
Волна 1	1,26	0,95	0,31*
Волна 2	0,99	0,97	0,02
Разница между волнами	-0,27**	0,02	
Доверие системе здравоохранения (по шкале от 0 до 3)			
Волна 1	1,29	0,95	0,34**
Волна 2	1,15	1,05	0,10
Разница между волнами	-0,14	0,10	
Доверие институтам в целом (по шкале от 0 до 3)			
Волна 1	1,31	1,10	0,21
Волна 2	1,28	1,26	0,02
Разница между волнами	-0,03	0,16**	
Оценка действий правительства по борьбе с пандемией (по шкале от 0 до 4)			
Волна 1	1,78	1,61	0,17
Волна 2	1,84	1,94	0,10
Разница между волнами	0,06	0,33***	

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Полужирным курсивом выделены результаты на уровне значимости $p < 0,1$.

Разница между группами внутри волн проверялась с помощью t-теста для независимых выборок, а между волнами внутри групп — для парных.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2439](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2439)

С. О. Парвадов

**СВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ
С АНТИИММИГРАНТСКИМИ УСТАНОВКАМИ В ЕВРОПЕ:
АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ESS)**

Правильная ссылка на статью:

Парвадов С. О. Связь субъективной религиозности с антииммигрантскими установками в Европе: анализ на основе данных Европейского социального исследования (ESS) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 78—95. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2439>.

For citation:

Parvadov S. O. (2024) Relationship between Subjective Religiosity and Anti-Immigrant Attitudes in Europe: Analyzing European Social Survey (ESS) Data. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 78–95. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2439>. (In Russ.)

Получено: 18.06.2023. Принято к публикации: 02.04.2024.

СВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ С АНТИИММИГРАНТСКИМИ УСТАНОВКАМИ В ЕВРОПЕ: АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ESS)

ПАРВАДОВ Семен Олегович — Аспирант факультета социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: sparvadov@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0009-0000-7258-0890>

Аннотация. В работе рассматривается, как субъективная религиозность и конфессиональная принадлежность связаны с антииммигрантскими установками в европейских странах на индивидуальном уровне. Теоретической основой исследования выступают теория культурной угрозы и теория религиозного сострадания. Согласно теории культурной угрозы, религиозность и конфессиональная принадлежность могут маркировать идентичность и быть основанием для антииммигрантских установок в результате конструируемого страха размытия этнокультурного единства. Теория религиозного сострадания, напротив, подчеркивает, что религиозным индивидам свойственно разделять альтруистические ценности, а это предполагает эмпатичное отношение к иммигрантам как уязвимой группе.

Исходя из таких предположений, автор выдвигает гипотезы и тестирует их на данных десятой волны Европейского социального исследования (ESS) по 30 европейским странам (общий объем выборки $N=23\,624$). В качестве главных предикторов выбраны уровень субъективной религиозности и конфессиональная принадлежность респондента.

RELATIONSHIP BETWEEN SUBJECTIVE RELIGIOSITY AND ANTI-IMMIGRANT ATTITUDES IN EUROPE: ANALYZING EUROPEAN SOCIAL SURVEY (ESS) DATA

Simion O. PARVADOV¹ — Postgraduate Student

E-MAIL: sparvadov@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0009-0000-7258-0890>

¹ European University at Saint Petersburg (EUSP), Saint Petersburg, Russia

Abstract. The paper examines how subjective religiosity and confessional affiliation are related to anti-immigrant attitudes in European countries at the individual level. Theoretically, the author bases on the cultural threat theory and the religious compassion theory. According to the cultural threat theory, religiosity and confessional affiliation can act as identity markers and form the basis for anti-immigrant attitudes because of a constructed fear of ethno-cultural unity erosion. Religious compassion theory, in contrast, emphasizes that religious individuals tend to share altruistic values, which implies an empathetic attitude towards immigrants as a vulnerable group.

Based on these assumptions, the author puts forward hypotheses and tests them on data from the tenth wave of the European Social Survey (ESS) for 30 European countries (total sample size $N=23\,624$). The level of subjective religiosity and the respondent's confessional affiliation were chosen as the main predictors. The dependent variables are built based on responses to two questions that reveal the respondent's willingness to accept immigrants of different origins (of the same ethnic group/race or the group differing from the majority).

та. В качестве зависимых переменных выступают ответы на два вопроса, раскрывающие готовность респондента принимать иммигрантов разного происхождения — той же этнической группы/расы или отличной от большинства. Основным методом анализа выступило регрессионное моделирование: были построены множественные линейные модели с робастными оценками.

В результате установлено, что статистические связи с антииммигрантскими установками имеет не только субъективная религиозность респондента, но и его принадлежность к определенной конфессии, а также эффекты их взаимодействия. Теория культурной угрозы продемонстрировала большой объяснительный потенциал, в то время как предположения, связанные с теорией религиозного сострадания, не нашли подтверждения.

Ключевые слова: миграция, антииммигрантские установки, субъективная религиозность, теория культурной угрозы, теория религиозного сострадания, Европейское социальное исследование

The main method of analysis was regression modeling; the author evaluates multiple linear models with robust estimates. As a result, it was established that not only the subjective religiosity of the respondent, but also his or her belonging to a certain denomination, as well as the effects of their interaction, show significant correlation with anti-immigrant attitudes. The cultural threat theory demonstrated greater explanatory power, while the predictions associated with the religious compassion theory have not been confirmed.

Keywords: migration, anti-immigrant attitudes, subjective religiosity, cultural threat theory, religious compassion theory, European Social Survey

Введение

Антииммигрантские установки — важная составляющая общественного мнения, имеющая социально-экономические основания и политические последствия. Общественные предубеждения, связанные с иммигрантами, например опасения по поводу «кражи» рабочих мест у принимающего населения, снижения заработной платы или чрезмерного давления на государственные расходы [Dancygier, Donnelly, 2013], способствуют дискриминации отдельных групп, укреплению поддержки правых популистских партий и радикализации общества в целом [Cutts, Ford, Goodwin, 2011].

Недавний европейский опыт подтвердил социальную актуальность данного феномена. Миграционный кризис привел к укреплению старых стереотипов об экстремизме, преступности, низком уровне культуры мусульман; росту антисемитизма и исламофобии в европейских странах [Aristova, 2016]. Террористические атаки 2014—2018 гг. в странах Западной Европы и миграционный гуманитарный

кризис 2015 г. усилили негативное отношение европейцев к иммигрантам [Baláž, Nežinský, Williams, 2021] и вызвали критику миграционной политики, проводимой как Европейским союзом (ЕС) в целом, так и отдельными его членами [Joensen, Taylor, 2021; Squire et al., 2021]. Отсутствие единой и эффективной миграционной политики не только повлияло на общественное мнение об иммигрантах, но и негативно сказалось на интерпретации принципа солидарности и доверии к политической системе ЕС в целом [Balch, 2016; Mikołajczyk, 2020].

При этом фактор религии стал играть важнейшую роль в антииммигрантской риторике в европейском контексте: установление религиозно-культурных иерархий представляется более «приемлемой» границей при обсуждении иммигрантов, чем этно-расовые различия [Pecker, 2022]. Противостояние иммигрантов и принимающего населения вместе с активной антииммигрантской риторикой правых популистских партий в ряде европейских стран [Yilmaz, 2012] актуализировало необходимость более детального изучения связи религиозности и антииммигрантских установок.

Эмпирические исследования выявляют различные связи между религиозностью и отношением к иммиграции. С одной стороны, высокая религиозность индивидов приводит к усилению антииммигрантских установок, поскольку этническое и религиозное отличие иммигрантов воспринимается как угроза собственной групповой идентичности. С другой стороны, соблюдение ключевых религиозных учений предполагает разделение альтруистических ценностей, в том числе содействие иммигрантам как группам, находящимся в тяжелом положении [Ben-Nun Bloom, Arikan, Courtemanche, 2015; Ladini et al., 2021; Kollar, Fleischmann, 2022].

Исследовательский вопрос этой работы заключается в том, чтобы выяснить, как уровень субъективной религиозности и конфессиональная принадлежность связаны с антииммигрантскими установками в европейских странах на индивидуальном уровне.

Вкладом данного исследования в существующую научную дискуссию является тестирование теорий культурной угрозы и религиозного сострадания на опросных данных Европейского социального исследования, а также оценка статистических связей между уровнем субъективной религиозности респондента с учетом его конфессиональной принадлежности и отношением к принятию иммигрантов в зависимости от их происхождения.

Теоретические основы исследования

В литературе существует ряд конкурирующих объяснений антииммигрантских установок. Например, теория конкуренции на рынке труда в качестве факторов, определяющих отношение к иммиграции, в противовес образованию и культурным ценностям называет специфические характеристики квалификации рабочей силы. В соответствии с этой теорией, люди с низкой квалификацией и навыками широкого применения (вне зависимости от образования) будут бояться потерять работу и враждебно относиться к иммигрантам, склоняясь к поддержке правых популистских сил [Pardos-Prado, Xena, 2019]. Кроме того, положительную связь с антииммигрантскими установками показывают личная финансовая незащищенность, высокие субъективные оценки экономического неравенства и социотроп-

ное восприятие экономической ситуации [Kim, Kim, 2021]. Тестируя теорию конкуренции на рынке труда на российских данных, А. Бессуднов обнаружил этническую иерархию: россияне негативнее настроены к иммигрантам с Кавказа и из Центральной Азии, чем к иммигрантам из Молдовы и Украины [Bessudnov, 2016]. Существование теоретических допущений об этнических и религиозных иерархиях, то есть моделях ранжирования этнических и религиозных аутгрупп по принципу исключения из социального взаимодействия, были проверены и на европейских данных. Результаты показали, что в большинстве европейских стран принимающее население выступает против приезда цыган, мусульман и иудеев [Gesthuizen, Savelkoul, Scheepers, 2021]. В целом отмечается, что культурно-символические факторы имеют больший потенциал для объяснения антииммигрантских установок в европейском контексте, чем социально-экономические [McDaniel, Nooruddin, Shortle, 2010; Card, Dustmann, Preston, 2012], тем не менее и в рамках «культурных» объяснений есть ряд противоречий.

Попытки проанализировать парадоксальную связь религиозности и предрассудков впервые были предприняты Г. Олпортом и Дж. Россом. Исследователи полагали, что «внешне религиозные» индивиды, рассматривающие религию как утилитарную категорию (например, составляющую групповой этнокультурной идентичности), более подвержены предрассудкам по отношению к другим группам, чем «внутренне религиозные», искренне соблюдающие принципы своей конфессии [Allport, Ross, 1967].

Авторы современных эмпирических исследований [Ben-Nun Bloom, Arikan, Courtemanche, 2015; Ladini et al., 2021; Дорханов, Соколов, 2022; Thérová, 2023], отталкиваясь от противоречий религиозного фактора, обозначенных Олпортом и Россом, часто описывают механизмы влияния индивидуальной религиозности на антииммигрантские установки в терминах двух конкурирующих объяснений, сформулированных теориями культурной угрозы и религиозного сострадания.

Теория культурной угрозы описывает антииммигрантские установки через конструирование страха утраты идентичности в результате размывания этнокультурного единства принимающего населения [Ben-Nun Bloom, Arikan, Lahav, 2015: 1762]. Согласно этой теории, религия выступает этнокультурным маркером, призванным отличать «своих» от «чужих», тем самым формируя еще одно основание для дискриминации иммигрантов [Quillian, 1995; Sides, Citrin, 2007; Storm, 2011; Ben-Nun Bloom, Arikan, Lahav, 2015]. Религия в таком случае рассматривается и как часть национальной идентичности. Конфессиональная принадлежность может быть тесно связана с представлениями о том, что значит быть европейцем. При этом, несмотря на ценность сострадания, разделяемую в том числе и христианскими конфессиями, при анализе эмпирических данных обнаруживается связь религиозного фундаментализма с высокой распространенностью предрассудков, этноцентризмом и милитаризмом [Rothschild, Abdollahi, Pyszczynski, 2009]. Поэтому христианские националисты могут стремиться исключить из общества тех, кто потенциально ослабляет христианские ценности. Иммигранты же другого этнического происхождения и конфессии для религиозных индивидов представляются прямой угрозой устоявшейся культуре [McDaniel, Nooruddin, Shortle, 2010]. Опираясь на эти результаты, мы формулируем гипотезу 1, предполагающую, что

уровень субъективной религиозности у христиан (католики, протестанты, православные) отрицательно связан с готовностью принимать иммигрантов этнической группы/расы, отличной от большинства населения.

Однако и внутри христианских конфессий может наблюдаться вариативность восприятия групповых угроз. В частности, в противовес фундаменталистам, создающим сильную внутригрупповую лояльность и враждебность к тем, кто не входит в централизованную сеть, протестантские организационные структуры генерируют больше внешнего доверия и меньший антагонизм к аутгруппам [Daniels, von der Ruhr, 2005]. Так, можно предположить, что *уровень субъективной религиозности у католиков и православных показывает более сильную отрицательную связь с готовностью принимать иммигрантов другой этнической группы/расы, чем у протестантов (гипотеза 2).*

Теория религиозного сострадания, напротив, подчеркивает разделение альтруистических ценностей религиозными индивидами и предполагает положительное отношение к иммигрантам, поскольку последние представляются группой, переживающей трудности и нуждающейся в заботе [Scheepers, Gijsberts, Hello, 2002; Knoll, 2009; Ben-Nun Bloom, Arikan, Courtemanche, 2015]. Поэтому гипотеза 3 заключается в том, что *уровень субъективной религиозности у христиан (католики, протестанты, православные) положительно связан с готовностью принимать иммигрантов как той же этнической группы/расы, так и отличной от большинства населения.*

Кроме того, в исследовательской литературе отмечается, что на религиозную идентичность могут оказывать влияние представители церковного руководства [McDaniel, Nooruddin, Shortle, 2010]. В частности, публичные обращения религиозных лидеров призваны обозначить ценности, которые должны разделять религиозные индивиды, принадлежащие к той или иной конфессии. Известно, что публичные позитивные заявления (среди прочих) по поводу миграции сделали лидеры католической и протестантских конфессий¹ [Knoll, 2009; Nteta, Wallsten, 2012]. Рассматривая Грецию как показательный случай переплетения национальной и религиозной идентичности в сочетании с ярко выраженными антииммигрантскими настроениями в обществе, Г. Кариотис и С. Патрикиос проанализировали дискурсы религиозных элит и обнаружили националистическую риторику, отождествляемую с православием. В частности, православная церковь представлялась как главный хранитель национальной идентичности, эксклюзивной по отношению к неправославным группам. Исследователи предположили, что описанная логика может быть релевантной и для других православных стран, например для Сербии или Кипра [Karyotis, Patrikios, 2010: 47]. Исходя из того, что публичные заявления могут трансформировать религиозную идентичность, ожидается,

¹ Например, Конференция католических епископов США сделала официальное заявление в 2000 г., которое заключается в призыве всех членов церковной общины продолжать работу по отстаиванию законодательно закрепленных прав человека среди иммигрантов, в том числе права на сохранение единства семьи.

Касательно протестантов можно отметить, что в 2006 г. Епископальное миграционное ведомство воззвало предоставлять убежище угнетенным в соответствии с призывом Христа «принимать незнакомца так, как своего гостя». А совместное заявление главы Евангелическо-лютеранской церкви в Америке и Лютеранской службы по вопросам иммиграции и беженцев в 2007 г. обозначило поддержку предоставления возможностей постоянного проживания для людей, работающих в стране, а также их семей [Knoll, 2009: 315—316].

что уровень субъективной религиозности у католиков и протестантов будет показывать более сильную положительную связь с готовностью принимать иммигрантов как той же этнической группы/расы, так и отличной от большинства населения, чем у православных (гипотеза 4).

Альтернативной оптикой, связанной с состраданием, является «религиозная маргинализация», сформулированная в терминах гипотезы о маргинализации меньшинств [Knoll, 2009]. Данное теоретическое объяснение связи индивидуальной религиозности и антииммигрантских установок заключается в том, что одни маргинализированные по социально-политическим основаниям группы склонны сопереживать другим подобным группам, поскольку их объединяет общий опыт [Fetzer, 1998]. Поскольку мусульмане, с одной стороны, являются религиозным меньшинством в европейских странах, а с другой — ключевым элементом иммиграционного потока в Европу, ожидается, что уровень субъективной религиозности у мусульман положительно связан с готовностью принимать иммигрантов как той же этнической группы/расы, так и отличной от большинства населения (гипотеза 5).

Стратегия исследования

Эмпирической основой исследования послужила база данных десятой волны Европейского социального исследования². Сбор данных проводился в 2020—2022 гг., а в выборку вошли 23 624 респондента из 30 стран³.

В качестве зависимых переменных выступают ответы на два вопроса, раскрывающие готовность респондента принимать иммигрантов разного происхождения через степень согласия со следующими решениями:

1) разрешить въезд многим/немногим иммигрантам той же расы / этнической группы, что и большинство;

2) разрешить въезд многим/немногим иммигрантам расы / этнической группы, отличной от большинства.

Названные переменные относятся к порядковым, и ответы на них закодированы значениями от 1 до 4, где «1» соответствует варианту «разрешить въезд всем» (принимать всех), «2» — «разрешить въезд многим», «3» — «разрешить въезд некоторым», «4» — «не разрешать въезд никому» (не принимать никого).

Главными предикторами в исследовании являются субъективная религиозность и конфессиональная принадлежность, которые конструируются на основе вопросов «Принадлежность к определенной религии или деноминации» (категориальная переменная) и «Насколько вы религиозны» (от «0» = совсем нерелигиозен до «10» = очень религиозен).

Под «принадлежностью» подразумевается самоидентификация индивида с конкретной конфессией. «Субъективная религиозность» аналогичным образом представляет то, как уровень своей религиозности определяет сам респондент.

² European Social Survey European Research Infrastructure (ESS ERIC). (2023). ESS10 Self-completion — integrated file, edition 3.1 [Data set]. Sikt — Norwegian Agency for Shared Services in Education and Research. https://doi.org/10.21338/ess10sce03_1; European Social Survey European Research Infrastructure (ESS ERIC). (2023). ESS10 integrated file, edition 3.2 [Data set]. Sikt — Norwegian Agency for Shared Services in Education and Research. https://doi.org/10.21338/ess10e03_2.

³ Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Македония, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Сербия, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония.

В качестве контрольных переменных используются возраст (в годах), пол («0» кодирует женщин, «1» — мужчин), доход (принадлежность к одному из децилей в распределении доходов, от 1 до 10) и уровень образования («0» = нет высшего образования, «1» = есть высшее образование).

В соответствии с распространенной практикой в исследованиях, опирающихся на межстрановые опросные данные, упорядоченные целевые переменные, а также предикторы, закодированные от 0 до 10, условно рассматриваются как интервальные.

Такой выбор зависимых переменных и предикторов позволит оценить роль религиозного фактора с учетом социально-экономических характеристик респондента.

Подготовка данных

На первом этапе работы были предварительно обработаны данные. Сначала были удалены респонденты с недопустимыми и пропущенными значениями. После исследования предикторов, связанных с редкими и малоинформативными с точки зрения дальнейшей интерпретации деноминациями (принадлежащие к восточным конфессиям, иудеи, прочие христиане, прочие нехристиане), для анализа были оставлены только конфессии, присутствующие в гипотезах.

Дополнительно были произведены стандартизация и центрирование интервальных независимых переменных.

В завершение предварительной обработки массив данных были разделены на два набора. В первый набор данных вошли представители исследуемых христианских конфессий: католики (11 706), православные (5 972), протестанты (4 654) — всего 22 332 респондента для тестирования гипотез 1—4. Во втором наборе представлены мусульмане (1 292 респондентов) для проверки гипотезы 5.

Методы и результаты

Основной метод исследования — регрессионное моделирование. Поскольку работа нацелена на тестирование гипотез на индивидуальном уровне, были построены множественные линейные регрессии со стандартными ошибками, устойчивыми к гетероскедастичности⁴.

Результаты проведенного анализа представлены в таблицах 1 и 2 и проиллюстрированы на рисунках 1 и 2.

Результаты оценки модели 1 (см. табл. 1) показывают, что субъективная религиозность христиан (католиков, православных и протестантов) положительно связана с неготовностью принимать иммигрантов расы / этнической группы, отличной от большинства. При увеличении данного предиктора на единицу от среднего зависимая переменная увеличивается на 0,02. Это свидетельствует в поддержку гипотезы 1, в отличие от гипотезы 3.

⁴ В своем исследовании Д. Бауэр и С. Штерба демонстрируют, что «подход, основанный на линейном моделировании, может быть адекватным, если количество категорий для переменной отклика велико (например, 5) и если распределение ответов по категориям имеет приблизительно нормальную форму» [Bauer, Sterba, 2011: 377]. В нашем случае оба условия во многом соблюдаются, а дополнительное построение порядковых моделей показало содержательно идентичные результаты.

Код решения доступен по ссылке: <https://github.com/SP-relig/ATI1> (дата обращения: 25.04.2024).

Для тестирования гипотезы 2 в качестве опорной категории были выбраны протестанты. Модель 2 (см. табл. 1) демонстрирует незначимость уровня субъективной религиозности как независимого предиктора, в то время как принадлежность респондента к католической и православной конфессии по сравнению с протестантами увеличивает неготовность принимать «чужих» иммигрантов соответственно на 0,20 и 0,52 стандартных отклонения. Эффект взаимодействия субъективной религиозности и двух конфессий (католики и православные) проиллюстрирован на рисунке 1.

Таблица 1. Результаты регрессионного моделирования для переменной «Разрешить въезд многим/немногим иммигрантам расы / этнической группы, отличной от большинства»

	Христианские деноминации		Ислам	
	Модель 1	Модель 2	Модель 5	Модель 6
Константа	2,60***	2,33***	2,85***	2,25***
	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,08)
Субъективная религиозность	0,02***	-0,01	0,04***	-0,01
	(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,02)
Католическая деноминация		0,20***	-0,33***	
		(0,02)	(0,01)	
Православная деноминация		0,52***		
		(0,02)		
Протестантская деноминация			-0,52***	
			(0,02)	
Католическая деноминация × Субъективная религиозность		0,03*	-0,02	
		(0,01)	(0,01)	
Православная деноминация × Субъективная религиозность		0,05**		
		(0,02)		
Протестантская деноминация × Субъективная религиозность			-0,05**	
			(0,02)	
Возраст	0,07***	0,10***	0,10***	0,20***
	(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,03)
Пол: мужской	-0,06***	-0,04***	-0,04***	-0,00
	(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,05)
Доход	-0,08***	-0,06***	-0,06***	-0,03
	(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,03)
Высшее образование: есть	-0,22***	-0,23***	-0,23***	0,00
	(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,06)
R ²	0,04	0,09	0,09	0,05
Скорректированный R ²	0,04	0,09	0,09	0,04
Количество наблюдений	22 332	22 332	22 332	1 292

Примечание. В таблице представлены стандартизированные регрессионные коэффициенты для линейных моделей, в скобках указаны робастные стандартные ошибки.

Значимость коэффициентов обозначается следующим образом: *** — $p < 0,001$; ** — $p < 0,01$; * — $p < 0,05$.

Таблица 2. Результаты регрессионного моделирования для переменной «Разрешить въезд многим/немногим иммигрантам той же расы/этнической группы, что и большинство»

	Христианские деноминации		Ислам
	Модель 3	Модель 4	Модель 7
Константа	2,13*** (0,02)	2,19*** (0,02)	2,13*** (0,08)
Субъективная религиозность	0,01* (0,00)	-0,00 (0,00)	-0,03 (0,02)
Католическая деноминация		-0,04** (0,01)	
Протестантская деноминация		-0,21*** (0,02)	
Католическая деноминация x Субъективная религиозность		0,03 (0,01)	
Протестантская деноминация x Субъективная религиозность		-0,01 (0,02)	
Возраст	0,04*** (0,00)	0,04*** (0,00)	0,17*** (0,03)
Пол: мужской	-0,02 (0,01)	-0,02 (0,01)	-0,00 (0,05)
Доход	-0,09*** (0,00)	-0,08*** (0,00)	-0,05 (0,03)
Высшее образование: есть	-0,22*** (0,01)	-0,21*** (0,01)	0,01 (0,06)
R ²	0,04	0,05	0,04
Скорректированный R ²	0,04	0,05	0,03
Количество наблюдений	22 332	22 332	1 292

Примечание. В таблице представлены стандартизированные регрессионные коэффициенты для линейных моделей, в скобках указаны робастные стандартные ошибки.

Значимость коэффициентов обозначается следующим образом: *** — $p < 0,001$; ** — $p < 0,01$; * — $p < 0,05$.

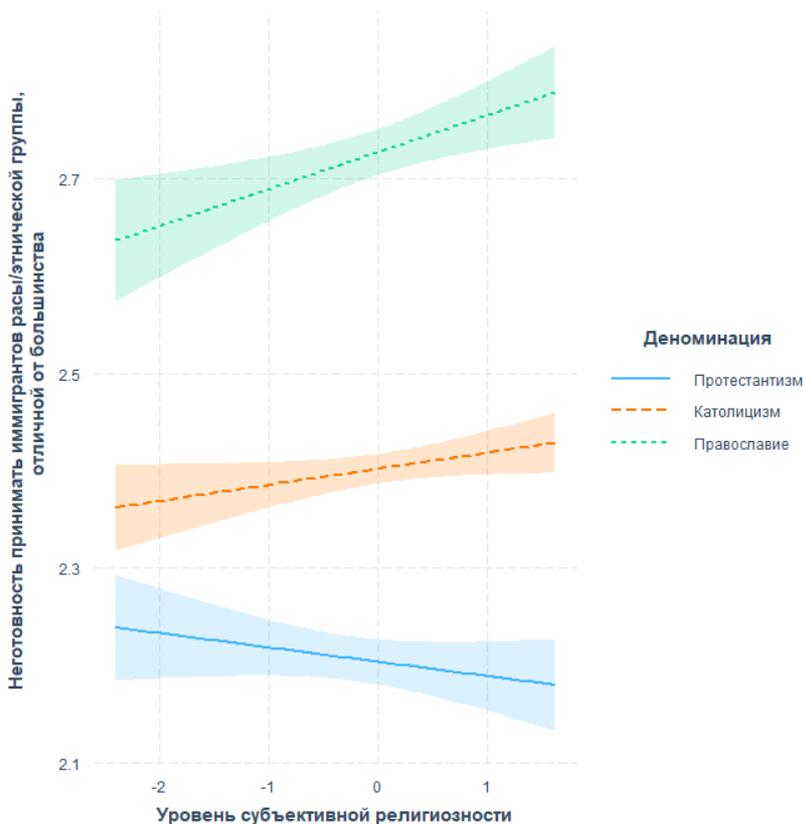
По сравнению с протестантами при возрастании уровня субъективной религиозности на одно стандартное отклонение у католиков и православных значение целевого признака увеличивается на 0,03 и 0,05 стандартных отклонений соответственно, что подтверждает гипотезу 2.

В модели 3 рассматривалась связь субъективной религиозности христиан по отношению к иммигрантам той же расы / этнической группы, что и большинство. Как показал анализ, с увеличением уровня субъективной религиозности на одно стандартное отклонение зависимая переменная возрастает на 0,01 (см. табл. 2). Учитывая результаты модели 1, можно заключить, что субъективная религиозность христиан положительно связана с неготовностью принимать иммигрантов обеих категорий. Это позволяет констатировать, что гипотеза 3 в настоящем исследовании не находит своего подтверждения.

Для тестирования гипотезы 4 в моделях 4 и 5 в качестве базовой категории была установлена православная деноминация (см. табл. 1 и 2). В модели 4 предик-

тор «субъективная религиозность» оказался незначим. Принадлежность к католицизму и протестантизму в сравнении с православием снижает неготовность принятия иммигрантов той же расы / этнической группы, что и большинство на 0,04 и 0,21 стандартных отклонения соответственно. Интеракции двух ключевых предикторов статистически незначимы.

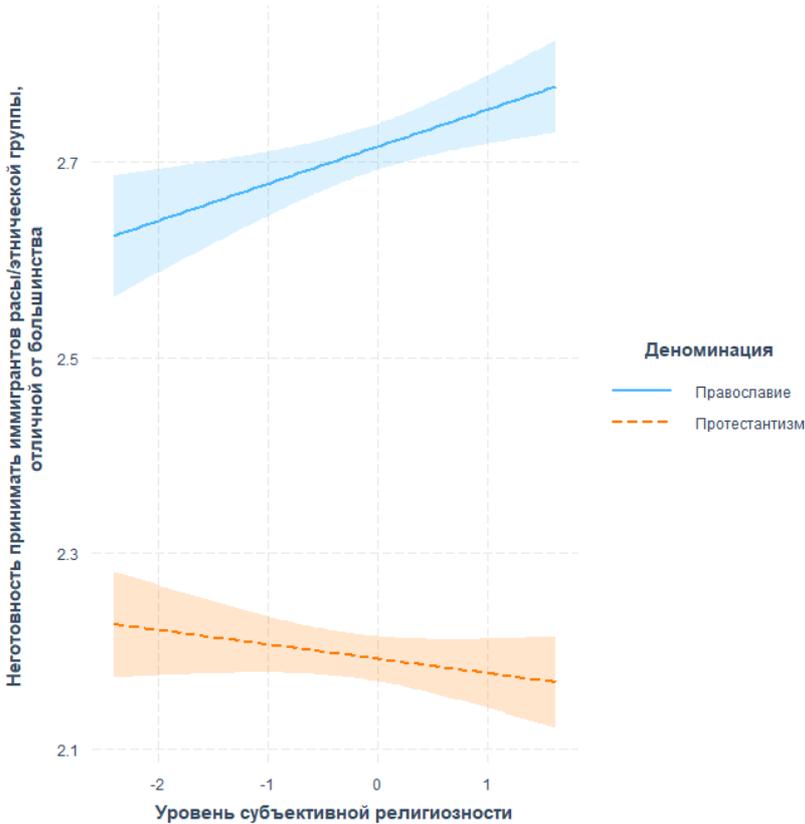
Рис. 1. Эффекты взаимодействия субъективной религиозности и деноминации (опорная категория — протестантизм)

Уровень субъективной религиозности в модели 5 имеет прямую связь с целевым признаком (см. табл. 1; величина коэффициента — 0,04). При этом принадлежность к католической и протестантской деноминациям по сравнению с православной имеет обратную связь с неготовностью принимать иммигрантов расы / этнической группы, отличной от большинства, и уменьшает зависимую переменную на 0,33 и 0,52 стандартных отклонения. В сравнении с православной деноминацией увеличение уровня субъективной религиозности у протестантов на одно стандартное отклонение снижает неготовность к принятию иммигрантов другой расы / этнической группы на 0,05 стандартных отклонений. Интеракция субъективной религиозности и католической деноминации относительно православных

не показала статистической значимости⁵, что не позволяет полностью подтвердить гипотезу 4. Эффекты взаимодействия отражены на рисунке 2.

Рис. 2. Эффект взаимодействия субъективной религиозности и деноминации (опорная категория — православие)

Наконец, в моделях 6 и 7 (см. табл. 1 и 2) тестировалась гипотеза о маргинализации на исламской выборке. Результаты моделирования демонстрируют незначимость уровня субъективной религиозности для мусульман по отношению как к иммигрантам той же расы / этнической группы, так и отличной от большинства населения. Таким образом, гипотеза 5 не нашла эмпирических подтверждений.

Обсуждение и выводы

Основным сюжетом исследования стало изучение связи религиозности с готовностью респондента принимать иммигрантов разного происхождения (в том числе с учетом взаимодействия этих индикаторов). Важная особенность работы заключается в рассмотрении всех трех крупнейших христианских деноминаций:

⁵ Интеракция оказалась незначимой после корректировки робастных оценок.

помимо католицизма и протестантизма, мы включаем и православие, которое, как правило, выпадает из фокуса по причине недостаточного количества релевантных наблюдений в данных обследований населения.

Моделирование показало, что в зависимости от происхождения иммигрантов статистическую связь с антииммигрантскими установками имеет не только субъективная религиозность респондента, но и его принадлежность к определенной конфессии, а также эффекты их взаимодействия. Это позволяет протестировать на имеющихся данных объяснения, предлагаемые теориями религиозного сострадания и культурной угрозы.

Проведенный анализ дает возможность отметить три ключевых момента.

Во-первых, уровень религиозности как независимый предиктор во многих случаях коррелирует с неготовностью принимать иммигрантов: была выявлена положительная связь между субъективной религиозностью христиан в целом и обеими зависимыми переменными. Однако полностью опровергнуть теорию религиозного сострадания не представляется возможным, поскольку сравнения коэффициентов проводились для двух разных зависимых переменных, хотя и измеренных с помощью единообразных шкал согласия. Эти результаты могут быть перепроверены с использованием более корректного с методологической точки зрения подхода в последующих исследованиях.

Во-вторых, полученные результаты отражают иерархию в отношении к иммигрантам другой расы / этнической группы с учетом конфессиональной принадлежности как независимого предиктора: в среднем православные респонденты менее склонны принимать иммигрантов, чем католики, а те, в свою очередь, — в меньшей степени, чем протестанты.

Во-третьих, для православных и католиков тенденция к снижению готовности принимать иммигрантов при большей субъективной религиозности выражена статистически сильнее, чем для протестантов. Среди православных более высокий уровень субъективной религиозности протестантов более выраженно положительно связан с готовностью принимать «чужих» иммигрантов; в случае с католиками эффект оказался статистически незначим. Результаты исследования во многом согласуются с теоретическими представлениями о том, что свойственная протестантам слабая организационная структура приводит к более позитивному восприятию иммигрантов [Daniels, von der Ruhr, 2005]; в то время как по результатам исследования отношение православных респондентов к иммигрантам в целом согласуются с официальным дискурсом православной церкви [Karyotis, Patrikios, 2010].

Подтвердить предположения о более низких антииммигрантских установках среди представителей религиозных меньшинств [Knoll, 2009] не удалось: анализ показал, что степень субъективной религиозности мусульман не связана с готовностью принимать иммигрантов вне зависимости от их происхождения.

Связь контрольных переменных (пол, возраст, доход, образование) с антииммигрантскими установками соответствует выводам предыдущих исследований [Scheepers, Gijssberts, Hello, 2002; Ceobanu, Escandell, 2010].

На основе этого можно заключить, что теория религиозного сострадания и гипотеза о маргинализации меньшинств не нашли эмпирических доказательств, то-

гда как предположения, основанные на теории культурной угрозы, получили подтверждение. Это может свидетельствовать в поддержку представления о религии как социальной идентичности и, в частности, как важной компоненты национальной идентичности [McDaniel, Nooruddin, Shortle, 2011; Storm, 2011] — по крайней мере, в европейском контексте.

Среди основных ограничений исследования стоит выделить определение восприятия респондентом иммигрантов по принципу «свой — чужой» через призму этничности (готовность принимать иммигрантов своей/чужой этнической группы и/или расы), тогда как в этом аспекте значительно большую роль может играть конфессиональная принадлежность иммигрантов, и не исключено, что ее восприятие заметно отличается. Проверить это в рамках данной работы не представляется возможным, так как соответствующие вопросы не включены в анкету десятой волны ESS. Тем не менее в заметной степени этот эффект корректируется тем фактом, что этничность и религия связаны: ислам распространен среди национальностей, которые не составляют большинства в рассматриваемых странах, следовательно, иммигранты-мусульмане почти всегда попадут в категорию «чужой» [Ponce, 2019].

Также можно отметить имманентную реактивность используемых опросных данных. Опрашиваемый часто подстраивает свои ответы под социальные ожидания, причем такая адаптация варьируется от респондента к респонденту и не поддается оценке [Lavrakas, 2008]. Помимо прочего, этот эффект искажает показатели реального этнорасового неравенства в контексте антииммигрантских установок, потому что исчезает возможность отследить наличие выстроенных этнорелигиозных иерархий и оценить роль уровня субъективной религиозности и конфессиональной принадлежности в их формировании. Но в целом, как показывают исследования, даже на качественных опросных данных обычно не удается построить сильную с предсказательной точки зрения модель [Salganik et al., 2020]. Так, построенные в данном исследовании модели позволяют объяснить лишь 4—9% от общей дисперсии. Это может быть связано как с другими важными контекстными факторами, не включенными в модели, так и с указанной спецификой опросных данных.

Еще одним ограничением исследования является структура данных, которая позволяет рассмотреть только три христианские конфессии, так как остальные представлены в выборке слишком слабо. Кроме того, исследование было сконцентрировано на индивидуальном уровне, тогда как предварительный анализ выявил заметный уровень группоспецифичности в данных.

Фокус последующих исследований может быть смещен с индивидуального уровня на объяснение межстрановых различий. В частности, возможно рассмотрение вариативных факторов странового контекста и выявление различий в силе уже установленных связей в зависимости от страны. Дополнительной возможностью для развития выводов данной работы является сравнение размеров эффекта индикаторов религиозности и остальных факторов с учетом масштаба переменных. Это позволит сделать вывод об относительной важности религиозности респондента как предиктора антииммигрантских установок.

Список литературы (References)

- Дорханов И. А., Соколов Б. О. Конфессия, религиозность и антииммигрантские настроения в Европе: анализ данных Европейского социального исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 61—82. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1861>.
- Dorkhanov I. A., Sokolov B. O. (2022) Denomination, Religiosity and Antimmigrant Attitudes in Europe: Evidence from the European Social Survey. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 61—82. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1861>. (In Russ.)
- Allport G. W., Ross J. M. (1967) Personal Religious Orientation and Prejudice. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 5. No. 4. P. 432—443. <https://doi.org/10.1037/h0021212>.
- Aristova A. (2016) Migrant Crisis in Europe: Challenges for Interreligious Relations. *Ukrainian Religious Studies*. No. 77. P. 39—45. <https://doi.org/10.32420/2016.77.631>. (In Ukrainian).
- Baláz V., Nežinský E., Williams A. (2021) Terrorism, Migrant Crisis and Attitudes Towards Immigrants from outside of the European Union. *Population, Space and Place*. Vol. 27. No. 4. P. 1—21. <https://doi.org/10.1002/psp.2424>.
- Balch A. (2016) A «Migrant Crisis»? In: Immigration and the State. London, UK: Palgrave Macmillan. P. 17—36. https://doi.org/10.1057/978-1-137-38589-5_2.
- Bauer D. J., Sterba S. K. (2011) Fitting Multilevel Models with Ordinal Outcomes: Performance of Alternative Specifications and Methods of Estimation. *Psychological Methods*. Vol. 16. No. 4. P. 337—390. <https://doi.org/10.1037/a0025813>.
- Ben-Nun Bloom P., Arikian G., Courtemanche M. (2015) Religious Social Identity, Religious Belief, and Anti—Immigration Sentiment. *American Political Science Review*. Vol. 109. No. 2. P. 203—221. <https://doi.org/10.1017/S0003055415000143>.
- Ben-Nun Bloom P., Arikian G., Lahav G. (2015). The Effect of Perceived Cultural and Material Threats on Ethnic Preferences in Immigration Attitudes. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 38. No. 10. P. 1760—1778. <https://doi.org/10.1080/01419870.2015.1015581>.
- Bessudnov A. (2016) Ethnic Hierarchy and Public Attitudes Towards Immigrants in Russia. *European Sociological Review*. Vol. 32. No. 5. P. 567—580. <https://doi.org/10.1093/esr/jcw002>.
- Card D., Dustmann C., Preston I. (2012) Immigration, Wages, and Compositional Amenities. *Journal of the European Economic Association*. Vol. 10. No. 1. P. 78—119. <https://doi.org/10.1111/J.1542-4774.2011.01051.X>.
- Ceobanu A. M., Escandell X. (2010) «Comparative Analyses of Public Attitudes toward Immigrants and Immigration Using Multinational Survey Data: A Review of Theories and Research». *Annual Review of Sociology*. Vol. 36. P. 309—328. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102651>.

Cutts D., Ford R., Goodwin M.J. (2011) Anti-Immigrant, Politically Disaffected or Still Racist after All? Examining the Attitudinal Drivers of Extreme Right Support in Britain in the 2009 European Elections. *European Journal of Political Research*. Vol. 50. No. 3. P. 418—440. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2010.01936.x>.

Dancygier R. M., Donnelly M. J. (2013) Sectoral Economies, Economic Contexts, and Attitudes toward Immigration. *The Journal of Politics*. Vol. 75. No. 1. P. 17—35. <https://doi.org/10.1017/S0022381612000849>.

Daniels J., von der Ruhr M. (2005) God and the Global Economy: Religion and Attitudes Toward Trade and Immigration in the United States. *Socio-Economic Review*. Vol. 3. No. 3. P. 467—489. <https://doi.org/10.1093/SER/mwi020>.

Fetzer J. S. (1998) Religious Minorities and Support for Immigrant Rights in the United States, France, and Germany. *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 37. No. 1. P. 41—49. <https://doi.org/10.2307/1388028>.

Gesthuizen M., Savelkoul M., Scheepers P. (2021) Patterns of Exclusion of Ethno — Religious Minorities: The Ethno — Religious Hierarchy across European Countries and Social Categories within These Countries. *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 82. P. 12—24. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2021.03.001>.

Joensen T., Taylor I. (2021) Introduction: Small States and the Migrant Crisis in Context. In: Joensen T., Taylor I. (eds.) *Small States and the European Migrant Crisis*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 3—17. https://doi.org/10.1007/978-3-030-66203-5_1.

Karyotis G., Patrikios S. (2010) Religion, Securitization and Anti-Immigration Attitudes: The Case of Greece. *Journal of Peace Research*. Vol. 47. No. 1. P. 43—57. <https://doi.org/10.1177%2F0022343309350021>.

Kim H. H., Kim H. J. (2021) Understanding Economic and Cultural Underpinnings of Anti — Immigrant Attitudes: Multilevel Evidence from the Asian Barometer Survey Wave IV (2014—2016). *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 33. No. 2. P. 377—396. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edaa034>.

Knoll B. R. (2009) «And Who Is My Neighbor»? Religion and Immigration Policy Attitudes. *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 48. No. 2. P. 313—331. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5906.2009.01449.x>.

Kollar R., Fleischmann F. (2022) Does Religion Foster Prejudice Among Adherents of All World Religions? A Comparison Across Religions. *Review of Religious Research*. Vol. 64. No. 4. P. 627—653. <https://doi.org/10.1007/s13644-022-00509-x>.

Ladini R., Biolcati F., Molteni F., Pedrazzani A., Vezzoni C. (2021) The Multifaceted Relationship between Individual Religiosity and Attitudes toward Immigration in Contemporary Italy. *International Journal of Sociology*. Vol. 51. No. 5. P. 390—411. <https://doi.org/10.1080/00207659.2021.1937778>.

Lavrakas P. (2008) *Encyclopedia of Survey Research Methods*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. <https://doi.org/10.4135/9781412963947>.

McDaniel E. L., Nooruddin I., Faith Shortle A. (2010) «Divine Boundaries: How Religion Shapes Citizens' Attitudes Toward Immigrants». *American Politics Research*. Vol. 39. No. 1. P. 205—233. <https://doi.org/10.1177/1532673X10371300>.

Mikołajczyk B. (2020) The Migrant Crisis and Refugees — a Crisis of EU Solidarity. *Polish Review of International and European Law*. Vol. 9. No. 2. P. 169—197. <https://doi.org/10.21697/priel.2020.9.2.07>.

Nteta T. M., Wallstein K. J. (2012) «Preaching to the Choir? Religious Leaders and American Opinion on Immigration Reform». *Social Science Quarterly*. Vol. 93. No. 4. P. 891—910. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2012.00865.x>.

Pardos-Prado S., Xena C. (2019) Skill Specificity and Attitudes toward Immigration. *American Journal of Political Science*. Vol. 63. No. 2. P. 286—304. <https://doi.org/10.1111/ajps.12406>.

Peker E. (2022) Finding Religion: Immigration and the Populist (Re)Discovery of Christian Heritage in Western and Northern Europe. *Religions*. Vol. 13. No. 2. Art. 158. <https://doi.org/10.3390/rel13020158>.

Ponce A. (2019) Excluding Europe's Muslims: Symbolic Boundaries and Anti-immigrant Attitudes Along a Racial — Ethnic Hierarchy. *Humanity & Society*. Vol. 43. No. 4. P. 375—402. <https://doi.org/10.1177/0160597618814884>

Quillian L. (1995) Prejudice as a Response to Perceived Group Threat: Population Composition and Anti — Immigrant and Racial Prejudice in Europe. *American Sociological Review*. Vol. 60. No. 4. P. 586—611. <https://doi.org/10.2307/2096296>.

Rothschild Z. K., Abdollahi A., Pyszczynski T. (2009) Does Peace Have a Prayer? The Effect of Mortality Salience, Compassionate Values, and Religious Fundamentalism on Hostility toward Out-Groups. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 45. No. 4. P. 816—827. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2009.05.016>.

Salganik M. J., Lundberg I., Kindel A. T., Ahearn C. E., Al — Ghoneim K., Almaatouq A., Altschul D. M., Brand J. E., Carnegie N. B., Compton R. J., Datta D., Davidson T., Filipova A., Gilroy C., Goode B. J., Jahani E., Kashyap R., Kirchner A., McKay S., ... McLanahan S. (2020) Measuring the Predictability of Life Outcomes with a Scientific Mass Collaboration. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 117. No. 15. P. 8398—8403. <https://doi.org/10.1073/pnas.1915006117>.

Scheepers P., Gijsberts M., Hello E. (2002) Religiosity and Prejudice against Ethnic Minorities in Europe: Cross — National Tests on a Controversial Relationship. *Review of Religious Research*. Vol. 43. No. 3. P. 242—265. <https://doi.org/10.2307/3512331>.

Sides J., Citrin J. (2007) European Opinion About Immigration: The Role of Identities, Interests and Information. *British Journal of Political Science*. Vol. 37. No. 3. P. 477—504. <https://doi.org/10.1017/S0007123407000257>.

Squire V., Perkowski N., Stevens D., Vaughan-Williams N. (2021) Reclaiming Migration: Voices from Europe's «Migrant Crisis». Manchester, UK: Manchester University Press.

Storm I. (2011) «Christian Nations»? Ethnic Christianity and Anti— Immigration Attitudes in Four Western European Countries. *Nordic Journal of Religion and Society*. Vol. 24. No. 1. P. 75—96. <https://doi.org/10.18261/ISSN1890-7008-2011-01-05>.

Thérová L. (2023) Anti-Immigration Attitudes in Contemporary Polish Society: A Story of Double Standards? *Nationalities Papers*. Vol. 51. No. 2. P. 387—402. <https://doi.org/10.1017/nps.2022.71>.

Yılmaz F. (2012) Right-Wing Hegemony and Immigration: How the Populist Far-Right Achieved Hegemony through the Immigration Debate in Europe. *Current Sociology*. Vol. 60. No. 3. P. 368—381. <https://doi.org/10.1177/0011392111426192>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2477](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2477)

К. С. Григорьева

**РАСОВОЕ ПРОФИЛИРОВАНИЕ ЦЫГАН: ОПЕРАЦИЯ «ТАБОР»
КАК НЕПРЕДНАМЕРЕННЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ПОЛИТИЗАЦИИ
БЕЗНАДЗОРНОСТИ И СЕКЬЮРИТИЗИРУЮЩАЯ ПРАКТИКА**

Правильная ссылка на статью:

Григорьева К. С. Расовое профилирование цыган: операция «Табор» как непреднамеренный результат политизации безнадзорности и секьюритизирующая практика // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 96—115. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2477>.

For citation:

Grigoreva K. S. (2024) Racial Profiling of Roma: Operation «Tabor» as an Unintended Result of the Politicization of Child Neglect and Securitizing Practice. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 96–115. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2477>. (In Russ.)

Получено: 22.08.2023. Принято к публикации: 22.03.2024.

РАСОВОЕ ПРОФИЛИРОВАНИЕ ЦЫГАН: ОПЕРАЦИЯ «ТАБОР» КАК НЕПРЕДНАМЕРЕННЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ПОЛИТИЗАЦИИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И СЕКЬЮРИТИЗИРУЮЩАЯ ПРАКТИКА

ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: kсениагригорьева@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7761-7792>

Аннотация. В статье сделана попытка выйти за границы традиционных подходов к изучению расового профилирования, поместив его в контекст исследований секьюритизации. Для преодоления существующих в рамках этого научного направления противоречий используется подход, предложенный Пьером Бурдьё, согласно которому перформатив (ключевое понятие в теории секьюритизации) рассматривается как проявление символической власти.

На примере тематического исследования расового профилирования цыган, эмпирической базой которого послужило более 3000 документов, содержащих официальные распоряжения и отчеты о проведении антицыганских облав, а также призывы к населению о проявлении бдительности в отношении цыган, показано, что этнически избирательные полицейские мероприятия можно анализировать как комплекс секьюритизирующих практик, порождающих производные секьюритизирующие дискурсы. Проведенный анализ позволил установить, что всероссийские антицыганские облавы стали непреднамеренным последствием шагов по секьюритизации беспризорно-

RACIAL PROFILING OF ROMA: OPERATION «TABOR» AS AN UNINTENDED RESULT OF THE POLITICIZATION OF CHILD NEGLECT AND SECURITIZING PRACTICE

Kseniya S. GRIGOREVA¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher*
E-MAIL: kсениагригорьева@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7761-7792>

¹ Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. This article attempts to move beyond traditional approaches to the study of racial profiling by placing it in the context of securitization studies. To overcome the contradictions existing within this scientific direction, the author uses approach proposed by Pierre Bourdieu, according to which the performative (a key concept in the theory of securitization) is considered as a manifestation of symbolic power.

The empirical basis of the study was more than 3,000 documents containing official orders and reports on anti-Roma raids, as well as calls to the population to be vigilant against Roma. The author shows that ethnically selective policing can be analyzed as a complex of securitizing practices that generate derivative securitizing discourses. To confirm this, the author conducts a case study of racial profiling of Roma. The analysis made it possible to establish that all-Russian anti-Gypsy raids were an unintended consequence of steps to securitize child homelessness and neglect taken by major political players at the turn of 2001/2002.

The proliferation and institutionalization of anti-Roma activities were possible

сти и безнадзорности, предпринятых крупными политическими игроками на рубеже 2001/2002 гг.

Распространение и институционализация антицыганских мероприятий оказались возможны из-за благосклонной или нейтральной реакции большинства аудиторий, наблюдавших за разворачивавшимися секьюритизирующими практиками. Рутинизация антицыганских облав привела к тому, что в настоящее время они воспринимаются как нечто обыденное и непроблематизируемое, хотя данная практика очевидно является разновидностью этнической дискриминации и выходит за рамки нормальной политики. При этом участники антицыганских мероприятий, интериоризировав восприятие цыган как источника угрозы и узаконенного подозрения, нерелексивно тиражируют секьюритизирующие дискурсы, маркирующие цыганское население в качестве опасной и неблагонадежной группы, при встрече с которой гражданам иной этнической принадлежности следует соблюдать меры предосторожности или обращаться в полицию.

Ключевые слова: расовое профилирование, секьюритизация, символическая власть, дискурсы, практики, операция «Табор»

due to the favorable or neutral reaction of most audiences observing the unfolding securitizing practices.

The routinization of anti-Roma raids has led to the fact that they are now perceived as something common and unproblematic, although this practice is clearly a type of ethnic discrimination and goes beyond the scope of «normal politics».

At the same time, participants in anti-Roma events, having internalized the perception of Roma as a source of threat and legitimate suspicion, unreflectively replicate securitizing discourses that mark the Roma population as a dangerous and unreliable group, upon meeting which citizens of a different ethnicity should take precautions or contact the police.

Keywords: racial profiling, securitization, symbolic power, discourses, practices, operation «Tabor»

Расовое профилирование — это «использование правоохранительными органами без объективных и разумных обоснований таких признаков, как раса, цвет кожи, язык, религия, гражданство, национальное или этническое происхождение, при контроле, слежении или проведении расследований» [Европейская комиссия..., 2007]. Несмотря на то что расовое профилирование признано разновидностью расовой дискриминации и запрещено международным законодательством, оно распространено во многих странах мира (см., например, [Lamberth, 1996; Spitzer, 1999; Miller et al., 2008; Goris, Jobard, Lévy, 2009; Pap, 2011]). Его

объектом выступают разные группы населения. Классические примеры — афроамериканцы, латиноамериканцы, азиаты, цыгане, мусульмане.

Исследования расового профилирования обычно относят к области изучения уголовной юстиции (подробный обзор см. [Григорьева, 2019]). Выполненные в рамках данного направления работы, как правило, опираются на богатую эмпирическую базу, но носят преимущественно описательный характер. Это обстоятельство вызывает серьезную критику. В частности, Робин Энгель, Джон Калнон и Томас Бернард полагают, что из-за отсутствия теоретического осмысления многие исследования, посвященные расовому профилированию, не отвечают требованиям, предъявляемым к научным работам [Engel, Calnon, Bernard, 2004].

Проблема состоит в том, что сфера изучения уголовного правосудия в теоретическом плане довольно бедна, вследствие чего для получения более совершенных аналитических инструментов следовало бы выйти за рамки указанного направления. В настоящей статье предпринимается попытка сделать это, поместив расовое профилирование в область исследований секьюритизации¹.

Теория секьюритизации была предложена Барри Бузаном и Оле Вейвером в 1990-х годах. Под секьюритизацией понимается перформативный речевой акт², который, будучи принят аудиторией, выводит тот или иной вопрос, связанный с безопасностью, за рамки нормальной политики. Неважно при этом, насколько объективна декларируемая угроза. Любая проблема посредством секьюритизации может быть превращена в экзистенциальную, требующую немедленного принятия экстраординарных мер во избежание катастрофы. Безопасность в рамках данного подхода рассматривается как высокорискованная самореферентная практика, «стабилизирующая конфликтные или угрожающие отношения, часто через чрезвычайную мобилизацию государства» [Buzan, Wæver, De Wilde, 1998: 4].

Существует два основных представления о том, что должно находиться в фокусе внимания исследователей секьюритизации. Согласно Барри Бузану, Оле Вейверу и Яапу де Уайльду [ibid.: 25] основной объект изучения — это секьюритизирующие дискурсы. В то же время их коллега и оппонент Дидье Биго отдает предпочтение секьюритизирующим практикам тех, кого он называет «профессионалами безопасности» (полицейские, военные, пограничники, разведчики, специализированные частные компании) [Bigo, 2002]. Этот спор, восходящий к началу 1990-х годов, то есть к периоду формирования теории секьюритизации, до сих пор не разрешен.

Секьюритизирующие дискурсы и практики исследуются раздельно³. Сложившаяся традиция изучения дискурсов предполагает фиксацию на политических заявлениях, находящих отражение в СМИ, социальных сетях и программах политиков, тогда как анализ практик сосредоточен на более или менее рутинной работе

¹ Подобный выбор обусловлен тем, что расовое профилирование тесно связано с представлениями об угрозах, которые в определенных контекстах якобы исходят от отдельных групп населения. При всем разнообразии рисков, предположительно заложенных в этих группах (будь то склонность к совершению разного рода преступлений, сепаратизму, экстремизму или просто вызываемое ими у другой части населения раздражение), и невзирая на признанную неконвенциональность расового профилирования, оно, как правило, оправдывается императивом достижения общественной безопасности и социального благополучия.

² То есть речевой акт, равный действию.

³ Исключение составляет несколько работ, где предпринимается попытка преодолеть этот разрыв (см. [Bourbeau, 2014; Trombetta, 2014]).

профессионалов безопасности и игнорирует дискурсы как декоративный элемент, не оказывающий серьезного влияния на то, что происходит в поле безопасности «на самом деле». Тем не менее справедливой представляется точка зрения Филиппа Бурбо, согласно которой указанные подходы описывают две стороны одного явления и должны быть примирены [Bourbeau, 2014].

Ключ к примирению обеих позиций, на наш взгляд, лежит в трактовке перформатива — концепта, использованного Оле Вейвером при разработке понятия секьюритизации. Настойчивые указания исследователя на перформативность секьюритизирующих дискурсов не раз вызывали ожесточенную критику. Утверждалось, что акцент на перформативности привлекает чрезмерное внимание к семантической стороне речевого акта, вступает в противоречие с intersubъективной природой секьюритизации, затушевывает важность социального и исторического контекста, в котором она происходит [Balzacq et al., 2010; McDonald, 2008; Stritzel, 2007]. Пока дискуссия ведется в рамках постмодернистской и постструктуралистской лингвистической парадигмы, где доминирует понимание перформатива, предложенное Жаком Деррида [Derrida, 1988] и Джудит Батлер [Butler, 1997], эта критика во многом оправдана. Однако трактовка, разработанная Пьером Бурдье, позволяет разрешить перечисленные противоречия.

Перформатив как проявление символической власти

В работе «Язык и символическая власть» Пьер Бурдье анализирует введенное Джоном Остином понятие перформативного высказывания, указывая на то, что ограничивать исследование перформативов сферой лингвистики было бы неверно. Речевые акты могут быть равны действиям только в том случае, если «за ними каким-то образом стоит весь социальный порядок» [Bourdieu, 1991: 74]. По этой причине бессмысленно искать «в языке нечто, что на самом деле вписано в социальные отношения» [ibid.: 38]. Не грамматика лежит в основе преобразования мира при помощи слов, но обладание символическим капиталом, то есть групповое признание за актором магической способности заменять действие речью.

Символический капитал, как и другие виды капитала, согласно Бурдье, распространен в обществе неравномерно. Символическая власть сконцентрирована в руках относительно небольшой группы профессионалов поля политики, тогда как внешне по отношению к этому полю акторы имеют довольно ограниченные возможности влиять на его функционирование. Преобразования происходят главным образом в результате внутрипрофессиональной конкуренции за сохранение или изменение законного видения социального мира. Вместе с тем профессионалы не действуют произвольно, будучи ограничены текущими правилами политической игры, являющимися продуктом всей предшествующей истории развития политического поля.

Данные положения снимают напряженность между перформативностью и intersubъективностью, а также решают проблему противопоставления перформативных высказываний и социально-исторического контекста. Вместе с тем указание Бурдье на фундаментальную связь между символической властью и способностью к преобразованию мира возвращает перформативным речевым актам политиков ключевую роль в процессах секьюритизации, в которой им отказывают Биго и его последователи, фокусирующиеся на рутинных практиках профессионалов безопасности.

Методология и эмпирическая база исследования

В представленном далее исследовании расовое профилирование цыган рассматривается как комплекс секьюритизирующих практик, произведенный перформативными дискурсами, предшествовавшими его экспансии.

Поскольку исследователи секьюритизации сходятся во мнении о необходимости уделять особое внимание контексту, в котором она протекает, и реакциям аудиторий, благодаря которым она становится (не)возможной, указанным аспектам посвящены специальные разделы данной работы. Отдельное внимание уделяется процессам рутинизации секьюритизирующих практик, возникновению и функционированию производных от них секьюритизирующих дискурсов.

Эмпирической базой исследования послужили документальные источники, где ясно артикулированы дискриминационные намерения относительно цыганского населения. Поиск источников осуществлялся в период с 2021 по 2023 г. в справочно-правовой системе «Гарант», на официальных сайтах МВД РФ, в поисковой системе Google. Обнаруженные материалы заносились в базу данных, организованную по тематическому, хронологическому и географическому принципу.

Всего было обнаружено 3098 релевантных источников. Наиболее многочисленной категорией среди них являются отчеты и информационно-аналитические записки участковых уполномоченных полиции, где сообщается о проведении антицыганских облав, содержатся обращения к населению о проявлении бдительности в отношении цыган (2969 ед.). Другая категория — официальные отчеты и распоряжения региональных органов исполнительной власти, исполнительно-распорядительных и законодательных органов местного самоуправления о проведении антицыганских мероприятий (114 ед.). Наконец, третья, самая небольшая по численности категория — сообщения официальных лиц в СМИ о проведении антицыганских облав (15 ед.). Последняя категория источников носила вспомогательный характер. Они учитывались только в том случае, если о соответствующих мероприятиях не говорилось в официальных документах, что было связано с нежеланием включать в эмпирический массив большое количество журналистских материалов, строго говоря, не являющихся документальными источниками.

Так как доступ к полному массиву документов, содержащих информацию о расовом профилировании цыган, отсутствует, а часть соответствующих материалов с высокой долей вероятности имеет гриф «для служебного пользования», работа велась с естественной выборкой источников.

Хронология и контекст возникновения операции «Табор»

Основным объектом нашего интереса была практика, ставшая известной как «операция Табор» и представляющая собой этнически избирательные полицейские облавы на цыган. Она одновременно подпадает под определение расового профилирования⁴ и секьюритизирующей практики⁵. С целью установления времени и причин ее возникновения в 2021—2022 гг. был проведен анализ норма-

⁴ Поскольку нацелена на этническую группу в целом, а не на отдельных лиц, вызывающих разумные и обоснованные подозрения у сотрудников правоохранительных органов.

⁵ Поскольку маркирует целевую группу как представляющую повышенную угрозу, для борьбы с которой необходимы экстраординарные меры, выходящие за рамки нормальной политики.

тивно-правовых актов (далее — НПА) и материалов СМИ, содержащих информацию о наиболее ранних случаях ее осуществления.

Поиск сообщений в СМИ производился по ключевым словам «операция Табор» с использованием инструментов поиска Google. Чтобы определить, когда стали появляться первые релевантные материалы, был применен фильтр по временным периодам, начиная с 1991 г. с шагом в 12 месяцев (01.01.1991—31.12.1991, 01.01.1992—31.12.1992 и т.д.). В результате было установлено, что СМИ стали публиковать подобные сообщения в 2002 г. Этот вывод подтверждается свидетельством руководителя цыганской НКА «Романо Кхэр» Надеждой Деметер⁶ и данными профильных правозащитных организаций⁷.

Поиск НПА велся в базе данных «Гарант» по тем же ключевым словам. На федеральном уровне был обнаружен один релевантный документ: Письмо Минздрава РФ от 22 июля 2002 г. № 2510/7337-02-32 «О мерах по усилению борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». На региональном уровне найдено 16 документов, сообщавших о проведении операции «Табор» и выпущенных в семи субъектах РФ (Алтайском крае, Калининградской, Кемеровской и Костромской областях, Республике Татарстан, Чувашской Республике и Южно-Сахалинске).

подавляющее большинство документов было издано начиная с 2002 г. и позже. Только один НПА с упоминанием операции «Табор» датировался более ранним периодом — Постановление Главы администрации (губернатора) Калининградской области от 21 марта 2000 г. № 119 «О комплексной региональной программе по противодействию злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2000—2001 гг.» Операция «Табор» здесь фигурировала в числе запланированных мероприятий наряду с такими операциями, как «Допинг», «Мақ» и «Груз». Неизвестно, была ли она реализована: в открытых источниках информация об этом отсутствует. Тем не менее само ее упоминание означает, что антицыганские операции проводились и до 2002 г.,⁸ впрочем, не принимая характера широко разрабатываемой кампании, санкционированной на уровне федерального центра.

Содержание региональных НПА дает противоречивое представление о декларируемых причинах проведения операции «Табор». Чаще всего ее необходимость объясняется борьбой с наркотизацией населения (в 7 случаях из 16) и потребностью обеспечения безопасности дорожного движения (еще в 6 случаях⁹). В других документах разработчики ссылаются на императивы борьбы с незаконной миграцией и охраны правопорядка. Примечательно, что документ, датированный 2002 г., ставит операцию «Табор» в один ряд с такими мероприятиями, как

⁶ Н. Деметер утверждала, что впервые об операции «Табор» написал «Московский Комсомолец» в феврале 2002 г. См.: Деметер Н. Г. Цыгане и пресса // Lilor. 2002. 21 сентября. URL: <http://www.lilor.philology.ru/romanes/demeter.htm> (дата обращения: 10.03.2024)

⁷ Европейский центр по правам цыган. В поисках счастливых цыган. Преследование отверженных меньшинств в России. Доклады по странам. Вып. № 14. Май 2005. URL: https://www.errc.org/uploads/upload_en/file/01/49/m00000149.pdf (дата обращения: 10.03.2024).

⁸ Этот вывод подтверждается и данными Н. В. Бессонова, согласно которым профилирование цыган осуществлялось еще в 1990-е годы. См.: Бессонов Н. В. Цыгане и пресса. Вып. 1. 2000. URL: <http://gypsy-fond.com/pressa1> (дата обращения: 10.03.2024).

⁹ Такой неожиданный результат объясняется нормотворчеством администрации городского округа г. Шарья Костромской области, которая из года в год выпускала постановления, упоминавшие проведение операции «Табор» в контексте предупреждения правонарушений в сфере дорожного движения.

«Опасный возраст», «Трудное детство» и «Беглец», нацеленными на предупреждение безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних.

Прояснить первоначальный контекст, в котором операция «Табор» приобрела характер общероссийской антицыганской кампании, позволяет анализ Письма Минздрава РФ от 22 июля 2002 г. № 2510/7337—02—32, где рекомендуется повсеместно проводить указанное мероприятие «в целях выявления беспризорных, безнадзорных и совершивших преступления несовершеннолетних», а также «лиц, вовлекающих несовершеннолетних в попрошайничество, проституцию, ведение антиобщественного образа жизни». Тот факт, что письмо имеет федеральное значение и датировано 2002 годом — годом появления сообщений в СМИ о проведении операции «Табор» — свидетельствует о сильной дискурсивной связи данной практики с проблемами беспризорности и безнадзорности. Для прояснения этой связи необходимо кратко остановиться на том, как развивалась российская политическая дискуссия, посвященная указанному вопросу.

С начала 1990-х годов проблема безнадзорности обсуждалась неоднократно, однако это обсуждение было неравномерным и имело несколько реперных точек. Первый всплеск интереса профессионалов поля политики к данному вопросу пришелся на 1998 г.,¹⁰ когда президент Б. Н. Ельцин в послании к Федеральному Собранию назвал детскую безнадзорность «позорной» для страны¹¹. В последовавшем обращении депутатов Госдумы к президенту говорилось уже о «критической» ситуации с безнадзорностью, которая характеризовалась как «одна из главных проблем детства» и «одна из важнейших проблем страны»¹². В конечном счете в 1999 г. был принят закон № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», который, впрочем, не предусматривал никаких экстраординарных мер в борьбе с указанной проблемой. Таким образом, период с 1998 по 2000 г. можно считать периодом политизации¹³ вопроса о безнадзорности.

В новое качество дискуссия перешла уже в декабре 2001 г., когда были организованы парламентские слушания по проблеме беспризорности и безнадзорности, в ходе которых она была названа «угрозой национальной безопасности России»¹⁴. Выводы и рекомендации по результатам слушаний были направлены президенту, правительству, Госдуме, Верховному суду и органам государственной власти субъектов РФ. 24 декабря во время Прямой линии президент В. В. Путин назвал беспризорность и безнадзорность «сложным и очень острым вопросом», объявив, что дал поручение правительству разработать систему мер, направлен-

¹⁰ До 1998 г. обсуждения проблем безнадзорности также велись, однако в них отсутствовали экспрессивность и алармизм, проявившиеся в более поздние периоды.

¹¹ Послание Президента Российской Федерации от 17.02.1998 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/20941/page/7> (дата обращения: 10.03.2024).

¹² Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 16 апреля 1998 г. N 2389-II ГД «О критической ситуации с детской безнадзорностью». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=7&nd=201141134&collection=1 (дата обращения: 10.03.2024).

¹³ Политизация — этап, предшествующий секьюритизации.

¹⁴ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «О парламентских слушаниях „Детская безнадзорность и беспризорность как один из факторов угрозы национальной безопасности России“». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=7&nd=102073740 (дата обращения: 10.03.2024).

ных на борьбу с этим явлением¹⁵. Поручение было издано 3 января 2002 г. В нем декларировалось принятие незамедлительных мер для решения проблемы беспризорности и безнадзорности.

Итак, на рубеже 2001—2002 гг. крупными политическими игроками был принят ряд шагов по секьюритизации беспризорности и безнадзорности, представленных в качестве угрозы национальной безопасности, требующей незамедлительного реагирования. Это повлекло за собой активную деятельность разнообразных агентов бюрократического поля¹⁶, рассматривавших указанную проблему как зону собственной компетенции¹⁷.

Одним из первых свой взгляд на решение данного вопроса попыталось утвердить Министерство внутренних дел: 12 января 2002 г. вышел приказ МВД «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹⁸. Среди прочего в нем фигурировал пункт 8.3.: «Разработать до 30 января 2002 г. планы проведения комплексных ежемесячных мероприятий с участием всех подразделений органов внутренних дел по выявлению беспризорных несовершеннолетних и лиц, занимающихся попрошайничеством с несовершеннолетними, с обязательным установлением личности детей и их законных представителей». Последствием этого бюрократического перформатива и стало распространение операции «Табор».

В феврале — марте 2002 г. операция была проведена в Москве, Московской области, Петербурге, Самарской области, Иркутской области, Чувашской республике и Хабаровском крае, получив одобрительное освещение в СМИ. В апреле МВД, подводя промежуточные итоги борьбы с беспризорностью, особо отметило операцию «Табор» как успешное мероприятие, направленное «на выявление малолетних попрошаек»¹⁹. А 11 июня на заседании Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по общественной безопасности, борьбе с преступностью и коррупцией, посвященном проблемам беспризорности и безнадзорности, было решено проводить операцию «Табор» повсеместно «на регулярной основе» в числе прочих оперативно-профилактических мероприятий²⁰.

Состав Межведомственной комиссии объясняет сфокусированность на правоохранительных кампаниях: 14 из 20 ее членов принадлежали к числу профес-

¹⁵ Стенограмма прямого теле- и радиозэфира («Прямая линия с Президентом России»). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21457> (дата обращения: 10.03.2024).

¹⁶ В частности, в объявленную борьбу с беспризорностью и безнадзорностью включились Минтруд, Минздрав, Минобразования, Минфин, Минэкономразвития, Госкомстат, региональные органы исполнительной власти и органы местного самоуправления.

¹⁷ Подробнее об этом см. Минтруд России. Меры, направленные на позитивное изменение ситуации с безнадзорностью и беспризорностью несовершеннолетних // Web.archive.org. 2002. 7 октября. URL: <https://web.archive.org/web/20070927063440/http://rostrud.ru/portal/load/doc-cfc849193922834db358c09d49ab6342-1df01d.cfc849193922834db358c09d49ab6342-1e356e.htm> (дата обращения: 10.03.2024).

¹⁸ Приказ МВД «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901861767> (дата обращения: 10.03.2024).

¹⁹ МВД подводит промежуточные итоги борьбы с беспризорностью // Полит.ру. 2002. 25 апреля. URL: <https://polit.ru/article/2002/04/25/611496/> (дата обращения: 10.03.2024).

²⁰ Письмо Минздрава РФ от 22 июля 2002 г. № 2510/7337-02-32 «О мерах по усилению борьбы с преступностью среди несовершеннолетних».

сионалов безопасности (в том числе председатель и зампредседателя комиссии — генеральный прокурор и заместитель министра внутренних дел соответственно). Объединенные общим габитусом²¹, они имели сходное видение решения заявленной проблемы, а их структурные диспозиции в бюрократическом поле детерминировали осознанное или неосознанное стремление к ее репрезентации как вопроса, полностью или по большей части находящегося в сфере ответственности правоохранительных органов.

Проведение общероссийской антицыганской кампании, таким образом, стало непреднамеренным результатом шагов по секьюритизации беспризорности и безнадзорности, предпринятых в конце 2001 — первой половине 2002 г. Будучи дискриминационной практикой, противоречащей действующему законодательству²², антицыганские облавы очевидно представляли собой экстраординарную меру, выходящую за рамки нормальной политики.

Реакция аудиторий

Один из ключевых игроков в процессе секьюритизации — аудитория. Ее реакция, благосклонная или, напротив, критическая в отношении дискурсивных и недискурсивных практик субъектов секьюритизации, в значительной степени определяет, приведут они к успеху или нет. Как показывают исследования, обычно секьюритизаторы имеют дело не с одной, а с несколькими аудиториями [Côté, 2016]. В рассматриваемом случае вслед за Марком Солтером можно выделить массовую²³, элитарную²⁴, технократическую²⁵ и исследовательско-активистскую²⁶ аудитории [Salter, 2008]. Поскольку речь идет не о секьюритизирующем дискурсе, а о секьюритизирующей практике, предъявленной всем четырем аудиториям в неизменном виде (антицыганской облавы), анализ различных настроек одного и того же секьюритизирующего повествования, ориентированных на разные виды публики, не может быть осуществлен. Однако для понимания того, почему операция «Табор» до сих пор регулярно проводится в регионах страны, важно проследить за реакцией четырех аудиторий на секьюритизирующее представление.

Реакция массовой аудитории была благожелательной. Предвзятость, распространявшаяся в отношении цыган с начала 1990-х годов [Гудков 2004: 184], не способствовала проявлению к ним сочувствия или возмущения вследствие осуществляемых в отношении них дискриминационных мероприятий. В некоторых регионах, по сообщениям местных властей и управлений внутренних дел,

²¹ Вслед за Дидье Биго, Тьерри Бальзаком и их соавторами мы будем понимать под габитусом профессионалов безопасности «систему устойчивых установок, которая управляет поведением и дискурсами акторов внутри поля» [Balzacq et al., 2010: 3].

²² В частности, дискриминация запрещена Конституцией (ст. 19), Уголовным кодексом (ст. 136) и Кодексом об административных правонарушениях (ст. 5.62).

²³ Широкие слои населения.

²⁴ Политические элиты.

²⁵ Бюрократия.

²⁶ Солтер выделяет научную аудиторию, однако в анализируемом случае речь идет не о научном сообществе в целом, но об отдельных интеллектуалах, озабоченных проблемами защиты прав цыган и плотно взаимодействующих с профильными НКО и цыганскими объединениями.

жалобы жителей на цыганские общины даже послужили стимулом к проведению операции «Табор»²⁷.

Реакцию политической элиты можно назвать пассивной: не нашлось ни одного заметного политического актора, который бы поддержал или осудил указанную практику.

Исследовательско-активистская аудитория, состоявшая из профильных правозащитных организаций, цыганских объединений и немногочисленных интеллектуалов, интересующихся проблемами цыганских общин, попыталась оказать сопротивление. В 2002 г. после обращений в адрес МВД и столичных властей цыганская НКА «Романо Кхэр» добилась встречи с заместителями министра внутренних дел и министра юстиции, в ходе которой последние пообещали прекратить операцию «Табор». Однако это обещание не было выполнено. Последующие обращения ряда профильных НКО²⁸ к российским властям и в международные организации также не дали результатов. Не оказали никакого влияния на ход событий и несколько аналитических публикаций, осуждавших операцию «Табор» [Нам, 2003]²⁹.

Реакция технократической аудитории, состоявшей в основном из полицейской бюрократии, в задачи которой входило проведение антицыганских облав, была неоднозначной. С одной стороны, милицееское руководство на местах с готовностью взялось за осуществление операции «Табор» на подведомственных территориях, с другой — с трудом интериоризировало предложенное из федерального центра видение данного мероприятия как средства борьбы с беспризорностью и безнадзорностью. В итоге в Санкт-Петербурге антицыганские облавы объяснялись стремлением предупредить правонарушения «со стороны цыган на объектах транспорта и петербургских вокзалах»³⁰, в Самарской области — желанием «не допустить распространения наркотиков и выявить лиц, незаконно проживающих на территории РФ»³¹; в Чувашской Республике — необходимостью пресечения мошенничества «под видом снятия порчи»³² и т. д. Иначе говоря, инициированная из центра, операция «Табор» на уровне регионов изменила свое значение и стала фреймироваться с помощью более актуальных для местной технократической аудитории смыслов. В результате, когда в 2003 г. тема беспризорности и безнадзорности ушла из политической повестки, порожденная ею секьюритизирующая

²⁷ Операция «Табор» // Портал органов власти Чувашской Республики. 2002. 20 марта. URL: <https://cap.ru/news/2002/03/20/news-73786> (дата обращения: 10.03.2024); Чак А. Табор уходит в подполье // Тихоокеанская звезда. 2002. 14 марта. URL: https://toz.su/newspaper/arkhiv/2002_03_14_tabor_ukhodit_v_podpole/ (дата обращения: 10.03.2024).

²⁸ В частности, в 2004 г. Европейский центр по правам цыган направил официальное письмо в адрес Правительства Санкт-Петербурга, призывая прекратить облавы на цыганское население. В 2005 г. та же организация обратилась к министру внутренних дел Рашиду Нургалиеву, требуя пояснить, каковы законные основания для проведения операции «Табор», уточнить ее временные рамки, территориальный охват и результаты. В 2008 г. ряд российских НПО подготовил Альтернативный доклад для Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, где сообщалось о проведении операции «Табор».

²⁹ См. также: Бессонов Н. В. Цыгане и пресса. Вып. 2. 2003. URL: <https://gypsy-fond.com/pressa2> (дата обращения: 10.03.2024).

³⁰ В Петербурге нашли только 9 цыган- Попрошаек // Фонтанка.ру. 2002. 12 марта URL: <https://www.fontanka.ru/2002/03/12/37006/> (дата обращения: 10.03.2024).

³¹ Бондаренко А. Секрет «цыганских зачисток» // Независимая. 2002. 18 июля. URL: https://www.ng.ru/events/2002-07-18/6_accusations.html (дата обращения: 10.03.2024).

³² Цыган ждет тесное общение с милицией // Московский комсомолец. 2002. 27 февраля. URL: <https://www.mk.ru/old/article/2002/02/27/170417-tyigan-zhdet-tesnoe-obschenie-s-militsiy.html> (дата обращения: 10.03.2024).

практика не исчезла вместе с ней. Вместо этого произошло лишь окончательное вытеснение первоначального содержания и замена его другим, более подходящим с точки зрения технократической аудитории.

Таким образом, только одна из четырех аудиторий критически отнеслась к операции «Табор». Благожелательная реакция остальных сделала возможными распространение и закрепление секьюритизирующей практики. При этом массовая аудитория периодически инициировала проведение антицыганских облав, а технократическая активно включилась в реализацию секьюритизирующих мероприятий и способствовала изменению их смыслового наполнения.

Рутинизация операции «Табор»

После решения Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по общественной безопасности, борьбе с преступностью и коррупцией о регулярном и повсеместном проведении операции «Табор» она осуществлялась в самых разных регионах страны. Причем с 2010-х годов официальные сообщения об облавах на цыганское население стали появляться все чаще, что свидетельствует о рутинизации данной практики.

Для количественной оценки и анализа географического распространения операции «Табор», а также аналогичных мероприятий под другими названиями, в 2022—2023 гг. мы провели сплошной мониторинг системы сайтов Министерства внутренних дел РФ (<https://мвд.пф/>). Всего проанализировано 84 региональных сайта МВД и 4 сайта территориальных подразделений УМВД по Брянской области. Поиск релевантных сообщений осуществлялся с использованием поисковой строки, размещенной на сайтах, по ключевым словам «Табор», «цыган», «цыганской». Обнаруженные источники заносились в общую базу данных. По каждому региону подсчитывалось число антицыганских мероприятий, о которых сообщалось в источниках, дублирующие сообщения³³ помечались и исключались, фиксировались спикеры, информировавшие о проведении операций.

Всего было обнаружено 212 сообщений об осуществлении операции «Табор» и других специализированных мероприятий, нацеленных на цыганское население, в том числе ОПМ «Цыган»; ОПМ «Цыгане»; операция «по предупреждению и раскрытию преступлений, совершаемых лицами цыганской народности»; «меры, направленные на профилактику преступлений и иных правонарушений в местах концентрации лиц цыганской национальности»; операция «по выявлению и раскрытию преступлений, совершенных нелегальными мигрантами и представителями цыганского этноса»; операция «по выявлению, пресечению правонарушений и преступлений, совершаемых иностранными гражданами, лицами без гражданства и представителями цыганского этноса»; операция «недопущения и пресечения противоправной деятельности иностранных граждан и лиц цыганской национальности»; профилактические рейды, ориентированные на цыган.

Полученный массив данных был дополнен информацией, размещенной на отдельных официальных сайтах региональных органов власти³⁴, а также сведения-

³³ Например, сообщения участковых уполномоченных, работающих в одном и том же отделении полиции об операции, проведенной в одном и том же временном диапазоне.

³⁴ Сайт администрации Прокопьевского муниципального округа (прокопьевский-район.рф); Портал органов власти Чувашской Республики (www.cap.ru).

ми, содержащимися в сообщениях СМИ, передававших заявления официальных лиц и обнаруженных в ходе мониторинга с использованием инструментов поиска Google. Стремясь опираться на официальные источники, мы сознательно старались свести к минимуму включение в базу данных чисто журналистских публикаций, фиксируя только сообщения работников правоохранительной системы о тех операциях, которые не фигурировали в информационных материалах, размещенных на сайтах МВД. В частности, были учтены сообщения сотрудников правоохранительных органов и полицейских пресс-служб, транслировавшиеся информационными агентствами (Интерфакс, REGNUM) и региональными информационно-новостными порталами (Новости Кемеровской области, Информационный портал города Шахты, Батайск-город, городской портал Калуги, новостной портал города Обнинска). Дополнительный поиск позволил обнаружить сведения о еще 17 антицыганских облавах, осуществленных в 2002, 2004, 2006, 2010, 2011, 2017, 2020 и 2021 гг.

В ходе анализа полученных материалов было установлено, что за период с 2002 по 2023 г. осуществлено не менее 159 операций³⁵, нацеленных на цыганское население, по меньшей мере в 34 регионах страны. Поскольку речь идет о практике, содержащей явные признаки этнической дискриминации, можно предположить, что официальные сообщения отражают не все факты проведения подобных мероприятий. Вследствие этого к указанным числам следует относиться с осторожностью: вполне вероятно, что количество операций больше, а география их распространения шире.

Абсолютным лидером по количеству официальных объявлений о проведении операции «Табор» является Брянская область (128 сообщений, содержащих информацию о 53 мероприятиях, нацеленных на цыган). Причем некоторыми территориальными подразделениями УМВД по Брянской области облавы на цыган проводятся на постоянной основе с небольшими перерывами в течение года. Так, за 2022 г. МО МВД «Стародубский» четырежды проводил операцию «Табор»: с 21 по 27 февраля; с 28 по 31 марта; с 29 августа по 2 сентября; с 12 по 16 декабря.

За Брянской областью следуют Калужская (14 сообщений о 6 операциях), Тульская (10 сообщений о 10 мероприятиях) и Кемеровская (7 сообщений о 7 операциях) области. Кроме того, в Забайкальском крае, где обнаружено только одно сообщение, говорится о проведении 24 операций, нацеленных на цыган.

Важно установить уровень издания официальных объявлений об осуществлении антицыганских мероприятий, поскольку это позволяет надежно определить ареалы распространения исследуемой практики. В ходе мониторинга было обнаружено 24 сообщения 11 региональных управлений МВД (по Брянской, Владимирской, Калужской, Кемеровской, Костромской, Нижегородской, Орловской, Ростовской, Тульской, Челябинской и Ярославской областям), информировавших о проведении облав на цыганское население на территории соответствующих субъектов в целом. Еще 52 объявления было издано 11 межмуниципальными отделами МВД («Беловским», «Брянским», «Бузулукским», «Верхнесалдинским», «Дятьковским», «Мантуровским», «Нерехтским», «Новозыбковским», «Севским»,

³⁵ Количество операций не совпадает с числом сообщений, поскольку разные сотрудники полиции иногда говорят об одном и том же мероприятии.

«Стародубским» и «Унечским»), сообщавшими о проведении операций, нацеленных на цыган, на своих подведомственных территориях. 6 аналогичных объявлений было сделано 5 районными отделами МВД (по Александровскому и Камешковскому районам Владимирской области, Всеволожскому району Ленинградской области, Карачевскому району Брянской области, Песчанокопскому району Ростовской области). 13 сообщений принадлежит 8 городским управлениям МВД (по Брянску, Владикавказу, Евпатории, Кемерово, Новокузнецку, Туле, Чите и Южно-Сахалинску). Наконец, 117 объявлений было сделано участковыми уполномоченными и конкретными отделами полиции.

Таким образом, за последние 20 лет операция «Табор» распространилась в значительном числе российских регионов. В результате многократного повторения произошли ее рутинизация, и в конечном счете институализация. В некоторых подразделениях полиции она стала проводиться на постоянной основе как обыденная и непроблематизируемая практика.

Секьюритизирующая практика — результат и источник секьюритизирующих дискурсов

Общероссийские антицыганские облавы — следствие ряда политических и бюрократических перформативных дискурсов: дискурсов профессионалов политического поля, актуализировавших проблему беспризорности и безнадзорности, а также дискурсов профессионалов безопасности, (пере)изобретших комплекс антицыганских практик в качестве инструмента для борьбы с данной проблемой. Вместе с тем эти практики привели к возникновению ряда производных секьюритизирующих дискурсов, особенно активно тиражируемых на уровне рядовых исполнителей антицыганских мероприятий.

Богатую эмпирическую базу для исследования указанных дискурсов дают отчеты и информационно-аналитические записки участковых уполномоченных полиции, озвучивавшиеся на встречах с населением и размещенные на официальных сайтах Министерства внутренних дел. Данные документальные источники были обнаружены в ходе уже упоминавшегося мониторинга системы сайтов МВД РФ. Всего было найдено 2969 релевантных документа, выпущенных в 45 российских регионах.

В процессе обработки полученного материала в каждом отчетном документе были выделены фрагменты текста, представлявшие собой секьюритизирующий дискурс, нацеленный на цыган, которые затем заносились в таблицу. К секьюритизирующим были отнесены речевые акты, маркировавшие цыган как угрозу безопасности. Таковыми признавались утверждения об особой склонности цыган к совершению тех или иных преступлений (например, «как правило, лица, совершающие мошеннические действия, являются представителями цыганской национальности»; «лица цыганской национальности входят в доверие граждан и обманным путем завладевают имуществом, денежными средствами граждан, совершают кражи»); призывы к проявлению бдительности в отношении цыган, избеганию контактов с ними (к примеру, «особое внимание обращать на лиц цыганской национальности»; «полиция просит граждан быть бдительными, избегать любого общения с лицами цыганской национальности»); требования обращаться

в полицию при появлении цыган (например, «в случае появления в селе лиц цыганской национальности, незамедлительно сообщать об этом в дежурную часть»; «при обнаружении подозрительных предметов, лиц цыганской национальности, [...] звоните [...] в дежурную часть»); советы не останавливаться для разговоров с цыганами, не впускать их в жилища, не приобретать предлагаемые ими товары и услуги (к примеру, «не останавливайтесь для разговора с гражданами цыганского этноса»; «не впускайте в квартиру лиц цыганской национальности»; «лица цыганской национальности ходят и продают всякие вещи. Во избежание мошеннических действий советую Вам граждане не связывайтесь с таким контингентом и не обращайтесь на таких лиц»).

Уже на этапе проведения мониторинга было установлено, что отчеты и информационно-аналитические записки участковых уполномоченных носят цитатный характер — дословно воспроизводят одни и те же текстовые образцы, включая интересующие нас секьюритизирующие речевые акты. Для исследования процесса тиражирования секьюритизирующих дискурсов мы выделили наиболее часто встречающиеся в собранном массиве данных фрагменты текста. Квантификация повторов производилась при помощи инструментов Microsoft Word (поисковой строки и счетчика). Поиск осуществлялся по таблице с секьюритизирующими фрагментами отчетных текстов. Всего было выделено 7 секьюритизирующих речевых актов, употреблявшихся более чем в 100 отчетных документах:

Следует также обращать особое внимание на поведение лиц цыганской национальности. (Содержится в 514 документах)

Гражданам необходимо сообщать в отдел полиции либо участковому уполномоченному полиции о фактах обнаружения незнакомых лиц цыганской национальности. (Содержится в 273 документах)

С престарелыми гражданами проводились инструктивные беседы с целью недопущения совершения в отношении них мошеннических действий со стороны лиц цыганской национальности. (Содержится в 191 документе)

Если Вы заметили, что по улице ходят подозрительные лица, в особенности лица цыганской национальности <...> то сообщите об этом участковому уполномоченному полиции. (Содержится в 163 документах)

Не останавливайтесь для разговоров с гражданами цыганской наружности. (Содержится в 134 документах)

Не позволять входить в свои домовладения и квартиры лицам цыганской национальности. (Содержится в 125 документах)

При обходе административного участка на постоянной основе, доводятся информация до граждан по лицам цыганской национальности, которые промышляют как кражами, так и мошенничеством. (Содержится в 115 документах)

Затем на сайтах МВД РФ, где размещены полные списки отчетных материалов участковых уполномоченных, употреблявших перечисленные фразы, а также их коллег, проводилось сплошное исследование отчетов за те периоды, когда хотя бы в одном из них содержался секьюритизирующий речевой акт. Анализировалась структура отчетных документов, ее изменения в разные периоды, фиксировалось авторство отчетов. Устанавливались доли отчетов, содержащих секьюритизирующий речевой акт в разные периоды, и доли участковых уполномоченных — авторов таких отчетов в общей численности сотрудников конкретных отделов полиции.

Проведенный анализ позволил проследить процесс возникновения, распространения и угасания секьюритизирующих дискурсов. Рассмотрим его на примере фразы *«При обходе административного участка на постоянной основе, доводятся информация до граждан по лицам цыганской национальности, которые промышляют как кражами, так и мошенничеством»*. За период с 2015 по 2021 г. она повторяется в отчетах участковых уполномоченных отдела МВД России по Зубово-Полянскому муниципальному району 115 раз. Впервые появившись в марте 2015 г. при изменении формы и структуры исходного отчетного образца, в следующие три года она по нарастающей распространялась в отчетах участковых уполномоченных. В 2016 г. искомую фразу содержали 22 из 29 отчетов, подготовленных 13 из 19 сотрудников отдела; в 2017 г. — 13 из 14 отчетов, принадлежавших 9 из 10 участковых уполномоченных; в 2018 г. эта фраза воспроизводилась во всех 24 отчетах, подготовленных сотрудниками отдела³⁶. Достигнув стопроцентного распространения, с 2019 г. началось движение в обратном направлении, обусловленное, по всей видимости, очередным изменением базового отчетного образца и набором новых сотрудников, которые сразу перешли на другой формат отчетности, в то время как старые продолжили держаться привычного варианта до 2020 г. Наконец, в 2021 г. остался лишь один участковый уполномоченный, который использовал устаревший образец отчета, включавший секьюритизирующий дискурс.

Как показывает приведенный случай, секьюритизирующий речевой акт воспроизводился в отчетах участковых уполномоченных почти автоматически³⁷, что демонстрирует его самореферентный характер. Сотрудники полиции в данном контексте фактически потеряли субъектность, нерелексивно повторяя предложенный образец, что также свидетельствует о рутинизации антицыганских дискурсов и практик³⁸.

Сходным образом циркулируют и другие аналогичные секьюритизирующие дискурсы.

Интересно, что дословное воспроизводство секьюритизирующих речевых актов характерно не только для сотрудников одного и того же или нескольких смежных подразделений полиции, хотя это самый частый случай. Иногда такие повторы

³⁶ Изменение численности состава сотрудников от года к году объясняется высокой текучкой кадров в правоохранительных органах.

³⁷ То же самое можно сказать и о полных текстах отчетов, где меняются только показатели.

³⁸ Следует отметить, что один сотрудник отдела МВД России по Зубово-Полянскому муниципальному району отказался следовать отчетному образцу именно в части секьюритизирующего дискурса, заменив «лиц цыганской национальности» на «лиц» без указания этнической принадлежности.

обнаруживаются в отчетах полицейских, служащих в разных и даже весьма отдаленных друг от друга регионах. Так, фраза «*Следует также обращать особое внимание на поведение лиц цыганской национальности*» с некоторыми вариациями встречается в 16 регионах страны (Алтайском крае, Архангельской, Белгородской, Брянской, Владимирской, Ивановской, Калининградской, Кемеровской, Кировской, Костромской, Курской, Новосибирской и Тамбовской областях, Республиках Дагестан и Ингушетия, ХМАО-Югре).

Таким образом, сотрудники полиции, выработавшие привычку видеть в цыганах легитимную цель для задержания, обысков, арестов и прочих мероприятий, обычно применяемых к лицам, подозреваемым в совершении преступлений, (вос) производят секьюритизирующие дискурсы, маркирующие цыганское население в качестве источника угрозы и объекта узаконенного подозрения, при встрече с которым рядовым гражданам иной этнической принадлежности рекомендуется соблюдать меры предосторожности и/или обращаться в правоохранительные органы. Иначе говоря, из секьюритизирующей практики вырастают гомологичные секьюритизирующие дискурсы, зачастую нерелексивно воспроизводимые участвующими в ней акторами. С учетом того, что секьюритизирующая практика, в свою очередь, является порождением ряда секьюритизирующих дискурсов, можно заключить, что дискурсы и практики секьюритизации имеют сложную взаимосвязь, выступая одновременно и условием, и результатом существования друг друга.

Выводы

Расовое профилирование, позиционируемое как вынужденная и необходимая для достижения общественного благополучия и безопасности мера, может рассматриваться сквозь призму теории секьюритизации с учетом бурдьевицкой трактовки перформатива, позволяющей преодолеть сложившуюся в академическом поле традицию сепаратного анализа секьюритизирующих дискурсов и практик.

Исследованный кейс показывает, что секьюритизирующие практики иногда имеют весьма запутанные траектории, вырастая из перформативного дискурса, посвященного теме, на первый взгляд с ними не связанной. В рассмотренном случае общероссийские антицыганские облавы, фактически стали непреднамеренным последствием шагов по секьюритизации беспризорности и безнадзорности, предпринятых крупными политическими игроками на рубеже 2001—2002 гг.

Проанализированный случай подтверждает неоднократно отмечавшуюся исследователями важность реакции аудиторий на дискурсивные и недискурсивные практики субъектов секьюритизации. Распространение и рутинизация операции «Табор» стали возможны вследствие положительной или нейтральной реакции трех из четырех аудиторий (массовой, элитарной и технократической), наблюдавших за секьюритизирующей практикой. При этом две аудитории включились в процесс секьюритизации: массовая аудитория в отдельных случаях инициировала проведение антицыганских облав, а технократическая принимала непосредственное участие в их осуществлении и способствовала изменению их смыслового наполнения. В результате, когда объявленная борьба с беспризорностью и безнадзорностью была свернута, операция «Табор» не исчезла вместе с ней, но продолжила проводиться в разных регионах страны под другими предложениями.

Как показало проведенное исследование, секьюритизирующие практики не только являются порождением перформативных дискурсов, но и, в свою очередь, генерируют производные секьюритизирующие дискурсы. В рассмотренном кейсе такие дискурсы воспроизводились почти автоматически, будучи продуктом глубоко интериоризированной привычки видеть в таргетированной группе сообщество, склонное к совершению преступлений, — привычки, выработанной в результате регулярного участия в секьюритизирующих мероприятиях. Взаимообусловленность дискурсов и практик секьюритизации еще раз указывает на необходимость преодоления сложившейся традиции их отдельного анализа, оставляющей «за кадром» важные аспекты взаимосвязи дискурсивных и недискурсивных стратегий субъектов секьюритизации.

Список литературы (References)

Григорьева К. С. Расовое профилирование. История и современное состояние исследований // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. No 4. С. 104—127. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10429>.

Grigoryeva K. S. (2019) Racial Profiling: The History and Current State of Research. *Demographic Review*. Vol. 6. No. 4. P. 104—127. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10429>.

Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997—2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, ВЦИОМ-А, 2004.

Gudkov L. (2004) Negative identity. Research papers 1997—2002. Moscow: New Literary Observer, VTSIOM-A.

Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью. Общеполитическая рекомендация Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью № 11: «О борьбе с расизмом и расовой дискриминацией в работе правоохранительных органов». 2007. URL: <https://rm.coe.int/compilation-of-ecri-general-policy-recommendations-march-2018-russia/1680923e0a> (дата обращения: 10.03.2024).

The European Commission against Racism and Intolerance (2007) ECRI General Policy Recommendation No. 11 on Combating Racism and Racial Discrimination in Policing. URL: <https://rm.coe.int/ecri-general-policy-recommendation-no-11-on-combating-racism-and-racia/16808b5adf> (accessed: 10.03.2024).

Нам И. В. Цыганский вопрос // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2003. № 47. Янв. — февр. С. 60—62.

Nam I. V. (2003) The Roma Question. *Bulletin of the Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention Network*. No. 47. Jan. – Feb. P. 60-62.

Balzacq T., Başaran T., Bigo D., Guittet E.-P., Olsson C. (2010) Security Practices. In: Denmark R. A. (ed.) *The International Studies Encyclopedia Online*. URL: https://is.muni.cz/el/fss/podzim2015/ESS419/um/Balzacq_et_al_2010.pdf (accessed: 10.03.2024).

- Bigo D. (2002) Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease. *Alternatives*. Vol. 27. P. 63—92. URL: https://migrantsproject.eu/wp-content/uploads/2020/08/Bigo_Security-and-Immigration.pdf (accessed: 10.03.2024).
- Bourbeau Ph. (2014). Moving Forward Together: Logics of the Securitisation Process. *Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 43. No. 1. P. 187—206. <https://doi.org/10.1177/0305829814541504>.
- Bourdieu P. (1991) Language and Symbolic Power. London: Polity Press.
- Butler J. (1997) Excitable Speech A Politics of the Performative. New York, NJ; London: Routledge.
- Buzan B., Wæver O., De Wilde J. (1998) Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Reiner.
- Côté A. (2016) Agents without Agency: Assessing the Role of the Audience in Securitization Theory. *Security Dialogue*. Vol. 47. No. 6. P. 1—18.
- Derrida J. (1988) Signature. Event. Context. In: Derrida J. *Limited Inc*. Evanston: Northwestern University Press. P. 1—25.
- Engel R. S., Calnon J. M., Bernard T. J. (2004) Theory and Racial Profiling: Shortcomings and Future Directions in Research. *Justice Quarterly*. Vol. 19. No. 2. P. 249—273. <https://doi.org/10.1080/07418820200095231>.
- Goris I., Jobard F., Lévy R. (2009) Police et minorités visibles: les contrôles d'identité à Paris. New York, NY: Open Society Institute.
- Lamberth J. (1996) A Report to the ACLU. New York, NY: America Civil Liberties Union.
- McDonald M. (2008) Securitization and the Construction of Security. *European Journal of International Relations*. Vol. 14. No. 4. P. 563—587. <https://doi.org/10.1177/1354066108097553>.
- Miller J., Gounev Ph., Pap A. L., Wagman D., Balogi A., Bezlov T., Simonovits B., Vargha L. (2008) Racism and Police Stops: Adapting US and British Debates to Continental Europe. *European Journal of Criminology*. Vol. 5. No. 2. P. 161—189. <https://doi.org/10.1177/1477370807087641>.
- Pap A. L. (2011) Ethnic Profiling and Discrimination: The International Context and Hungarian Empirical Research Findings. *Acta Juridica Hungarica*. Vol. 52. No. 4. P. 273—295. <https://doi.org/10.1556/AJur.52.2011.4.1>.
- Spitzer E. (1999) The New York City Police Department's 'Stop and Frisk' Practices: A Report to the People of the State of New York from the Office of the Attorney General. Albany, NY: New York Attorney General's Office.
- Salter M. B. (2008) Securitization and Desecuritization: A Dramaturgical Analysis of the Canadian Air Transport Security Authority. *Journal of International Relations and Development*. Vol. 11. No. 4. P. 321—349.

Stritzel H. (2007) Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond. *European Journal of International Relations*. Vol. 13. No. 3. P. 357—383. <https://doi.org/10.1177/1354066107080128>.

Trombetta M. J. (2014) Linking Climate-Induced Migration and Security within the EU: Insights from the Securitization Debate. *Critical Studies on Security*. Vol. 2. No. 2. P. 131—147. <https://doi.org/10.1080/21624887.2014.923699>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2495](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2495)**И. А. Помигуев, Д. В. Алексеев, Н. А. Зарипов****«НЕ ДЕЛОМ, А СЛОВОМ»: ДИСКУРС-СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ
ПАРЛАМЕНТСКИХ ОБСУЖДЕНИЙ ЗАКОНА О ПОВЫШЕНИИ
ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИИ****Правильная ссылка на статью:**

Помигуев И. А., Алексеев Д. В., Зарипов Н. А. «Не делом, а словом»: дискурс-сетевой анализ парламентских обсуждений закона о повышении пенсионного возраста в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 116—140. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2495>.

For citation:

Pomiguyev I. A., Alekseev D. V., Zaripov N. A. (2024) «Not by Deed, but by Word»: A Discourse-Network Analysis of Parliamentary Discussions of the Bill on Raising the Retirement Age in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 116–140. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2495>. (In Russ.)

Получено: 22.09.2023. Принято к публикации: 21.02.2024.

«НЕ ДЕЛОМ, А СЛОВОМ»: ДИСКУРС-СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ ПАРЛАМЕНТСКИХ ОБСУЖДЕНИЙ ЗАКОНА О ПОВЫШЕНИИ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИИ

ПОМИГУЕВ Илья Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, заведующий лабораторией парламентских и законодательских исследований, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Россия
 E-MAIL: pomilya@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3068-5664>

АЛЕКСЕЕВ Дмитрий Владимирович — преподаватель кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы Российской Федерации, Москва, Россия
 E-MAIL: mityaalexeev@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0576-0899>

ЗАРИПОВ Никита Андреевич — магистрант, преподаватель Департамента политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
 E-MAIL: nzaripov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4834-4665>

Аннотация. Исследование направлено на выявление в российском парламенте дискурсивных сообществ и механизмов их формирования в ходе рассмо-

«NOT BY DEED, BUT BY WORD»: A DISCOURSE-NETWORK ANALYSIS OF PARLIAMENTARY DISCUSSIONS OF THE BILL ON RAISING THE RETIREMENT AGE IN RUSSIA

Ilya A. POMIGUEV^{1,2} — *Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor at the Department of Political Science, Head of the Laboratory of Parliamentary and Legislative Research; Researcher at the Department of Political Science*
 E-MAIL: pomilya@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3068-5664>

Dmitry V. ALEKSEEV³ — *Lecturer at the Department of Political Science and Political Management*
 E-MAIL: mityaalexeev@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0576-0899>

Nikita A. ZARIPOV⁴ — *Master Student, Lecturer at the Department of Politics and Management, Faculty of Social Sciences*
 E-MAIL: nzaripov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4834-4665>

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia

³ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

⁴ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The study is aimed at identifying discursive communities in the Russian parliament and mechanisms of their formation during the consideration of ini-

трения инициатив, предполагающих изменение политического курса. Базирываясь на теориях легитимации и обоснования политики, авторы выявляют типичные размежевания в речах парламентариев, а также тематические блоки для аргументации их позиций в рамках этих размежеваний. В качестве эмпирических данных в статье использованы материалы парламентской дискуссии о повышении пенсионного возраста — инициативы, принятой парламентом и подписанной президентом в 2018 г. С помощью метода дискурс-сетевого анализа и соответствующего программного обеспечения авторы собрали и проанализировали значительный массив данных о тематических блоках, в рамках которых наблюдалась поляризация мнений и позиций парламентариев по исследуемому вопросу. Анализ результатов показал, что поляризация позиций парламентариев, несмотря на кажущуюся непримиримость, оказалась не столь значительной. Как парламентская оппозиция, так и фракция большинства действовали и опирались на аргументы в рамках одних и тех же тематических блоков и категорий, различаясь лишь расхождением (порой незначительным) мнений (за/против) по обсуждаемым тематикам. Кроме того, анализ дискурсивных сетей позволил оценить значение парламентских процедур рассмотрения законодательных инициатив для определения дискурса, а также влияние внутрипарламентских структур на высказываемую парламентариями позицию. Авторы обнаружили, что слова, публично произнесенные в парламенте, способны точнее представить политическую позицию выступающего, чем результаты его действий, например голосований по тому или иному вопросу.

tiatives that involve changing the political course. Basing on theories of legitimization and policy justification, the authors identify typical divisions in the speeches of parliamentarians and list thematic blocks for the argumentation of their positions within these divisions. Empirically, the study bases on the materials from the parliamentary discussion on raising the retirement age, an initiative adopted by the Russian parliament and signed by the president in 2018. Using the method of discourse network analysis and an appropriate software, the authors collected and analyzed data on thematic reflecting the polarization of opinions and positions of parliamentarians on the issue under study. Its analysis showed that the polarization of parliamentarians' positions, despite the seeming irreconcilability, is insignificant. Both the parliamentary opposition and the majority faction acted and argued their position within the same thematic blocks and categories, differing only in the divergence (sometimes insignificant) of positions (for/against) on the topics under discussion. Furthermore, the analysis of discourse networks has enabled the authors to assess the importance of parliamentary proceedings in reviewing legislative proposals and shaping the debate, as well as the influence of internal parliamentary institutions on the positions expressed by parliamentarians. Thus, the authors found that words spoken publicly in parliament might more accurately determine a speaker's political position than their specific actions, such as voting on a particular issue.

Ключевые слова: пенсионная реформа, повышение пенсионного возраста, Государственная дума, сообщества парламентариев, обоснование политики, легитимация политики, политическая поляризация, дискурс-сетевой анализ (DNA)

Keywords: pension reform, increasing the retirement age, State Duma, communities of parliamentarians, policy justification, policy legitimization, political polarization, discourse network analysis (DNA)

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00201, <https://rscf.ru/project/22-78-00201/>.

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-78-00201, <https://rscf.ru/project/22-78-00201/>.

Реформа пенсионной системы — одно из наиболее значимых решений Государственной Думы VII созыва (2016—2021 гг.), вызвавшее серьезный общественный резонанс. Отличительной чертой закона о повышении пенсионного возраста¹ стал масштаб изменений, затронувших интересы большого количества граждан страны [Соловьев, 2019]. Эта ситуация вынудила представителей власти более серьезно подойти к легитимизации принимаемого решения.

Процесс принятия непопулярной у населения инициативы напрямую связан с обоснованием реализуемой политики, разъяснением не только сути и содержания планируемых изменений, но и их необходимости в социально-экономическом, политическом, ценностном и других аспектах. Обоснование (*justification*) предусматривает сравнение с альтернативой [White, Ypi, 2011], которая появляется в процессе коммуникации политических субъектов [Abulof, Kornprobst, 2017]. В свою очередь обоснование резонансных решений становится необходимым условием их успешного принятия и напрямую связано с обсуждением альтернатив в формальных институциональных границах (в рамках установленных процедур), где объекты проводимой политики (например, группы населения, на которые непосредственно направлено решение), собственно, и оказываются объектами процесса легитимации [von Soest, Grauvogel, 2017]. То есть, объясняя представителям оппозиции необходимость того или иного решения, власть стремится легитимизировать его в глазах различных общественных групп.

В обосновании публичных решений принимают участие множество субъектов, среди которых можно выделить политиков, государственных деятелей, лидеров мнений, экспертов, СМИ и другие группы интересов. Наиболее важными субъектами выступают «акторы *ex officio*², поскольку они формируют политический курс, а их позиция уже впоследствии тиражируется СМИ» [Мясников, 2019: 229]. Такими субъектами при рассмотрении законопроекта выступают парламентарии, задача которых и заключается в публичном обсуждении инициативы.

¹ Законопроект № 489161-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/489161-7> (дата обращения: 10.08.2023).

² С лат. «по служебному положению».

В свою очередь Правительство РФ, инициировавшее пенсионную реформу, предпочло не выносить на публику стадию межведомственного согласования в кабинете министров и тем более размещать готовящуюся инициативу на портале *regulation.gov.ru*, используемом для общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов. В итоге о законопроекте стало известно только в день официального объявления о планах проведения реформы и все общественные протесты сконцентрировались вокруг нижней палаты парламента³.

Если говорить о возможностях правительства продвигать в парламенте пенсионную реформу, то 2018 г. был вполне подходящим временем с точки зрения сложившейся политической конфигурации: институциональное, партийное и позиционное измерения в парламенте находились под контролем «партии власти» [Помигуев, Алексеев, 2021], что дало возможность ей и кабинету министров формально легко принимать любое решение, кроме такого, которое могло привести к широким общественным протестам (как в случае с законом о повышении пенсионного возраста). Несмотря на отсутствие институциональной возможности заблокировать решение, оппозиционные парламентские партии и поддерживающие их общественные структуры смогли существенно замедлить процесс рассмотрения и в какой-то мере противодействовать изначальным планам властей.

В итоге, имея формальные возможности принять нужное решение, власть в лице правительства и «Единой России» вынуждена была доказывать и обосновывать необходимость пенсионной реформы для политических сил с противоположной позицией, искать аргументы и точки соприкосновения с ними, уже имея при этом «коалицию поддержки» [Leifeld, 2013] в лице депутатов-«единороссов». В такой ситуации на первый план выходят не вопросы создания коалиции поддержки как таковой (тем более перспективы создания общественной коалиции в данном случае изначально были туманными), а обоснование политики для тех общественных групп, на которые она направлена. Такая цель подразумевает использование альтернативных точек зрения в качестве инструмента обоснования продвигаемой властью политики. Но и здесь есть сложность: даже согласие по наиболее важным политическим вопросам может сопровождаться расхождением мнений относительно механизмов реализации политики [Sulkin, Schmitt, 2014].

Поскольку для обоснования политики требуются альтернативные точки зрения, можно предположить, что возникающие в ходе рассматриваемых коммуникативных актов дискурсивные сообщества, или противоборствующие коалиции, должны, во-первых, быть ограничены рамками формальных структур, официальную позицию которых они представляют, а во-вторых, отличаться максимальной удаленностью и непримиримостью позиций, то есть быть причиной глубокой политической поляризации взглядов. В таком случае для исследователей возникают проблемы:

— определения возможности использования акторами одних и тех же наборов концептов для аргументирования своих позиций в дискуссии с оппонентами (поляризация в таком случае будет определяться позицией говорящего к этому концепту: «за», «против», «воздержался»);

³ О взаимоотношениях правительства и Госдумы см. подробнее [Noble, 2018].

— выявления количества сообществ при рассмотрении одного вопроса и степени их поляризации по принципу соприкосновения или расхождения концептов⁴.

В итоге получается, что о степени поляризации можно судить не только или не столько по делам (например, голосованию, официальной позиции структур и институций, внесенным поправкам и так далее) [Le Foulon Moran, 2020], а по дискуссии, которая может показать глубину расхождения взглядов независимо от формально занимаемой должности говорящего. В представленной статье предпринимается попытка ответить на вопрос, какие механизмы формирования политического дискурса используют дискурсивные сообщества в парламенте для обоснования и критики резонансных инициатив, таких как пенсионная реформа.

Для ответа на этот вопрос будут рассмотрены теоретические и методические механизмы исследования формируемых в парламенте дискурсивных сообществ с помощью применения структуралистского метода дискурс-сетевого анализа (*DNA, discourse network analysis*), а также контекстуальные условия принятия пенсионной реформы, что позволит в итоге определить основные механизмы формирования дискурсивных сетевых сообществ парламентариев в условиях принятия резонансных решений.

Публичное обоснование политики: от теории социально-политических размежеваний к методу дискурс-сетевого анализа

Любой закон является продуктом политической борьбы и взаимных компромиссов, особенно если речь идет о комплексном изменении параметров целой сферы политики. Парламентский дискурс никогда не бывает статичен, в этом смысле его можно уподобить земной коре во время землетрясения. Рассмотрение законодательного процесса сквозь призму размежеваний поможет понять исходные позиции политических акторов в ходе обсуждения тех или иных законопроектов, а также обнаружить и линии противостояния между парламентариями в рамках дискуссии, и потенциальные «точки сборки» парламентских коалиций.

Исследователи относительно давно используют концепцию социально-политических размежеваний и предлагают оригинальные трактовки к их интерпретации. Пионерами здесь стали С. Роккан и С. Липсет, которые выделили уже ставшие классическими четыре размежевания: «собственник — рабочий», «центр — периферия», «государство — церковь», «промышленность — сельское хозяйство» [Lipset, Rokkan, 1967]. Обозначенные противостояния отчасти утратили актуальность, однако именно в них заложены основы дальнейших теоретических изысканий в исследовании размежеваний и политической поляризации.

Дж. Хубер и Р. Инглхарт в результате экспертного опроса зафиксировали два размежевания: авторитарно-демократическое и культурное [Huber, Inglehart, 1995]. В рамках предложенного исследования и с учетом российской специфики они интерпретировались как «*политическое*» и «*аксиологическое*» (важной со-

⁴ Например, в дебатах о пенсионном обеспечении по старости одна коалиция может выступать за различные меры государственной поддержки, вторая — за важность инструментов политики, стимулирующих рождаемость, третья — за развитие рынка труда. В итоге этих коалиций может оказаться больше, чем две, а между ними сформируются более или менее устойчивые совпадения в концептах. См., например, [Liefeld, 2017].

ставляющей последнего стала классификация ценностей по принципу «материальные — постматериальные») [Inglehart, 1977].

В отечественной науке наиболее глубоко тему размежеваний рассматривал Ю. Г. Коргунюк. Основываясь на зарубежном опыте и российской специфике, он выдвинул свой вариант размежеваний, существующих в российской политике: системное, авторитарно-демократическое, *социально-экономическое* [Коргунюк, 2019]. Последнее в этом ряду размежевание особенно значимо, так именно в его рамках происходят наиболее ожесточенные дискуссии в парламенте [Алексеев, Коргунюк, Помигуев, 2022].

Значимую роль в дальнейшей кодификации размежеваний для определения дискурсивных сообществ с помощью дискурс-сетевого анализа сыграли публикации Й. Кризе (в части внешнеполитического размежевания) [Kriesi et al., 2006], И. Ю. Окунева (в части выделения территориальных размежеваний) [Окунев, 2023], Дж. Нейджел [Nagel, 2006] и др.

Полярные позиции по определенному кругу вопросов, которые теоретически можно представить в виде социально-политических размежеваний, лежат в основе исследовательского метода дискурс-сетевого анализа (DNA), выявляющего дискурсивные коалиции и сетевые связи между ними с помощью исследования тезисов и аргументов, существующих в публичном поле. Классическим объектом анализа в подобных исследованиях выступают высказывания различных акторов — парламентариев, представителей правительства, бизнеса, некоммерческих организаций (далее — НКО), социальных групп, лидеров общественного мнения (далее — ЛОМ) [Leifeld, 2020]. Для анализа характерен поиск категорий, в рамках которых строится аргументация спикеров, а также различий в позициях по отношению к этим категориям.

При этом структура данных может состоять как из одного, так и из множества источников: анализируются высказывания в СМИ, стенограммы обсуждений, личные аккаунты в социальных сетях, предвыборные агитационные материалы и другие материалы [ibid.]. Найденные связи позволяют фиксировать статичные коалиции поддержки определенных тезисов и выявлять их динамику на временных промежутках [Schmid, Sewerin, Schmidt, 2020; Leifeld, Haunss, 2012]. Также стоит отметить критерии формирования связей: дискурсивные коалиции могут быть определены как на основании частоты обращения к отдельному тезису путем взвешивания связей, так и с опорой на конгруэнтность — в отдельных ситуациях значимость могут иметь случаи либо согласия с тезисом, либо и его отрицания.

Метод DNA помогает оценить общий уровень сотрудничества и конфликтов внутри системы и, следовательно, эффективно выявляет степень поляризации акторов [Leifeld, 2017]. Формируемая в итоге сеть отражает повестку дня и позволяет выделить аргументы, обосновывающие выбранный вариант политики. Поскольку такая дискуссия впоследствии определяет уже фактически проводимую политику, имеет смысл также выявлять акторов, чьи интересы были реализованы, и аргументы, которые сознательно исключались из публичного поля [Brugger, Engebrestsen, 2022]. В связи с этим при применении метода следует обращать внимание на возможности определения политических позиций, размежеваний, а главное — пересечений и повторяющихся аргументов в дискурсе непримиримых политических противников.

Также DNA позволяет получать количественные данные, отражающие, например, степень политической поляризации парламента, а точнее вербальной стороны дискуссии парламентариев, через сетевые метрики, такие как модулярность или статистические выводы (*statistical inference*) о структуре сообщества [Newman, 2006]. Это достигается с помощью учета в анализе степени поддержки альтернативных мнений, а также степени сходства тематических блоков в рамках конкретных размежеваний, что дает возможность обогатить понимание парламентского процесса и соотнести упомянутое голосование с политической борьбой на уровне смыслов и ценностей. Более того, подобную сеть можно отразить в динамике и определить таким образом изменения дискурса в процессе обсуждений — перемены в поведении входящих в дискуссию участников, а также в популярности и доминировании отдельных тезисов и убеждений [Помигуев, Фомин, Мальцев, 2021].

Помимо механизма формирования повестки дня дискурс-сетевой подход позволяет определить вербальные коалиции акторов, которые затем могут стать базой для совместного социального действия, например голосования в парламенте. Как правило, подобные коалиции возникают на основании схожести собственных убеждений или в результате предварительных договоренностей об открытой поддержке того или иного тезиса [Leifeld, 2016]. В случае изучения парламента дискурсивные связи можно обнаружить в стенограммах пленарных заседаний по политически значимым законопроектам. В такой ситуации участники дискуссии могут руководствоваться официальной позицией структуры, в которой находятся (фракции, комитета, рабочей группы и т. д.), представлять интересы избирателей или выступать с личной позицией.

Несмотря на указанные возможности метода дискурс-сетевого анализа, специфика его использования в исследованиях определяется необходимостью каждый раз искать уникальную методику кодировки категорий и позиций спикеров, задействованных в обсуждении политического курса. В настоящей статье предложено адаптировать положения теории социально-политических размежеваний под цели кодировки, что определяет оригинальность предлагаемой методики, описанной ниже.

Методика проведения дискурс-сетевого анализа парламентских обсуждений пенсионной реформы

Источником эмпирических данных для представленного исследования выступили стенограммы обсуждения законопроекта о повышении пенсионного возраста⁵. Отметим, что кроме рассмотренного «основного» законопроекта принимались и другие инициативы, в том числе о защите трудовых прав «предпенсионеров»⁶ и частичной ратификации конвенции Международной организации труда в части пенсионного обеспечения⁷. Однако все они так или иначе являются производны-

⁵ Законопроект № 489161-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/489161-7> (дата обращения: 10.08.2023).

⁶ Законопроект № 544570-7 «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/544570-7> (дата обращения: 10.08.2023).

⁷ Законопроект № 489175-7 «О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенции № 102)» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/489175-7> (дата обращения: 10.08.2023).

ми от рассмотренного в исследовании законопроекта, что не позволяет судить об оригинальности аргументации в ходе обсуждения.

В указанных источниках искались противостояния по тематическим блокам, связанным с социально-экономическим, политическим и аксиологическим размежеваниями, затем были классифицированы темы, которые поднимали парламентарии на пленарных заседаниях. Противоположные элементы в рамках разработанного кодификатора были обозначены как «–1» и «+1». Например, маркеру «–1» тематического блока «законодательное регулирование экономики» социально-экономического размежевания соответствовало «незначительное государственное регулирование экономики», а «+1», напротив, — «высокая роль государственного регулирования в экономике» (полную версию кодификатора размежеваний см. в приложении). Получившаяся ценностная матрица создана для кодирования текста высказываний парламентариев в ходе обсуждения повышения пенсионного возраста. В итоге она позволит составить сеть из парламентариев и тематических блоков, которые те использовали при аргументации на пленарном заседании.

Для проведения дискурс-сетевого анализа парламентских дискуссий была использована программа DNA, разработанная Ф. Лайфельдом⁸. Совместная работа в приложении осуществлялась через базы данных системы MySQL, где у каждого пользователя настраивался уровень доступа к документам и комментариям. На предварительном этапе в DNA был определен перечень характеристик, которыми могли обладать выбранные смысловые единицы текста. В случае анализа парламентской дискуссии такими характеристиками были:

- 1) размежевания, предварительно разделенные на три категории: социально-экономическая, политическая и аксиологическая;
- 2) позиция в формате *boolean*, в котором значение «no» соответствует «–1» матрицы кодирования, а «yes» — «+1»;
- 3) дискурсивная категория размежевания, ограниченная списком из матрицы кодирования;
- 4) фамилия говорящего.

Затем мы выделяли отрывок текста, в котором был обнаружен значимый для исследователя тезис, ему присваивался набор характеристик и персональный ID. Пример работы программы представлен на рисунке 1.

Рис. 1. Пример работы программы DNA:
кодирование отрывка выступления министра труда и социальной защиты М. А. Топилина

Размежевания	Аксиологическое
Позиция	☒ yes ☐ no
Категория	Место исторического нарратива
Фамилия говорящего	Топилин

По результатам анализа стенограмм обсуждения пенсионной реформы в первом, втором и третьем чтениях было выделено 398 смысловых единиц текста.

⁸ Ссылка на техническую документацию приложения на сайте GitHub: <https://github.com/leifeld/dna> (дата обращения: 31.03.2024).

На следующем этапе результаты экспортировались в машиночитаемый формат с персональными настройками выгрузки по типу сети, списку интересующих характеристик и формату файла. Для дискурс-сетевого анализа парламента требуется *two-mode network*, в которой будут представлены две переменные: категория и фамилия говорящего. Критерием построения связи выступает позиция, однако следует учесть, что связь между депутатом и категорией может соответствовать как разделу «-1», так и «+1» из матрицы кодирования. Для этого нужно выбрать комбинированное агрегирование. В результате разные отношения будут различаться цветом связи в сети: зеленый цвет соответствует плюсовым значениям, красный — минусовым, а синий — смешанным, то есть спикер выступал как за, так и против конкретной тематической категории.

Сеть была построена в приложении *Visual Social Network (Visone)*⁹. Его инструментарий позволяет использовать классический формат для построения сети. *graphml* и обладает схожими с *Gephi* настройками визуализации. Однако, в отличие от аналогов, *Visone* корректно считывает параметры дискурсивной сети, в частности boolean-формат связи, и более удобен для формирования сети политики (*policy network*) и ее интерпретации.

Однако для дальнейшего анализа проводимой политики в пенсионной сфере и интерпретации полученных данных могут потребоваться не только числовые значения, сетевые графы и статистики, но и понимание контекстуальных особенностей реализации политического курса, которые стоит рассмотреть отдельно.

Процесс принятия закона о повышении пенсионного возраста

Обсуждение и принятие законопроекта о повышении пенсионного возраста отметились рядом особенностей, среди которых — «удачный» момент внесения инициативы, растянутость процесса во времени, четкость формальных этапов прохождения, повышенный общественный интерес к теме.

Некоторые приемы и технологии, использованные в ходе медийного сопровождения процесса, оказались достаточно удачными для снижения градуса общественного напряжения. Так, объявление о планах реформирования пенсионной системы произошло в день открытия Чемпионата мира по футболу в России — события, оттенившего своей важностью пенсионную реформу¹⁰, а запрет на проведение протестных мероприятий в ходе мундиала ограничил оппозицию в инструментах протеста, отложив рассмотрение инициативы на более поздний период. Однако такая ситуация все равно сказалась на рейтингах власти и лишь отсрочила неизбежную волну негодования¹¹.

Стоит заметить, что всплески общественного интереса к реформе оказались напрямую связаны с формальными этапами прохождения законопроекта — чтениями в Госдуме, рассмотрением в Совете Федерации и подписанием президен-

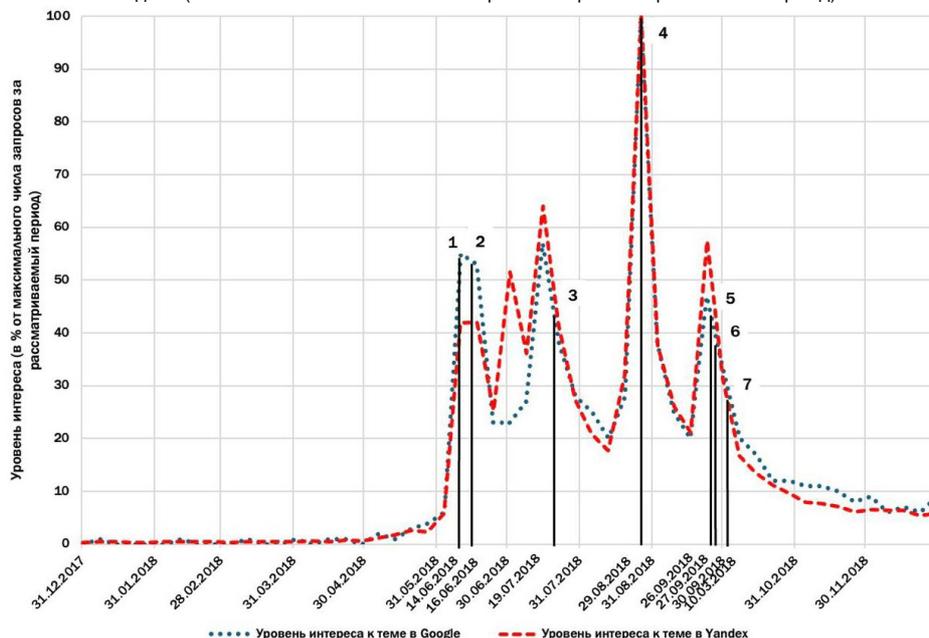
⁹ Ссылка на официальный сайт программного обеспечения: URL: <https://visone.ethz.ch/> (дата обращения: 31.03.2024).

¹⁰ Маляренко Е. Чемпионат мира заинтересовал россиян больше пенсионной реформы // РБК. 2018. 4 июля. URL: <https://www.rbc.ru/society/04/07/2018/5b3cc5b69a7947a5980aced7> (дата обращения: 10.08.2023).

¹¹ Чуракова О. Чемпионат мира не затмил пенсионную реформу // Ведомости. 2018. 10 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/07/10/775031-chempionat-mira-pensionnyu-reformu> (дата обращения: 10.08.2023).

том (см. рис. 2). Можно признать, что инициаторы пенсионной реформы полностью контролировали повестку дня и ограничивали общественный протест только конвенциональными формами обсуждения, в результате чего парламент стал основной площадкой для дискуссии о концепции и параметрах законопроекта. Этот факт позволяет нам отметить особую важность выявления характерных черт дискурсивных сообществ в ходе парламентской дискуссии по указанному вопросу.

Рис. 2. Динамика уровня интереса к запросу «пенсионная реформа» в поисковой сети Google и Яндекс (% от максимального числа запросов за рассматриваемый период)¹²

Вне формальной процедуры рассмотрения законопроектов было лишь одно событие, вызвавшее больший интерес, чем парламентские этапы, — обращение президента к гражданам России (см. рис. 2) с предложением смягчить параметры реформы (например, повышение пенсионного возраста для женщин только до 60 лет, а не до 63, как было в изначальной редакции проекта закона)¹³. Коррекция реформы определенно связана с острой реакцией общества на повышение пенсионного возраста, хотя такие меры можно считать политическими тех-

¹² Данные предоставлены сервисами «Google Trends» (URL: <https://clck.ru/35fuEZ> (дата обращения: 31.03.2024)) и «Яндекс Вордстат» (URL: <https://clck.ru/39wH5g> (дата обращения: 31.03.2024)) по запросу «пенсионная реформа». Из-за отсутствия возможности получить статистику от Google по количеству запросов данные приведены в % от максимального числа запросов за рассматриваемый период. При этом в случае «Яндекс» максимальное число запросов составило 751686 за неделю (26.08.2018—02.09.2018). Расшифровка этапов: 1 — объявление правительством России о планах пенсионной реформы; 2 — внесение инициативы в Госдуму; 3 — первое чтение; 4 — телеобращение В. В. Путина с оценкой законопроекта; 5 — второе чтение; 6 — третье чтение; 7 — рассмотрение Советом Федерации, подписание президентом, официальное опубликование.

¹³ «Путин объявил о смягчении пенсионной реформы» // Лента.ру. 2018. 29 августа. URL: <https://lenta.ru/news/2018/08/29/putin/> (дата обращения: 10.08.2023).

нологиями, направленными на снижение общественного резонанса и уровня протестной активности, вызванного инициативой.

Что касается обоснования законопроекта и механизмов легитимизации решений, то здесь тоже наблюдалось стремление власти к наиболее полному охвату мнений «системной» оппозиции, приглашением к дискуссии как можно большего количества экспертов и политиков. Так, в Государственной думе проходили масштабные парламентские слушания с бурным обсуждением, где с открытой критикой выступили представители профсоюзов, Общественной палаты, фракций КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России», а также непарламентских партий¹⁴.

Можно сказать, что со стороны власти предпринимались некоторые попытки создать общественную коалицию вокруг проведения пенсионной реформы. В соответствии с концепцией коалиций общественных интересов П. Сабатье и Х. Дженкинс-Смита [Сабатье, Дженкинс-Смит, 2008] именно общественные группы являются важным фактором продвижения политико-управленческих решений в обществе. Очевидно, что в данном случае была важна поддержка реформы со стороны сразу нескольких публичных групп («коалиций поддержки»), таких как профсоюзы, экспертные сообщества, политические партии и т. д. [Сунгуров, Тиняков, 2016]. Однако попытку создания подобной коалиции скорее стоит признать неудачной, поскольку значительная часть общественных групп как минимум не высказывалась положительно об идее повышения пенсионного возраста.

Принятие решения о повышении пенсионного возраста сопровождалось протестами, к которым апеллировали депутаты оппозиционных фракций при обсуждении законопроекта в первом чтении. Среди парламентских партий протестный настрой особенно поддерживала КПРФ. В частности, в день рассмотрения законопроекта Государственной думой во втором чтении акция протеста прошла прямо у здания парламента, и в ней приняли участие даже действующие депутаты¹⁵, а коммунисты попытались развернуть баннеры непосредственно в зале заседаний надели футболки с надписями, осуждающими повышение пенсионного возраста¹⁶.

В итоге при голосовании парламент разделился: с одной стороны фракция большинства, а с другой — все остальные оппозиционные фракции¹⁷. Исключением стали лишь поправки президента, которые были внесены во втором чтении для смягчения норм закона, после чего депутаты от ЛДПР, например, не голосовали против¹⁸. Таким образом, повышение пенсионного возраста стало триггером

¹⁴ Парламентско-общественные слушания по совершенствованию пенсионного законодательства. Текстовая трансляция // Официальный сайт Государственной думы. 2018. 21 августа. URL: <http://duma.gov.ru/news/27928/> (дата обращения: 10.08.2023).

¹⁵ Мануйлова У. Пенсионный возраст одобрен с поправкой на президента // Коммерсантъ. 2018. 25 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3752616#more> (проверено 10.08.2023).

¹⁶ Депутаты КПРФ пришли в Думу в футболках против пенсионной реформы // РБК. 2018. 26 сентября. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5bab4e719a79472c42276045> (дата обращения: 10.08.2023).

¹⁷ Справка о результатах голосования по вопросу о проекте федерального закона № 489161-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» (первое чтение) // Система анализа результатов голосований на заседаниях Государственной Думы. URL: <http://vote.duma.gov.ru/vote/104876> (дата обращения: 10.08.2023).

¹⁸ Законопроект № 489161-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // Сайт обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/489161-7> (дата обращения: 10.08.2023).

ром для усиления поляризации в парламенте, возникшей между партией власти и парламентской оппозицией в VII созыве [Алексеев, Коргунюк, Помигуев, 2022] и кажущейся глубокой и непреодолимой. Но так ли значительна эта поляризация на самом деле, если анализировать дискурсивные сообщества в парламенте?

Результаты дискурс-сетевого анализа парламентского обсуждения пенсионной реформы

В представленной работе дискуссии парламентариев анализировались как по тематическим блокам, отражающим размежевания, так и в целом по дискурсивной сети, из структуры которой можно делать выводы о глубине политической поляризации.

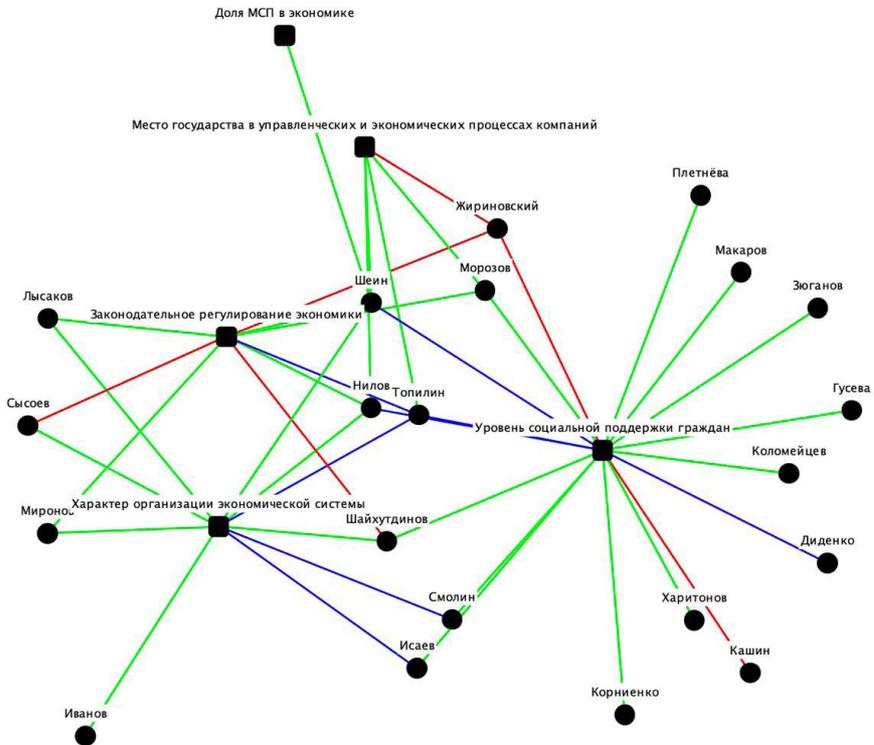
Социально-экономическое размежевание представлено относительно небольшим количеством тематических блоков, наиболее популярными среди которых оказались «развитие системы социальных выплат» и «распределительный характер экономики». Неоднозначное отношение у парламентариев вызвал вопрос необходимой степени законодательного регулирования экономики. При этом стоит отметить, что *аргументация депутатов шла преимущественно в логике огосударствления экономики*. Парламентарии хоть и выражали различные и даже противоположные точки зрения, но не выходили за рамки дискурса, который был задан докладчиками от правительства и ответственного комитета. Красноречив тот факт, что тема малого и среднего предпринимательства в ходе обсуждения появилась лишь раз, притом что категория «уровень социальной поддержки граждан» звучала в докладах депутатов независимо от их политической принадлежности.

Ключевыми спикерами в рамках рассматриваемого размежевания стали М. А. Топилин, Я. Е. Нилов и председатели комитетов-соисполнителей, так как, согласно процедуре, они выступили с довольно объемными докладами. Обращает на себя внимание позиция руководителей фракций: В. В. Жириновский выступил скорее «адвокатом» экономических свобод, предлагая минимизировать государственное регулирование в экономических процессах, а представители других парламентских фракций ратовали за усиление влияния государства на экономику (особенно здесь следует отметить партии «левого спектра» — КПРФ и «Справедливую Россию») (см. рис. 3).

Если говорить о *политическом размежевании*, то особое внимание депутаты уделили вопросам распределения полномочий между центром и регионами, а также между федеральными органами власти, причем к этим темам обращались представители как большинства, так и парламентской оппозиции. Последние практически единогласно заявляли, что позиция регионов учитывается недостаточно. Примечательно, что эти же вопросы поднимались, когда обсуждали введение новых сборов и корректировку налоговой политики [Алексеев, Коргунюк, Помигуев, 2022]. Наличие в депутатском дискурсе категории «Способ принятия решений — представительство/самостоятельное решение уполномоченными органами» и тот факт, что парламентарии скорее склонны к демократичности именно в рамках данного тематического блока (см. рис. 4), свидетельствует о присутствии у них запроса на политические изменения. В то же время такой запрос носит *ограниченный характер*, так как парламентарии рассуждали о возможных

реформах в одинаковых категориях, а некоторые темы, касавшиеся политических изменений (например, политического участия граждан и международного экономического сотрудничества), не получили должного внимания и развития. Значительная часть высказавшихся о пенсионной реформе признают недостаток широты обсуждения и учета всех позиций по дискутируемой проблеме (см. рис. 4).

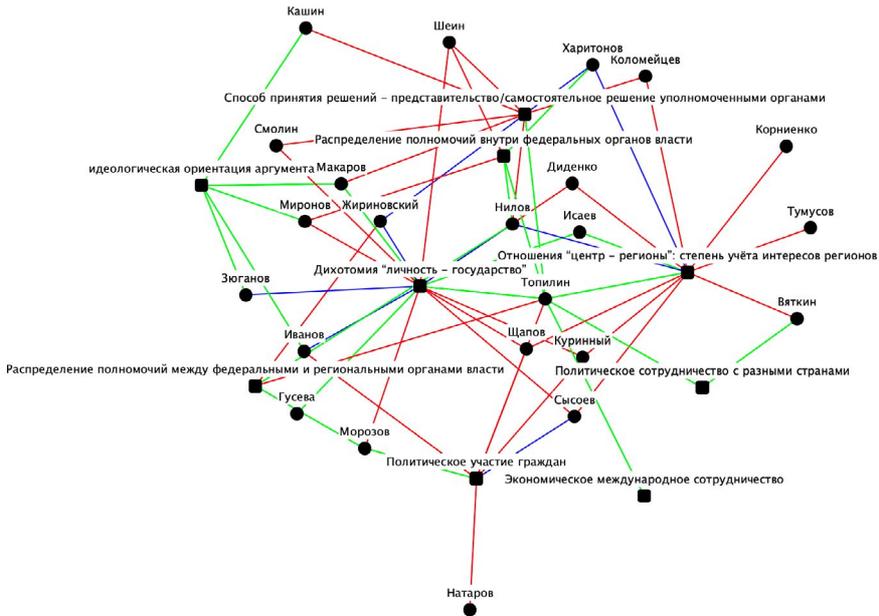
Рис. 3. Социально-экономическое размежевание дискурса депутатов Государственной Думы¹⁹

Наконец, аксиологическое размежевание можно обозначить как *наиболее конфликтное с точки зрения позиций депутатов*. В частности, категории «политическое сотрудничество с разными странами» и «ценности, связанные с уровнем развития общества», вызвали разнонаправленную реакцию. Как и в рамках социально-экономического размежевания, «международные» темы оказались на периферии повестки.

¹⁹ Здесь и далее: кругами на рисунке обозначены депутаты Госдумы, аргументы которых затрагивали ту или иную тему размежевания (в данном случае — социально-экономического), квадратами — сами темы. Зеленая связь между депутатом и темой отражает позицию депутата «+1» согласно матрице размежеваний, красная — «-1». Синяя связь отражает неоднозначное отношение депутата к теме, занимавшего в разные периоды дискуссии разные позиции по ней.

Рис. 4. Политическое размежевание дискурса депутатов Государственной Думы

Наиболее обсуждаемые категории — «дилемма приоритетности развития личности или коллектива» и «ценности, связанные с материальным благосостоянием граждан». Большинство парламентариев (причем как представители оппозиционных фракций, так и большинства) высказались за то, что *ценности выживания скорее преобладают над стремлением к самовыражению*. При этом ряд видных представителей фракции большинства использовали в аргументации как раз потребность людей в выражении себя для оправдания повышения пенсионного возраста. В то же время значимой категорией «место исторического нарратива» оказалась, следовательно, парламентарии активно использовали исторические аналогии (см. рис. 5).

Обобщенные результаты анализа, представленные на рисунке 6, отражают отношения депутатов и тематических блоков, затронутых в ходе обсуждения пенсионной реформы. Стоит отметить, что перечень тем ограничен: состояние графа демонстрирует контуры дискуссии, другими словами, «повестку дня», которая в ходе пленарных заседаний задавалась докладчиками — представителями автора инициативы, профильных комитетов, правительства, оппозиционными депутатами. Следовательно, докладчики оказались ближе к середине сети, а те, кто только задавал вопросы, — на периферии дискурса. Несмотря на то что ряд категорий в дискурсе доминирует (например, «уровень социальной поддержки граждан» или «ценности, связанные с уровнем развития общества»), парламентариями в ходе дискуссии в трех чтениях был поднят относительно широкий круг вопросов: от законодательного регулирования экономики до проблем идентичности и культурной политики. Отношение парламентариев к тем или иным кате-

горяим хотя и часто, но не всегда зависело от фракционной принадлежности (подробнее это видно на рис. 7).

Рис. 5. Аксиологическое размежевание дискурса депутатов Государственной Думы

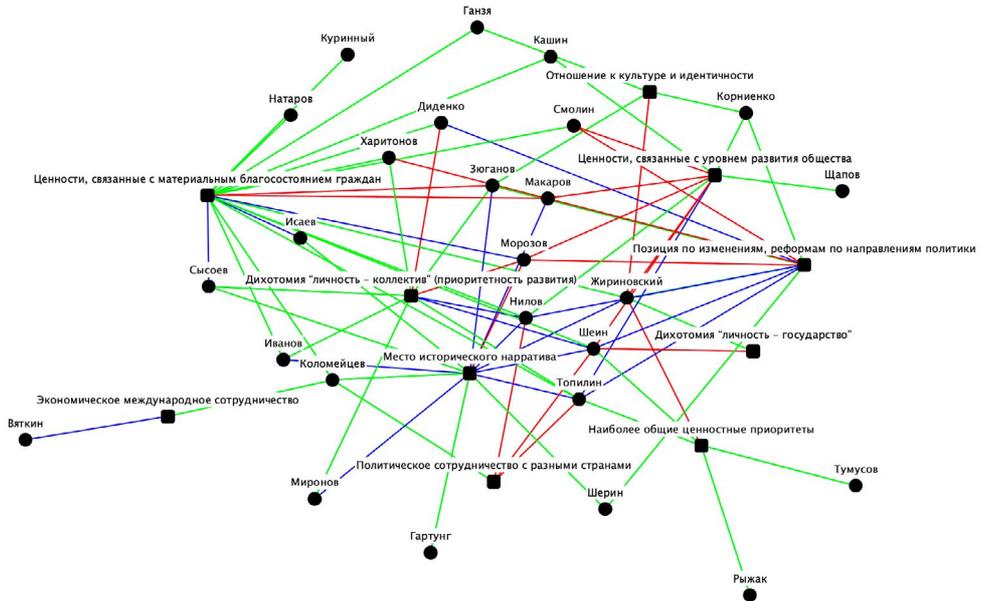
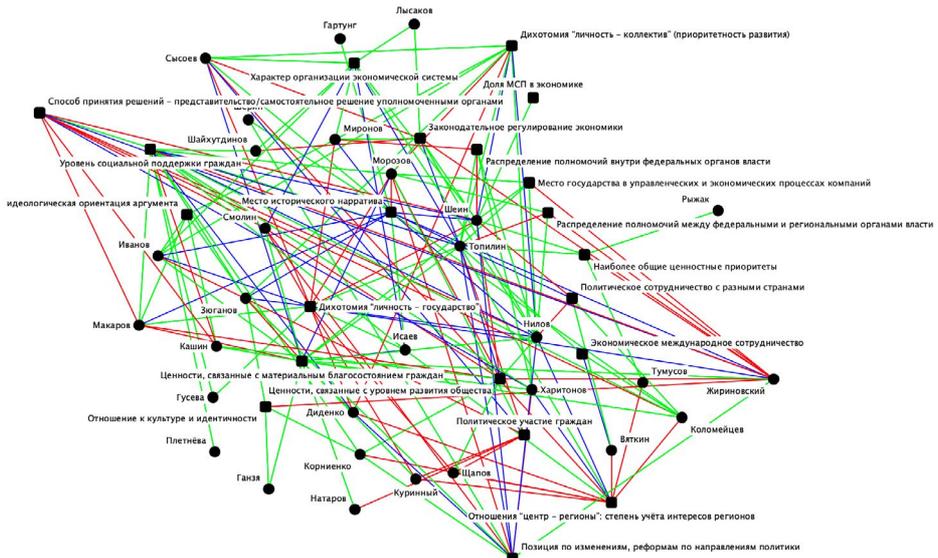
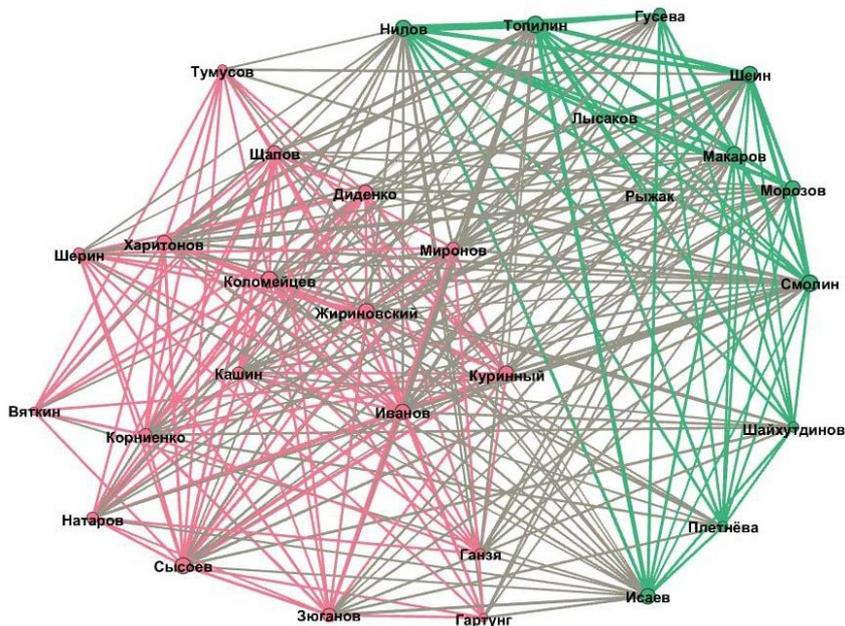

Рис. 6. Общая дискурсивная сеть полемики депутатов Государственной Думы

Представленная на рис. 7 сеть демонстрирует построенные на основании модулярности сообщества, возникшие в ходе дискуссии. Критерием построения связей между депутатами стал *abstract* — подсчет случаев совпадения позиций по категориям всех размежеваний. Высокая степень модулярности (0,454) показывает относительную изолированность двух сообществ — депутат более склонен соглашаться с позициями парламентариев из своего сообщества, чем из другого.

Рис. 7. Сеть участников дискуссии о пенсионной реформе на основании конгруэнтности (схожести) позиций

Представитель инициатора законопроекта о пенсионной реформе (министр М. А. Топилин), председатели профильных комитетов Госдумы (Я. Е. Нилов, Д. А. Морозов, А. М. Макаров), как правило, придерживались единого понимания ценностей, принципов работы экономики и государственного аппарата. С учетом их институциональной возможности формировать повестку дня (что обусловлено специально выделенным согласно Регламенту временем на содоклады), упомянутые участники затронули большее количество тем и, как следствие, обладают наибольшей центральностью в сети.

Еще одно сообщество сформировано из числа депутатов, которые, как правило, задавали вопросы. В их число входят как лидеры оппозиционных фракций (Г. А. Зюганов, В. В. Жириновский, С. М. Миронов), так и рядовые депутаты. Схожесть позиций парламентариев задается форматом участия: задаваемые вопросы были направлены не столько на уточнение положений, сколько на критику концепции пенсионной реформы *per se* и, как следствие, критику точки зрения ее авторов. Ко второму сообществу мы отнесли председателя комитета по региональной по-

литике и проблемам Севера и Дальнего Востока Н. М. Харитонов. Доклад был посвящен состоянию пенсионной системы и пенсионеров в соответствующих регионах. Схожесть позиции главы комитета с депутатами в сообществе основана, например, на предложении учитывать региональную специфику.

Отдельный исследовательский вопрос вызывает соотнесение описанных сообществ с формальным статусом депутатов, в частности принадлежностью к фракции. При совмещении позиции на уровне всей сети можно обнаружить разную степень дискурсивного единства фракционных групп: в то время как КПРФ, ЛДПР и «Единая Россия» относительно гомогенны в своих позициях и склонны разделять мнения друг друга, депутаты «Справедливой России» занимают разные позиции. В некоторых случаях статус в комитете преобладает над статусом представителя фракции в публичном выступлении. Так, Я. Е. Нилов, председатель комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов, в своем выступлении отметил: «Я, как председатель комитета, озвучиваю позицию комитета, при этом занимая противоположную позицию /.../ это позиция комитета, я занимаю противоположную позицию». Подобная точка зрения могла стать причиной отделения депутата от дискурсивного сообщества своей фракции. Распределение депутатов по сообществам и фракциям представлено в таблице 1. Интересно отнесение к первому сообществу единоросса Д. Ф. Вяткина: выступление депутата было посвящено сравнению российской реформы с международным опытом, что по смысловому содержанию оказалось ближе к позициям парламентариев из КПРФ и ЛДПР, нежели «Единой России», в которой состоит Вяткин.

Таблица 1. **Распределение депутатов-участников дискуссии о пенсионной реформе по сообществам и фракциям**

Сообщество 1: «Оппозиционное»		Сообщество 2: «Провластное»	
Название фракции	Фамилии депутатов	Название фракции	Фамилии депутатов
«Единая Россия»	Вяткин Д.Ф.	«Единая Россия»	Исаев А.К. Лысаков В. И. Макаров А. М. Морозов Д. А.
ЛДПР	Жириновский В.В. Диденко А. Н. Иванов С. В. Натаров С. В. Сысоев В. В. Шерин А. Н.	ЛДПР	Нилов Я.Е.
КПРФ	Ганзя В.А. Зюганов Г. А. Кашин В. И. Коломейцев Н. В. Корниенко А. В. Куринный А. В. Харитонов Н. М. Щапов М. В.	КПРФ	Плетнева Т.В. Смолин О. Н.
«Справедливая Россия»	Гартунг В.К. Миронов С. М. Тумусов Ф. С.	«Справедливая Россия»	Гусева И.М. Рыжак Н. И. Шейн О. В.

Важно отметить, что сообщества не изолированы — между представителями обнаруженных групп большое количество пересечений. Подобное состояние сети связано с одинаковой интерпретацией парламентариями определенных категорий, например «уровень социальной поддержки граждан»: в рамках которого за развитие системы социальных выплат выступили А. В. Корниенко, Н. М. Харитонов, Н. В. Коломейцев, Г. А. Зюганов с одной стороны и О. Н. Смолин, А. К. Исаев, Р. Г. Шайхутдинов, И. М. Гусева, А. М. Макаров, Д. А. Морозов и Т. В. Плетнева — с другой. Многие парламентарии в ходе обсуждения обращались и к истории вопроса, следовательно, категория «место исторического нарратива» также активно использовалась для аргументации депутатов всех фракций.

Для определения значимости пересечений сообществ следует соотнести связи между ними с категориями размежеваний, возникающими в обсуждении. Результаты такого соотнесения, представленные в таблице 2, показывают, что сообщества предпочитают находиться в общих дискурсивных границах, а не выстраивать аргументацию в рамках собственных категорий. Так что, хоть сообщества и отличается высокая модулярность, по сути, поляризация существует не между тематическими блоками, а между позициями внутри тематических блоков.

Таблица 2. Соотнесение категорий дискурса между двумя сообществами по размежеваниям

Количество уникальных категорий для 1 сообщества («Оппозиционное»)	Количество общих категорий	Количество уникальных категорий для 2 сообщества («Провластное»)
Социально-экономическое размежевание		
0	4	1
Политическое размежевание		
1	7	0
Аксиологическое размежевание		
1	9	0

Заключение

В представленной статье впервые в России проведен дискурс-сетевой анализ парламентской дискуссии. В качестве эмпирических данных использованы материалы обсуждения инициативы по повышению пенсионного возраста, вызвавшей серьезный общественный резонанс в России. Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов относительно механизмов обоснования резонансных решений через дискуссии и высказывание альтернативных точек зрения, которые используются дискурсивными сообществами в парламенте. Слова, сказанные с парламентской трибуны, могут оказаться более показательными с точки зрения выражения политической позиции, чем конкретные действия (например, голосование). Об этом можно судить по следующим выводам.

1. *Поляризация позиций депутатов по такой острой теме, как повышение пенсионного возраста, существует, но ее нельзя назвать всеобъемлющей. Без-*

условно, есть противоречия между большинством и меньшинством в парламенте в рамках ряда тем и категорий. Особенно это заметно на примере аксиологического размежевания. По дихотомии «личность — государство», высказавшиеся оппозиционные депутаты считали, что интересы личности находятся выше государственных, а партия большинства придерживалась противоположной позиции. Однако депутаты говорят «на одном языке»: как парламентская оппозиция, так и фракция большинства *действуют и аргументируют свою позицию в рамках одних и тех же тематических блоков и категорий*. Таким образом, с одной стороны, *у парламентариев всегда будут предпосылки для компромисса даже по самым острым вопросам, а с другой — фактически гарантируется легитимное принятие любых, даже самых спорных для общества решений через механизмы обоснования политики*.

2. *Парламентская процедура во многом определяет дискурс*. Те депутаты, которые сыграли ключевую роль в формировании парламентского дискурса по пенсионной реформе, сделали это не из-за присутствия у них интересных и важных идей или ярких новых аргументов, а потому что, согласно процедурам законодательного процесса, они просто вынуждены больше выступать. Таким образом, важно сочетание аргументации парламентариев и применения ими законодательных технологий для достижения целей политическими акторами [Алексеев, 2023].

3. *Структуры внутри парламента оказывают значительное влияние на высказываемую парламентариями позицию*. В первую очередь речь идет о фракциях. Депутаты почти никогда не противоречат «генеральной линии партии». На риторике депутата сказывается должность в комитете и во фракции. В ряде случаев парламентарии разделяли свои позиции как депутата фракции и как представителя комитета, что подтверждает влияние позиции депутата на высказываемые аргументы и мнения.

4. *У парламентского корпуса есть запрос на перераспределение полномочий между центром и регионами, а также между федеральными органами власти*. Нельзя исключать, что таким образом маскируется осознание необходимости усиления влияния парламента в российской политической системе.

5. Темы, связанные с внешнеполитической и международной повесткой, оказались *на периферии обсуждения, хотя и присутствовали в дискурсе (например, отсылки к международному опыту реализации реформы, демографической ситуации в других странах и т. д.)*. При этом категории, которые все же удалось выявить, свидетельствуют о близости точек зрения власти и оппозиции по такого рода вопросам.

Если говорить о теоретико-методологическом значении проведенного исследования, то стоит отметить перспективы новых аналитических инструментов и рабочие возможности методической рамки для изучения политического обоснования реализуемых инициатив по изменению политики, ограниченные лишь качеством и полнотой данных о публичных выступлениях участников процесса принятия решений. Такие исследования могут затрагивать целые отрасли законодательства или неограниченный круг лиц, участвующих в обсуждении политического курса, начиная с публичных политиков и заканчивая экспертами, представителями общественных групп, лидеров общественного мнения и так далее.

Список литературы (References)

Алексеев Д. В. Возможности применения политических технологий в законодательном процессе (на примере Государственной Думы VII созыва) // Политическая наука. 2023. № 1. С. 185—205. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.01.08>.
Alekseev D. V. (2023) Possibilities of Using Political Technologies in the Legislative Process (On the Example of the State Duma of the 7th Convocation). *Political Science (RU)*. No. 1. P. 185—205. <https://doi.org/10.31249/poln/2023.01.08>. (In Russ.)

Алексеев Д. В., Коргунюк Ю. Г., Помигуев И. А. Размежевания в российском законодательном процессе: опыт факторного и дискурс-анализа // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 3. С. 10—35. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_10.

Alekseev D. V., Korgunyuk Yu. G., Pomiguyev I. A. (2022) Cleavages in the Russian Legislative Process: The Experience of Factor and Discourse Analysis. *Discourse-P*. Vol. 19. No. 3. P. 10—35. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_10. (In Russ.)

Коргунюк Ю. Г. Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 95—112. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.08>.

Korgunyuk Yu. G. (2019) Cleavage Theory and Theory of Issue Dimensions: Cross-Points. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 95—112. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.08>. (In Russ.)

Мясников С. А. Легитимация и обоснование политики: Анализ концептуальных разграничений // Политическая наука. 2019. № 3. С. 222—235. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.12>.

Myasnikov S. A. (2019) Legitimation and Justification of Policy: Analysis of Conceptual Distinctions. *Political Science (RU)*. No. 3. P. 222—235. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.12>. (In Russ.)

Окунев И. Ю. Электоральная география. М.: Аспект Пресс, 2023.

Okunev I. Yu. (2023) Electoral Geography. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Помигуев И. А., Алексеев Д. В. Обнуление законопроектов: дисконтинуитет как технология блокирования политических решений // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 176—191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13>.

Pomiguyev I. A., Alekseev D. V. (2021) Resetting Bills: Discontinuity as a Political Technology for Blocking Policy Decision. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 176—191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.13>. (In Russ.)

Помигуев И. А., Фомин И. В., Мальцев А. М. Сетевой подход в законодательных исследованиях: перспективные методы качественного и количественного анализа парламентской деятельности // Политическая наука. 2021. № 4. С. 31—59. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.02>.

Pomiguyev I. A., Fomin I. V., Maltsev A. M. (2021) Network Approach in Legislative Studies: Methodological Prospects for Qualitative and Quantitative Analysis of Parliamentary Activity. *Political Science (RU)*. No. 4. P. 31—59. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.02>. (In Russ.)

Сабатье П., Дженкинс-Смит Х. Концепция лобби-коалиций: оценка // Публичная политика: от теории к практике / сост. и научн. ред. Н. Ю. Данилова, О. Ю. Гурова, Н. Г. Жидкова. СПб. : Алетейя, 2008. С. 94—154.

Sabatier P., Jenkins-Smith H. (2008) The Concept of Lobby Coalitions: An Assessment. In: Danilova N. Y., Gurova O. Yu., Zhidkova N. G. (eds.) *Public Policy: From Theory to Practice*. St. Petersburg: Aletheia. P. 94—154. (In Russ.)

Соловьев А. К. Социальные последствия повышения пенсионного возраста // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 23—31. <https://doi.org/10.31857/S013216250004275-5>.

Solovyov A. K. (2019) Social Consequences of Raising the Retirement Age. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 3. P. 23—31. <https://doi.org/10.31857/S013216250004275-5>. (In Russ.)

Сунгуров А. Ю., Тиняков Д. К. Административная реформа и ее проекты в современной России: были ли коалиции поддержки? // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 39—51.

Sungurov A. Y., Tinyakov D. K. (2016) Administrative Reform and Its Projects in Modern Russia: Were There Advocacy Coalitions? *Social Sciences and Contemporary World*. No. 2. P. 39—51. (In Russ.)

Abulof U., Kornprobst M. (2017) Introduction: The Politics of Public Justification. *Contemporary Politics*. Vol. 23. No. 1. P. 1—18. <https://doi.org/10.1080/13569775.2016.1213073>.

Brugger F., Engebretsen R. (2022) Defenders of the Status Quo: Making Sense of the International Discourse on Transfer Pricing Methodologies. *Review of International Political Economy*. Vol. 29. No. 1. P. 307—335. <https://doi.org/10.1080/09692290.2020.1807386>.

Huber J., Inglehart R. (1995) Expert Interpretations of Party Space and Party Locations in 42 Societies. *Party Politics*. Vol. 1. No. 1. P. 73—111. <https://doi.org/10.1177/1354068895001001004>.

Inglehart R. (1977) *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Kriesi H., Grande E., Lachat R., Dolezal M., Bornschieer S., Frey T. (2006) Globalization and the Transformation of the National Political Space: Six European Countries Compared. *European Journal of Political Research*. Vol. 45. No. 6. P. 921—956. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2006.00644.x>.

Le Foulon Moran C. (2020) Cooperation and Polarization in a Presidential Congress: Policy Networks in the Chilean Lower House 2006—2017. *Politics*. Vol. 40. No. 2. P. 227—244. <https://doi.org/10.1177/0263395719862478>.

Leifeld P., Haunss S. (2012) Political Discourse Networks and the Conflict over Software Patents in Europe. *European Journal of Political Research*. Vol. 51. No. 3. P. 382—409. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2011.02003.x>.

Leifeld P. (2013) Reconceptualizing Major Policy Change in the Advocacy Coalition Framework: A Discourse Network Analysis of German Pension Politics. *Policy Studies Journal*. Vol. 41. No. 1. P. 169—198. <https://doi.org/10.1111/psj.12007>.

Leifeld P. (2016) Policy Debates as Dynamic Networks: German Pension Politics and Privatization Discourse. Frankfurt: Campus Verlag.

Leifeld P. (2017) Discourse Network Analysis: Policy Debates as Dynamic networks. In: Victor J. N., Lubell M. N., Montgomery A. H. (eds.) *The Oxford Handbook of Political Networks*. New York, NY: Oxford University Press. P. 301—326.

Leifeld P. (2020) Policy Debates and Discourse Network Analysis: A Research Agenda. *Politics and Governance*. Vol. 8. No. 2. P. 180—183. <https://doi.org/10.17645/pag.v8i2.3249>.

Lipset S. M., Rokkan S. (1967) Cleavage Structures, Party Systems, And Voter Alignments: An Introduction. In: Lipset S. M., Rokkan S. (eds.) *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective*. New York, NY: Free Press. P. 1—61.

Nagel J. H. (2006) Occam no, Archimedes yes. In: Bara J., Weale A. (eds.) *Democratic Politics and Party Competition*. London: Routledge. P. 143—158. <https://doi.org/10.4324/9780203965771>.

Newman M. E. J. (2006) Modularity and Community Structure in Networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 103. No. 23. P. 8577—8582. <https://doi.org/10.1073/pnas.0601602103>.

Noble B. (2018) Authoritarian Amendments: Legislative Institutions as Intraexecutive Constraints in Post-Soviet Russia. *Comparative Political Studies*. Vol. 53. No. 9. P. 1417—1454. <https://doi.org/10.1177/0010414018797941>.

Schmid N., Sewerin S., Schmidt T. S. (2020) Explaining Advocacy Coalition Change with Policy Feedback. *Policy Studies Journal*. Vol. 48. No. 4. P. 1109—1134. <https://doi.org/10.1111/psj.12365>.

Sulkin T., Schmitt C. (2014) Partisan Polarization and Legislators' Agendas. *Polity*. Vol. 46. No. 3. P. 430—448. <https://doi.org/10.1057/pol.2014.9>.

von Soest C., Grauvogel J. (2017) Identity, Procedures and Performance: How Authoritarian Regimes Legitimize Their Rule. *Contemporary Politics*. Vol. 23. No. 3. P. 287—305. <https://doi.org/10.1080/13569775.2017.1304319>.

White J., Ypi L. (2011) On Partisan Political Justification. *American Political Science Review*. Vol. 105. No. 2. P. 381—396. <https://doi.org/10.1017/S0003055411000074>.

Приложение.

Матрица размежеваний в рамках обсуждения повышения пенсионного возраста

Таблица 1. Социально-экономическое размежевание

-1	Тематический блок	+1
Независимость Центробанка	Отношение к Центробанку	Зависимость Центробанка от исполнительной власти
Незначительное государственное регулирование экономики	Законодательное регулирование экономики	Высокая роль государственного регулирования в экономике
Стремление снизить долю государства в экономике	Место государства в управленческих и экономических процессах компаний	Стремление повысить долю государства в экономике
Значительная доля МСП*	Доля МСП в экономике	Доля МСП незначительная или вообще отсутствует
«Невидимая рука рынка»	Характер организации экономической системы	Распределительный характер экономики
Развитие возможностей	Уровень социальной поддержки граждан	Развитие системы социальных выплат

* МСП — малое и среднее предпринимательство.

Таблица 2. Политическое размежевание

-1	Тематический блок	+1
Либерализм	Идеологическая ориентация аргументов	Традиционализм
Демократия	Способ принятия решений — представительство/самостоятельное решение уполномоченными органами	Авторитаризм
Приоритет интересов личности над государственным	Дихотомия «личность — государство»	Приоритет интересов государства над личностью
Активизм	Политическое участие граждан	Абсентеизм
Федерация	Распределение полномочий между федеральными и региональными органами власти	Унитаризм
Децентрализация	Отношения «центр — регионы»: степень учета интересов регионов	Централизация
Деконцентрация, распределение полномочий между разными структурами	Распределение полномочий внутри федеральных органов власти	Концентрация полномочий в одной структуре

Таблица 3. **Аксиологическое размежевание**

-1	Тематический блок	+1
Глобализм	Политическое сотрудничество с разными странами	Изоляционизм
Свободная торговля	Экономическое международное сотрудничество	Протекционизм
Мультикультурализм	Отношение к культуре и идентичности	Унификация (унитаризм)
Ориентация на будущее	Место исторического нарратива	Ориентация на прошлое
Индивидуализм / развитие отдельного человека как личности	Дихотомия «личность — коллектив» (приоритетность развития)	Коллективизм / развитие возможностей всего общества
Прогрессизм	Позиция по изменениям, реформам по направлениям политики	Отказ или ограничение изменений как необходимости (консерватизм)
Самовыражение	Ценности, связанные с материальным благосостоянием граждан	Выживание, существование
Постматериализм	Ценности, связанные с уровнем развития общества	Материализм
Свобода	Наиболее общие ценностные приоритеты	Безопасность

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): март — апрель 2024 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 141—152.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): March — April 2024. (2024) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 141–152.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: МАРТ — АПРЕЛЬ 2024

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

О СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПАТРИОТИЗМЕ 142

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ДИЛЕММА НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА: ПЛАТИ БОЛЬШЕ, ЖИВИ ЛУЧШЕ? 144

ПРОФОРИЕНТАЦИЯ: ХОРОШО, НО МАЛО! 147

ОБРАЗ ЖИЗНИ

УПРАВЛЕНИЕ СТРЕССОМ 149

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ БЕЗ СМАРТФОНА? 151

ПОЛИТИКА

О СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПАТРИОТИЗМЕ 142

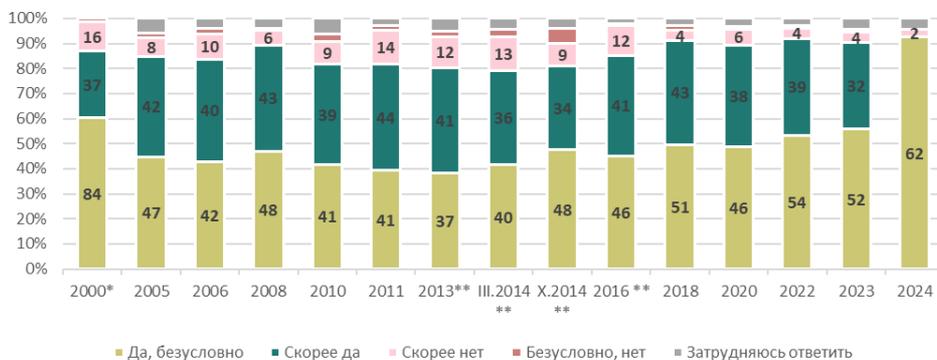
О СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПАТРИОТИЗМЕ

4 марта 2024 г.

По данным мониторингового опроса ВЦИОМ, уровень патриотизма в российском обществе высок как никогда: на сегодняшний день патриотами себя считают 94 % жителей страны, в том числе безусловными патриотами — 62 % (+10 п. п. за последний год); это абсолютный максимум за весь период наблюдений. В целом тренд на «безусловный патриотизм» берет начало осенью 2014 г., когда доля «безусловных» патриотов впервые за долгое время ощутимо превысила долю «скорее» патриотов (48 % vs. 36 %).

Чувство патриотизма примерно в равной степени разделяют мужчины и женщины (93 % и 95 % соответственно), молодежь и представители старшего поколения (87 % в группе 18—24-летних и 94 % среди респондентов старше 60 лет), жители столиц и сёл (94 % и 95 % соответственно).

Рис. 1. Как бы Вы сами себя охарактеризовали — как патриота своей страны или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Примечания:

* — Вопрос звучал: «Считаете ли Вы себя патриотом России?»

** — Вопрос звучал: «Скажите, Вы ощущаете себя патриотом России или нет?»

В ходе мартовского опроса 8 из 10 россиян поделились своим пониманием того, что значит «любить свою Родину» (82 %). На основе полученных ответов можно выделить следующие три семантических поля. Первое — «Родина — это...» (семья, дом / любовь к семье, забота о близких; место, где родился, где живешь / свой город, край; благополучие / безопасность / благосостояние; дети; природа; Земля; страна/Россия). Второе — «любить Родину — это...» (гордиться; защищать; вкладываться в развитие, процветание; знать и любить историю, культуру, традиции; жить в ней / не уезжать; быть патриотом; действовать в интересах страны; помогать

/ поддерживать). Третье и менее наполненное — «любить Родину — значит обладать определенными качествами» (быть достойным / ответственным; честным и порядочным; верным и преданным). В первом случае высказывания раскрывают понимание того, что для россиян олицетворяет Родину, во втором — что значит ее любить, в третьем — каким человеком для этого надо быть.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ДИЛЕММА НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА: ПЛАТИ БОЛЬШЕ, ЖИВИ ЛУЧШЕ?.....144

ПРОФОРИЕНТАЦИЯ: ХОРОШО, НО МАЛО!..... 147

ДИЛЕММА НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА: ПЛАТИ БОЛЬШЕ, ЖИВИ ЛУЧШЕ?*23 марта 2024 г.*

67 % россиян считают несправедливой уплату подоходного налога по единой ставке 13 % со всех граждан, включая людей с высокими и низкими доходами. Эти данные можно интерпретировать как готовность российского общества к налоговой реформе. В то же время с 2005 г. показатель практически не изменился (65 %). Поддерживают плоскую шкалу подоходного налога сегодня менее трети наших соотечественников (27 %, в 2005 г. — 25 %).

Чем старше россияне, тем чаще они поддерживают тезис о несправедливости единого подоходного налога (81 % в группе старше 60 лет vs. 47 % среди молодежи 18—24 лет). Возможно, с возрастом люди чаще ощущают потребность в социальной защите и поддержке, особенно если они находятся на пенсии или часто обращаются к государственным услугам. Они могут считать, что более высокое налоговое бремя на высокодоходные категории граждан позволит лучше обеспечить социальную справедливость в обществе.

Говоря о размерах налогов, больше половины россиян (53 %) сошлись во мнении, что налоги могут быть и высокими, лишь бы бедные люди могли получать от государства больше поддержки в виде бесплатных услуг (образования, здравоохранения, безопасности и другого). Иными словами, высокие налоги не воспринимаются как препятствие на пути экономического роста. Думают иначе менее трети (27 %) наших сограждан. По их мнению, налоги должны быть как можно меньше, тогда каждый человек сам сможет наилучшим образом распоряжаться своими деньгами. Этот вопрос вызвал затруднение у значительной части опрошенных (20 %). Показатели не претерпели изменений за три года.

Большая часть россиян не только признают, что высокие налоги позволяют лучше реализовать социальные функции государства, но и декларируют готовность платить больше налогов (46 %), чтобы быть уверенными в широкой доступности и высоком качестве государственных услуг. Этот подход ближе молодежи (18—24 лет — 65 %, 25—34 лет — 50 %). Каждый третий (33 %) хотел бы платить меньше налогов, понимая при этом, что государственные услуги могут быть более низкого качества и менее доступными. Каждый пятый не смог определиться с ответом (21 %). С 2021 г. взгляды россиян на этот вопрос также не изменились.

Россияне с разным уровнем материального положения имеют разные взгляды на налоги и налоговую систему. Есть устоявшееся мнение, что люди с высокими доходами могут негативно воспринимать налоги и стремиться к снижению налоговой нагрузки. Однако опрос ВЦИОМ его опровергает. Россияне с хорошим материальным положением заметно чаще декларируют готовность платить больше налогов, чтобы быть уверенными в широкой доступности и высоком качестве государственных услуг — 56 % (vs. 46 % среди всех россиян и 36 % в низкодоход-

ной аудитории). Они же чаще говорят, что налоги могут быть и высокими, лишь бы бедные люди могли получать от государства больше поддержки в виде бесплатных услуг — 59% (vs. 53% среди всех россиян и 49% в низкодоходной аудитории).

Рис. 1. Скажите, пожалуйста, какое суждение точнее всего отражает Ваше мнение?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Граждане с плохим материальным положением чаще поддерживают обратные тезисы: 42% выбирают вариант платить меньше налогов, понимая, что государственные услуги при этом могут быть более низкого качества и менее доступными (vs. 33% среди всех россиян и 27% среди «богатых»). Треть из них убеждены, что налоги должны быть как можно меньше, тогда каждый человек сам сможет наилучшим образом распоряжаться своими деньгами (vs. 27% среди всех россиян и 24% среди «богатых»).

Ситуация несколько меняется, когда речь заходит о справедливости единого подоходного налога для всех граждан. Россияне с хорошим материальным положением чаще считают справедливым, когда все граждане вне зависимости от дохода платят подоходный налог по единой ставке (35 % vs. 27 % среди всех россиян и 16 % в низкодоходной аудитории). В группе с низкими доходами эта ситуация чаще воспринимается как несправедливая — 77 % (vs. 67 % среди всех россиян и 60 % среди «богатых»).

ПРОФОРИЕНТАЦИЯ: ХОРОШО, НО МАЛО!*29 марта 2024 г.*

В прошлом, выбирая профессию, россияне ориентировались преимущественно на личные предпочтения и мнение семьи. На интерес к профессии указали 40 %, на рекомендации родителей — 20 %, на пример родителей и личный опыт — по 19 %. Достаточно часто решение получить ту или иную профессию приходит «через окружение» и пример других: рассказы старших (10 %), учителей (8 %), пример других знакомых (8 %) или известных людей (4 %), фильмы, книги (3 %), обсуждения в интернете (2 %) и советы репетиторов (1 %). Часть опрошенных при выборе будущей профессии ориентировались на место проживания и возможности трудоустройства в нем (16 %). При этом только 2 % россиян выбирали профессию, опираясь на потенциально высокий доход в выбранной отрасли.

Система профориентации играет меньшую роль при выборе профессии: экскурсия на место работы — 4 %, результаты профориентационных тестов и профориентационных лекций — по 2 %.

Молодежь 18—24 лет в сравнении с другими когортами заметно чаще выбирает профессию в соответствии с личными предпочтениями (61 % vs. 33 % в группе старше 60 лет). Молодые россияне до 34 лет в целом чаще опираются на рекомендации родителей (25—28 % vs. 15—16 % в группе старше 45 лет) и личный опыт (26—24 % vs. 15 % в группе старше 60 лет). Каждый четвертый в старшей возрастной группе указал вариант «пример родителей» (25 %), современные молодые люди до 24 лет называют его в два раза реже (13 %).

Топ-3 критериев, по которым россияне выбирали свою будущую профессию, возглавил личный интерес (56 %), далее с заметным отрывом следуют высокая зарплата (31 %) и востребованность на рынке труда (26 %). Социальная значимость профессии (20 %) оказалась в два раза важнее, чем ее престиж (10 %). Подходящие условия труда назвал каждый десятый (10 %). Взгляды мужчин и женщин на критерии выбора профессии достаточно близки, исключение составляет больший интерес мужчин к размеру оплаты труда (36 % vs. 27 % среди женщин).

Как и в предыдущем вопросе, такой критерий, как личный интерес, чаще звучит в ответах молодежи (64—66 % среди 18—34-летних), более четверти в этой группе учитывают полезность будущей профессии (25—29 %). Россияне до 45 лет при выборе профессии уделяли больше внимания ее востребованности (31—35 % vs. 18 % в группе старше 60 лет) и высокой оплате труда (41—44 % vs. 17 % в группе старше 60 лет).

Чем выше уровень образования, тем чаще выбор профессии связан с тем, насколько она соответствует личным интересам и предпочтениям (63 % среди граждан с неполным высшим и высшим образованием vs. 40 % в группе с неполным средним образованием) и с тем, насколько профессия полезна для общества (26 % среди граждан с неполным высшим и высшим образованием vs. 8 % в группе с неполным средним образованием).

Россияне оказались единодушны в том, что профориентационная работа в школах и дошкольных учреждениях нужна (86 %). В том числе 70 % высказываются за ее начало в шестом классе и позже. Среди опрошенных до 44 лет показатель еще выше — 77—78 %. Вводить такую работу в 1—5 классах или в детском саду

считают целесообразным в общей сложности 16%, этот взгляд ближе россиянам старше 60 лет (28%). Только 5% россиян полагают, что профориентационную работу проводить в школах и детских садах не нужно вовсе.

Рис. 2. Давайте поговорим на тему профподготовки или профориентации (это помощь в выборе подходящей профессии, которая соответствует интересам и возможностям человека). На Ваш взгляд, кто или что в большей степени оказал влияние на Ваш выбор профессии? Вы можете дать до четырех ответов (закрытый вопрос, до 4-х ответов, % от всех опрошенных; на рисунок выведены варианты, набравшие более 5% поддержки)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

УПРАВЛЕНИЕ СТРЕССОМ	149
ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ БЕЗ СМАРТФОНА?.....	151

УПРАВЛЕНИЕ СТРЕССОМ

6 апреля 2024 г.

Сегодня как никогда прежде уделяется внимание проблемам ментального здоровья. Забота о себе становится неотъемлемой частью нашей жизни, а обращение за психологической помощью к специалистам — обычной практикой. В той или иной степени поиск способов борьбы со стрессом актуален для большинства россиян. Однако, к счастью, к нему прибегают в исключительных случаях, так как неприятности в жизни наших сограждан носят преимущественно ситуативный характер: в ходе апрельского замера ВЦИОМ около трети опрошенных отметили, что сталкиваются со стрессом редко или иногда (34 % и 37 % соответственно), 13 % — часто, тогда как 6 %, по собственным оценкам, фактически живут в постоянном стрессе. В общей сложности с разной периодичностью со стрессом сталкиваются 9 из 10 наших сограждан (90 %), что соответствует показателям пятилетней давности (2019 г. — 91 %) и немного уступает показателям 14-летней давности (96 %). При этом доля тех, кто испытывает стресс регулярно (постоянно и часто), вернулась к уровню 2010 г.: в наши дни к таковым можно отнести каждого пятого (19 %, 2010 г. — 18 %), в 2019 г. — каждого четвертого (25 %). Еще 8 % сегодня, по всей видимости, максимально ограждены от стресса и никогда его не испытывают (2010 г. — 3 %).

Доля испытывающих стресс на регулярной основе примерно одинакова среди мужчин и женщин (17 % и 20 % соответственно), молодежи 18—24 лет и представителей старшего поколения в возрасте старше 60 лет (20 % и 15 % соответственно); при этом несколько чаще стресс испытывают жители мегаполисов («постоянно и часто» — 25 % vs. 18 % среди жителей сёл).

Гораздо сильнее ответы варьируют в зависимости от материального достатка семьи: чем он выше, тем реже россияне подвержены переживаниям, что отчасти говорит о преобладании финансового стресса в нашей жизни. Так, россияне, оценивающие свое материальное положение как плохое и очень плохое, испытывают постоянный стресс в пять раз чаще своих обеспеченных сограждан (16 % vs. 3 % соответственно).

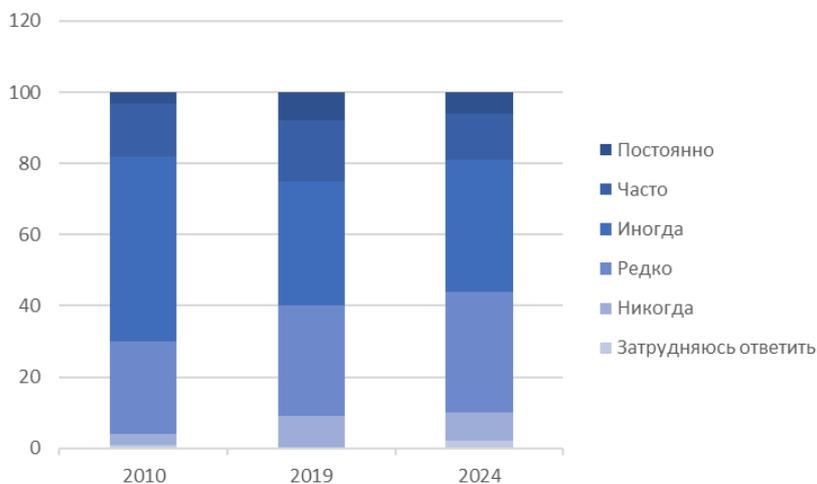
За последние пять лет принятые способы борьбы со стрессом не претерпели кардинальных изменений. Как и в 2019 г., восстанавливать душевное равновесие россияне предпочитают множеством способов, используя не только психологические методики, но и телесные (либо физические) практики. Часть опрошенных находят успокоение в физической активности, желательно на свежем воздухе («гуляю / прогулки / природа» — 11 %, «спорт / физические упражнения» — 9 %, «домашние дела / уборка» — 2 %, «огород» — 2 %), в общении («провожу время с семьей / общение с близкими» — 5 %, «делюсь с близкими / выговориться / жалуюсь» — 4 %, «друзья / встреча с друзьями» — 3 % и др.), смене деятельности

(без уточнения — 5%) и хобби («музыка» — 6%, «читаю» — 4%, «кино / сериал / телевизор» — 4%, «компьютерные игры» — 2%). Еще 6% принимают успокоительные препараты, примерно столько же называли деструктивные практики — алкоголь (5%) и курение (3%). Другими словами, россияне скорее предпочитают справляться со стрессовыми ситуациями своими силами.

О том, что россияне чаще выбирают бороться со стрессом самостоятельно, свидетельствует и сравнительно низкая востребованность профессиональной психологической помощи: по данным ВЦИОМ, за ней когда-либо обращались 15% опрошенных (2019 г. — 12%), в том числе 5% — в последние полгода. Среди тех, кто испытывает стресс регулярно, показатель почти вдвое выше — 27%. Никогда не были на приеме у специалиста (психолога/психотерапевта и др.) 84% наших сограждан.

Типичный россиянин, имеющий опыт обращения за профессиональной психологической помощью, — женщина (20% vs. 11% мужчин), младше 35 лет (18—24 лет — 26%, 25—34 лет — 25%), с высшим или неоконченным высшим образованием (20%) и проживающая в одной из столиц или городе-миллионнике (24% и 22% соответственно).

Рис. 1. У каждого в жизни случаются неприятности, стрессы. А насколько часто они происходят у Вас? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ БЕЗ СМАРТФОНА?

14 апреля 2024 г.

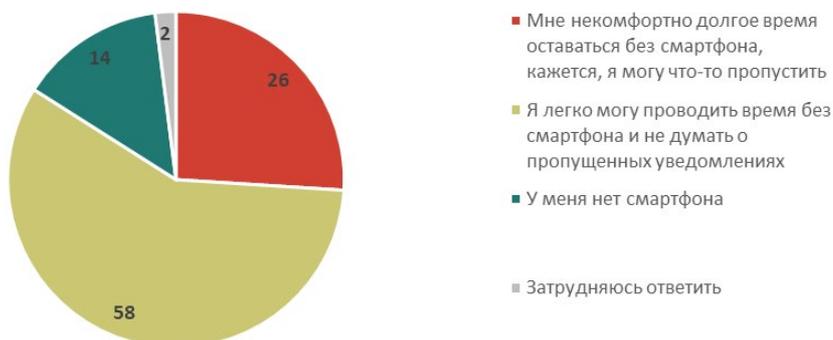
Более половины россиян утверждают, что легко могут проводить время без смартфона и не думать о пропущенных уведомлениях (58%). Четверть опрошенных, напротив, испытывают дискомфорт, находясь без гаджета продолжительное время (26%). Не задумываются о проблемах такого рода еще 14% россиян — такова доля «непользователей» смартфонов в нашей стране. Чаще всего это активные телезрители (73%), что, вероятно, обусловлено поколенческими различиями.

Высокий ритм жизни в мегаполисах, по-видимому, не оставляет выбора москвичам и петербуржцам — 42% из них испытывают дискомфорт, когда на долгое время остаются без смартфона; среди жителей сельской местности такой ответ звучит в 2,6 раза реже — 16%. Последние, напротив, либо легко проводят время без смартфона (55%), либо вообще им не пользуются (28% vs. 5—13% в других населенных пунктах).

Возможность поддерживать связь с родными и близкими — главная функция смартфона в представлении российских пользователей (доля группы — 86%): больше всего времени, по собственным оценкам, они тратят именно на общение (62%). У четверых из десяти время в смартфоне уходит на решение учебных/рабочих задач и чтение новостей (41% и 39% соответственно). Далее следует просмотр социальных сетей, чтение ленты (32%), онлайн-покупки (31%) и просмотр видео, фильмов, сериалов (30%). Чтение книг и игры в смартфоне пользуются меньшей популярностью (16% и 12% соответственно).

Скорее «женскими» занятиями в смартфоне можно назвать общение (67% vs. 55% мужчин), онлайн-покупки (39% vs. 22%) и просмотр соцсетей (35% vs. 29%), тогда как чтение новостей — скорее «мужским» (42% vs. 37% среди женщин).

Рис. 2. Современные телефоны — их называют смартфонами — помимо выполнения обычных звонков, позволяют входить в интернет, устанавливать дополнительные приложения, смотреть видео, общаться в социальных сетях, совершать онлайн-покупки. Многие из нас постоянно получают на смартфон уведомления о новостях, звонках, новых сообщениях. Какое из перечисленных утверждений лучше подходит Вам: ... (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

Топ-3 ситуаций использования смартфона — перерыв на работе/учебе, отдых и перед сном (51 %, 49 % и 46 % соответственно от числа пользователей). Еще 23 % опрошенных не расстанутся с гаджетом во время приема пищи, 16 % — во время встреч с друзьями, родными.

Несмотря на то что до номофобии большинству наших сограждан, вероятно, еще далеко, две трети российских пользователей смартфонов скорее не готовы отказаться от «умного помощника», заменив его обычным кнопочным телефоном (66 %). Чаще это касается тех, кто использует смартфон для работы, учебы (76 %), онлайн-шопинга (74 %) и просмотра социальных сетей (73 %). Готовы на такой отчаянный для цифровой эпохи шаг 34 % пользователей, в том числе 13 % заявили об этом с полной уверенностью. Чем больше удаленность от мегаполисов, тем слабее убежденность в незаменимости смартфонов. В Москве и Санкт-Петербурге готовность перейти на кнопочный телефон декларируют 21 % пользователей, в городах-миллионниках — 27 %, тогда как в селах показатель достигает 40 %.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2515](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2515)

И. А. Анкудинов

**ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РУНЕТЕ:
ДО И ПОСЛЕ 24 ФЕВРАЛЯ 2022 г.**

Правильная ссылка на статью:

Анкудинов И. А. Патриотический дискурс в Рунете: до и после 24 февраля 2022 г. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 153—177. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2515>.

For citation:

Ankudinov I. A. (2024) Patriotic Discourse in Runet: Before and after February 24, 2022. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 153–177. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2515>. (In Russ.)

Получено: 05.11.2023. Принято к публикации: 21.02.2024.

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В РУНЕТЕ: ДО И ПОСЛЕ 24 ФЕВРАЛЯ 2022 Г.

АНКУДИНОВ Иван Андреевич — ассистент, департамент политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: iaankudinov@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7001-4163>

Аннотация. Зафиксированный после 24 февраля 2022 г. патриотический подъем нашел своеобразное отражение в русскоязычном сегменте интернета. Хотя социологи почти единодушны в том, что социальное самочувствие граждан и их отношение к властям улучшились, цифровые следы этих изменений не так заметны: невооруженным взглядом видна только усилившаяся поляризация по линии «за — против». В работе измеряется непосредственный (краткосрочный) эффект, который начало СВО оказало на настроения российских интернет-пользователей. Основываясь на анализе тональности свыше 300 тыс. публикаций в социальных сетях, автор показывает, что онлайн-среда почти не восприняла тот консенсус, который, по всей видимости, сложился в офлайн-пространстве. Результаты оценки регрессионных моделей и тематического моделирования показывают незначительный, но статистически значимый рост «негатива» в интернет-публикациях на связанные с патриотизмом темы после начала СВО. При этом вторым переломным моментом с точки зрения тональности публикаций на тему патриотизма стало принятие закона о дискредитации армии 4 марта 2022 г. — в этой точке происходит небольшое частичное восстановление.

PATRIOTIC DISCOURSE IN RUNET: BEFORE AND AFTER FEBRUARY 24, 2022

Ivan A. ANKUDINOV¹ — Teaching Assistant, School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences
E-MAIL: iaankudinov@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7001-4163>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The patriotic upsurge recorded after February 24, 2022 found a very peculiar reflection in the Russian-language segment of the Internet. Although the pollsters are almost unanimous in the fact that the social well-being of citizens and their attitude towards the authorities have improved, the digital footprints of these changes are not so noticeable — from the outside, only the increased polarization along the for — against line is visible. This study measures the immediate (short-term) effect that the onset of the special military operation in Ukraine had on the sentiment of the Russian Internet users. Based on a sentiment analysis of over 300 thousand publications on social networks, the author shows that the online environment almost did not accept the consensus that, apparently, had developed in the offline space. The results of regression and thematic analysis show a slight but statistically significant increase in negativity in Internet publications on topics related to patriotism after the onset of the special military operation. The second turning point in terms of the tone of publications on the topic of patriotism was the adoption of the law on discrediting the army on March 4, 2022 — at this point the probability of seeing a positive post increases. In addition, the analysis shows that the

Кроме того, проведенный анализ показывает, что использование отечественных социальных сетей устойчиво связано с более позитивной тональностью рассмотренных сообщений по сравнению с зарубежными. Автор предполагает, что причина наблюдаемого противоречия заключается в специфике аудитории Рунета, более склонной к политическому активизму и демонстрации своих взглядов по сравнению с населением страны в целом.

Ключевые слова: патриотизм, СВО, Рунет, социальные сети, анализ текстов, эффект сплочения

Благодарность. Автор выражает искреннюю благодарность Д.В. Сальниковой за правки и помощь в разработке дизайна исследования.

Введение

Сегодня пользователи сети оставляют столь значимое количество цифровых следов, что по ним можно прогнозировать некоторые вполне реальные политические действия, потенциал которых в силу тех или иных причин недооценивается полстерами. Наиболее показательный пример такого действия — протест, форма публичного проявления нелояльности, чреватая санкцией со стороны властей и создающая у респондента стимул скрывать оппозиционные убеждения [Freelon, McIlwain, Clark, 2018; Ахременко, Стукал, Петров, 2020]. На более высоком уровне нелояльность может маркироваться как девиантное, «антипатриотическое» поведение, а к государственным санкциям часто добавляется социальное осуждение. И в том, и в другом случае недостатки опросного метода часто усугубляются неконкурентностью политической системы и/или ее нахождением в кризисной ситуации, когда риски подвергнуться наказанию особенно велики.

Один из таких кризисов наступил в России 24 февраля 2022 г. С началом СВО — специальной военной операции на территории Украины — россияне испытали патриотический подъем, механизм которого подробно описан в литературе об эффектах сплочения («ралли вокруг флага») [Казун, 2017]. Массовые опросы продемонстрировали типичную для этого эффекта динамику, а именно значимый рост поддержки инкумбента и улучшенное социальное самочувствие¹. При этом

use of Russian social networks is consistently associated with a more positive tone of the messages compared to foreign ones. The author suggests that the reason for the observed contradiction lies in the specifics of the Runet audience, which is more prone to political activism and identity demonstration compared to the general population of the country.

Keywords: patriotism, SMO in Ukraine, Runet, social media, text analysis, rally 'round the flag effect

Acknowledgments. The author expresses sincere gratitude to Daria Salnikova for edits and assistance in developing the study design.

¹ Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий // ВЦИОМ. 2022. 4 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-20220304> (дата обращения: 08.04.2024); Доминанты. Поле мнений. Выпуск 9 // ФОМ. 2022. 11 марта. URL: <https://fom.ru/Dominanty/14696> (дата обращения: 08.04.2024).

часть общества не поддержала решение о вводе войск. Будучи меньшинством, представители этой группы, тем не менее, активнее других выражали недовольство, которое выливалось в том числе в уличные акции.

В настоящей работе исследуется отражение этого раскола — между «солидарным большинством» и «активным меньшинством» — в социальных сетях. Онлайн-площадки, ощутившие беспрецедентный приток новых пользователей на фоне усиления новостного давления², традиционно считались более открытым и свободным каналом коммуникации, нежели «старые» медиа [Reuter, Szakonyi, 2015]. Если исходить из этой логики, концентрация противников СВО в сети должна была предотвратить доминирование в ней патриотических настроений — во всяком случае, в тех пропорциях, которые фиксирует опросная социология. С другой стороны, масштаб ралли-эффекта и усилия по контролю за информационными потоками не могли не сказаться на массовой аудитории, потребляющей контент общественно-политического характера. В пользу этого довода говорят стремительно набирающие популярность сообщества на военно-патриотическую тематику [Urman, Makhortykh, 2022].

Чтобы определить, какая из этих тенденций возобладала, мы проводим анализ влияния СВО на наполнение «патриотических» публикаций в сети. Мы концентрируемся на краткосрочном, то есть непосредственном эффекте начала операции, оставляя в стороне ее долгоиграющие последствия. По истечении нескольких месяцев «ралли», как и любое макрополитическое событие, имеет тенденцию к затуханию — это интересно нам в меньшей степени, так как проконтролировать все сопутствующие изменения на таком длинном горизонте почти невозможно. Основываясь на массиве из более чем 300 тыс. сообщений, опубликованных в русскоязычном интернете с 1 января по 1 апреля 2022 г., мы последовательно применяем три техники количественной обработки текстов: анализ тональности, регрессионный анализ³ и тематическое моделирование. Первые два метода призваны показать, как менялся эмоциональный окрас соответствующих публикаций до и после 24 февраля — даты, выполняющей роль своеобразного триггера для обеих сторон онлайн-дискуссии. Третий ориентирован скорее на содержание постов о патриотизме, которое, как мы полагаем, также изменилось в результате февральских событий.

Формально говоря, мы ставим перед собой вопрос, каким образом (количественно и качественно) изменилось наполнение патриотических публикаций после 24 февраля 2022 г. Основная гипотеза состоит в том, что действие разнонаправленных потоков информации (условно говоря, проправительственного и антиправительственного) привело к нивелированию эффекта сплочения, и какого-либо существенного «перекоса» в пользу позитивных комментариев за началом спецоперации не последовало. Соответственно, цель работы — выявление зна-

² Аудитория социальных сетей и мессенджеров // Левада-центр. 2023. 18 апреля. URL: <https://www.levada.ru/2023/04/18/auditoriya-sotsialnyh-setej-i-messendzherov/> (дата обращения: 08.04.2023) (данный материал создан и распространен средством массовой информации, признанным выполняющим функции иностранного агента).

³ Конечно, сам по себе регрессионный анализ не является методом обработки текстов. В ходе работы мы используем лишь отдельные модели, позволяющие представить публикационную активность пользователей в виде ряда и оценить его изменчивость. В частности, речь пойдет о кусочной регрессии (*piecewise regression*), порядковой логистической регрессии и авторегрессии с экзогенными ковариатами.

чимых изменений в патриотических текстах до и после ключевой даты. Забегая вперед, можно сказать, что таковых — во всяком случае, в ожидаемом направлении — не обнаруживается, что позволяет нам говорить о как минимум нелинейных взаимоотношениях «офлайна» и «онлайна».

Рунет как (кривое) зеркало общественного мнения

Может ли активность человека в сети послужить лучшим источником, чем его ответы на вопросы социологов? Пока исследователи склоняются к тому, что нет [Smetanin, 2020: 110713]. Несмотря на то что сетевая информация носит нереактивный характер, то есть не предполагает воздействия на респондента и может быть собрана без его участия, у нее есть свои недостатки. Она априори нестандартизирована, так как окружающие любой пост или комментарий обстоятельства оказываются за пределами внимания исследователя. Кроме того, в онлайн-среде ярче всего проявляется проблема самоотбора, когда авторами публикаций становятся люди, заведомо более инициативные и заинтересованные в вопросе, чем аудитория в целом [Schober et al., 2016]. Борьбу с названными ограничениями осложняют действия администрации площадок и федерального регулятора (Роскомнадзора), осуществляющих контроль за значительной частью публикуемого контента на предмет «нарушения правил сообщества».

Вопрос репрезентации населения его активным онлайн сегментом тем более спорен, что глубина пользования глобальной сетью даже для знакомых с технологией россиян значительно различается. Можно предположить, что Рунет «представляет» молодежную аудиторию примерно в той же пропорции, в которой традиционные каналы коммуникации — более возрастную⁴. Даже если попытаться обойти проблему социально-демографической представленности за счет взвешивания наблюдений по соответствующим параметрам, переменной, которая обозначала бы степень погружения в сеть (и включала бы тех, кто ей не пользуется), не существует. Иными словами, выборка пользователей сети является не просто цензурированной, а фокусированной.

Методологическую альтернативу подходу «интернет как выборка» предлагает социальный конструктивизм. Констатируя, что массовая информация имеет собственные законы распространения, конструктивисты видят в медиа «когнитивную копию» реальных настроений, создаваемую журналистами и онлайн-комментаторами [Spector, Kitsuse, 2017]. Аналитики делают из этого практический вывод, что интернет-аудиторию нужно рассматривать в качестве не плохой выборочной, а генеральной совокупности (см., например, [Feezell, Conroy, Guerrero, 2016]). В такой оптике достаточно, чтобы доступ к сети не был строго ограничивающим, а число пользователей составляло значительную часть населения страны. Если эти предпосылки соблюдены, мы можем отказаться от простого обобщения результатов путем перенесения выборочных коэффициентов на всю референтную группу, но вправе рассчитывать на какие-то более сложные эффекты: например, политические настроения в онлайн-сообществе часто распространяются по сетевому принципу, достигая в итоге существенную часть «офлайна» [Bisbee, Larson, 2017].

⁴ Медиапотребление и активность в интернете // ВЦИОМ. 2021. 23 сентября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения: 04.01.2023).

Такую парадигму подтверждают многочисленные исследования, доказывающие, что более молодая и технически грамотная часть населения более восприимчива к информации и социально активна, а значит, и наиболее эффективна в качестве «распространителя идей» [Skoric et al., 2016; Chae, Lee, Kim, 2019; Трофимова, 2015]. Причем речь может идти как о протестных, так и о провластных настроениях. Первые, впрочем, изучены гораздо подробнее — поводом к этому стала серия революций, произошедших на фоне массивной экспансии социальных сетей в соответствующих странах (см. [Ахременко, Стукал, Петров, 2020: 74—75]).

Почти во всех случаях новых социальных движений и революций «взрыв» накапливался за счет информации, транслируемой в сети, при этом сам интернет еще находился в стадии становления [Ахременко, Беленков, Петров, 2021]. Антиправительственные настроения распространялись вслед за новостями, которые сначала быстро расходились по узлам в интернете, а затем, в соответствии с «математикой слухов», умножались за счет контактов их носителей со своим социальным окружением [Freelon et al., 2018]. Параллельно срабатывали известные в политической науке эффекты «порога участия» и «групповой эффективности»⁵, в результате чего онлайн-возмущения сравнительно быстро перетекали в офлайн-акции. Разумно предположить, что в случае контрпротестной мобилизации действует примерно та же механика, но со знаком «плюс» и несколько ослабленным «коэффициентом переноса» (из онлайн в офлайн). Последнее будет иметь место из-за того, что мотивация недовольства, как правило, сильнее мотивации в поддержку чего-либо, особенно в присутствии протестного триггера [Spaiser et al., 2017].

Именно это предположение и соответствующий триггер — объявление о начале СВО — легли в основу эмпирической части нашей работы. Полагая российскую интернет-аудиторию достаточной и для широкой онлайн-дискуссии, и для самостоятельных действий офлайн, мы концентрируем внимание на распространении среди нее патриотических настроений, схожих по скорости и масштабу всплеска с самыми крупными протестами десятилетия. Для этого, однако, необходимо предварительно уточнить все дефиниции, связанные с патриотизмом и его производными, а также обрисовать общую рамку их измерения.

Патриотические настроения в сети

Понятие патриотизма кажется достаточно простым и даже общепонятным. Его концептуальные основы — чувство привязанности к стране своего происхождения — разделяет большинство россиян, и, как следствие, оно используется в большинстве экономико-социологических исследований⁶. Вместе с тем попытки измерить эту привязанность дают неоднозначные результаты: прямой вопрос об отнесении себя к патриотам раскалывает граждан на две примерно равные группы — «безусловных патриотов» и «скорее патриотов» (в опросе ВЦИОМ⁷

⁵ Протестные настроения, как и слухи, распространяются по сети экспоненциально, за счет чего могут быстро преодолеть статус маргинальных и убедить своих носителей в том, что они являются большинством, снизив тем самым цену участия.

⁶ Патриотизм: эмоции или действие? // ЦИГОиНС ВШЭ. 2020. 24 февраля. URL: <https://www.hse.ru/news/science/446471871.html> (дата обращения: 09.01.2023).

⁷ Патриотизм сегодня: не только любить, но и работать! // ВЦИОМ. 2020. 11 июня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnya-ne-tolko-lyubit-no-i-robotat> (дата обращения: 06.01.2023).

доли составили 46% и 43%, соответственно, при максимальной ошибке выборки в 2,5%). Такое малоинформативное распределение объясняется, среди прочего, эффектом социальной желательности (*social desirability bias*), из-за которого значительная часть респондентов-непатриотов склонна смягчать свою позицию, опасаясь оказаться в неодобряемом меньшинстве [Сикевич, Федорова, 2021].

Опираясь на предшествующие работы, мы можем выделить как минимум три способа валидной операционализации патриотизма. Самым популярным из них является анкетный, когда граждан просят указать свою степень согласия с утверждением, синонимичным термину (например, в опроснике World Values Survey используется формулировка «Я горжусь тем, что являюсь гражданином/гражданкой страны...») [Кислицына, 2011: 28, 32]. Второй способ, подходящий скорее для качественного сравнительного дизайна, — полевой (*field study*), в ходе которого исследователи проводят глубинные интервью с конкретными респондентами, выявляя разницу между повседневным восприятием «низового патриотизма» и политическим патриотизмом «сверху». Сторонники такого подхода отмечают, что для описания своего отношения к стране собеседники используют очень разные, персонифицированные выражения, но в российском контексте связующим звеном между ними выступает «героизация прошлого» [Le Huérou, 2015: 46].

Третьим и, скорее всего, самым молодым способом является условная самоидентификация. Она предполагает, что открытое заявление о себе как о патриоте или использование подчеркнуто прогосударственных речевых маркеров создает некоторую коллективную идентичность, в России противопоставляющую себя «оппозиционной» [Shcheglova, Gradoselskaya, Karpov, 2020: 220]. Технически это предположение упрощает формирование выборки, поскольку приравнивает патриотический дискурс к частоте упоминания разнообразных категорий гордости за страну. Ценой за такую простоту оказывается меньшая точность; объективно существующее в обществе понимание концепта аппроксимируется выраженными где-либо (в разговорах, текстах, визуальных материалах) фрагментами (см., например, [Aznar-Casanova et al., 2020]).

Нетрудно заметить, что первые два подхода реактивные и подразумевают взаимодействие с респондентами для получения ответов. Третий путь, наоборот, представляется наиболее приемлемым для сетевых данных, которые исследователь получает *post hoc*. С такими данными работаем и мы, но перед тем как описать их, надо сказать несколько слов об особенностях российского «интернет-патриотизма».

Как уже отмечалось, социальные сети представляют собой специфическую среду коммуникации, имеющую склонность усиливать голоса проактивных и оппозиционно настроенных россиян. В литературе можно найти убедительные доказательства факта, что онлайн-медиа снижают поддержку действующей власти, повышая осведомленность своих пользователей о политических альтернативах и выступая для них площадкой самоорганизации [Reuter, Szakonyi, 2015; Кольцова, Киркиж, 2016]. Отношение же большей части Рунета к патриотическим взглядам, особенно открыто декларируемым, можно охарактеризовать как скептически отстраненное. Они не считаются «мейнстримными» или, наоборот, маргинальными, а чаще всего просто отсутствуют в повестке, занятой новостями и личными сообщениями.

При этом нельзя отрицать, что прогосударственные сообщества образуют значительный сегмент интернет-аудитории, устойчиво растущий за счет малоактивных пользователей. Его экспансия началась вместе с периодом политической консолидации, выпавшей на «крымский консенсус», и продолжилась в последующие годы на фоне милитаристской риторики в СМИ [Hale, 2018]. Увеличению числа «лоялистов» в конце 2010-х годов не помешало ни падение рейтингов президента, ни общий рост недовольства на почве экономических трудностей. В некотором роде происходящее, наоборот, усилило противостояние этого лагеря оппонентам, так как придало легитимность поиску среди последних «национал-предателей» (см. [Shcheglova et al., 2020]).

Наложение этих тенденций друг на друга приводит нас к гипотезе, что события 24 февраля лишь укрепили противоречия между пользователями, придерживающимися разных взглядов, нивелировав эффект сплочения вокруг флага СВО. Логично предположить, что начало спецоперации убедило консервативную аудиторию в правильности взятого ранее курса, о чем говорит рост популярности военно-патриотических проектов [Urman, Makhortykh, 2022]. Прямо противоположная реакция наблюдается среди оппозиционно настроенных пользователей [Kizilova, Norris, 2022]. Тем самым политическая дискуссия поляризуется, и сплочение происходит только внутри каждой из ее сторон, в результате чего патриоты становятся еще большими патриотами, а непатриоты — еще меньшими.

Такое развитие событий не является единственно возможным. Мы принимаем этот сценарий за своего рода нулевую гипотезу, подтверждение или опровержение которой позволит сделать несколько важных выводов о динамике настроений в сети. В дальнейшем исследование может быть продолжено за счет разработки и тестирования других гипотез, учитывающих актуальные политические реалии и полученные нами в ходе анализа результаты.

Материалы и методы исследования

Представляется, что из трех обозначенных выше способов получения данных (анкетный, полевой и идентификационный) третий будет наиболее приемлемым. Так как «ралли-эффект» уже был зафиксирован ведущими социологическими службами, мы заинтересованы в альтернативной метрике, позволяющей дополнить их выводы на основе открытых сетевых данных. Соответственно, нам необходима как можно более широкая выборка публикаций, затрагивающих тему патриотизма, за тот же период, в который наблюдался общий подъем интереса и доверия россиян к властям. Чтобы выделить такие публикации, мы прибегаем к составлению простого словаря, содержащего патриотические словоформы⁸, но исключающего другие ключевые слова («война 1945 года» и т. п.). Применяя леммы этих слов к текстам 3,1 млн⁹ публикаций, мы смогли отфильтровать 300 809 авторских постов, каждый из которых содержит как минимум

⁸ В словарь попали: 1) леммы слов, образованных от корня «патриот»; 2) синонимичные формы «государственник» и «державник»; 3) попарные сочетания лемм «любовь», «защита», «уважение», «преданность», «верность», «гордость», «сплочение», «единство», «целое», «объединение», «поддержка», «служба», «солидарность», «консолидация», «помощь» с означающими «Россия», «Русь», «РФ», «страна», «государство», «родина», «отечество», «державка», причем между сочетаемыми леммами должно было находиться на больше двух слов.

⁹ Это общее число упоминаний «патриотических» терминов в сети за указанный период.

одну из этих лемм. Для веб-скрейпинга использовался автоматизированный сервис «Медialogия СМ».

Безусловно, такой поиск подвержен некоторой ошибке, которую мы склонны трактовать как случайную. Во всяком случае, у нас нет оснований полагать, что случайно попавший в выборку комментарий о военно-патриотическом парке «Патриот» может серьезно повлиять на результаты дальнейшей работы. Перед применением словаря к данным были отфильтрованы и удалены 116 тыс. сообщений, помеченных «Медialogией» как спам и реклама. Дополнительно был проведен выборочный анализ содержания сообщений, включенных в итоговую базу. Из 600 ($\frac{1}{500} \times n$) прочитанных публикаций лишь 11 содержали соответствующие ключевые слова, но не имели прямого отношения к патриотическому дискурсу, что находится в пределах стандартной ошибки выборки в 3%.

Чтобы проверить гипотезу о нивелированном эффекте (об отсутствии заметного сплочения), необходимо добавить к данным оценку тональности — целевой показатель, по которому можно судить о преобладании в дискурсе позитивных или негативных настроений. Для этого мы обратились к предобученной библиотеке семантического анализа Dostoevsky¹⁰. Она позволяет рассчитать вероятность, с которой каждая публикация принадлежит следующим классам: «нейтральная», «негативная», «позитивная», «речевой акт», «другое». В сущности, ее работа основана на тех же словарных методах, что и отбор данных в «Медialogии». Последняя, в свою очередь, предлагает воспользоваться собственной оценкой тональности, которая представлена сразу в порядковой шкале (каждый текст маркирован как «негативный», «позитивный» или «нейтральный»). В качестве основной зависимой переменной мы будем использовать «чистую тональность» публикации:

$$P_{Dostoevsky}[i - \text{я публикация} = \text{«позитивная»}] - P_{Dostoevsky}[i - \text{я публикация} = \text{«негативная»}];$$

в качестве дополнительной — оценку «Медialogии»¹¹. Из их совместного распределения (см. рис. 1) видно, что переменные хорошо скоррелированы, это делает их удобными «прокси» для измерения латентного интернет-патриотизма.

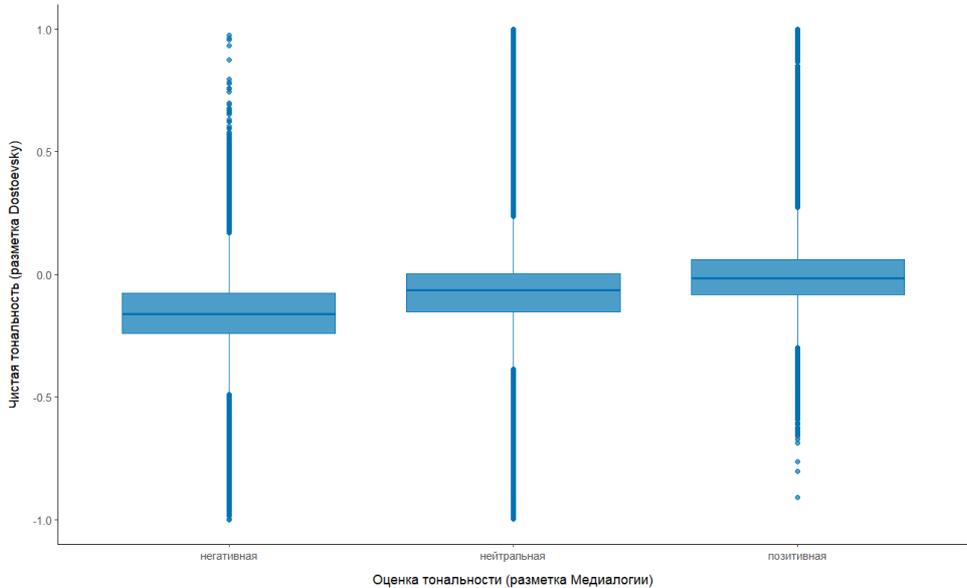
Теперь задача кажется тривиальной. Технически, чтобы показать, что эффект сплочения в сети не проявился, достаточно сравнить число позитивных упоминаний в двух периодах (до и после 24 февраля) на предмет их статистически значимой разницы. Положение, однако, осложняется характером данных: по сути, они представляют собой временной ряд, так что тесты типа ANOVA будут чреваты несколько смещенной оценкой эффекта. Кроме того, 4 марта — через неделю после начала СВО — был принят так называемый закон о фейках, ужесточивший наказания за распространение ложной информации о действиях Вооруженных сил. Следовательно, нам необходима какая-то множественная модель, которая позволит учесть все возможные ковариаты (возраст и образование пользователей, меж-

¹⁰ Bureaucratic Labs. Dostoevsky Sentiment analysis library for Russian language // Github.com. 2021. URL: <https://github.com/bureaucratic-labs/dostoevsky> (дата обращения: 16.02.2023).

¹¹ Как и Bureaucratic Labs, «Медialogия» использует для предсказания тональности нейронные сети, однако алгоритм их работы не очень прозрачен. Судя по всему, сети «Медialogии» склонны приписывать нейтральный характер абсолютному большинству публикаций, так как порог маркировки «позитива» и «негатива» очень высок. Из-за этого категория «нейтральных» оказывается внутренне разнородной, отголоски чего мы увидим при моделировании.

региональные различия, аудиторию сообщений), автокорреляционную составляющую и, главное, «переломы» в точках 24 февраля и 4 марта.

Рис. 1. Совместное распределение альтернативных зависимых переменных

Мы предлагаем сразу несколько таких моделей, последовательно оцененных в следующей части работы. Сначала мы воспринимаем военную операцию как экзогенный шок и строим регрессию с соответствующим единичным преломлением:

$$Tone\_of\_Publication_{it} = \beta_0 + \beta_1 Time_{it} + \beta_2 After\_24F_{it} + \beta_3 Time_{it} \times After\_24F_{it} + \epsilon_{it}$$

или, с учетом фактора 4 марта,

$$Tone\_of\_Publication_{it} = \beta_0 + \beta_1 Time_{it} + \beta_2 After\_24F_{it} + \beta_3 Time_{it} \times After\_24F_{it} + \beta_4 After\_4M_{it} + \beta_5 Time_{it} \times After\_4M_{it} + \epsilon_{it}$$

где $Tone\_of\_Publication$ — «чистая тональность» публикации, $Time$ — временной период (день), $After\_24F$ — дамми-переменная, принимающая значение «1» в каждый период после 24 февраля, и $After\_4M$ — дамми-переменная, принимающая значение «1» в каждый период после 4 марта.

Затем мы добавляем в эту спецификацию недоучтенные «контроли» — показатели, извлеченные из публичных аккаунтов пользователей с помощью «Медиалогии»:

$$Tone\_of\_Publication_{it} = \beta_0 + \beta_1 Platform_{it} + \beta_2 Author\_Subscribers_{it} + \beta_3 Author\_Sex_{it} + \beta_4 Author\_Age_{it} + \beta_5 Author\_Age_{it}^2 + \beta_6 Author\_Education_{it} + \beta_7 Number\_of\_Duplicates_{it} + \beta_8 Publication\_Status_{it} + \beta_9 After\_24F_{it} + \beta_{10} After\_4M_{it} + FE_{region} + \epsilon_{it}$$

где *Platform* — площадка, на которой было размещено сообщение (Facebook*, Instagram*, Twitter, «ВКонтакте», «Одноклассники») ¹², *Author_Subscribers* — аудитория автора сообщения (число подписчиков), *Author_Sex* — пол автора (мужчина, женщина), *Author_Education* — уровень образования автора (неоконченное, среднее, высшее), *Number_of_Duplicates* — число дубликатов сообщения (постов, полностью идентичных данному), *Publication_Status* — статус сообщения на момент выгрузки (не менялось, отредактировано, удалено, восстановлено), *After_24F* и *After_4M* — уже знакомые нам дамми, FE — фиксированные эффекты (фиктивные переменные для $k - 1$ регионов). Последние дают возможность учесть межсубъектные различия, в частности в глубине пользования социальными сетями. Регрессор *Author_Age*² призван отразить квадратичный эффект возраста, лучше приблизив уравнение к данным. Как таковые значения возраста, пола и образования доступны не для всех наблюдений. В моделях с ними используются только 75 тыс. постов, авторы которых разместили в своих аккаунтах соответствующую информацию. Тест Литтла подтверждает, что пропуски по соответствующим предикторам случайны ($p\text{-value} > 0,1$) и «обрезка» уместнее импутации на без того крупном массиве.

Эта модель, дополненная устойчивыми к автокорреляции стандартными ошибками, далее используется как основная. Как мы увидим в ходе анализа, все надстройки к ней, включая появление в ряду предикторов лагированного отклика, не вносят существенных изменений в интерпретацию. Стресс-тест для коэффициентов производится за счет альтернативных спецификаций, а именно уравнений с другой зависимой переменной (шкалой «Медиалогии») и с аналогичными данными, но собранными за прошлый год. «Качественная» проверка результатов осуществляется с помощью простой тематической модели, основанной на размещении Дирихле. Если наши предположения верны, среди обсуждаемых после 24 февраля тем не должно быть преобладания лоялистских, подчеркнута провластных категорий. Впрочем, отдавая себе отчет в крайней чувствительности механизма, мы фиксируем любые изменения тематической структуры в терминах «до» и «после» — и, если эти изменения значимы, трактуем их против нулевой гипотезы (то есть в пользу существенных различий между двумя дискурсами).

Эмпирические результаты: основные модели

Исходной интуицией для данных, подобных нашим, является построение модели «наивного шока», или «кусочной» регрессии без контрольных переменных. В ее спецификацию, как мы видели, заложен факт экзогенного отношения к произошедшему, то есть идея о «шоковом» воздействии обеих дамми и постепенном возвращении показателей к равновесию. Это имеет некоторый содержательный смысл, ведь пользователи сети не были предупреждены о вводе войск, но почти гарантированно узнали о нем постфактум и были вынуждены «приспосабливаться». Вероятно, справедливая для финансовых рынков, откуда она зачастую заимствуется [Huntington-Klein, 2021: 421—424], модель дает весьма неожиданные результаты (см. табл. 1).

¹² Знак * означает принадлежность указанных социальных сетей к запрещенной в РФ компании Meta. С начала марта 2022 г. доступ к ним, а также к Twitter, ограничен из-за распространения «недостовой общественной значимой информации». В большинстве моделей эти категории объединены в одну «базовую» группу, так как различия между ними статистически незначимы.

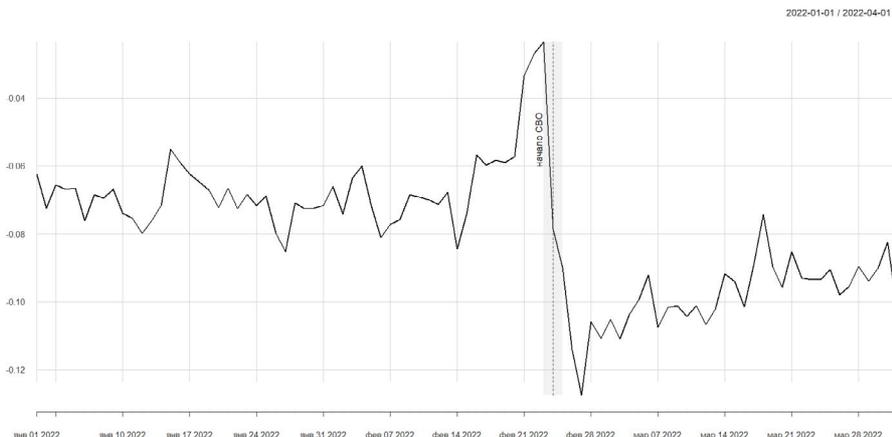
Таблица 1. Оценки моделей «кусочной» регрессии

	Зависимая переменная:	
	Tone_of_Publication	
	(1)	(2)
(Intercept)	-0,082*** (0,001)	-0,082*** (0,001)
Time	0,001*** (0,000)	0,001*** (0,000)
After_24F	-0,050*** (0,003)	0,167*** (0,020)
(Time):(After_24F)	0,000** (0,000)	-0,004*** (0,000)
After_4M		-0,213*** (0,020)
(Time):(After_4M)		0,004*** (0,000)
RMSE	0,16	0,16

* $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$.

Из таблицы следует, что после начала боевых действий тон публикаций стал значительно более позитивным, но к моменту принятия закона о «фейках» вновь оказался на низком уровне. Эти результаты могут показаться неожиданными, но они вполне объяснимы скачкообразной динамикой зависимой переменной. Из ее графического представления (см. рис. 2) видно, что вслед за абнормальным ростом 23—24 февраля произошло незамедлительное падение, за которым можно заметить медленный тренд на восстановление. Доверять оценкам, схватывающим лишь эту моментную разницу, нельзя, что подводит нас к мысли об усложнении модели.

Рис. 2. Динамика «чистой тональности» публикаций о патриотизме

Учесть упущенную дисперсию¹³ настроек можно путем включения варьирующих во времени детерминант. В третьем из наших уравнений предложены восемь таких характеристик, а также набор неизменяющихся региональных дамми. Тест Дарбина-Уотсона показывает, что эта модель не страдает от автокорреляции первого порядка ($\rho = 0,018$, $p\text{-value} = 0,05$), поэтому она оценена в предположении о нормально распределенных ошибках. Значимость теста, однако, пограничная, поэтому ковариационная матрица была скорректирована по формуле Ньюи — Уэста [Newey, West, 1987].

С другой стороны, тест Бреуша — Годфри, проверяющий автокорреляцию более высоких порядков, значим уже при $p = 3$ ($p\text{-value} < 0,00$). Мы прибегаем к стандартному способу моделирования такого рода динамики: последовательно добавляем в спецификацию две лаговые переменные, $Tone\_of\_Publication_{it-1}$ и $Tone\_of\_Publication_{it-2}$, в качестве новых предикторов. Таким образом, модель принимает форму авторегрессии с геометрически убывающим эффектом параметров (см. [Beck, Katz, 2011: 334—335]). Структурно она идентична предыдущей, LSDV-модели, но с одним (LDV I) или двумя (LDV II) «лагами» в правой части уравнения. Оговоримся, что в этой структуре сохраняются фиксированные эффекты (риски так называемой Nickell bias мы оцениваем как минимальные ввиду размеров выборки), и лагируется только зависимая переменная (в пользу этого решения говорит тот факт, что более полные ADL (I) и ADL (II) имели бы почти те же значения AIC, что и вложенные LDV: -20514 против -20503 и -20241 против -20229 соответственно). Коэффициенты всех трех регрессий представлены в таблице 2.

Таблица 2. **Оценки моделей типа Least Squares Dummy Variables и Lagged Dependent Variable**

	Зависимая переменная: Tone_of_Publication		
	LSDV	LDV (I)	LDV (II)
(Intercept)	-0,057*** (0,019)	-0,029 (0,021)	-0,025 (0,021)
Platform: ВКонтакте	0,046*** (0,005)	0,008** (0,003)	0,007** (0,003)
Platform: Одноклассники	0,035*** (0,005)	-0,001 (0,003)	-0,001 (0,003)
Platform: Instagram		0,038*** (0,006)	0,037*** (0,006)
Author_Subscribers	0,000 (0,000)	0,000** (0,000)	0,000* (0,000)
Author_Sex: Мужчина	-0,036*** (0,001)	-0,013*** (0,001)	-0,013*** (0,001)
Author_Age	-0,001*** (0,000)	-0,001* (0,000)	-0,001** (0,000)

¹³ Несмотря на высокую значимость оценок, которую можно списать на большое число наблюдений (и пропорционально низкие ошибки), доля объясненной первыми двумя моделями дисперсии не превышает 3%.

Зависимая переменная:**Tone_of_Publication**

	LSDV	LDV (I)	LDV (II)
Author_Age ²	0,000*** (0,000)	0,000 (0,000)	0,000 (0,000)
Author_Education: Среднее	-0,004 (0,006)	-0,016 (0,016)	-0,012 (0,016)
Author_Education: Высшее	-0,007 (0,006)	-0,012 (0,016)	-0,008 (0,016)
Number_of_Duplicates	0,000*** (0,000)	0,000 (0,000)	0,000 (0,000)
Publication_Status: Отредактировано	-0,004 (0,002)	-0,001 (0,019)	-0,004 (0,021)
Publication_Status: Удалено	-0,032*** (0,004)	-0,017 (0,020)	0,012 (0,022)
Publication_Status: Восстановлено	0,007 (0,046)	0,000 (0,000)	0,000 (0,000)
After_24F	-0,042*** (0,002)	-0,031*** (0,002)	-0,032*** (0,002)
After_4M	0,014*** (0,002)	0,010*** (0,002)	0,010*** (0,002)
Tone_of_Publication _{t-1}		0,084*** (0,011)	0,079*** (0,012)
Tone_of_Publication _{t-2}			0,044*** (0,011)
FE	включены	включены	включены
RMSE	0,15	0,05	0,05

* $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$.

По сравнению с самой первой, «наивной» спецификацией мы видим ровно обратные коэффициенты. Эффект 24 февраля кажется пусть небольшим, но значимо отрицательным, эффект 4 марта, наоборот, устойчиво позитивный. При этом оценки LSDV и LDV согласованы, а направление и значимость «контролей» между уравнениями почти не меняются. Так, пользователи «ВКонтакте» в среднем более благосклонны к патриотической тематике, чем пользователи зарубежных платформ, комментаторы-мужчины высказываются более критично, чем женщины, а разброс между уровнями образования настолько велик, что не позволяет обнаружить какую-либо однозначную связь с интернет-патриотизмом. Значимость коэффициентов при лагированном отклике следует интерпретировать как наличие в данных некоторого повышающего тренда, не очень заметного из-за большой временной вариации.

Проверки на устойчивость и альтернативы

Оцененные уравнения достаточно объемны и включают значительную часть сетевой информации, определяющей изменчивость *Tone_of_Publication*. Их трудно улучшить стандартным путем, то есть просто добавив несколько значимых предикторов и пересчитав коэффициенты. В то же время мы не можем добавлять и новые «лаги», так как в итоге столкнемся с «переобучением». Понимая это, мы представляем еще две модели, способные если не уточнить полученные результаты, то по меньшей мере проверить их на устойчивость.

Первая модель сохраняет неизменной правую часть уравнения с фиксированными эффектами, но применяет ее в отношении другой зависимой переменной — категориальной оценки тональности от «Медиалогии» (*Sentiment_MLG*). Иными словами, оценивается модель порядковой логистической регрессии со всеми оговоренными предикторами, но без лаговой составляющей. Учитывая неоднородность срединной категории — «нейтральных» сообщений, мы не можем полагаться на равномерность эффекта (это подтверждает и формальный тест Бранта) и сразу переходим к модификации типа PPO — *partial proportional odds* (см. [Peterson, Harrell, 1990]). Она позволяет влиянию ключевых предикторов варьировать между категориями отклика, что эквивалентно оценке $k \times c$ дополнительных параметров, где k — число ключевых предикторов, c — число категорий отклика. В выдаче для сравнения представлены обе версии, то есть модели с полностью и частично пропорциональными шансами.

Вторая модель является техническим повторением дизайна LSDV, но с несколько измененным временным рядом. До этого мы считали, что воздействие СВО на социальные сети носит характер «шока» и поэтому может быть измерено стандартным коэффициентом при дамми. Есть, однако, основания полагать, что выбор временного отрезка вносит в этот коэффициент смещение, порожденное «подготовленной почвой». Если в январе — феврале 2022 г. публичный дискурс был сосредоточен на Украине и потенциале военного столкновения, это означает, что база для сравнения — категория «до» — завышена, а наша оценка воздействия (по сути, разница с «после»), наоборот, занижена. К сожалению, мы не можем смоделировать, как выглядел бы информационный фон в отсутствие таких сообщений. Мы предлагаем использовать грубую, но заведомо очищенную от влияния милитаристской риторики начала 2022 г. «прокси» — публикации за 1 января — 23 февраля 2021 г. Тем самым мы формируем псевдоконтрольный период со всеми характеристиками, присущими зимнему сезону, и рассматриваем эффект СВО «на контрасте» с ним. Мы называем эту модель «контрольно-тестовой».

Таблица 3. **Оценки порядковой логистической регрессии и «контрольно-тестовой» модели**

	Зависимая переменная:		
	Sentiment_MLG	Sentiment_MLG	Tone_of_Publication
	PO	PPO	LSDV _{c-t}
(Intercept)			-0,072*** (0,021)
негативная нейтральная	-1,790*** (0,249)		

Зависимая переменная:

	Sentiment_MLG PO	Sentiment_MLG PPO	Tone_of_Publication LSDV_{c-t}
нейтральная позитивная	2,140*** (0,249)		
Platform: ВКонтакте	0,566*** (0,066)	-0,598*** (0,068)	0,053*** (0,005)
Platform: Одноклассники	0,241*** (0,067)	-0,255*** (0,068)	0,047*** (0,005)
Author_Subscribers	0,000*** (0,000)	0,000*** (0,000)	0,000*** (0,000)
Author_Sex: Мужчина	-0,597*** (0,019)	-0,597*** (0,019)	0,607*** (0,001)
Author_Age	-0,012*** (0,003)	0,011*** (0,003)	-0,001*** (0,000)
Author_Age ²	0,000 (0,000)	0,000 (0,000)	0,000 (0,000)
Author_Education: Среднее	-0,179** (0,075)	-0,179** (0,076)	0,198*** (0,006)
Author_Education: Высшее	-0,120 (0,075)	0,139* (0,076)	-0,009 (0,006)
Number_of_Duplicates	0,000 (0,000)	0,000 (0,000)	0,000 (0,000)
Publication_Status: Отредактировано	0,055 (0,036)	-0,060 (0,036)	-0,012*** (0,003)
Publication_Status: Удалено	-0,713*** (0,049)	-0,713*** (0,050)	0,735*** (0,005)
Publication_Status: Восстановлено	-1,069* (0,600)	-1,069* (0,595)	1,171** (0,060)
After_24F	-0,604*** (0,028)		-0,034*** (0,002)
After_4M	0,143*** (0,027)		0,014*** (0,002)
After_24F: негативная нейтральная		1,138*** (0,033)	
After_24F: нейтральная позитивная		-0,339*** (0,047)	
After_4M: негативная нейтральная		-0,043 (0,029)	

Зависимая переменная:

	Sentiment_MLG PO	Sentiment_MLG PPO	Tone_of_Publication LSDV _{c-t}
After_4M: нейтральная позитивная		-0,275*** (0,043)	
FE	включены	включены	включены
RMSE	1.44	3.46	0.16

* $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$.

Оценки обеих альтернатив (см. табл. 3) говорят в пользу нашей гипотезы об отсутствующем эффекте. Интерпретация коэффициентов при ключевых дамми — *After_24M* и *After_4M* — сохраняется, равно как влияние прочих объясняющих параметров. Интересное расщепление происходит при введении в спецификацию непропорциональных шансов — спецоперация оказывается сильным предиктором «нейтрализации» комментариев (ее начало способствует росту числа нейтральных постов за счет негативных и позитивных). Аналогичная «разбивка» для переменной 4 марта менее интересна, так как фиксирует только снижение числа позитивных публикаций по сравнению с нейтральными. Заметим, однако, что оценки PPO имеют гораздо больший разброс, что делает их абсолютные величины менее надежными. Все коэффициенты в обобщенном виде изображены на рисунках 3 и 4.

Рис. 3. Коэффициенты дамми-предиктора After24_F в основных моделях

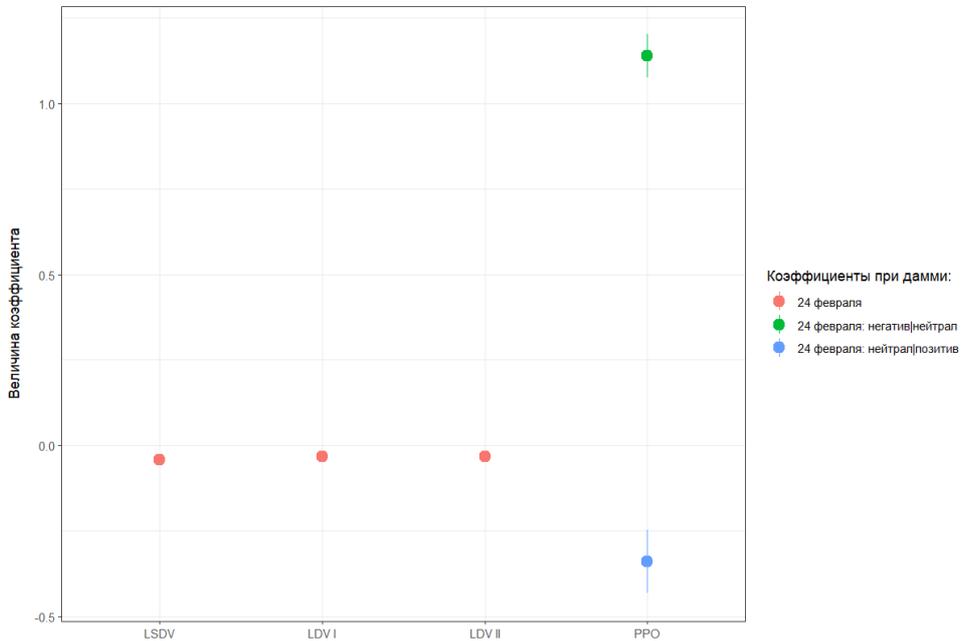
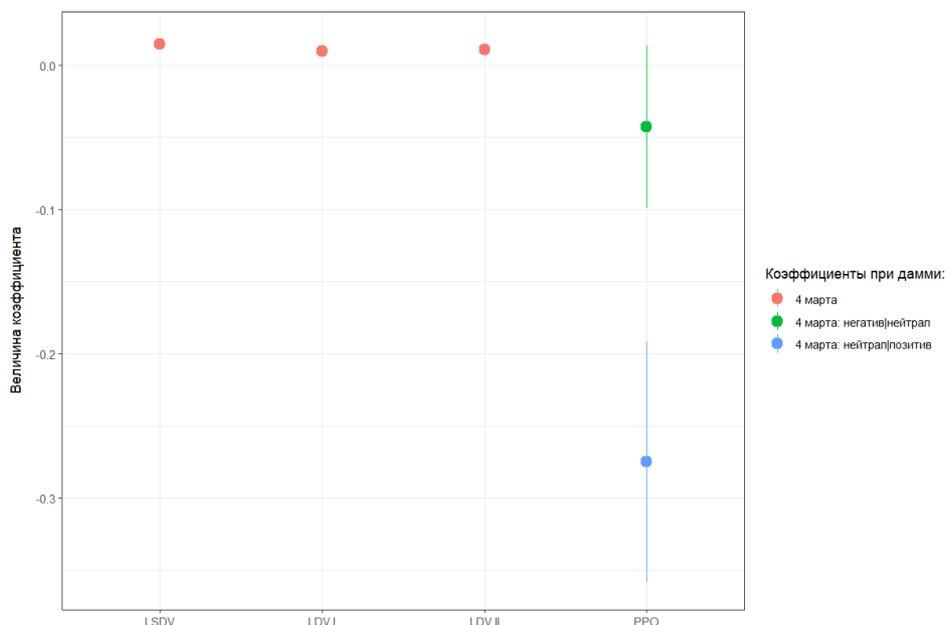

Рис. 4. Коэффициенты дамми-предиктора After4_M в основных моделях

Итоги тематического моделирования

Понимая, что дискуссия внутри блогосферы может быть лишь отдаленно оценена за счет словарной тональности, мы обращаемся к принципиально другому машинному методу — тематическому моделированию. В его рамках мы считываем каждый опубликованный текст как «мешок» слов, и пытаемся решить задачу их группировки на основе семантической связи. Иными словами, мы предполагаем, что существуют некие латентные темы, внутри которых с разной вероятностью могут появиться разные словоформы, и пытаемся восстановить их распределение таким образом, чтобы оно лучше прочих соответствовало данным. На «входе» модель получает лемматизированную коллекцию текстов, на «выходе» предлагает искомые темы (совокупности слов).

Мы применяем к моделированию тот же подход, что использовали в регрессионном анализе: делим корпус текстов на две примерно равные части, с 1 января по 23 февраля и с 24 февраля по 1 апреля 2022 г., и сравниваем результирующие распределения между ними. Следуя за более ранними работами¹⁴, мы останавливаемся на 20 ожидаемых темах и их многомерном масштабировании через две главные компоненты. Впрочем, как показала практика, выделение топ-10 и топ-15 тем приводит к тем же содержательным разбиениям, но с несколькими небольшими темами, собранными в одну. Вероятности генерируются из рас-

¹⁴ Маслинский К. А., Кольцова О. Ю., Кольцов С. Н. Изменения в тематической структуре Живого Журнала: влияние выборов 2011 г. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/06/10/1283698493/1.pdf> (дата обращения: 27.03.2024); [Кольцова, Маслинский, 2013].

предела Дирихле с гиперпараметром α , равным $1/20$; результаты вычислений представлены в форме интерактивных диаграмм с фокусом на «украинскую» тематику (см. рис. 5, 6 и 7).

Рис. 5. Распределение «патриотических» текстов по 20 тематическим категориям до 24 февраля 2022 г. (красным выделен сегмент дискурса, связанный с российско-украинским конфликтом)

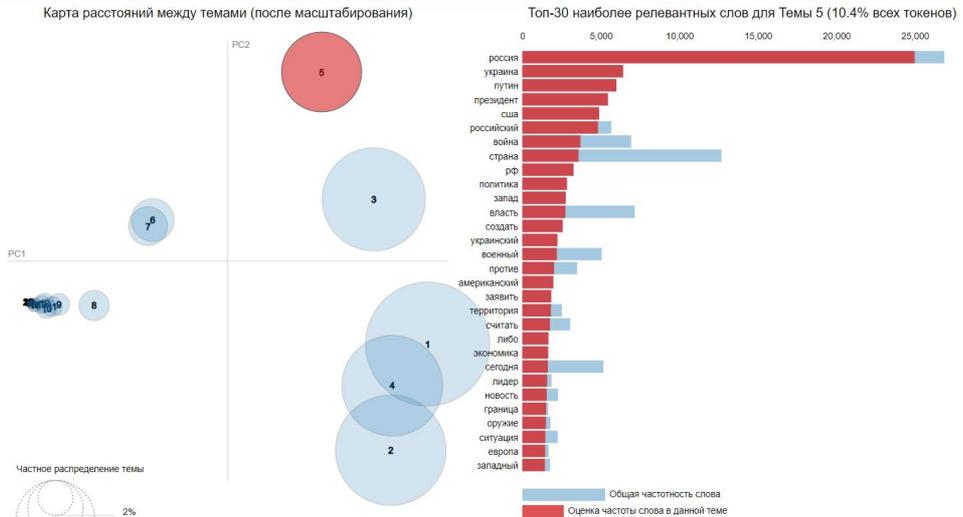

Рис. 6. Распределение «патриотических» текстов по 20 тематическим категориям после 24 февраля 2022 г. (красным выделен сегмент дискурса, связанный с российско-украинским конфликтом)

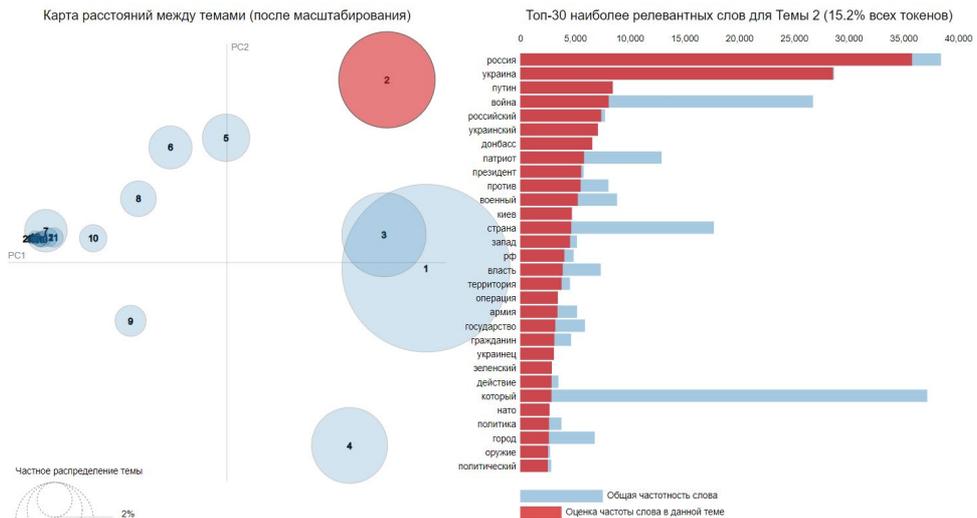
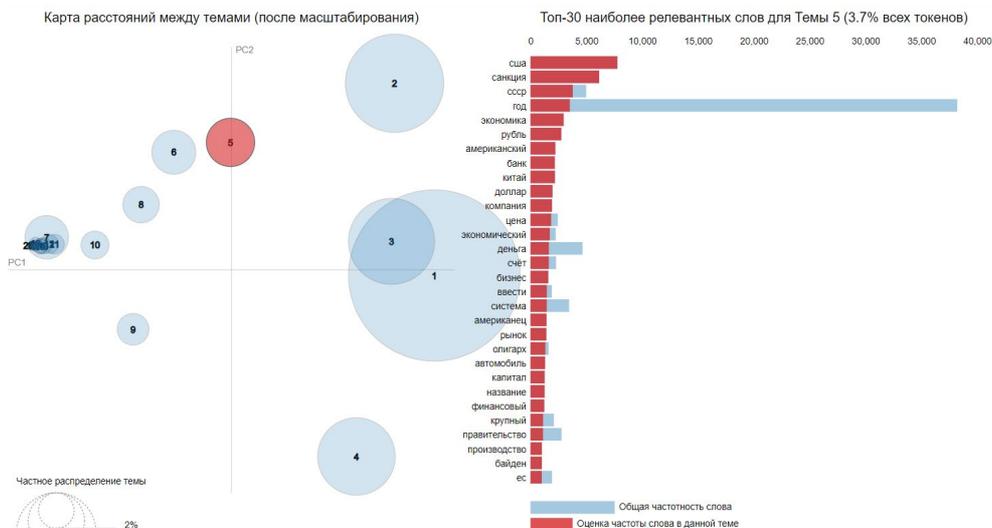

Рис. 7. Распределение «патриотических» текстов по 20 тематическим категориям после 24 февраля 2022 г. (красным выделен побочный сегмент дискурса, связанный с экономическими последствиями конфликта)

После начала СВО тема, содержательно завязанная на Украине («Украина», «Донбасс», «война», «Путин», «оружие»), приобрела несколько больший вес и вышла на второе место по числу словарных единиц (токенов). Пятое место, которое она занимала до 24 февраля, отошло новой категории, посвященной экономическому кризису («санкции», «олигарх», «экономика», «США», «рубль»). В остальном взаимное расположение тем почти не изменилось. Основную долю — от 25% до 45% токенов в правой части плоскости — занимают общеупотребительные конструкции, присущие традиционному пониманию патриотизма («русский», «Государство», «Власть», «страна», «ночь»). В середине второго квадранта группируются выражения, связанные с сетевой природой данных («gumedia», «стрим», «комментарий», «просмотр», «лайк»). Наконец, слева, ближе к оси первой компоненты, расположены частные темы, присущие скорее какой-то определенной группе пользователей или определенному информационному поводу (например, одна из тем содержит леммы «праздник», «музей», «ребята», «подвиг», «класс» — очевидно, они относятся к празднованию Дня защитника отечества в школах).

О валидности классификации свидетельствует, среди прочего, интерпретируемость большинства выделенных тем. Ситуация не изменится, даже если разрешить их числу варьировать между периодами: мы увидим лишь обобщенные (или, наоборот, уточненные) группы, все так же «скопленные» вокруг традиционных ценностей, экономики, спецоперации и пр. В нашем разбиении все противоречия по поводу СВО абсорбировались одной крупной темой, что не повлияло на расположение других точек на координатах. Иначе говоря, массового перелома, трансформации патриотического дискурса в первые дни операции не произошло — по нашему предположению, он просто последовал за новостными тренда-

ми, что объясняет и повышенный интерес к Украине, и появление новых малых тем, и их приближение к «украинской» по первой компоненте.

Заключение

Актуальность вопроса о проявлении «ралли-эффекта» в разных сегментах российского общества не вызывает сомнений. После начала СВО в публичной социологии и СМИ установилась почти неизменная позитивная повестка, и почти вся изменчивость общественных настроений (во всяком случае та, которая выражается открыто) переместилась в Рунет. Мы концентрируем внимание на весьма значительной, хотя и не до конца репрезентативной субгруппе россиян — пользователях сети, и задаемся вопросом, каким образом изменилось их восприятие патриотизма после 24 февраля 2022 г.

Мы исходим из двух предпосылок, делающих любой потенциальный ответ на данный вопрос неочевидным. Во-первых, в России социальные сети традиционно «перепредставляли» активистскую, молодую и более оппозиционную аудиторию. Как показывают опросы¹⁵, патриотический подъем затронул ее в меньшей степени, а значит, именно она могла стать ключевым распространителем «антивоенных» идей в сети (и таким образом свести на нет масштаб сплывающего эффекта). Во-вторых, объявление СВО и последующее ужесточение законодательства привели к незамедлительному всплеску интереса к украинской тематике, который не могли удовлетворить традиционные медиа и за которыми в интернет «потянулись» более лояльные социальные группы [Urman, Makhortykh, 2022]. Мы не беремся судить, какая из этих тенденций оказалась более значимой, и тестируем «нулевую» гипотезу о взаимном исключении, то есть о том, что никаких существенных изменений в дискурсе не произошло.

Эмпирический анализ подтверждает наши предположения. Если воспринимать отношение к патриотизму буквально, то есть идентифицировать любое упоминание пользователем соответствующих слов-маркеров как выражающее настроение, то динамика этой переменной после 24 февраля окажется устойчиво негативной. Во всех наших моделях агрегированная тональность публикаций значимо ухудшалась после 24 февраля и отчасти восстанавливалась только к 4 марта, когда был принят закон о дискредитации армии. Из стабильных детерминант «позитива» мы можем выделить только использование отечественных сетей вместо зарубежных, большая часть которых к моменту окончания анализируемого периода (1 апреля) уже была заблокирована Роскомнадзором. К аналогичным выводам подводят и тематические модели, демонстрирующие почти идентичное структурирование дискуссии до и после начала СВО.

За нивелированием искомого эффекта, как мы полагаем, стоят особенности интернет-сообщества как такового. Предрасположенность пользователей к открытой полемике с оппонентами, преобладание скептически настроенных групп, внутреннее устройство сетей, располагающее к комментариям-тредам и оперативной реакции на новостную ленту, — все это сокращает возможности «ухода» от темы и способствует принятию какой-либо из противоборствующих позиций

¹⁵ Украина. Представления о целях России на Украине // ФОМ. 2022. 14 марта. URL: <https://fom.ru/Politika/14698> (дата обращения: 09.04.2024).

[Kubin, von Sikorski, 2021; Стукал, Ахременко, Петров, 2022]. К этому стоит добавить и российскую специфику онлайн-дебатов, которая заключается в периодической самоцензуре и перманентном опасении цензуры реальной [Bodrunova, 2021]. Так или иначе, наши выводы полностью согласуются со смежными исследованиями, показавшими рассинхронизацию «офлайна» и «онлайна» на почве СВО [Kizilova, Norris, 2022], и противоречат результатам, показывающим доминирование в русскоязычном онлайн-пространстве официальных нарративов [Urman, Makhortykh, 2022; Alyukov, Kunilovskaya, Semenov, 2023].

Отметим, что выводы настоящей работы нельзя рассматривать в отрыве от допущений, которые мы делали в ходе анализа. Так, мы понимали «патриотический дискурс» не иначе как «разговоры о патриотизме» (и о близких ему концептах), что, без сомнения, сузило доступное выборочное пространство. Мы также не смогли охватить достаточное количество постов в Telegram из-за нехватки данных о пользователях, то есть из поля зрения пропал целый сегмент полуанонимных публикаций, получивший особенную популярность в начале 2022 г. Наконец, наша установка на количественные показатели, даже извлеченные из, по сути, качественных текстов, делает интерпретацию более узкой, чем нам хотелось бы. В дальнейшем все три допущения могут быть ослаблены за счет расширения выборки и более тонкой работы с «вычленением» дискурса.

Список литературы (References)

Ахременко А. С., Беленков В. Е., Петров А. П. Логика протестных кампаний: от эмпирических данных к динамическим моделям (и обратно) // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 147—165. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.10>.
Akhremenko A. S., Belenkov V. E., Petrov A. P. (2021) The Logic of Protest Campaigns: From Empirical Data to Dynamic Models (and Back). *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 147—165. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.10>. (In Russ.)

Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73—91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>.
Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. (2020) Network vs Message in Protest Diffusion on Social Media: Theoretical and Data Analytics Perspectives. *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 73—91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>. (In Russ.)

Казун А. Д. Эффект “rally around the flag”. Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 136—146. <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2017.01.12>.
Kazun A. D. (2017) “Rally Around the Flag” Effect. How and Why Support of the Authorities Grow During International Conflicts and Tragedies? *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 136—146. <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2017.01.12>. (In Russ.)

Кислицына О. А. Национальная гордость и проявление патриотизма // Наука. Культура. Общество. 2011. № 1. С. 26—36.
Kislitsyna O. A. (2011) National Pride and Manifestation of Patriotism. *Science. Culture. Society*. No. 1. P. 26—36. (In Russ.)

Кольцова О. Ю., Киркиж Э. А. Влияние интернета на участие в протестах // Политика. 2016. № 1. С. 90—110.

Koltsova O. Yu., Kirkizh E. A. (2016) Influence of the Internet on Participation in Protests. *Politeia*. No. 1. P. 90—110. (In Russ.)

Кольцова О., Маслинский А. Выявление тематической структуры российской блогосферы: автоматические методы анализа текстов // Социология: Методология, методы, математическое моделирование. 2013. № 36. С. 113—139.

Koltsova O., Maslinsky A. (2013) Identifying the Thematic Structure of the Russian Blogosphere: Automatic Text Analysis Methods. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 36. P. 113—139. (In Russ.)

Сикевич З. В., Федорова А. А. Границы русского патриотизма (опыт нереактивного и классического исследования) // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 134—146. <https://doi.org/10.31857/S013216250014126-1>.

Sikevich Z. V., Fedorova A. A. (2021) Boundaries of Russian Patriotism (The Case of Non-Reactive Classic Research). *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. P. 134—146. <https://doi.org/10.31857/S013216250014126-1>. (In Russ.)

Стукал Д. К., Ахременко А. С., Петров А. П. Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 480—498. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498>.

Stukal D. K., Akhremenko A. S., Petrov A. P. (2022) Affective Political Polarization and Hate Speech: Made for Each Other? *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 24. No. 3. P. 480—498. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498>. (In Russ.)

Трофимова И. Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 72—77. Trofimova I. N. (2015) Civic Activism in Modern Russian Society: Features of Localization. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. No. 4. P. 72—77. (In Russ.)

Alyukov M., Kunilovskaya M., Semenov A. (2023) Wartime Media Monitor (WarMM-2022): A Study of Information Manipulation on Russian Social Media during the Russia-Ukraine War. In: *Proceedings of the 7th Joint SIGHUM Workshop on Computational Linguistics for Cultural Heritage, Social Sciences, Humanities and Literature*. Dubrovnik, Croatia: Association for Computational Linguistics. P. 152—161. <https://doi.org/10.18653/v1/2023.latechclfl-1.17>.

Aznar-Casanova J. A., Gavilán J. M., Moreno Sánchez M., Haro J. (2020) The Emotional Attentional Blink as a Measure of Patriotism. *The Spanish Journal of Psychology*. Vol. 23. P. e30. <https://doi.org/10.1017/SJP.2020.32>.

Beck N., Katz J. N. (2011) Modeling Dynamics in Time-Series — Cross-Section Political Economy Data. *Annual Review of Political Science*. Vol. 14. P. 331—352. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-071510-103222>.

Bisbee J., Larson J. M. (2017) Testing Social Science Network Theories with Online Network Data: An Evaluation of External Validity. *American Political Science Review*. Vol. 111. No. 3. P. 502—521. <https://doi.org/10.1017/S0003055417000120>.

- Boдрunova S. S. (2021) Social Media and Political Dissent in Russia and Belarus: An Introduction to the Special Issue. *Social Media + Society*. Vol. 7. No. 4. P. 1—8. <https://doi.org/10.1177/205630512111063470>.
- Chae Y., Lee S., Kim Y. (2019) Meta-Analysis of the Relationship Between Internet Use and Political Participation: Examining Main and Moderating Effects. *Asian Journal of Communication*. Vol. 29. No. 1. P. 35—54. <https://doi.org/10.1080/01292986.2018.1499121>.
- Feezell J. T., Conroy M., Guerrero M. (2016) Internet Use and Political Participation: Engaging Citizenship Norms through Online Activities. *Journal of Information Technology & Politics*. Vol. 13. No. 2. P. 95—107. <http://dx.doi.org/10.1080/19331681.2016.1166994>.
- Freelon D., McIlwain C., Clark M. (2018) Quantifying the Power and Consequences of Social Media Protest. *New Media & Society*. Vol. 20. No. 3. P. 990—1011. <https://doi.org/10.1177/1461444816676646>.
- Hale H. E. (2018) How Crimea Pays: Media, Rallying 'Round the Flag, and Authoritarian Support. *Comparative Politics*. Vol. 50. No. 3. P. 369—391. <https://doi.org/10.5129/001041518822704953>.
- Huntington-Klein N. (2021) *The Effect: An Introduction to Research Design and Causality*. New York, NY: Chapman and Hall/CRC. <http://doi.org/10.1201/9781003226055>.
- Kizilova K., Norris P. (2022) Assessing Russian Public Opinion on the Ukraine War. *Russian Analytical Digest*. No. 281. 2—7. <https://doi.org/10.3929/ethz-b-000539633>.
- Kubin E., von Sikorski C. (2021) The Role of (Social) Media in Political Polarization: A Systematic Review. *Annals of the International Communication Association*. Vol. 45. No. 3. P. 188—206. <http://doi.org/10.1080/23808985.2021.1976070>.
- Le Huérou A. (2015) Where Does the Motherland Begin? Private and Public Dimensions of Contemporary Russian Patriotism in Schools and Youth Organisations: A View from the Field. *Europe-Asia Studies*. Vol. 67. No. 1. P. 28—48. <http://doi.org/10.1080/09668136.2014.988999>.
- Newey W. K., West K. D. (1987) A Simple, Positive Semi-Definite, Heteroskedasticity and Autocorrelation Consistent Covariance Matrix. *Econometric*. Vol. 55. No. 3. P. 703—708. <https://doi.org/10.3386/T0055>.
- Peterson B., Harrell Jr F. E. (1990) Partial Proportional Odds Models for Ordinal Response Variables. *Journal of the Royal Statistical Society. Series C (Applied Statistics)*. Vol. 39. No. 2. P. 205—217. <https://doi.org/10.2307/2347760>.
- Reuter O. J., Szakonyi D. (2015) Online Social Media and Political Awareness in Authoritarian Regimes. *British Journal of Political Science*. Vol. 45. No. 1. P. 29—51. <https://doi.org/10.1017/S0007123413000203>.
- Schober M. F., Pasek J., Guggenheim L., Lampe C., Conrad F. G. (2016) Social Media Analyses for Social Measurement. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 80. No. 1. P. 180—211. <https://doi.org/10.1093/poq/nfv048>.

Shcheglova T., Gradoselskaya G., Karpov I. (2020) Methodology for Measuring Polarization of Political Discourse: Case of Comparing Oppositional and Patriotic Discourse in Online Social Networks. In: Bychkov, I., Kalyagin, V., Pardalos, P., Prokopyev, O. (eds.) *Network Algorithms, Data Mining, and Applications. NET 2018. Springer Proceedings in Mathematics & Statistics*. Vol. 315. Cham: Springer. P. 219—230. https://doi.org/10.1007/978-3-030-37157-9_15.

Skoric M. M., Zhu Q., Goh D., Pang N. (2016) Social Media and Citizen Engagement: A Meta-Analytic Review. *New Media & Society*. Vol. 18. No. 9. P. 1817—1839. <https://doi.org/10.1177/1461444815616221>.

Smetanin S. (2020) The Applications of Sentiment Analysis for Russian Language Texts: Current Challenges and Future Perspectives. *IEEE Access*. Vol. 8. P. 110693—110719. <http://dx.doi.org/10.1109/ACCESS.2020.3002215>.

Spaiser V., Chadefaux T., Donnay K., Russman F., Helbing D. (2017) Communication Power Struggles on Social Media: A Case Study of the 2011—12 Russian Protests. *Journal of Information Technology & Politics*. Vol. 14. No. 2. P. 132—153. <https://doi.org/10.1080/19331681.2017.1308288>.

Spector M., Kitsuse J. I. (2017) *Constructing Social Problems*. London: Routledge.

Urman A., Makhortykh M. (2022) My War Is Your Special Operation: Engagement with Pro-and Anti-Regime Framing of the War in Ukraine on Russian Social Media. Preprint. <http://doi.org/10.31219/osf.io/67snk>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2446](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2446)

Е. С. Богомягкова

БЛОГЕРЫ В СФЕРЕ ЗДОРОВЬЯ В ОЦЕНКАХ ГОРОЖАН: ПРАКТИКИ, КОММУНИКАЦИЯ, ДОВЕРИЕ

Правильная ссылка на статью:

Богомягкова Е. С. Блогеры в сфере здоровья в оценках горожан: практики, коммуникация, доверие // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 178—202. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2446>.

For citation:

Bogomiagkova E. S. (2024) Health Bloggers in the Assessments of City Residents: Practices, Communication, Trust. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 178–202. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2446>. (In Russ.)

Получено: 29.06.2023. Принято к публикации: 27.03.2024.

БЛОГЕРЫ В СФЕРЕ ЗДОРОВЬЯ В ОЦЕНКАХ ГОРОЖАН: ПРАКТИКИ, КОММУНИКАЦИЯ, ДОВЕРИЕ

БОГОМЯГКОВА Елена Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: e.bogomyagkova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6514-2881>

Аннотация. В статье представлены результаты комбинированного эмпирического исследования, реализованного в 2020—2021 гг. и включавшего полуструктурированные интервью с жителями крупных городов России ($n=90$), а также телефонный опрос жителей Санкт-Петербурга ($n=861$). Цель работы — описать опыт обращения к материалам интернет-инфлюенсеров, специализирующихся на теме здоровья, и специфику коммуникации в их блогах, а также осветить механизмы формирования доверия новым экспертам. Показано, что обращение к материалам блогеров, работающих в сфере здоровья, — одновременно рутинная и ситуативная практика для горожан. Тематика запросов и «специализация» наиболее популярных блогеров демонстрируют, что больший интерес представляет информация не о методах лечения, а о способах поддержания хорошего самочувствия. Сетевой характер коммуникации в блогах, отличающий ее от институциональных форм, требует доверия, критериями формирования которого выступают контент, персонификация, сетевой капитал, публичность, соответствие рекомендаций личному опыту пользователя. Практики чтения постов и просмотра видео в большей степени свойственны моло-

HEALTH BLOGGERS IN THE ASSESSMENTS OF CITY RESIDENTS: PRACTICES, COMMUNICATION, TRUST

Elena S. BOGOMIAGKOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor at the Department of Theory and History of Sociology
E-MAIL: e.bogomyagkova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6514-2881>

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article presents the results of a mixed empirical study carried out in 2020–2021, which included semi-structured interviews with residents of large Russian cities ($n=90$) and a telephone survey of residents of St. Petersburg ($n=861$). The study aims at describing the experience of accessing materials from Internet influencers specializing in the topic of health and the specifics of communication in their blogs, as well as at highlighting the mechanisms for building trust in new experts. The author shows that accessing materials from bloggers working in the field of health is both a routine and situational practice for city residents. The topics of queries and the “specialization” of the most popular bloggers demonstrate that information of greater interest relates not to treatment methods, but to ways to maintain good health. The network nature of communication in blogs, which distinguishes it from institutional forms, requires trust, the formation criteria of which are content, personification, network capital, publicity, and compliance of recommendations with the user’s personal experience. The practice of reading posts and watching videos is more typical for young respondents, who are more integrated into Internet communications and trust online sources of health information. Urban residents who

дым респондентам, наиболее интегрированным в интернет-коммуникации и доверяющим онлайн-источникам информации о здоровье. С большей вероятностью к блогерам прислушиваются горожане, усвоившие новые способы заботы о здоровье: внимание к эмоциональному состоянию, контроль питания, цифровой селф-трекинг. Доверие к интернет-инфлюенсерам невелико и не связано с (не)доверием врачам. Востребованность блогов о здоровье объясняется вниманием к вопросам здорового образа жизни и особенностями взаимодействия новых экспертов с пользователями. Блогеры занимают тематические ниши, где не присутствует официальное здравоохранение, при этом выступая не альтернативными, а параллельными институциональной медицине структурами, коммуникации в которых соответствуют трендам социальных изменений и привлекательны для горожан.

Ключевые слова: блогеры в сфере заботы о здоровье, интернет-инфлюенсеры, забота о здоровье, доверие, онлайн-коммуникация, здоровый образ жизни

Благодарность. Материал подготовлен при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 21-18-00125. Автор выражает благодарность М. Е. Глухой (аспирантка ЕУСПб), А. А. Дупак (магистр социологии), А. С. Захаровой (магистр социологии) за помощь в сборе эмпирического материала.

have adopted new ways to take care of their health, such as being attentive to their emotional state, nutrition control, or digital self-tracking, are more likely to listen to bloggers. Trust in online influencers is low and is not associated with (dis)trust in doctors. The demand for health blogs is explained by the attention to healthy lifestyle issues and the peculiarities of interaction between new experts and users. Bloggers occupy thematic niches where official healthcare is absent, while acting not as alternative, but as structures parallel to institutional medicine, communications in which correspond to trends in social change and are attractive to citizens.

Keywords: health bloggers, digital influencers, health care, trust, online communication, healthy lifestyle

Acknowledgments. The study was carried out with support from the Russian Scientific Foundation (RSF) within the research grant No. 21-18-00125. The author expresses her gratitude to M. E. Glukhova (graduate student of the EUSPB), A. A. Dupak (Master of Sociology), and A. S. Zakharova (Master of Sociology) for their help in collecting empirical material.

Введение

Забота о здоровье — одна из тех сфер, где цифровизация находит наиболее впечатляющее выражение. Следствием развития интернета и цифровых технологий становится не только технический апгрейд системы здравоохранения, но и реконфигурация поля медицинской экспертизы. Врачи никогда не были единственными поставщиками медицинского знания и помощи, но сегодня они конкурируют с новыми игроками. «Доктора против интернета»¹ — название телепередачи, вышедшей в эфире «Первого канала» в 2021 г., может служить иллюстрацией ситуации, в которой оказался современный пациент. По данным «Левада-Центра»^{*2}, в 2022 г. 55 % опрошенных россиян за последний год искали в интернете информацию о здоровье и медицине³. Однако виртуальное пространство неоднородно, новыми лидерами мнения становятся блогеры, специализирующиеся на теме здоровья.

В публичном и академическом дискурсах распространена алармистская риторика, оценивающая блогеров, работающих в сфере заботы о здоровье, как шарлатанов, несущих угрозу здоровью пользователей [Баскакова, 2020; Зингерман, Шкловский-Корди, Воробьев, 2017; Стоянов, Пермякова, 2022]. Однако, если информацию о востребованности блогеров без уточнения их специфики еще можно найти, — по состоянию на 2020 г. 46 % россиян, пользующихся интернетом, читали блоги или смотрели видеозаписи в них (в группе 18—24 года таких 63 %) ⁴, а по состоянию на 2022 г. 19 % опрошенных доверяли информации, полученной от блогеров ⁵, — того же нельзя сказать в отношении лидеров мнения в вопросах здоровья из онлайн-среды. Не только нет эмпирических данных о том, как часто и в каких случаях пользователи обращаются к блогам, но и ощущается недостаток социологических объяснений востребованности экспертизы такого рода и способов формирования доверия к ней. Цель настоящей статьи состоит в попытке с опорой на результаты эмпирического исследования на примере жителей крупного города описать опыт обращения к материалам интернет-инфлюенсеров, специализирующихся на теме здоровья, и специфику коммуникации в блогах, а также осветить вопросы формирования доверия новым экспертам. Поскольку на момент проведения исследования надежная социологическая информация по рассматриваемой проблематике отсутствовала, оно носило преимущественно поисковый и описательный характер.

Литературный обзор

Выход экспертизы за пределы профессиональных сообществ широко обсуждается в социальных науках [Collins, Evans, 2008]. Все более заметными аген-

¹ О проекте см. подробнее: URL: <https://www.1tv.ru/shows/doktora-protiv-interneta?ysclid=ht5iqmq4w9695576879> (дата обращения: 07.04.2024).

² Здесь и далее * означает Российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции иностранного агента.

³ Караева О. Роль интернета в вопросах здоровья // Левада-Центр. 2022. 24 марта. URL: <https://www.levada.ru/2022/03/24/rol-interneta-v-voprosah-zdorovya/> (дата обращения: 10.06.2023) (материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

⁴ От блогеров — к инфлюенсерам: борьба за внимание и влияние на аудиторию. Новые тренды // ВЦИОМ. 2020. 24 октября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ot-blogerov-k-inflyuenseram-borba-zavnimanie-i-vliyanie-na-auditoriyu-novye-trendy?ysclid=lj3za6z38c771205982> (дата обращения: 10.06.2023).

⁵ ВЦИОМ и Insight People: 19 % россиян доверяют блогерам // Sostav. 2022. 27 сентября. URL: <https://www.sostav.ru/publication/rossiyane-vidyat-perspektivu-v-blogosfere-sovmestnoe-issledovanie-vtsiom-i-insight-people-56725.html?ysclid=lj41yfmea7397091424> (дата обращения 10.06.2023).

тами онлайн-пространства становятся блогеры, претендующие на авторитетное мнение по тем или иным вопросам. Поскольку принципиальные отличия сетевой формы социальности от институциональной [Castells, 2010; Иванов, 2012] делают невозможными традиционные механизмы подтверждения экспертности, деятельность интернет-инфлюенсеров требует изобретения новых [Мерзлякова, 2021]. Более того, в отсутствие строго определенных социальных ролей, разделяющих профессиональную и профанную позиции и обеспечивающих предсказуемость взаимодействия в рамках социальных институтов, коммуникация в социальных сетях требует формирования доверия. Мы понимаем доверие как уверенность в надежности человека или системы [Giddens, 1990]. В ходе многочисленных исследований накоплены данные о наиболее успешных стратегиях, используемых блогерами [Молотов, Максимова, Хлевнюк, 2021]. Например, были обнаружены такие факторы доверия, как прозрачность [Dekavalla, 2020]; важность демонстрации личной жизни, «закулисья» блогера [Ню, 2019]; содержание публикуемого контента, постоянство ведущего и его включенность в социальные сети пользователя [Welbourne, Grant, 2016] и др.

Забота о здоровье — та область, где блогеры особенно активны [Осипова, Лядова, Заплетнюк, 2023], они конкурируют с врачами институциональной медицины и другими агентами [Богомягкова, 2022]. Общепринятые представления о структуре и содержании этого тематического сегмента блогосферы пока не сложились, а исследователи, заявляющие в качестве предмета своего интереса проблемное поле здоровья, фокусируются на изучении блогов врачей [Грошева, 2021; Комаров, 2021; Магировская, Влодарчик, 2021; Taylor, Humphrey, 2021], блогов о здоровом образе жизни [Кульпин, Савчук, Якимова, 2020; Voepple, Thompson, 2014], блогов о питании (*food blogs*) [Kinard, 2016]. Однако профессиональные различия, характерные для институциональной среды, не всегда применимы в онлайн-пространстве, где границы между специальностями нередко размыты⁶. Поэтому для нас основным критерием, отделяющим «блогеров в сфере заботы о здоровье» от остальных, служит факт обращения к их материалам в поисках сведений о поддержании хорошего самочувствия. При этом представления аудитории о здоровье могут быть весьма вариативны. Для упрощения изложения материала мы используем термины «интернет-инфлюенсер» и «блогер» как синонимичные.

Вопросы доверия онлайн-источникам информации поднимаются преимущественно при рассмотрении интернета в целом без уточнения конкретных игроков. Делаются попытки обнаружить связи между уровнем (не)доверия медицинской информации в интернете и социально-демографическими характеристиками пользователей [Beck et al., 2014; Ghweeba et al., 2017], а также практиками обращения к помощи профессионалов [Beck, 2014]. Данные о корреляциях между (не)доверием онлайн-ресурсам и (не)доверием врачам весьма противоречивы. С одной стороны, доверие специалистам зависит от того, насколько их установки и поведение согласуются с данными из онлайн-источников [Bianco et al., 2013]; с другой стороны, доверие медицинской информации в интернете связывается с недоверием врачам [Ghweeba et al., 2017]. В некоторых случаях блогеры, рабо-

⁶ Например, блогеры-нутрициологи позиционируют себя как врачи и нередко воспринимаются пользователями как врачи, хотя такой медицинской специальности не существует.

тающие в сфере заботы о здоровье, выигрывают в степени доверия даже у преподавателей профильных вузов [Айрапетян и др., 2021], а в качестве триггеров интереса к блогам о здоровье могут выступать актуальный контент, рассылка уведомлений о новых постах, визуальная привлекательность блога [Bissonnette-Maheux et al., 2015].

Мы видим, что значительная часть исследований коммуникации в блогах о здоровье реализована в нереактивной стратегии, а в качестве свидетельства интереса, вовлеченности и доверия аудитории используются такие показатели, как количество лайков, репостов, величина цепочек обсуждения, и др. В большинстве случаев внимание ученых сосредоточено не на пользовательском опыте, а на содержательных и структурных особенностях медиаконтента. В то же время работы, посвященные изучению аудитории, как правило, рассматривают восприятие онлайн-источников в целом и не фокусируются отдельно на общении в блогах о здоровье. При всей результативности таких подходов составить представление о том, в каких контекстах получаемая от блогеров информация действительно востребована и насколько этот тип экспертизы вызывает доверие пользователей, оказывается трудно. В статье мы делаем попытку восполнить имеющиеся пробелы в знании и реконструировать рациональность, обуславливающую интерес горожан к блогерам в сфере заботы о здоровье.

Дизайн эмпирического исследования

Изучение обращения к новым лидерам мнения стало частью эмпирического исследования, выполненного в комбинированной стратегии (*mix methods research*), цель которого — выявить и описать практики заботы о здоровье, в том числе с использованием цифровых технологий, характерные для жителей мегаполиса, а также обращение к различным источникам информации (см., например, [Богомягкова, 2022; Богомягкова, Орех, Глухова, 2022]).

На первом этапе, в августе 2020 — апреле 2021 г., было проведено 90 полуструктурированных интервью с жителями крупных городов России (преимущественно Санкт-Петербурга, а также Москвы, Ульяновска, Петрозаводска, Ярославля, Нижнего Новгорода), применяющими цифровые технологии для заботы о своем самочувствии. Информанты отбирались на основе метода доступных случаев с последующим применением метода «снежного кома», и в некоторых случаях цепочка контактов приводила в разные города. Основным критерием отбора выступал различный по интенсивности, регулярности и продолжительности опыт обращения информантов к цифровым технологиям для заботы о здоровье. Среди них онлайн-источники информации, гаджеты и мобильные приложения, сервисы, обеспечивающие удаленные консультации с врачами. Участие в исследовании приняли как носители хронических заболеваний, так и горожане разного возраста и пола, следящие за своим состоянием в целях профилактики. Для нас важно было закрыть выборку теоретически, то есть достичь ситуации, когда каждое последующее интервью не добавляло принципиальной новизны в уже собранные данные. Часть интервью состоялась в дистанционном формате с применением таких сервисов, как Zoom, Skype, MTeams, мессенджера WhatsApp. Продолжительность одной беседы в среднем составила один час, максимально —

более двух часов. На этом этапе в исследовании приняли участие информанты в возрасте от 18 до 78 лет, среди них 25 мужчин и 65 женщин.

На втором этапе в августе 2021 г. был реализован телефонный опрос жителей Санкт-Петербурга ($n = 861$) при помощи Ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет-исследования»⁷. Использовалась квотная выборка по критериям пола и возраста, что позволило обеспечить представленность структуры населения города по этим показателям. В выборку попали петербуржцы, проживающие в городе не менее года. Анкета включала 40 вопросов. Данные были взвешены и обработаны при помощи программы SPSS Statistics (Ver. 23). Анализ количественных данных заключался в применении критерия χ^2 Пирсона и расчете коэффициента сопряженности (Пирсона). $P\text{-value} \leq 0,05$ была принята значимой. Вариант ответа «затрудняюсь ответить» был исключен из анализа, однако эта процедура не повлияла существенным образом на величину коэффициентов сопряженности.

В ходе интервью было важно понять, действительно ли блогеры становятся лидерами мнения в вопросах здоровья и в каких ситуациях горожане обращаются к их материалам; кто эти интернет-инфлюенсеры; каким источникам информации пользователи доверяют и почему. Соблюдая методологические принципы качественной стратегии, мы следовали за информантами и интересовались всеми «экспертами», которые выступают для них источником сведений о здоровье. Информантам задавались следующие вопросы:

- Следите ли Вы за какими-нибудь блогерами / публичными личностями, продвигающими темы здоровья?
- Как давно и за кем?
- По Вашему мнению, как они повлияли на Ваш опыт заботы о здоровье?
- Насколько Вы доверяете им в вопросах здоровья и заботы о себе?

На первом этапе мы получили насыщенное описание ситуаций обращения участников исследования к блогам, особенностей коммуникации в них и специфики наиболее востребованного контента; выделили критерии формирования доверия такому типу экспертизы. Цель второго этапа состояла в попытке определить частоту обращения к материалам интернет-инфлюенсеров среди жителей Санкт-Петербурга и оценить степень доверия к ним. Предметом интереса выступала и социальная структура популярности блогов о здоровье.

Результаты, полученные в ходе интервью, позволили сформулировать гипотезы, которые были проверены в ходе телефонного опроса:

1) обращение к блогам связано с вовлеченностью в сетевую коммуникацию в целом и доверием различным онлайн-ресурсам как поставщикам надежных сведений о здоровье;

2) цель обращения к блогам — получение информации о способах поддержания хорошего самочувствия: контроль питания и объема выпитой воды, забота о психологическом благополучии, цифровой селф-трекинг и др.⁸, а потому исполь-

⁷ В настоящее время — Центр прикладной социологии. Проект № 106-21779. Сбор данных проводился методом телефонного опроса с использованием системы CATI (Computer Assisted Telephone Interview) в период с 1 по 21 августа 2021 г. Номера телефонов отбирались методом случайной бесповторной выборки. В итоговой выборке доля городских телефонов составила 27,4%, а мобильных — 72,6%.

⁸ Перечень был сформирован на основе данных интервью. Подробное рассмотрение представлений о здоровье и необходимых практиках заботы о нем, свойственных информантам, выходит за рамки статьи.

зование блогов в большей степени будет свойственно тем респондентам, которые все это практикуют.

Кроме того, в условиях противоречивых данных необходимо было проверить предположение о связи доверия новым экспертам с (не)доверием врачам.

Для проверки частоты обращения к блогам использовался вопрос «Когда Вы в последний раз читали паблики, посты блогеров, смотрели видео в интернете, посвященные вопросам здоровья?» со шкалой: «в течение последней недели», «в течение последнего месяца», «в течение последних шести месяцев», «от полугода до года», «более года назад», «никогда», «затрудняюсь ответить». С помощью этого же вопроса измерялись обращения к иным источникам информации, например врачам, участникам форумов и сетевых сообществ, посвященных вопросам здоровья, телепередачам и др., а также распространенность новых способов заботы о здоровье. Частота обращения к интернету определялась с помощью вопроса «Как часто Вы пользуетесь интернетом?» со шкалой от «ежедневно» до «совсем не пользуюсь». Для измерения степени доверия различным информационным ресурсам применялся вопрос «Насколько в целом Вы доверяете следующим источникам информации о здоровье?» со шкалой от «полностью доверяю» до «полностью не доверяю». Среди вариантов помимо блогеров были, например, врачи, участники специализированных сетевых сообществ, телепередачи, гаджеты и мобильные приложения и др. Помимо этого, был задан специальный вопрос, используемый в исследованиях ВЦИОМ, фиксирующий степень доверия профессионалам как латентную переменную: «Вам приходилось в течение последнего года перепроверять корректность поставленного диагноза и назначения врача?».

Таким образом, в исследовании были применены последовательные процедуры сбора и анализа данных (*sequential procedures*), представляющие собой один из дизайнов *mix methods research*. Следуя логике научного поиска, мы сначала изложим результаты качественного, а затем количественного этапа исследования.

Результаты интервью

Не все информанты используют блоги как источник информации о здоровье, в выборке таких оказалось 49 человек. Далее речь пойдет об их опыте.

Практики

Наиболее популярными онлайн-площадками на момент проведения исследования были YouTube и Instagram**⁹. Мы выявили два основных типа пользователей. Первый — преданные подписчики, это те, кто подписан на одного или нескольких блогеров, регулярно следит за их деятельностью, следует советам и рекомендациям. Такие пользователи стремятся изменить что-то в своей жизни — например, хотят похудеть, начать совершать ежедневные пробежки, накачать мышцы, научить ребенка самостоятельно засыпать и т. д., и нуждаются для этого в помощи блогера. Для второго типа пользователей обращение к материалам интернет-инфлюенсеров носит ситуативный характер и зависит от актуальных интересов.

⁹ Здесь и далее ** означает социальную сеть, деятельность которой запрещена на территории РФ (20.06.2022).

Я иногда смотрю какие-то блоги, но не регулярно. Нет такой подписки, как у меня мама на Мясникова подписана. У меня такого нет, я иногда смотрю что-то в интернете, например, гинеколог что-то рассказывает, какие-то общие вещи. Еще какой-то врач. Диетолог там рассказывает. (Ж., 31)¹⁰

В этом случае информанты описывают свой опыт скорее как досуговую практику, обеспечивающую расширение кругозора в области заботы о себе, и как развлечение¹¹.

На самом деле, мне кажется, они носили скорее какую-то досуговую нагрузку, но в целом могу сказать, что да, они как-то раскрыли мне какие-то сферы, которые я не знала, какие-то, возможно, мои стереотипы разрушились из-за того, что я читала и смотрела видео. И, наверное, как-то пристальнее стала, внимательнее смотреть, обращать внимание на свои какие-то реакции, ощущения, наблюдения. (Ж., 24)

Скорее я принимаю ее во внимание, без каких-то срочно-обморочно что-то делать. Информационно-развлекательная история для меня. (Ж., 28)

Для обоих типов пользователей характерно обращение к блогам в ситуации здоровья либо для поиска оптимальных способов совладания с хроническими заболеваниями. Востребованы советы не о том, как вылечиться, а как «стать еще здоровее и не болеть», что соответствует логике «положительного здоровья» [Когр, 2008]. Согласно этому концепту, здоровье мыслится не просто как отсутствие заболеваний, а включает спектр параметров — от хорошего физического и психологического состояния до способности справляться со стрессовыми ситуациями. Соответственно, и дискурс о необходимых практиках поддержания здоровья переключается с рекомендаций о том, что не нужно делать, на то, что, напротив, делать следует.

Репертуар запросов к блогам вариативен, однако с определенной долей условности значительную их часть можно отнести к теме «здоровый образ жизни». Понимание образа жизни как значимой детерминанты здоровья, ставшее следствием достигнутых в XX веке успехов в медицине, превратилось в глобальный культурный тренд, в основании которого лежат идеи превенции и профилактики. При этом здоровье все чаще трактуется как результат индивидуальных усилий самого человека, который призывается быть активным и практиковать разные способы поддержания хорошего самочувствия. Понимание ЗОЖ и представления о том, что значит быть здоровым, меняются с течением времени [Mollborn et al., 2021]. Перечень необходимых и желательных способов заботы о себе постоянно обновляется, растет и число экспертов, продвигающих все новые варианты.

Например, благодаря Инстаграму** я поняла, что существуют разные подходы к здоровому образу жизни. Что, например, не обязательно отказываться, если ты сидишь

¹⁰ Здесь и далее в скобках после цитат указаны пол и возраст информантов.

¹¹ Потребление информации соответствует логике эдьютейнмент (*edutainment*) — подхода, сочетающего обучение (англ. *education*) и развлечение (англ. *entertainment*).

на диете, отказываться от всего. То есть на некоторых диетах даже можно есть сладкое. Просто в определенных количествах, вот. То есть в Инстаграме**, да, тоже много инфы можно найти. (Ж., 22)

Сегодня здоровье мыслится как необходимое условие и атрибут качества жизни и благополучия в целом, что выражается в «специализации» наиболее популярных лидеров мнения.

В числе блогеров, названных в ходе интервью, — нутрициологи и иные современные «эксперты» по питанию, фитнес-тренеры разных направлений, специалисты по сну, в том числе детскому¹². Упоминались Анастасия Кей, Борис Цацулин, Русакова фит, ПП Юля, Ягнетинская, Брагина Екатерина, Меланет, Ярослав Брин, Анита Луценко, Ксения Черная, Оля Малышева, Ирина Заяц, Василий Смольный, Екатерина Усманова, Ирина Корица. Называются и инфлюенсеры, действующие в более узких сегментах: забота о волосах (например, Анастасия Сидоренко), поддержание осанки. Среди востребованных лидеров мнения встречаются блогеры, позиционирующие себя как врачи:

Ну да, это блогеры, но это прям врачи-врачи. То есть они там имели практику в зарубежных клиниках, и так адекватны, если посмотреть на них, то есть в принципе можно доверять. Но я не многих врачей на самом деле читаю, наверное, врача два у меня или три максимум в подписках... Ну, в основном у меня в подписках врачи, которые именно про растительное питание рассказывают. (Ж., 23)

Вниманием пользуются гинекологи, эндокринологи, педиатры, сексологи, то есть медицинские профессионалы, умеющие связать сферу своей компетенции с образом жизни (например, доктор Белоконь, доктор Комаровский, Катя Янг (Екатерина Григорьева), Максим Малявин и др.).

Обращение к материалам блогеров при возникновении сложных проблем со здоровьем возможно, но это должны быть лидеры мнения, имеющие несомненный авторитет в своей области. Например, информантки в качестве эксперта, к рекомендациям которого прибегают в случае болезни ребенка, называли доктора Комаровского.

...У меня однозначно есть доктор Комаровский. Я его люблю, я не подписана на него, но я ему доверяю, потому что, ну, вообще мужик — бесребренник совершенно, и он такой внятный, такой нормальный, вот. Я его смотрела, например, по поводу... А, это он меня научил бактерии с вирусами не путать. И еще какие-то вещи, ангины например, что, например, она вирусной может быть. В общем, какие-то вещи от него именно по поводу детского здоровья я узнала. И если что, я, конечно, буду, если с ребенком будет что-то связано, я, конечно, буду искать в интернете информацию, его пост на данную тему, его запись. Это однозначно. (Ж., 42)

¹² Попадание темы сна в перечень актуальных забот современного горожанина требует отдельного рассмотрения. Вместе с тем отметим, что качество и количество сна становится важным критерием оценки здоровья и качества жизни в целом.

Однако, как правило, в таких случаях приоритет в экспертизе принадлежит врачам — представителям институциональной медицины.

Коммуникация

Несмотря на обнаруженные контекстуальные вариации в обращении к материалам блогеров, работающих в сфере заботы о здоровье, как правило, инициатором коммуникации выступает пользователь — именно он решает, какой информации доверять и каким советам следовать, когда обращаться к блогу, и делает это тогда, когда ему удобно, выбирает наиболее подходящий способ контакта, регулирует интенсивность и частоту обращений. Пользователи действуют гибко — подписываются и отписываются от блогеров по собственному желанию, могут быть одновременно подписаны на нескольких инфлюенсерах, читают посты, размещенные разными авторами на разных ресурсах, сравнивают данные, полученные из различных источников. Блогеры — далеко не единственный источник информации о здоровье; поиск простирается и за пределы блогов, и за пределы сети, а полученные сведения сравниваются с личным опытом. Пользователи стремятся достичь ситуации насыщения — повторения данных, полученных на разных ресурсах.

И не бездумно слеую за каким-то блогером или только за этим и прочее, понимаю, что есть какая-то информация как костяк. Он у всех единый... Есть некий стержень, на который насаживают какие-то кольца. И вот я за этот стержень... Например, господин Комаровский и эта невролог, или Комаровский и педиатр. И я вижу, что они в 85% говорят об одном и том же. У них есть отклонения друг от друга, где они друг с другом спорят, не напрямую, а информация разнится. Но я понимаю, что есть костяк об одном, и это не просто так. Наверное, это тот самый сгусток уже проверенной не одним человеком информации. (Ж., 40)

Несмотря на инструменты лояльности и приверженности, предлагаемые блогерами, а также аффордансы социальных сетей, пользователи обладают значительной свободой в выборе степени вовлечения в информационный контент. Кроме того, в отсутствие институционального контроля нет необходимости строго следовать публикуемым блогерами рекомендациям, а ответственность за принятие решений возлагается на пользователя:

Но просто люди предупреждают, если они транслируют какую-то информацию, то вы должны со своей, если вы что-то пробуете, это и ваша ответственность, а не то, что ты прочитал, тебе сказали — иди делай. (Ж., 28)

Рекомендательный характер сообщений важен для информантов. Блогеры, требующие от своих подписчиков неукоснительного соблюдения предписаний и приписывающие себе абсолютную экспертность, превращают коммуникацию в институциональную, что оценивается негативно.

Когда мы читаем блогеров, зачастую я вижу историю про то, что я специалист великий, я и только я знаю, как правильно, и, если я вас учу и вы меня не слушаете — вы бестол-

ковые люди. Мне такое не близко... Чего мне не нравятся эти блоги — что про здоровый образ жизни, что про какие-то там медицинские советы, это какое-то... Не знаю... Что-то наподобие сектантства. Прямо они делают из своих читателей каких-то адептов... Я никогда не стала бы кому-то настолько доверять. (Ж., 31)

Коммуникация в блогах, существенно отличающаяся от институциональных форм, свойственных официальному здравоохранению и предоставляющая пользователю большую свободу в принятии решений, привлекательна для информантов.

Доверие

Тема доверия блогерам стала одним из лейтмотивов интервью. Поскольку способности подтверждения экспертной позиции, легитимные в рамках институциональной коммуникации (документы, подтверждающие квалификацию специалиста; материальная среда и инфраструктура лечебного учреждения; роли врача и пациента, обеспечивающие предсказуемость взаимодействия) нерелевантны для онлайн-пространства, формирование доверия новым лидерам мнения нуждается в иных основаниях. Вероятно, требуется определенная степень уверенности в том, что в интернете можно найти достоверную информацию.

Конкретно это — да, Инстаграм** или Ютуб. И я могу потреблять этот контент, и я отношусь к нему с такой разумной степенью доверия. Ну, то есть я в целом чувствую какую-то надежность. (Ж., 24)

Безусловно, наличие диплома об образовании, соответствующего профилю блогера, и опыта работы важно для пользователей, но в условиях интернет-взаимодействия проверить подлинность подтверждающих документов затруднительно. Информанты озвучивали мнение, что, несмотря на трудности верификации, в интернете можно встретить настоящих специалистов:

Слушайте, а интернет ничем не отличается от людей живых. Есть профессиональные, есть непрофессиональные. Профессиональные люди размещают там эти [посты], и читаешь. Главное найти профессионала. (Ж., 42)

В ходе анализа данных удалось выявить такие критерии формирования доверия блогерам, работающим в сфере заботы о здоровье, как контент, персонификация, сетевой капитал, публичность, соответствие рекомендаций личному опыту пользователя. Эти критерии не исключают друг друга и могут сочетаться в каждом конкретном случае в разных комбинациях. Укажем и на еще один важный момент. Интуитивно кажется логичным, что доверие к разным типам блогеров, например врачам и фитнес-тренерам, имеет для пользователей разные основания, однако результаты интервью не позволяют однозначно подтвердить или опровергнуть это предположение. Рассмотрим каждый критерий подробнее.

1) Для пользователей имеют значение особенности контента блога. По словам информантов, блогеры преподносят информацию о здоровье в удобной и понятной форме — «делают сложное простым» (М., 27), то есть как минимум обладают

интеракционной экспертизой¹³ [Collins, Evans, 2008]. В этом отношении они играют у медицинских профессионалов, которых нередко обвиняют в злоупотреблении специальной терминологией. Вес контенту придают ссылки на научные статьи, документы, свежие исследования, которые пользователи могут при необходимости проверить. Важны и длительность ведения блогов, и разбор клинических случаев из практики эксперта, а также назначений, выданных другими специалистами.

Это обе девушки, я знаю, что у них есть соответствующие образование, квалификации, опыт, они довольно долго ведут свои блоги, уже несколько лет... Мне нравится, что они рассказывают, они, как правило, ссылаются на какие-то источники, приводят цифры. Создается ощущение, что у них есть какая-то доказательная база. Понятное дело, я сама не проверяла... (Ж., 24)

Блогеры рассматриваются как инноваторы, привносящие достижения мировой науки и практики в российское публичное пространство, просвещающие пользователей. Чтобы быть востребованными, они должны «идти в ногу со временем» — быть в курсе актуальных трендов. Доверие к инфлюенсерам повышает их гибкость — готовность корректировать свои взгляды в свете новых открытий и признаваться в этом. Нежелание менять свои убеждения, навязчивость и безальтернативность блогера, напротив, оцениваются отрицательно и снижают доверие.

Нуда, я подписана на одну девушку-тренера, и я вижу, что она постоянно что-то где-то апгрейдит, и она постоянно меняет свои же принципы, что она может честно сказать, что вот я вам говорила вот так, но это неправда, потому что последние исследования показали, что это не так. И я понимаю, что человек не стоит на месте и не рассказывает нам о прошлом веке. (Ж., 24)

Важным показателем качества размещаемого контента является отсылка к принципам доказательной медицины¹⁴, которая воспринимается информантами как современная, продвинутая, достоверная и противопоставляется институциональной медицине.

Авторитетная медицина — когда есть признанные эксперты в этой области, я на них подписана сейчас в блоге, я их читаю. Плюс доказательная медицина, вот об этом. И для меня важно, чтобы эти самые эксперты проповедовали доказательную медицину, а не авторитарную, как было ранее. (Ж., 40)

Сведения, полученные от блогеров, могут использоваться для проверки врачебных рекомендаций:

¹³ Интеракционная экспертиза предполагает способность говорить на языке нескольких областей знания для их удачной интеграции друг с другом, а также «переводить» информацию с одного языка на другой.

¹⁴ Рассмотрение вопроса о том, как именно понимается информантами доказательная медицина, выходит за рамки статьи.

И я думаю: ну, блин, ну, медицина не стоит на месте, вряд ли они как бы учатся по таким передовым источникам, передовым исследованиям новым. И да, я как бы в последнее время, ну, я слышаю, что они [врачи] говорят, но все равно как бы фильтрую информацию. (Ж., 23)

Наблюдается конкуренция между интернет-, Instagram**-медициной и официальным здравоохранением, которое ассоциируется с устаревшими подходами, неготовностью и нежеланием врачей воспринимать новейшие данные и использовать их в своей практике. Несмотря на то что для некоторых информантов принадлежность блогера к медицинской профессии выступает важным фактором доверия, результаты интервью свидетельствуют, что апелляция к доказательной медицине для подтверждения собственного авторитета не является особенностью исключительно блогеров-врачей.

2) Доверие вызывают блогеры, которые размещают не обезличенную абстрактную информацию, а делятся личным опытом применения знаний в своей повседневной жизни, персонифицируют контент.

Она конкретно объясняет. Показывает составы, показывает международные названия, у нее есть диплом, она уже давным-давно в этой теме, она на своем примере рассказывает, как употребление тех или иных витаминов может на тебе сказаться... (Ж., 23)

В этом случае блогеры становятся примерами для подражания, а факт того, что они справились со своими проблемами, улучшили качество жизни, может служить дополнительной мотивацией для пользователя начать изменения и в своей жизни. Описание успеха в решении имеющихся трудностей расценивается как показатель искренности блогера и противопоставляется практике размещения контента на заказ. Вместе с тем критерий персонификации имеет обратную сторону и может служить основанием недоверия. Акцент только на личном опыте блогера может вызвать сомнения в возможности его экстраполяции на другие случаи: то, что помогло одному, не обязательно поможет другому.

3) Важным критерием доверия является наличие у блогера сетевого капитала — его включенность в социальные сети. Знакомство с блогером происходит по рекомендации значимых других пользователя, среди которых родственники, друзья, знакомые (офлайн- или онлайн-), а также другие лидеры мнения, на которых пользователь уже подписан или которых читает и смотрит. В этом случае уверенность в надежности эксперта возникает на основе доверия к мнению рекомендующего. Например, доктор-блогер советует своего коллегу, специализирующегося в другой сфере:

Так, как я искала... Честно говоря, не очень помню. Ну, может, кто-то из моих предыдущих подписок оставил какой-то отзыв на врача, и я вышла на этого врача, потом через этого врача я еще вышла на вторую блогершу. (Ж., 23)

Цепочки рекомендаций могут пересекать границы «специализации» интернет-инфлюенсеров. Любопытно, что в числе значимых других оказываются известные

селебрити — например, Вера Брежнева, Матильда Шнурова, чье мнение по вопросам здоровья ценно для информанта.

У этого эндокринолога наблюдается жена певца Сергея Шнурова, Матильда Шнурова. А она по здоровью и вообще по здоровому образу жизни, она, видимо, хочет жить вечно и никогда не умирать. Я в свое время на таких, как она, я посматривала, о чем вообще люди пишут с точки зрения информации, которую можно там почерпнуть. Да, я думаю, что эти люди пользуются только качественными ресурсами, другими вряд ли они будут пользоваться. Вот так я узнала об этом эндокринологе, я подписалась, правда, на нее, но это единственный такой врач, на которого я подписана. (Ж., 42)

Встречаются ситуации, когда участники исследования знают блогера лично и имеют успешный опыт длительной коммуникации и решения проблем со здоровьем. Взаимодействие за пределами сети повышает доверие к блогеру.

Ну, одна из этих врачей прям реально моя врач, моя гинеколог, я к ней хожу. И она пишет про разные болезни, ну прям не про все подряд, но просто очень связанное с гинекологией, поэтому она... Ну, у нее много хайлайтов про разные болячки, и если меня что-то такое беспокоит, то я могу у нее почитать. Ну, и прям ей я доверяю... (Ж., 23)

Вклад в формирование доверия интернет-инфлюенсеру вносят и другие подписчики, которые оставляют комментарии и отзывы о размещаемом в блоге контенте. Величина аудитории блога также имеет значение.

Ну, доверяю источникам, ну, например, канал есть в интернете про похудение, который я смотрю, я ему доверяю, потому что там есть очень много отзывов реальных людей, которые скинули вес, поэтому есть повод им доверять, именно этому методу, который там пропагандируется, — раздельное питание и прочее. (М., 56)

В условиях интернет-взаимодействия различия между сильными и слабыми связями размываются, а размер и особенности сети блогера вносят существенный вклад в формирование доверия к нему.

4) Еще один критерий доверия — публичность блогера, его присутствие на разных медиаплощадках: «В основном это авторитетные люди, которые имеют какую-то степень по врачевным [делам]. К которым можно прислушиваться. А каких-то левых людей я слушать не буду» (М., 46).

И далее на вопрос о том, как информант узнает, что у блогера есть какая-то степень, он отвечает: «Ну, они публичные, их показывают по телевизору, везде написано про них» (М., 46).

Публичность предполагает, что деятельность блогера выходит за рамки социальных сетей: он может быть участником телепередач, издавать книги и писать статьи, давать интервью.

Ну, и, например, если я увидела у своих блогеров, что у них брали интервью, та же самая Белоконь, доктор Белоконь Ольга, вот я смотрела ее видеointервью, где она не в рамках блога, а непосредственно ртом отвечала на вопросы. (Ж., 40)

Один из них достаточно известный, это доктор Максим Малявин, он опубликовал несколько книг по популяризированной психиатрии, то есть психиатрии простым языком. (Ж., 41)

Признание авторитета блогера на других публичных аренах не только легитимирует его экспертность, но и дает ощущение искренности его намерений: «Чувствуется, что человек несет ответственность за то, что он говорит, и те знания, которые он дает» (Ж., 40).

5) Соответствие рекомендаций личному опыту пользователя, а также возможность проверить на практике их полезность, служат основанием доверия. Пользователи склонны адаптировать советы под себя и хотят самостоятельно решать, следовать ли им и в какой степени делать это.

Ну, я просто знаю, я на себе эти вещи пробовала раньше, да, то есть я понимаю, что это работает, она говорит правильные вещи. Ну, и тренировки ее, поскольку тоже спортом занималась, тоже да, да, то есть я понимаю, что это абсолютно правильные штуки, просто ты ее когда включил — на нее приятно смотреть, с ней можно заниматься. (Ж., 29)

Безусловно, не все информанты доверяют блогерам, даже несмотря на то что читают их посты или смотрят видео. Основным аргументом служат коммерческий и рекламный аспекты деятельности блогеров, сомнения в их исключительно просветительской мотивации: «Потому что они публичные личности, а публичные личности зачастую делают бизнес» (Ж., 42). Кроме того, отклонение блогера от своих же рекомендаций способно бросить тень и на репутацию самого инфлюенсера, и на предлагаемый им контент — эффект ореола может сработать в обратном направлении. Основанием недоверия служит и опровержение размещенной в блоге информации в свете новых открытий в медицине¹⁵, которое не признается самим блогером. При этом алармистская риторика практически не встречалась в интервью. Информанты не обеспокоены рисками самолечения и неверной самодиагностики, они уверены в своей способности верно оценить надежность и достоверность сведений, доверяют себе в вопросах здоровья, а мнение блогера(ов) оказывается далеко не единственным в принятии терапевтических решений.

Результаты телефонного опроса

Результаты телефонного опроса позволили составить общее представление о распространенности обращения к материалам блогеров, специализирующимся в вопросах здоровья, среди жителей мегаполиса, а также проверить сформулированные в ходе интервью гипотезы. Из числа опрошенных 47,4% когда-либо читали паблики, посты блогеров, смотрели видео в интернете, посвященные во-

¹⁵ Подробное рассмотрение критериев недоверия блогерам выходит за рамки статьи.

просам здоровья, 17,2% делали это в течение последней недели (см. табл. 1). При этом лишь около трети из обратившихся к блогам когда-либо (28,9%) подписаны на одного или нескольких авторов, остальные интересуются такой информацией время от времени. Те, кто подписан, чуть чаще используют блоги в поисках медицинских сведений (0,343, $p \leq 0,01$ ¹⁶). Чуть более склонны подписываться на конкретного блогера и отслеживать публикуемую им информацию респонденты, имеющие высшее образование (0,234, $p \leq 0,05$).

Статистически значимых различий в обращаемости к материалам блогеров, работающих в сфере заботы о здоровье, в зависимости от пола выявлено не было (см. табл. 1). Чуть чаще обращаются к блогам (как в течение последней недели, так и когда-либо) петербуржцы, декларирующие более высокий уровень дохода (0,257, $p \leq 0,01$), а также имеющие более высокий уровень образования (0,224, $p \leq 0,05$). Однако наиболее значимым показателем, обуславливающим вариации в такой практике, является возраст. Чем моложе респонденты, тем чаще они читают посты блогеров и смотрят видео, посвященные вопросам здоровья (0,346, $p \leq 0,01$).

Таблица 1. Практики обращения к блогам, специализирующимся в вопросах здоровья, в различных социальных группах (%), N = 861¹⁷

Читали паблики, посты блогеров, смотрели видео в интернете, посвященные вопросам здоровья	В течение последней недели	Когда-либо	Никогда	Затрудняюсь ответить
Всего	17,2	47,4	50,5	2,1
<i>Пол</i>				
Мужчина	16,2	49,1	48,0	2,9
Женщина	17,9	46,2	52,4	1,4
<i>Возраст</i>				
18—29	25,5	68,0	31,0	1,0
30—39	18,2	60,8	38,6	0,7
40—49	16,8	47,9	51,4	0,7
50—59	13,1	37,3	59,5	3,3
Старше 60	11,3	25,5	70,3	4,2
<i>Образование</i>				
Основное общее (5—9 классы) или ниже	16,7	50,0	50,0	0,0
Среднее общее (10—11 классы)	13,0	41,0	57,7	1,3
Среднее профессиональное	13,7	34,1	62,6	3,3
Незаконченное / неполное высшее	22,5	68,3	29,3	2,4
Высшее — бакалавриат	23,1	58,7	40,3	1,0
Высшее — специалитет, магистратура	17,1	50,1	47,9	2,0
Высшее — подготовка кадров высшей квалификации	36,4	63,6	36,4	0,0

¹⁶ Здесь и далее, если не указано иное, критерий χ^2 Пирсона, приведены значения коэффициента сопряженности.

¹⁷ В процессе анализа изначальная шкала, представленная в разделе «Дизайн исследования», была укрупнена: «когда-либо», «никогда», «затрудняюсь ответить», что соответствует 3—5 столбцам таблицы 1. В таблице 1 представлен первый вариант изначальной шкалы и укрупненная шкала.

Читали паблики, посты блогеров, смотрели видео в интернете, посвященные вопросам здоровья	В течение последней недели	Когда-либо	Никогда	Затрудняюсь ответить
<i>Уровень дохода</i>				
Не хватает на продукты питания и одежду	14,8	29,6	63,0	7,4
Хватает на продукты питания, но покупка одежды вызывает затруднения	19,2	41,3	56,7	1,9
Хватает на продукты питания и одежду, но не на мелкую технику	21,1	50,5	47,7	1,8
Хватает на мелкую технику, но крупные покупки требуют накоплений	17,5	55,6	43,8	0,6
Хватает на крупные покупки, но не на недвижимость или автомобиль	17,6	50,9	47,9	1,2
Хватает на покупку недвижимости или автомобиля	14,3	45,2	52,4	2,4
Затрудняюсь ответить	10,1	24,2	68,7	7,1

Обращение к блогам связано с использованием интернета в целом (0,297, $p \leq 0,01$), в большей степени свойственным более молодым группам (0,497, $p \leq 0,01$). Кроме того, респонденты, имеющие опыт обращения к материалам онлайн-инфлюенсеров, чуть более склонны использовать и иные онлайн-ресурсы для поиска информации медицинского характера — интернет (0,526, $p \leq 0,01$), форумы и сетевые сообщества, посвященные вопросам здоровья (0,480, $p \leq 0,01$), а также делиться информацией о своем самочувствии и опыте выздоровления в них (0,295, $p \leq 0,01$). В то время как для молодежи интернет предстает источником медицинских сведений, для респондентов старше 60 лет ключевым информационным ресурсом остается телевидение. Они чаще смотрят передачи на медицинскую тематику (в течение последней недели и когда-либо) (0,392, $p \leq 0,01$) — их инфлюенсеры находятся там.

Обращение к материалам блогеров вписано в более широкий контекст иных практик поддержания хорошего самочувствия. Петербуржцы, имеющие такой опыт, более склонны заниматься спортом, физическими упражнениями (0,236, $p \leq 0,05$), контролировать питание, потребленные калории (0,320, $p \leq 0,01$), заботиться о своем эмоциональном состоянии, посещать психологов, психотерапевтов (0,261, $p \leq 0,01$), вовлекаться в цифровой селф-трекинг (0,316, $p \leq 0,01$). Они также чуть чаще общаются с врачами дистанционно, используя различные средства связи (0,268, $p \leq 0,01$), а вот с практиками очного посещения врача связи обнаружено не было.

Доверие блогерам, специализирующимся в вопросах здоровья, невелико и растет в соответствии с частотой обращения: если в среднем по выборке только 8% опрошенных полностью или частично доверяют информации, полученной от блогеров, то среди тех, кто когда-либо обращался к их материалам, таких уже 15,6%, а из числа респондентов, обращавшихся в течение последнего месяца, — 20,5%. По сравнению с другими информационными источниками доверие интернет-инфлюенсерам оказывается минимальным (подробнее см. [Богомягкова и др., 2022]). Поиск новых экспертов (как в течение последней недели, так и когда-ли-

бо) никак не связан с опытом проверки врачебных рекомендаций в течение последнего года, а также с доверием врачам (как из государственных, так и частных учреждений), измеренным прямыми вопросами. Доля тех, кто доверяет медицинским специалистам, слабо варьирует между доверяющими и не доверяющими блогерам респондентами.

В целом новым лидерам мнения чуть больше доверяют опрошенные, доверяющие интернету в целом как источнику медицинской информации (0,475, $p \leq 0,01$). Важно отметить и то, что респонденты, когда-либо читавшие посты блогеров, работающих в сфере заботы о здоровье, или смотревшие видео соответствующего содержания, более склонны доверять показателям гаджетов и мобильных приложений для селф-трекинга, фиксирующих различные показатели самочувствия пользователя (0,491, $p \leq 0,01$), а также участникам специализированных сетевых сообществ, которые делятся опытом выздоровления или жизни с недугом (0,576, $p \leq 0,01$). Закономерно, что использование блогов в качестве источника медицинской информации связано с доверием им (0,439, $p \leq 0,01$). Чуть больше интернет-инфлюенсерам доверяют более молодые пользователи (0,352, $p \leq 0,01$).

Таким образом, сформулированные в ходе анализа интервью гипотезы были подтверждены в телефонном опросе. Востребованность экспертизы нового типа сопряжена с вовлеченностью в другие формы онлайн-коммуникации по вопросам здоровья. Блогерам в большей степени доверяют те, кто уверен в надежности интернета в целом и других онлайн-ресурсов как источников информации о здоровье. При этом доверие новым экспертам никак не связано с (не)доверием врачам институциональной медицины. Обращение к материалам интернет-инфлюенсеров в большей степени свойственно респондентам, практикующим современные способы поддержания хорошего самочувствия, такие как внимание к психологическому благополучию, контроль питания, цифровой селф-трекинг, то есть вовлеченными в ЗОЖ.

Выводы

Исследование продемонстрировало, что обращение к материалам блогеров, работающих в сфере заботы о здоровье, является вполне рутинной, хотя и ситуативной практикой для горожан — прежде всего для представителей молодых поколений и тех, кто наиболее интегрирован в интернет-коммуникации. Полагаем, что востребованность блогов как источника информации о здоровье может объясняться двумя основными обстоятельствами: вниманием к тематике здорового образа жизни и особенностями коммуникации авторов блогов с пользователями.

Во-первых, цель обращения к материалам блогеров состоит не столько в получении рекомендаций по лечению, сколько в знакомстве с новыми практиками заботы о здоровье, обеспечивающими пользователям лучшее качество жизни. Несмотря на анонсированное движение к медицине 4П¹⁸, система здравоохранения ориентирована на оказание помощи при наблюдаемых симптомах, а превенция заболеваний ограничивается программами вакцинации и диспансеризации,

¹⁸ Медицина 4П — персонализированная, предиктивная, профилактическая, партисипативная — рассматривается как модель развития современного здравоохранения.

соответствующими представлениям о здоровье и необходимым способом заботы о нем, характерным для XX века. Более того, цель таких мероприятий нередко состоит в обеспечении эпидемического надзора за большими социальными группами, а не в улучшении качества жизни отдельных пациентов. Профилактические программы иницируются институционально, а участие в них требует преодоления множества бюрократических барьеров. Однако в условиях культурного тренда на здоровый образ жизни как ключевой метод превенции заболеваний и обеспечения качества жизни запрос на информацию о способах поддержания хорошего самочувствия выходит за рамки программ здравоохранения. Сегодняшние пользователи нуждаются в индивидуальном подходе и актуальных данных, предоставить которые врачи институциональной медицины не могут в силу разных причин. В ситуации, когда поддержание здорового образа жизни становится зоной ответственности самого человека, в поисках новейших сведений он обращается к широкому кругу информационных источников, одним из которых являются блоги. Использование интернет-ресурсов позволяет вписать заботу о себе в повседневность, превратить ее в рутину, подстроить полученные знания под свои текущие задачи и личный опыт. При этом в случае возникновения проблем со здоровьем приоритетной экспертизой обладают врачи. Таким образом, интернет-инфлюенсеры занимают те тематические ниши, которые официальное здравоохранение не способно заполнить.

Во-вторых, востребованным для пользователей оказывается не только содержание публикаций, но и сетевой характер коммуникации в блогах, заметно отличающий ее от институциональных форматов. В отличие от системы оказания медицинской помощи, где контакты между врачом и пациентом регулируются нормативными предписаниями, закрепляющими за коммуникаторами неравные позиции в знаниях и принятии терапевтических решений, блоги представляют собой гибкую сетевую структуру, взаимодействия в которой селективны (свобода входа и выхода) и требуют доверия. Оставаясь жесткой и бюрократизированной структурой, институциональная медицина не успевает перестраиваться в соответствии с актуальными социальными изменениями, а потому сегодня пациенты ищут помощь и информацию за ее пределами, вовлекаясь в мобильные и горизонтальные коммуникации. При этом блоги являются не альтернативными, а параллельными официальному здравоохранению структурами: два типа экспертизы, как правило, используются для решения разных задач. Поскольку любая сетевая коммуникация требует доверия, в ходе исследования были выявлены и описаны такие критерии его формирования, как контент, персонификация, сетевой капитал, публичность, соответствие рекомендаций личному опыту пользователя. Несмотря на то что не все обнаруженные критерии являются принципиально новыми [Welbourne, Grant, 2016], была продемонстрирована их значимость для российского контекста.

Настоящее исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, тот факт, что обращение к материалам блогеров, работающих в сфере заботы о здоровье, изначально выступало не единственным предметом интереса, обусловило ограниченный характер собранных эмпирических данных. Поскольку интервью не были посвящены исключительно интернет-инфлюенсерам, не удалось подробно раскрыть некото-

рые важные аспекты рассматриваемой темы. В то же время требования к количеству вопросов в анкете для телефонного опроса не позволили проверить все сформулированные в ходе анализа качественных данных гипотезы. Например, распространенность критериев формирования доверия блогерам, обнаруженных в ходе интервью, нуждается в дальнейшем изучении. Во-вторых, в ходе исследования не проводились различия между «типами» блогеров, специализирующихся в теме здоровья, например врачами и фитнес-тренерами. Хотя интуитивно кажется очевидным, что обнаруженные критерии доверия могут варьировать между разными экспертами, полученные данные не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение. Подчеркнем, что изначально задача сравнения востребованности блогеров разных типов в настоящем исследовании не стояла, однако эта важная тема может стать предметом будущих исследований.

В-третьих, поскольку телефонный опрос был реализован в Санкт-Петербурге — городе, уровень жизни в котором выше, чем во многих российских городах, его результаты не могут однозначно распространяться на все население страны.

Тем не менее в ходе исследования впервые в России были собраны эмпирические данные, проливающие свет на реальные практики обращения к материалам блогеров, специализирующихся на теме здоровья, характерные для жителей мегаполиса, и сформулированы выводы, позволяющие дать социологическое объяснение привлекательности экспертизы такого рода. Было показано, что сегодня блогеры осваивают «территорию», не занятую официальным здравоохранением: они отвечают на современный запрос о здоровом образе жизни и выстраивают коммуникацию, соответствующую трендам социальных изменений, привлекательную для пользователей.

Список литературы (References)

Айрапетян С. А., Говорушкина В. П., Липская И. Л., Лопухова Е. Ю., Лукьянец К. Ю., Савина А. А. Оценка значимости информации, представленной в медицинских блогах, для студентов-медиков старших курсов // *Juvenis scientia*. 2021. Т. 7. № 4. С. 32—41. https://doi.org/10.32415/jscientia_2021_7_4_32-41.

Ayrapetyan S. A., Govorushkina V. P., Lipskaia I. L., Lopukhova E. Yu., Lukianets K. Yu., Savina A. A. (2021) Assessment of the Significance of the Information Published in Medical Blogs for Undergraduate Medical Students. *Juvenis Scientia*. Vol. 7. No. 4. P. 32—41. https://doi.org/10.32415/jscientia_2021_7_4_32-41. (In Russ.)

Баскакова О. А. Инста-медицина и ее последствия // *Вся жизнь — делу врачевания и просвещения: материалы гуманитарной секции VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные вопросы внутренней патологии. Дисплазии соединительной ткани»*. Омск: ООО «Издательский центр КАН», 2020. С. 35—38.

Baskakova O. A. (2020) Insta-Medicine and Its Consequences. In: *All Life to the Cause of Healing and Enlightenment: Materials of the Humanitarian Section of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation “Topical Issues of Internal Pathology. Connective Tissue Dysplasia”*. Omsk: KAN Publishing Center LLC. P. 35—38. (In Russ.)

Богомягкова Е. С., Орех Е. А., Глухова М. Е. Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье жителей Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 145—155. <https://doi.org/10.31857/S013216250018705-8>.

Bogomiagkova E. S., Orekh E. A., Glukhova M. E. (2022) Digital Technologies in the Healthcare Practices of St.-Petersburg Residents. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. No. 10. P. 145—155. <https://doi.org/10.31857/S013216250018705-8>. (In Russ.)

Богомягкова Е. «Доверяй, но проверяй»: практики заботы о здоровье в условиях цифровизации здравоохранения // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 2. С. 263—278. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-2-263-278>.

Bogomiagkova E. (2022) “Trust but Verify”: Health Care Practices in the Context of Digitalization. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 20. No. 2. P. 263—278. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-2-263-278>. (In Russ.)

Грошева А. В. Instagram**-блоги врачей как способ популяризации доказательной медицины // Материалы VI Международной научной конференции «MEDIAОбразование: медиавключенность vs медиаизоляция». Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2021. С. 274—278.

Grosheva A. V. (2021) Instagram**-Blogs of Doctors as a Way to Popularize Evidence-Based Medicine. In: *Proceedings of the VI International Scientific Conference “Media Education: Media Inclusion vs Media Isolation”*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. P. 274—278. (In Russ.)

Зингерман Б. В., Шкловский-Корди Н. Е., Воробьев А. И. О телемедицине «пациент-врач» // Врач и информационные технологии. 2017. № 1. С. 61—79.

Zingerman B. V., Shklovsky-Kordi N. E., Vorobiev A. I. (2017) About Telemedicine «Patient to Doctor». *Information Technology for the Physician*. No. 1. P. 61—79. (In Russ.)

Иванов Д. В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 8—16.

Ivanov D. V. (2012) Towards a Theory of Flow Structures. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 4. P. 8—16. (In Russ.)

Комаров А. К. Контент-стратегии медицинских услуг в цифровой среде (на примере российских Instagram**-блогеров) // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей: межвуз. сб. науч. работ студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 21 / отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: Медиापир, 2021. С. 125—131.

Komarov A. K. (2021) Content Strategies of Medical Services in the Digital Environment (On the Example of Russian Instagram** Bloggers). In: Malyshev A. A. (ed.) *Modern Media Environment: Traditions, Current Practices and Trends. The View of Young Researchers: Inter-University Collection of Scientific Works of Students, Undergraduates and Postgraduates*. No. 21. St. Petersburg: Mediapapir. P. 125—131. (In Russ.)

Кульпин С. В., Савчук Г. А., Якимова О. А. Зачем молодежь создает контент о здоровом образе жизни: факторный анализ тематических блогов // Мониторинг обще-

ственного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 168—190. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.656>.

Kulpin S. V., Savchuk G. A., Iakimova O. A. (2020) Why Young People Create Content about Healthy Lifestyles: Factor Analysis of Thematic Blogs. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. P. 168—190. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.656>. (In Russ.)

Магировская О. В., Влодарчик Е. А. Репрезентация научного знания в дискурсе экспертных блогов врачей (на материале английского и русского языков) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1. С. 117—123. <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2021.64.26.018>.

Magirovskaya O. V., Vlodarchik E. A. (2021) Scientific Knowledge Representation in the Discourse of Medical Expert Blogs (The Case of English and Russian-Language Blogs). *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*. No. 1. P. 117—123. <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2021.64.26.018>. (In Russ.)

Мерзлякова В. Н. Celebrity culture в системе современных культурных индустрий: особенности производства публичности в структуре новых медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 47—63. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2008>.

Merzliakova V. N. (2021) Celebrity Culture in the System of Modern Cultural Industries: Features of Publicity Production in the Structure of New Media. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 47—63. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2008>. (In Russ.)

Молотов К. И., Максимова А. С., Хлевнюк Д. О. Способы конструирования экспертной позиции в YouTube: видео популярных блогеров-историков о сталинских репрессиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 92—117. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1965>.

Molotov K. I., Maximova A. S., Khlevnyuk D. O. (2021) Methods of Constructing Expertise on YouTube: Videos of Popular Bloggers-Historians on the Stalinist Repressions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 92—117. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1965>. (In Russ.)

Осипова Н. Г., Лядова А. В., Заплетнюк М. А. Медиатизация здоровья в российской блогосфере. Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. № 3. С. 309—323. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.305>.

Osipova N. G., Liadova A. V., Zapletnuk M. A. (2023) Mediatization of Health in the Russian Blogosphere. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. Vol. 16. No. 3. P. 309—323. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.305>. (In Russ.)

Стоянов А. С., Пермякова М. А. Блогинг ЗОЖ как фактор пищевого программирования студента // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 148—157. <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-15>.

Stoyanov A. S., Permyakova M. A. (2022) Healthy Lifestyle Blogging as a Factor in Student Nutritional Programming. *Research Result. Social Studies and Humanities*. Vol. 8. No. 1. P. 148—157. <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-15>. (In Russ.)

Beck F., Richard J.-B., Nguyen-Thanh V., Montagni I., Parizot I., Renahy E. (2014) Use of the Internet as a Health Information Resource Among French Young Adults: Results from a Nationally Representative Survey. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 16. No. 5. Art. e128. <https://doi.org/10.2196/jmir.2934>.

Bianco A., Zucco R., Nobile G. G. A., Pileggi C., Pavia M. (2013) Parents Seeking Health-Related Information on the Internet: Cross-Sectional Study. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 15. No. 9. Art. e204. <https://doi.org/10.2196/jmir.2752>.

Bissonnette-Maheux V., Provencher V., Lapointe A., Dugrenier M., Dumas A.-A., Pluye P., Straus Sh., Gagnon M.-P., Desroches S. (2015) Exploring Women's Beliefs and Perceptions about Healthy Eating Blogs: A Qualitative Study. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 17. No. 4. Art. e87. <https://doi.org/10.2196/jmir.3504>.

Boepple L., Thompson J. K. (2014) A Content Analysis of Healthy Living Blogs: Evidence of Content Thematically Consistent with Dysfunctional Eating Attitudes and Behaviors. *International Journal of Eating Disorders*. Vol. 47. No. 4. P. 362—367. <https://doi.org/10.1002/eat.22244>.

Castells M. (2010) *The Rise of the Network Society* (2nd ed.). Malden, MA: Wiley-Blackwell.

Collins H., Evans R. (2008) *Rethinking Expertise*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Dekavalla M. (2020) Gaining Trust: The Articulation of Transparency by You Tube Fashion and Beauty Content Creators. *Media, Culture & Society*. Vol. 42. No. 1. P. 75—92. <https://doi.org/10.1177/0163443719846613>.

Ghweeba M., Lindenmeyer A., Shishi S., Abbas M., Waheed A., Amer S. (2017) What Predicts Online Health Information-Seeking Behavior Among Egyptian Adults? A Cross-Sectional Study. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 19. No. 6. Art. e216. <https://doi.org/10.2196/jmir.6855>.

Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Oxford; Cambridge: Polity Press.

Hou M. (2019) Social Media Celebrity and the Institutionalization of YouTube. *Convergence*. Vol. 25. No. 3. P. 534—553. <https://doi.org/10.1177/1354856517750368>.

Kinard B. R. (2016) Insta-Grams: The Effect of Consumer Weight on Reactions to Healthy Food Posts. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 19. No. 8. P. 481—486. <https://doi.org/10.1089/cyber.2016.0085>.

Korp P. (2008) The Symbolic Power of 'Healthy Lifestyles'. *Health Sociology Review*. Vol. 17. No. 1. P. 18—26. <https://doi.org/10.5172/hesr.451.17.1.18>.

Mollborn S., Lawrence E. M., Saint Onge J. M. (2021) Contributions and Challenges in Health Lifestyles Research. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 62. No. 3. P. 388—403. <https://doi.org/10.1177/0022146521997813>.

Taylor K. A., Humphrey W. F. (2021) Impact of Medical Blog Reading and Information Presentation on Readers' Preventative Health Intentions: Mixed Methods, Multistudy In-

vestigation. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 23. No. 12. Art. e23210. <https://doi.org/10.2196/23210>.

Welbourne D. J., Grant W. J. (2016) Science Communication on YouTube: Factors That Affect Channel and Video Popularity. *Public Understanding of Science*. Vol. 25. No. 6. P. 706—718. <https://doi.org/10.1177/0963662515572068>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2388](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2388)**О. А. Башева, С. О. Гоманова, Ю. В. Ермолаева****МЕСТО ВОЛОНТЕРОВ В СИСТЕМЕ РЕАГИРОВАНИЯ
НА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА
ДИСКУРСА РОССИЙСКИХ СМИ****Правильная ссылка на статью:**

Башева О. А., Гоманова С. О., Ермолаева Ю. В. Место волонтеров в системе реагирования на чрезвычайные ситуации: результаты анализа дискурса российских СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 203—225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2388>.

For citation:

Basheva O. A., Gomanova S. O., Ermolaeva Y. V. (2024) The Position of Volunteers in the Emergency Response System: Results of an Analysis of Russian Media Discourse. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 203–225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2388>. (In Russ.)

Получено: 25.02.2023. Принято к публикации: 12.03.2024.

МЕСТО ВОЛОНТЕРОВ В СИСТЕМЕ РЕАГИРОВАНИЯ НА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ДИСКУРСА РОССИЙСКИХ СМИ

БАШЕВА Ольга Александровна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: olgaausacheva@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1459-0091>

ГОМАНОВА Сильвия Олеговна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; доцент, РХТУ им. Д. И. Менделеева, Москва, Россия
E-MAIL: silvia_gomanova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0192-8404>

ЕРМОЛАЕВА Юлия Вячеславовна — научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: mistelfrayard@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7421-2044>

Аннотация. В статье представлены результаты качественного и количественного анализа материалов СМИ о спасательном волонтерстве за 2018—2019 гг., проведенного с применением фрейм-анализа, предложенного Д. Сноу и Р. Бенфордом. Данный подход предполагает выделение трех центральных фреймов (диагностического, прогностического и мотивационного) для определения проблемной ситуации, интерпретации причин ее возникновения, оценки и выработки рекомендаций по ее разрешению.

Диагностический фрейм иллюстрирует масштаб и функционал волонтерского движения, характер его встроено-

THE POSITION OF VOLUNTEERS IN THE EMERGENCY RESPONSE SYSTEM: RESULTS OF AN ANALYSIS OF RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

Olga A. BASHEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher
E-MAIL: olgaausacheva@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1459-0091>

Silvia O. GOMANOVA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Researcher; Assistant Professor
E-MAIL: silvia_gomanova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0192-8404>

Yulia V. ERMOLAEVA¹ — Researcher
E-MAIL: mistelfrayard@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7421-2044>

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

² Mendeleev University of Chemical Technology, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of a qualitative and quantitative analysis of the Russian media materials on the emergency / rescue volunteering for 2018–2019, carried out using frame analysis proposed by D. Snow and R. Benford. This approach involves identifying three central frames, diagnostic, prognostic, and motivational, to identify a problem situation, interpret the reasons for its occurrence, evaluate it, and develop recommendations for its resolution.

The diagnostic frame illustrates the scale and functionality of the volunteer movement, the nature of its integration into the emergency response system through

сти в систему реагирования на чрезвычайные ситуации (ЧС) через описание системы взаимодействий с официальными службами, а также проблемные аспекты в области реагирования на ЧС, способствующие развитию добровольческого спасательного движения. Последние включают нехватку штата специалистов на местах, большие по площади территории, бюрократические препоны и проч. В рамках диагностического фрейма выделен образ волонтера, формируемый в СМИ дуально: как саморепрезентация волонтеров и как представления, складывающиеся в сознании других участников коммуникации. Можно сказать, что двойственный образ адаптируется к требованиям текущей ситуации в стране, характеризующейся необходимостью волонтерского участия в реагировании на ЧС, и наделяется идеологическими и социальными ценностями, отвечающими общественным потребностям.

Прогностический фрейм показывает перспективы и условия развития добровольческого движения, а также его потенциал в повышении эффективности системы реагирования на ЧС (официальный дискурс подразумевает все большую поддержку волонтерства, снижение его стихийности и трансформацию в компетентный и контролируемый ресурс сил реагирования на ЧС).

Мотивационный фрейм показывает, какую реальную пользу оно уже приносит и может принести в дальнейшем: волонтеры рассматриваются как необходимый «ресурс» и помощь профессиональным службам в связи с географическим масштабом России, нехваткой штатных сотрудников служб спасения,

a description of the system of interactions with official services, and problematic aspects in the field of emergency response that contribute to the development of the volunteer rescue movement. The latter include a lack of local specialists, large territories, bureaucratic obstacles, etc. Within the diagnostic frame, the authors highlight the image of a volunteer, which is formed in the media dually — as the self-representation of volunteers and as ideas that develop in the minds of other participants in communication. The authors assume that the dual image adapts to the requirements of the current situation in the country, characterized by the need for volunteer participation in emergency response, and is endowed with ideological and social values that meet public needs.

The prognostic frame shows the prospects and conditions for the development of the volunteer movement, as well as its potential in increasing the efficiency of the emergency response system (the official discourse implies increasing support for volunteerism, reducing its spontaneity and transforming it into a competent and controlled resource of emergency response forces).

The motivational frame shows what real benefits it already brings and can bring in the future. Volunteers are considered a necessary «resource» and assistance to professional services due to the geographical scale of Russia, the lack of full-time rescue workers, and the availability of local knowledge and technologies for volunteers.

наличием у волонтеров локальных знаний и технологий.

Ключевые слова: спасательное волонтерство, образ в СМИ, межсекторное взаимодействие, легитимация спасательного волонтерства, фрейм-анализ, чрезвычайные ситуации

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России», поддержанного РФФ, грант № 19-78-10052.

Keywords: rescue volunteering, media image, cross-sector interaction, legitimation of rescue volunteering, frame analysis, emergencies

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the project “Volunteering in emergency situations as a response to natural and man-made challenges in Russia”, supported by the Russian Science Foundation, grant No. 19-78-10052.

Введение

Волонтерство усиливает свое значение на макро- и микроэкономическом уровне. Анализу роли волонтеров в реагировании на ЧС, их взаимодействиях с официальными службами спасения, мотивациям и факторам вовлечения посвящено множество западных исследователей [Britton, 1991; Francis, Jones, 2012; Holwitt et al., 2017; Calcutt, 2019]. Отечественные ученые также отмечают актуальность и необходимость глубже исследовать данную тематику, особенно в свете роста внимания государства к роли волонтеров в реагировании на ЧС [Башева, Ермолаева, 2020; ИНАБ, 2021]. Этот интерес стал заметен после активного участия волонтеров в посткатастрофной реабилитации населения (например, после пожаров в Центральной России 2010 г., наводнений в Крымске и на Дальнем Востоке в 2012—2013 гг.) и множестве поисковых операций. А во время пандемии COVID-19 стало очевидным, что добровольцы могут взять на себя важные функции, связанные с заботой об уязвимых группах населения на местах [Landry, Price, Colwell, 2022].

В статье мы рассмотрим тренды развития спасательного волонтерства в России, какими они предстают в материалах СМИ, конструирующих их образ и формирующих общественное мнение. Данный образ мы дополняем описанием представлений волонтеров о себе.

История развития спасательного волонтерства в России (от стихийного реагирования до организованной помощи) насчитывает не более полутора десятилетий, и для того, чтобы утвердить свою роль в системе реагирования на ЧС, волонтерам как социальной группе требуется пройти путь легитимации в данной системе [Lage, Brant, 2008; Tong, 2022]. Как показывает практика, одним из важных акторов в этом процессе являются СМИ. С одной стороны, они транслируют позицию волонтеров относительно существующих в обществе проблем и средств их решения, то есть дают волонтерам возможность формировать общественную

повестку. С другой стороны, СМИ транслируют позицию властей по поводу поднимаемых волонтерами вопросов, а также влияют на определение места самих волонтеров в их решении [Демушина, 2008].

Легитимация нового явления представляет собой комплексный механизм, выходящий за рамки присвоения юридического статуса и включающий взаимодействие разных общественных сил [Московская, Берендяев, Москвина, 2017]. Для спасательного волонтерства эти группы представлены государством (органами власти), профессиональными службами спасения, крупным бизнесом (который сотрудничает с волонтерами в рамках политики корпоративной социальной ответственности) и населением как реципиентами помощи и сторонниками [Twig, Mosel, 2017].

Главные исследовательские вопросы, стоящие перед нами, связаны с оценкой масштаба явления и пониманием того, как добровольцы встраиваются в систему реагирования на ЧС и приобретают общественное доверие. Мы рассматриваем, как организуется межсекторное партнерство в сфере спасательной работы по версии ведущих СМИ, какие методы волонтеры используют в своей работе, как транслируются социальные выгоды от их участия в реагировании на ЧС.

Методология и методы

Проведенный анализ состоял из двух этапов. Первый этап — количественный контент-анализ материалов российских СМИ, посвященных волонтерству в ЧС, за два года (2018 г., признанный Годом добровольца в РФ, и 2019 г.). В качестве источников были выбраны все российские СМИ и информационные сайты, содержащиеся в базе данных СКАН¹. Поисковый запрос был составлен в соответствии с требованиями данной системы².

Из аналитической системы СКАН за два года было выгружено общее количество упоминаний с указанием источников, их уровня (локальный, региональный, федеральный) и географии, основных объектов и проч. За 2018 г. во всех источниках было обнаружено 197 147 упоминаний, за 2019 г. — 250 513 упоминаний. По этим данным были составлены график упоминаний и статистические отчеты, включающие географию упоминаний, основные объекты и проч. Но содержательно весь массив глубинно не был проанализирован, так как порядка 90 % сообщений были перепечатками либо публикациями на «мусорных» сайтах без аудитории.

На втором этапе был выгружен набор полнотекстовых сообщений СМИ и метаданные к ним (заголовки, даты публикаций, источники, география, ссылки) из первоисточников (1 597 сообщений за 2018 г. и 1 612 — за 2019 г.). На основе этих данных проведен качественный содержательный анализ дискурса СМИ мето-

¹ СКАН: Система управления репутацией мониторинга СМИ и соцмедиа. URL: <https://scan-interfax.ru/> (дата обращения: 30.04.2024).

² Поисковый запрос: (волонтеры или волонтерские или добровольцы или добровольческие) и (чрезвычайная ситуация или ЧС или пожар или наводнение или пропал человек или пропал ребенок или пропал пенсионер или потерялся человек или потерялся ребенок или потерялся пенсионер или погорельцы или пострадавшие) или спасрезерв или добровольные пожарные или лиза алерт или liza alert или студенческий корпус спасателей или добровольный пожарно-спасательный отряд или добровольцы-спасатели или добровольный поисково-спасательный отряд или добровольная пожарная дружина или волонтеры-медики или добровольческий поисковый отряд или добровольные спасатели или доброспас или кинологи.

дом анализа фреймов. Концепция фрейма широко распространена в социальных науках, дискурс-анализе [Lindekilde, 2014], анализе СМИ [Pan, Kosicki, 1993; Scheufele, 1999], а также политических исследованиях для предметного изучения социальных движений и коллективных действий [Mendonça, Simões, 2022; Brugman, Burgers, 2018]. У Д. Сноу и Р. Бенфорда, так же как и у И. Гофмана, фреймы представляют собой ориентированные на действие наборы убеждений, способные активизировать деятельность акторов социального движения.

При анализе материалов СМИ о деятельности социальных движений (в том числе о волонтерском движении) фреймы выделяются как «некоторые аспекты представляемой в СМИ реальности, помогающие интерпретировать причины, дать моральную оценку и сформулировать рекомендации для разрешения проблемы» [Entman, 1993: 872]. Подобным образом анализируется деятельность волонтеров не только в российском контексте, но, например, в Австралии, где спасательное волонтерство, в частности пожарное, имеет давнюю историю [Hewege, Mitchell, 2013].

Фреймы создаются через сочетание конструктивистской и критической точек зрения [D'Angelo, 2002]. Независимо от направления образ волонтера-спасателя формируется в СМИ с двух позиций: через описание волонтеров другими агентами (образ, транслирующий уровень общественного признания и доверия, отражающий критическую точку зрения) и как саморепрезентация (субъективный образ через представления о себе и своем сообществе, рождающийся посредством когнитивных и аффективных процессов), который мы попытались отразить через результаты анализа интервью. Конструктивистские фреймы ориентируются на обобщения, учитывающие другие фреймы, анализ статистики. В СМИ волонтеры рассказывают о своих жизненных ситуациях, эмоциональном опыте вовлечения в волонтерскую деятельность. Через этот образ транслируются актуальные для общества ценностные установки альтруизма и служения обществу.

В рамках фрейм-анализа определяются акторы — субъекты действия (*кто?*), ключевые проблемы (*что?*) и способы их решений (*как?*).

Для того чтобы ответить на эти вопросы, мы воспользовались предложенной Д. Сноу и Р. Бенфордом концепцией фреймов, объясняющей процесс разрешения социальных проблем общественными движениями. Авторы предложили акцентироваться на трех фреймах:

— диагностическом (информация о проблеме, ее причине, субъектах взаимодействия; в нашем случае мы определили образ и место волонтеров в системе реагирования на ЧС через описание их функций, отношений с другими агентами, причины возникновения и масштабы движения);

— прогностическом (информация о стратегии решения проблемы, то есть перспективы развития спасательного добровольчества и пути утверждения волонтерского движения в системе реагирования на ЧС);

— мотивационном (мотивация или логическое обоснование решения проблемы, а именно причины необходимости включения волонтерства в систему реагирования на ЧС) [Benford, Snow, 2000].

Предложенные фреймы использованы как основные коды — темы для анализа текстов СМИ, внутри которых мы выделяли внутренние коды — контексты феноменов, которые наполняют проблематику того или иного фрейма.

Основные результаты контент-анализа

Проведенный анализ показал тренд на увеличение интереса к теме чрезвычайного волонтерства (на 27 % за год, см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика упоминаний добровольных спасателей в российских СМИ (все источники)³

Упоминания связаны с такими происшествиями, как пропажа людей, природные и техногенные пожары, наводнения, а также взрывы в жилых домах. В 2018 г. внимание уделялось преимущественно поисково-спасательной деятельности, а среди крупных ЧС — наводнению в Краснодарском крае, пожару в ТРЦ «Зимняя Вишня» в Кемерово, паводку в Алтайском крае, взрывам бытового газа в жилых домах в Мурманске и Магнитогорске. Среди других событий особенно ярко отмечены проведение I Международного форума добровольцев, конкурс «Доброволец России», принятие закона о волонтерстве. В 2019 г. в топе сюжетов остался поиск пропавших людей, но в целом список тем расширился: много внимания уделено работе волонтеров-медиков и развитию движения добровольных пожарных дружин, сотрудничеству волонтеров с крупным бизнесом для совместных разработок технологических решений поиска пропавших людей, совместной работе и учениям волонтеров с профессиональными службами спасения, открытию ресурсных и учебных центров для добровольцев. Среди крупных ЧС отмечены лесные пожары в Сибири и наводнение в г. Тулун Иркутской области. Выделенные происшествия, естественно, повлияли и на географию упоминаний.

³ Материалы, выгруженные из базы данных СКАН за период 1 августа 2018 г. по 31 декабря 2019 г.

Волонтерские объединения представлены по большей части сетевыми организациями и движениями, такими как поисково-спасательный отряд (ПСО) «Лиза Алерт» и ВОД «Волонтеры-медики», Всероссийский студенческий корпус спасателей, Всероссийское добровольное пожарное общество (ВДПО), Российский союз спасателей, а также региональными и местными организациями, например, ПСО «Доброспас-Омск», ОПСО «СпасРезерв», Добровольные лесные пожарные, ПСО «Экстремум», ПСО «Амур Поиск», ВПСО «Сова» и др. Часть из представленных организаций являются «низовыми» (например, ПСО «Лиза Алерт» или Добровольные лесные пожарные), а некоторые созданы «сверху», при государственной поддержке. Внимание СМИ чаще сфокусировано на крупных общероссийских организациях, деятельность которых инициирована или поддержана государством (например, ВОД «Волонтеры-медики» при Минздраве РФ, ВДЮОД «Школа безопасности», у истоков которого стояли С. К. Шойгу и Ю. Л. Воробьев).

Помимо волонтерских объединений среди ключевых акторов в СМИ выделяются государственные институции (МЧС, МВД, СК, реже — Минздрав, Росмолодежь, детский омбудсмен), органы власти и общественные палаты субъектов РФ. В 2019 г. стоит также выделить ФБУ «Авиалесоохрана» и «Рослесхоз», что обусловлено пристальным вниманием к лесным пожарам, бушевавшим в Сибири с июня по сентябрь.

Упоминания представителей коммерческого сектора среди участников процесса обеспечения общественной безопасности встречаются в основном в 2019 г. Чаще всего упоминались ПАО «ВымпелКом» (Билайн), X5 Retail Group (магазины «Пятерочка»), ПАО «МегаФон», ПАО «МТС», «Яндекс», а также ПАО «Сбербанк».

Эмоциональная тональность абсолютного большинства сообщений — нейтральная, реже позитивная.

Процесс легитимации спасательного волонтерства в системе реагирования на ЧС: результаты фрейм-анализа

Анализ дискурса СМИ помог определить контекст общественного и государственного интереса к спасательному волонтерству, его общественную роль, а также перспективы развития. Логика описания результатов продиктована выбранной нами концепцией фрейм-анализа, включающей три центральных фрейма.

Диагностический фрейм: волонтеры как эксперты по безопасности и носители инновационных идей в области поисково-спасательной работы

Диагностический фрейм раскрывает контекст упоминаний спасательного волонтерского движения, показывает его качественно-количественный состав, общественные функции, структуру отношений с другими субъектами реагирования на ЧС, а также объектами, на которых направлена помощь волонтеров (населением, оказавшимся в тяжелых ситуациях).

В исследуемый период в СМИ были определены основные виды ЧС, в которых принимают участие добровольцы: (1) пропажа людей и ее профилактика; (2) природные и техногенные пожары; (3) другие техногенные и природные ЧС; (4) ЧС при проведении массовых мероприятий и на водных объектах; (5) ЧС с животными.

Очередность перечисления ЧС прямо пропорциональна объему их упоминаний и распространенности. Данная информация позволяет определить ключевые направления волонтерской деятельности в ЧС: поисково-спасательное и пожарное добровольчество, а также ситуативная гуманитарная помощь.

Выше мы уже привели разделение по степени структурной независимости на низовые инициативы и объединения, инициированные «сверху». Первые описывают самоорганизацию граждан, ранее не имевших опыта спасательной работы и не имеющих организационной привязки к каким-либо государственным агентствам. Ко второму типу чаще относятся «специально обученные добровольцы», студенты профильных вузов или ушедшие в отставку профессионалы — например, волонтеры-медики, работающие при поддержке Минздрава РФ, или участники добровольных пожарных дружин. Вопрос создания таких команд с особой остротой встал после аномально жаркого лета 2010 г., когда значительную территорию страны охватили природные пожары, но тогда их юридический статус был не вполне ясен. Принятый в 2011 г. закон решил эту проблему.

Уже в 2018 г. СМИ отмечали, что реестр МЧС насчитывает «более 900 тысяч человек, готовых первыми, до приезда пожарных, начать тушить пламя или помочь пострадавшим в других чрезвычайных ситуациях»⁴. Часто это студенты Академии МЧС и других профильных вузов, бывшие профессиональные пожарные, но также отмечается, что при должной подготовке стать добровольцем может каждый.

В формировании этого типа добровольчества большую роль играет МЧС России, которое разработало проект национального стандарта «Добровольная пожарная охрана», устанавливающего общие требования к организации и порядку деятельности добровольной пожарной охраны на территории РФ, включая требования к ее оснащению, оборудованию и средствам защиты. Большинство подобных объединений сформированы на базе региональных объединений ВДПО и финансируются из средств местного или регионального бюджета. Местные департаменты по делам гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и пожарной безопасности оказывают добровольным пожарным отрядам методическую помощь, выделяют для работы необходимую технику. В области пожаротушения также упоминаются добровольные лесные пожарные — низовая инициатива, где центральную роль ранее играла крупная экологическая НКО, занимавшаяся обучением на местах. Но сегодня это сетевое движение, не имеющее единого координационного центра. Добровольные лесные пожарные ведут мониторинг и профилактику природных пожаров, организуют беседы в школах и детских садах, специализируются на низовых, тростниковых и торфяных пожарах, и также рассматриваются как помощники профессиональных пожарных. В ряды добровольных лесных пожарных может попасть любой желающий старше 18 лет, не имеющий проблем со здоровьем и вредных привычек, так как «это физически тяжелая, вредная для здоровья работа, где необходима длительная подготовка и строжайшая дисциплина»⁵.

⁴ Слет добровольцев-спасателей проводят в Свердловской области // Общественное телевидение России. 2018. 30 января. URL: <https://otr-online.ru/news/slet-dobrovoltsev-spasatelei-97692.html> (дата обращения: 09.02.2023).

⁵ Гринпис открывает интерактивную фотовыставку о лесных пожарах и пожарных добровольцах // 2019. 5 ноября. URL: <https://snob.ru/news/184807/> (дата обращения: 09.02.2023) (19 мая 2023 г. Генпрокуратура РФ объявила Greenpeace International нежелательной организацией).

Несмотря на большой объем сообщений, посвященных огнеборцам, наиболее пристальное внимание СМИ направлено на поисково-спасательную деятельность, где лидирующую роль играют самоорганизованные добровольческие отряды, в первую очередь ПСО «Лиза Алерт». Отмечается большой массив количественных данных о волонтерских организациях, иллюстрирующий масштаб этого явления. По официальным оценкам, ежегодно в России пропадают 60—120 тыс. человек, среди них до 50 тысяч детей⁶. На этом фоне масштаб поисковой деятельности сетевого движения «Лиза Алерт» производит впечатление: только в 2019 г. оно провело около 20 тыс. поисков⁷. По разным данным, в 2019 г. от 15⁸ до 30 тыс. человек входили в более чем 230 добровольческих отрядов по поиску пропавших людей в 76 субъектах РФ⁹. В их деятельности принимают участие специалисты различного профиля: кинологи, профессиональные туристы, охотники и водолазы, а также люди без специальных поисковых навыков, готовые оказывать помощь на добровольной основе.

Отмечается, что волонтерство формирует желание помогать людям, а со временем перерастает в смыслообразующую деятельность: «Сначала ты участвуешь в маленьких разовых акциях, потом волонтерство постепенно перерастает в образ жизни... в смысл самого существования»¹⁰. Как правило, большинство подобных описаний приведено для участников поисково-спасательных отрядов. Поиск людей связывается с пиковыми эмоциями: «Когда человека находишь, это чувство не сравнить ни с чем. Это сравнимо с тем ощущением, когда в первый раз видишь своего новорожденного ребенка. Безумная эйфория»¹¹.

Среди характеристик, которыми обладают волонтеры, реагирующие на ЧС, в СМИ перечисляются альтруизм, добросердечие, жертвенность, организованность, а в центре — равнодушие: «Это потрясающие, самые лучшие люди, которым не все равно»¹². Волонтер — одновременно благородный активист-благотворитель и специалист в своем деле, а волонтерское движение в целом позиционируется как ресурсное и экспертное. Подобный образ четко вписывается в риторику, транслируемую представителями государственного сектора: добровольчество должно стать «нормой и неотъемлемой частью жизни каждого гражданина»¹³.

⁶ В студии ForPost — региональный представитель отряда «Лиза Алерт» Наталья Кропачева // ForPost. 2019. 19 ноября. URL: <https://sevastopol.su:443/news/v-studii-forpost-regionalnyy-predstavitel-otryada-liza-alert-natalya-kropacheva> (дата обращения: 29.04.2024).

⁷ Отряд «Лиза Алерт» провел в Кавказском заповеднике мастер-класс по поиску людей // ТАСС. 2019. 3 декабря. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7255513> (дата обращения: 29.04.2024).

⁸ В России около 15 тыс. человек входят в добровольческое движение по поиску людей — МВД // ТАСС. 2019. 20 ноября. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7162529> (дата обращения: 29.04.2024).

⁹ Награды МЧС России вручены 19 волонтерам на Международном форуме добровольцев в Сочи // МЧС России. 2019. 4 декабря. URL: <https://mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/4008490> (дата обращения: 29.04.2024).

¹⁰ Волонтеры подводят итоги года в Москве // Вечерняя Москва. 2018. 3 декабря. URL: <https://vm.ru/moscow/573291-volontery-podvodyat-itogi-goda-v-moskve> (дата обращения 05.05.2024).

¹¹ Волонтер рассказал о работе «Лизы Алерт» в Петербурге // РИА Новости. 2018. 5 декабря. URL: <https://ria.ru/20181205/1543488710.html> (дата обращения: 09.02.2023).

¹² Спасатели-неформалы: как «белые воротнички» становятся добровольцами // РИА Новости. 2018. 25 октября. URL: <https://ria.ru/society/20181025/1531444980.html> (дата обращения: 09.02.2023).

¹³ Кто и почему становится волонтером // ИА REGNUM. 2019. 26 сентября. URL: <https://regnum.ru/news/society/2730227.html> (дата обращения: 09.02.2023).

СМИ создают добровольным спасателям имидж «героев нашего времени»¹⁴, проживающих свои жизни осмысленно, несущих пользу обществу: *«Кто они — российские добровольцы? Простые люди, такие как мы с вами — но не жалеющие сил и времени на добрые дела. Готовые отдавать — просто так, без какой-то корысти. <...> ...особо остро воспринимают жизнь, всю ее сложность, всю ее тонкость, ее глубинный смысл. <...> ...люди, которые тратят силы и время не на то, чтобы решать свои текущие бытовые задачи — а на то, чтобы помочь другим. Причем не разово, а регулярно»*¹⁵.

Несмотря на статус добровольцев, в СМИ волонтеры представлены как эксперты, обладающие уникальными знаниями, и инициаторы просветительских акций. Большая доля сообщений посвящена описанию волонтерских школ и рекомендаций, которые дают волонтеры для предупреждения пропажи детей и пожилых¹⁶.

Экспертность, опытность и постоянное совершенствование волонтеров отражаются в СМИ и через цитаты представителей государственных органов, например СК (*«хорошо подготовленные люди с большим опытом работы с картами, техникой и практическим поиском»*¹⁷) и МЧС (*«работают оперативно, постоянно обучаются, обладают опытом»*¹⁸).

Часто подчеркивается, что волонтерство в ЧС ограничивается необходимостью быть в хорошей физической форме и наличием специальных знаний, связанных с рисками для жизни и здоровья. С одной стороны, волонтеры наделяются экспертностью в области профилактики и просвещения, но, с другой стороны, при описании их взаимодействия с официальными службами им вменяются вспомогательные функции (роль помощников): *«Наиболее легкие и менее профессиональные задачи уже сейчас выполняют волонтеры, в том числе и уход за гражданами, и всестороннее обеспечение спасательных работ»*¹⁹.

Важная функция волонтеров — разработка и внедрение инноваций в спасательную деятельность. Постепенно встраиваясь в систему реагирования на ЧС и взаимодействуя с официальными службами спасения и населением, волонтеры имеют возможность вносить предложения с целью совершенствования системы реагирования на ЧС. Например, в СМИ отмечены многие идеи ПСО «Лиза Алерт»: о распространении закона об использовании данных геолокации телефонов при поиске детей на всех пропавших; об использовании СМС-рассылки МЧС для распространения информации о пропаже людей; о формировании единой для

¹⁴ ВЦИОМ узнал, каких людей россияне считают «героями своего времени» // РИА Новости. 2019. 6 декабря. URL: <https://ria.ru/20191206/1562033626.html> (дата обращения: 09.02.2023).

¹⁵ «Они пытаются хакнуть замысел жизни»: режиссер документального фильма #Яволонтер — о российских добровольцах // Комсомольская правда. 2018. 8 ноября. URL: <https://www.kp.ru/daily/26905.4/3950211/> (дата обращения: 09.02.2023).

¹⁶ В Брянске волонтеры зажгли свечи в память о пропавших и погибших детях // Брянские Новости. 2018. 28 мая. URL: <https://www.bragazeta.ru/news/2018/05/28/v-bryanske-volontery-zajgli-svechi-v-pamyat-o-propavshih-i-pogibshih-detyah/> (дата обращения: 09.02.2023).

¹⁷ Блохин А. Активисты «Лизы-Алерт» отработали поиск людей в лесу с рязанскими следователями // рзн.инфо. 2018. 18 июня. URL: <https://www.rzn.info/news/2018/6/15/aktivisty-lizy-alert-otrabotali-poisk-lyudey-v-lesu-s-ryazanskimi-sledovatelyami-foto.html> (дата обращения: 09.02.2023).

¹⁸ Как действует в Крыму поисковой отряд добровольцев «Лиза Алерт» // МК. 2019. 19 октября. URL: <https://crimea.mk.ru/social/2019/10/19/kak-deystvuet-v-krymu-poiskovoy-otryad-dobrovolcev-liza-alert.html> (дата обращения: 09.02.2023).

¹⁹ Начальник МЧС по Псковской области положительно оценил создание учебных центров для волонтеров // Псковская лента новостей. 2019. 16 августа. URL: <https://pln-pskov.ru/society/353178.html> (дата обращения: 09.02.2023).

больниц, полиции и волонтеров информационной базы неизвестных пациентов; о пожизненном отслеживании местоположения людей, ранее судимых за преступления сексуального характера против несовершеннолетних, и др.

Участие в системе реагирования на ЧС предполагает выстраивание волонтерами структуры отношений с агентствами, за которыми официально закреплены обязанности по реагированию на ЧС (с МЧС при тушении пожаров и ликвидацией последствий бедствий, с МВД и СК во время поиска людей). К 2018 г. уже был накоплен довольно большой опыт сотрудничества, в частности в процессе поисковых работ. Структура взаимодействия волонтеров с МЧС, МВД, СК, описываемая в СМИ, характеризуется иерархичностью, разделением обязанностей в зависимости от компетенций и ресурсов, акцентом на вспомогательной роли волонтеров: *«В основном это физическая сила — люди. Чем больше человек выходит на поиски, тем большую территорию удастся проверить. Также они очень оперативно размещают ориентировки о пропавших в соцсетях. <...> Они никогда не отказывают. Волонтеры не работают за нас, а только оказывают содействие»*²⁰. Волонтеры также подчеркивают важность координации своих действий с профессиональными службами, при этом отмечают, что часто запрос на сотрудничество направлен от госслужб к волонтерам, а не наоборот²¹.

Основные формы сотрудничества, освещаемые СМИ, — совместные учения, нацеленные на отработку взаимодействий, совместная поисково-спасательная деятельность и мероприятия по тушению пожаров.

Тренд на налаживание взаимодействия укрепился за два года. В то же время произошла трансформация отношений от условного невмешательства к регулированию с декларируемыми целями усиления безопасности и снижения стихийности добровольческого действия: *«Волонтерство — это тонкая материя, которая, с одной стороны, не должна регулироваться государством, поскольку это касается доброй воли человека. С другой стороны, мы видим необходимость регулирования деятельности людей в особых ситуациях, когда речь идет о работе в больницах, реставрационных работах, тушении пожаров, спасении людей, где личная жизнь одного человека пересекается с личной жизнью другого»*²².

Официальная позиция госсектора состоит в том, чтобы *«не забюрократизировать»* добровольческое движение, а обеспечить его необходимой поддержкой²³. Принятие закона о волонтерстве в 2018 г. описывается в СМИ как административная мера поддержки, поскольку позволяет оказывать материальную помощь добровольцам на юридической основе: *«закон о волонтерах... позволяет общественным и государственным организациям оказывать помощь волонтерам и добровольцам на платной основе. Позволяет вкладывать деньги в нужные дела. <...>*

²⁰ Вячеслав Бородавко: «Помощь волонтеров очень ценна при розыске пропавших людей» // Городской портал Омска. 2018. 2 марта. URL: <https://www.om1.ru/news/society/134644/> (дата обращения: 09.02.2023).

²¹ Рыбальская Н. «Три тысячи детей каждый год пропадают бесследно. Это как три московских школы, которые полностью пустеют»: Как в России волонтеры ищут пропавших детей // КП. 2018. 17 июня. URL: <https://www.kp.ru/daily/26843.5/3884324/> (дата обращения: 09.02.2023).

²² Закон о волонтерстве вступил в силу в России: Единый ресурс, помощь от государства и права добровольцев // КП. 2018. 2 мая. URL: <https://www.kp.ru/daily/26825.7/3863554/> (дата обращения: 09.02.2023).

²³ Кириенко призвал «не забюрократить» волонтерские движения в стране // Ura.ru. 2018. 22 февраля. URL: <https://ura.news/news/1052324627> (дата обращения: 09.02.2023).

Ребята, которые у нас занимаются поиском пропавших детей, могут рассчитывать на субсидии со стороны исполнительной власти»²⁴. Публикации о поддержке волонтеров на региональном уровне встречаются в исследуемый период нередко: сообщается, что волонтерам выделяются помещения под штабы, дарят автомобили для поисковых операций, причем как местные администрации, так и городские предприятия. Значимой поддержкой стали президентские гранты, которые добровольцы тратят на покупку оборудования и снаряжения.

В 2018 г. официально введена в оборот книжка волонтера — своеобразный аналог трудовой, в который записываются данные о поощрениях, дополнительной подготовке, волонтерском стаже. Сообщается, что она открывает такие бонусы, как дополнительные баллы при поступлении в вуз, рекомендации при трудоустройстве, и т. п. Формализация волонтерской работы сводится не только к расширению господдержки, но и к повышению уровня ответственности, которую несут добровольцы. *«С принятием данного закона добровольчество автоматически выходит за рамки „молодежной самодетельности“ и начинает рассматриваться как важный системный элемент социальных отношений»²⁵.*

Несмотря на доминирующий дискурс о широкой помощи спасательному волонтерству, некоторые сообщения транслируют мнение, противоречащее официальной повестке: *«Волонтеры рады, что государство стало больше поддерживать их деятельность, но <...> пока им приходится рассчитывать главным образом на свои собственные силы»²⁶.*

Помимо закона о волонтерстве, в процессе взаимодействия добровольцев с госслужбами важную роль играют соглашения о сотрудничестве, которые позволяют сократить время на выстраивание структуры взаимодействий и признают волонтеров как полноправных участников процесса. В мае 2018 г. СК, представители общественности, МВД и МЧС подписали нормативный акт об алгоритме взаимодействия госорганов, волонтерских организаций и добровольцев при розыске без вести пропавших. Документ стал обязательным для всех региональных управлений СК РФ и показал свою эффективность²⁷.

В признании «спасательного потенциала» волонтеров большое значение придается их технологической оснащенности. Например, с 2018 г. ПСО «Лиза Алерт» *«начал применять беспилотные летательные устройства для поисковых операций, проводимых в лесу и на промышленных территориях городов. <...> В течение грибного сезона 2019 г. с помощью дронов отряду еженедельно удается найти потерявшегося человека»²⁸.*

²⁴ «ДоброСпас» стал представителем Национального центра помощи детям в Омске // Городской портал Омска. 2018. 4 мая. URL: <https://www.om1.ru/news/society/139855/> (дата обращения: 09.02.2023).

²⁵ Амурчанам предлагают побороться за гранты до 120 тысяч рублей // BEZФормата. 2018. 9 февраля. URL: <https://blagoveshensk.bezformata.com/listnews/poborotsya-za-granti-do-120-tisyach/64758853/> (дата обращения 05.05.2024).

²⁶ Чрезмерная господдержка патриотизма вызвала недовольство у российских волонтеров // Новые Известия. 2019. 29 ноября. URL: <https://newizv.ru/news/society/29-11-2019/volontery-nedovolny-gosudarstvennymi-prioritetami-v-ih-podderzhke> (дата обращения: 09.02.2023).

²⁷ Розыск ведут добровольцы // Российская газета. 2019. 6 декабря. URL: <https://rg.ru/2019/12/05/skr-obiasnil-vazhnost-raboty-s-volonteram-i-po-poisku-propavshih-detej.html> (дата обращения: 29.04.2024).

²⁸ Билайн первым в России запускает нейросеть «Beeline AI — Поиск людей» для «Лиза Алерт» // Городской портал Омска. 2019. 22 августа. URL: https://www.om1.ru/bank/news/172711-bilajjn_pervym_v_rossii_zapuskaet_nejroset_beeline_ai_poisk_ljudej_dlja_liza_alert/ (дата обращения: 09.02.2023).

Среди технологий, возникших непосредственно в добровольческих организациях, называется, например, мобильное приложение по оказанию первой помощи пострадавшим до прибытия скорой «Спасатель.Рядом», разработанное спасателями-добровольцами из отряда «Экстремум» в Санкт-Петербурге²⁹. Еще один пример добровольческих инноваций — это созданный разработчиками из Ярославской области «браслет помощи», в котором зашифрована вся информация о человеке. Подобное решение видится необходимым для пожилых людей, детей, любителей экстремального спорта и отдыха³⁰. Большинство технологических решений направлено на повышение эффективности поисковой деятельности. Как правило, это цифровые технологии, связанные с фото- и видеосъемками с беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), распознаванием изображений, работа с картами, радиомаяками и проч. Разработкой подобных технологий зачастую занимаются сторонние организации — IT-сообщество и бизнес, что иллюстрирует еще один тренд развития волонтерства через межсекторное взаимодействие.

Например, благотворительный фонд «Система» при поддержке Минцифры РФ запустил конкурсный проект «Одиссея», в рамках которого «лучшие инженерные умы» из разных регионов совместно с волонтерами разрабатывали технологии, которые должны работать при любой погоде, в любое время суток и находить пропавшего в лесу, даже если у него нет с собой телефона или другого источника связи. На вооружение уже взята технология, разработанная инженерами московской команды «Стратонавты»: «Система поисковых радиомаяков позволяет координировать работу поисково-спасательных групп в режиме онлайн на площади 314 кв. км, в том числе в местах без источника связи. <...> Информация от радиомаяков поступает как в центр управления поиском, так и на персональные маяки спасателей. <...> Радиомаяки помогают координатору поисковой операции в режиме онлайн корректировать маршрут коллег»³¹. За полтора года проекта три перспективные разработки доказали свою эффективность в полевых испытаниях и были высоко оценены экспертами из поисково-спасательного движения и сотрудниками МЧС.

На почве технологизации волонтеры взаимодействуют с крупным бизнесом. Это взаимовыгодное сотрудничество, оно позволяет бизнесу быть социально ответственным. Чаще всего крупный бизнес предоставляет волонтерам разработки для упрощения поисковых работ, а также участвует в просветительской и профилактической деятельности. Особенно заметно это сотрудничество стало в 2019 г.

Так, с декабря 2018 г. ПСО «Лиза Алерт» сотрудничал с «Яндекс.Такси», рассылая в водительское приложение «Таксометр» поисковые ориентировки, а с лета 2019 г. — с «Яндекс.Еда»: «Готовые помочь в поисках партнеры „Яндекс.Еды“ будут

²⁹ В Петербурге заработало приложение для вызова спасателей-добровольцев // Петербургский дневник. 2019. 8 октября. URL: <https://spbndevnik.ru/news/2019-10-08/v-peterburge-zarabotalo-prilozhenie-dlya-vyzova-spasateleydobrovol'tsev> (дата обращения: 09.02.2023).

³⁰ Разработка волонтеров из Ярославской области для многих уже стала незаменимой // Первый канал. 2019. 6 октября. URL: https://www.1tv.ru/news/2019-10-06/373454-razrabotka_volonterov_iz_yaroslavskoy_oblasti_dlya_mnogih_uzhe_stala_nezamenimoy (дата обращения: 09.02.2023).

³¹ «Лиза Алерт» будет искать людей в лесу при помощи радиомаяков. Это в разы сэкономит время и ресурсы // Фон-танка. 2019. 7 ноября. URL: <https://www.fontanka.ru/2019/11/07/077/?feed> (дата обращения: 09.02.2023).

оперативно получать сообщения в мессенджерах о потерявшихся людях... Если курьер заметит похожего человека, он сможет быстро связаться с волонтерами»³².

Еще один пример: «МегаФон» и «Лиза Алерт» объединились для проведения ликбезов по безопасности в крупных городах. В поддержку коллаборации был выпущен интерактивный спецпроект «Один в большом городе», в который вошли лайфхаки и digital-инструменты оператора связи. В отдельных регионах компания также предоставляла волонтерам услуги связи и техническое решение «МегаФон. Поиск» на базе BigData для поиска пропавших людей.

«Билайн» и «Лиза Алерт» совместно разработали приложение «Поисковый центр», которое ориентировано на мониторинг перемещения в городе людей старшего возраста, нуждающихся в заботе, а также детей и людей с особенностями здоровья. В новое решение встроены детализированный трекер перемещений, предустановлена анкета с особыми приметами и медицинскими потребностями наблюдаемого, возможность звонка на горячую линию непосредственно из приложения, кнопка SOS и оперативное реагирование на сигнал о помощи специалистов Центра поиска пропавших людей. Также разработано решение на базе нейросети для обработки фотографий местности, полученных с БПЛА в местах поиска пропавших людей.

Другим партнером волонтеров стал московский Сбербанк, который в 2018 г. создал в своих подразделениях «Островки безопасности», куда потерявшиеся могут обратиться за помощью³³. Позже к инициативе присоединилась торговая сеть «Пятерочка» в своих магазинах по всей стране.

Одни компании считают помощь волонтерам проявлением своей социальной ответственности и спонсируют ПСО при проведении уроков безопасности, предоставляя им подарки для участников³⁴; другие обеспечивают волонтеров бензином³⁵.

Технологии помогают волонтерам наладить связь и со Следственным комитетом для повышения эффективности поисково-спасательных работ: «...мобильное приложение „Оберег. Поиск детей“ позволяет за несколько минут оповестить большое количество волонтеров в разных населенных пунктах. В минувшем году с помощью этой программы были найдены пятеро детей. <...> на сайте Следственного комитета создан тематический раздел „Внимание, пропал ребенок!“, с информацией о разыскиваемых детях. <...> представители волонтерских организаций всегда имеют открытый доступ к актуальной информации о пропавших»³⁶.

³² Курьеры «Яндекс.Еды» будут помогать волонтерам «Лизы Алерт» искать пропавших людей // 66.ru. 2019. 5 августа. URL: <https://66.ru/news/society/223793/> (дата обращения: 09.02.2023).

³³ Сбербанк совместно с Лиза Алерт создадут «островки безопасности» // Плас. 2019. 21 ноября. URL: <https://www.plusworld.ru/daily/banki-i-mfo/sberbank-sovmestno-s-liza-alert-sozdadut-ostrovki-bezopasnosti/> (дата обращения: 09.02.2023).

³⁴ Отряд «Лиза Алерт» проведет в декабре первую в Томске «Рыжую елку» // РИА Томск. 2019. 16 ноября. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20191116/liza-alert-provedet-v-tomske-rizhuuyu-elku/> (дата обращения: 09.02.2023).

³⁵ Билайн, «ЕКА» и RuRu запустили сервис пожертвований для обеспечения топливом «Лиза Алерт» // СаратовБизнесКонсалтинг. 2019. 8 ноября. URL: <http://www.sarbc.ru/company/8448152/> (дата обращения: 09.02.2023).

³⁶ Розыск ведут добровольцы // Российская газета. 2019. 5 декабря. URL: <https://rg.ru/2019/12/05/skr-obiasnil-vazhnost-raboty-s-volontalami-po-poisku-propavshih-detej.html> (дата обращения: 09.02.2023).

Прогностический фрейм: снижение стихийности волонтерской помощи и дальнейшее встраивание в систему 112

Прогностический фрейм раскрывает условия и перспективы развития волонтерства в процессе его встраивания в систему реагирования на ЧС. На наш взгляд, общий тренд, прослеживаемый в СМИ, для государства связан со снижением стихийности волонтерского движения в ЧС за счет повышения контроля через юридические механизмы (принятие закона, волонтерские книжки), поддержку (через гранты и проч.), организацию обучения, а для волонтеров — с притоком в движение новых людей.

Официальная государственная риторика связана с важностью деятельности волонтеров в критических ситуациях и необходимостью встроить их в систему реагирования на ЧС в качестве помощников официальным службам посредством процесса обучения: «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях должно руководствоваться медицинским принципом: „не навреди“ — и тому, кому помогаешь, и себе самому. Именно поэтому Всероссийским студенческим корпусом спасателей в Москве была достигнута договоренность с Министерством чрезвычайных ситуаций России о создании во всех федеральных округах в 2019—2020 гг. ресурсных образовательных центров по первичной подготовке волонтеров. Дополнительно такие центры будут организованы в каждом регионе, где высока вероятность ЧС»³⁷. В ресурсных центрах по поддержке добровольчества в сфере культуры безопасности и ликвидации последствий стихийных бедствий смогут проходить подготовку волонтеры, которые хотя бы оказывать разного рода помощь в ЧС, включая гуманитарную и первую помощь.

Необходимость создания региональных центров по обучению поиску пропавших людей обозначена в Перечне поручений президента РФ В. В. Путина по итогам его встречи с представителями социально ориентированных НКО и волонтерского движения еще в 2017 г.

На фоне укрепления межсекторного сотрудничества в отдельных регионах трансформировалась работа системы реагирования на ЧС через расширение ранее закрытого доступа к информации о ЧС для волонтеров или создание единой информационной площадки: «„Очень важно начинать поиск как можно раньше, но зачастую о пропаже человека в лесном массиве мы узнаем только через несколько часов, а то и дней <...> мы можем начинать работать даже до выезда на место, собирать дополнительную информацию, с помощью современных технологий вычислять радиус поиска“. Для решения такой проблемы члены Общественного совета при комитете правительства Хабаровского края по гражданской защите предложили создать алгоритм обмена информацией между поисковыми отрядами и Дежурно-диспетчерской службой правительства Хабаровского края, на базе которой работает „система-112“. В ближайшее время специалисты системы такой алгоритм готовы разработать...»³⁸ Прослеживается тенденция к выработке координационных механизмов. Например, после взрыва в жилом доме

³⁷ Ресурсный центр для волонтеров создадут в Иркутской области // Твой Иркутск. 2019. 16 августа. URL: <https://www.irk.ru/news/20190816/volunteers/> (дата обращения: 09.02.2023).

³⁸ «Система-112» начнет сотрудничать с волонтерскими отрядами Хабаровского края // AmurMedia.ru. 2019. 6 октября. URL: <https://amurmedia.ru/news/862923/> (дата обращения: 09.02.2023).

в Магнитогорске МЧС России создало координационный центр по работе с волонтерами во время ЧС.

Другой аспект связан с развитием волонтерского движения на местах. Так, после наводнения в Тулуне предприниматель, который организовывал помощь пострадавшим, предложил инициировать «мобильное волонтерское движение»: «В чрезвычайных ситуациях людям, которые хотят помочь, зачастую не хватает знаний, опыта, технических средств. А ведь в первые часы пострадавшим особенно важна как техническая, так и чисто психологическая помощь, поддержка, нужна информация. Необходимо, чтобы добровольцы были готовы к этому. Объединение волонтеров в единое движение могло бы решить эту проблему»³⁹. Инициативу поддержали в Законодательном собрании Иркутской области.

В связи с необходимостью быстрого отклика со стороны волонтеров в ситуациях ЧС вопрос создания единого реестра подготовленных добровольцев прорабатывали и в МЧС⁴⁰.

Важным видится и укоренение традиций, ценностей и культуры добровольчества, а для этого «необходимо больше говорить о самих добровольцах, публиковать интересные истории в СМИ и социальных сетях»⁴¹.

Если же посмотреть с позиции самих волонтеров, то контуры дальнейшего развития своего движения они видят в расширении «новичкового» направления, то есть в необходимости привлечения новых мотивированных добровольцев в поисково-спасательные отряды и дальнейшем внедрении технологических решений в свою работу.

Мотивационный фрейм: участие волонтеров увеличивает количество спасенных людей

Мотивационный фрейм показывает эффективность и причины необходимости реагирования волонтеров на ЧС, а также масштаб и значимость их общественной роли.

В 2018 г. уже встречались упоминания важности волонтерского действия в области общественной безопасности, но в «богатом» на ЧС 2019 г. таких публикаций стало еще больше. Чаще всего подобная риторика исходила от представителей официальных служб спасения. Признавалось, что волонтеры усиливают их работу и способствуют увеличению количества спасенных людей⁴². Такое партнерство становится возможным благодаря снижению стихийности волонтерской деятельности, большей организованности и отработке алгоритмов взаимодействия: «Добровольцы поискового отряда „Лиза Алерт“, сотрудники МЧС, Службы спасения и МВД Костромской области отработали алгоритмы взаимодействия».

³⁹ В Иркутской области предложили создать мобильную волонтерскую дружину // ИА Телеинформ. 2019. 24 июля. URL: <http://i38.ru/obschestvo-obichnie/v-irkutskoy-oblasti-predlozhili-sozdat-mobilnuiu-volonterskuu-druzhinu> (дата обращения: 09.02.2023).

⁴⁰ Награды МЧС России вручены 19 волонтерам на Международном форуме добровольцев в Сочи // МЧС. 2019. 4 декабря. URL: <https://mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/4008490> (дата обращения: 09.02.2023).

⁴¹ Волонтерская деятельность становится все более популярной среди москвичей // Вечерняя Москва. 2018. 17 февраля. URL: <http://vm.ru/news/463290.html> (дата обращения: 09.02.2023).

⁴² Центр подготовки добровольцев для оказания помощи в зонах ЧС появится в Москве // Mosday. 2019. 7 августа. URL: <http://mosday.ru/news/item.php?1955998&tags=medic> (дата обращения: 09.02.2023).

<...> Такие тренировки помогут обеспечить максимальную эффективность работы всех служб»⁴³.

Официальные службы спасения рассматривают волонтеров как масштабный, высококвалифицированный и мотивированный ресурс: «это реальная сила, они хорошо подготовлены и мобильны, они хотят помочь своему краю»⁴⁴; «волонтеры во время чрезвычайных ситуаций в России стали более организованными и вносят заметный вклад в ликвидацию последствий катастроф. <...> волонтеры... оказывают на месте чрезвычайной ситуации и нам, и спасателям огромную помощь» (директор Центра экстренной психологической помощи МЧС Юлия Шойгу)⁴⁵. Оказывать посильную помощь во время ЧС стало проще благодаря социальным сетям и мессенджерам, в которых работают волонтеры.

Особенно важным видится признание представителем руководителя Департамента ГОЧСиПБ Москвы влияния деятельности ПСО «Лиза Алерт» на работу официальных служб, развитие и планирование системы 112: «Отряд значительно повлиял на развитие поиска в природной среде и поменял работу служб в этом направлении. У спасателей даже появилось определенное направление поиска — поиск пропавшего человека в природной среде»⁴⁶.

На высшем уровне признается, что взаимодействие между добровольцами, НКО и властями является залогом решения проблем, которые встают перед обществом сегодня: «не чиновники определяют повестку, а... некоммерческие организации, которые фактически с земли приносят проблемы, которые наиболее остро стоят в конкретных регионах и в стране в целом. <...> Такого рода взаимодействие является чрезвычайно важным» (вице-премьер РФ Татьяна Голикова)⁴⁷.

Например, волонтеры актуализируют проблему, связанную с пропажей пожилых людей в больших городах: «Если на одиноких детей общество более-менее готово реагировать, то старшие взрослые <...> как правило, не вызывают беспокойства. Эта та проблема, с которой мы сталкиваемся постоянно. <...> По статистике в возрасте 65 лет от деменции страдает каждый десятый человек, а в возрасте 75 лет — каждый пятый»⁴⁸. К решению этой проблемы волонтеры подходят при поддержке крупного социально ответственного бизнеса: «Наша задача — с помощью технологических решений способствовать созданию безопасной городской среды как на уровне одной семьи, так и на уровне общества в целом. <...> Решение

⁴³ Совместные учения впервые провели поисковики «Лизы Алерт», МЧС, МВД и Служба спасения Костромской области // МК-Кострома. 2018. 27 мая. URL: <http://kostroma.mk.ru/social/2018/05/27/sovместnye-ucheniya-vpervye-proveli-poiskoviki-lizy-alert-mchs-mvd-i-sluzhba-spaseniya-kostromskoy-oblasti.html> (дата обращения: 09.02.2023).

⁴⁴ «Система-112» начнет сотрудничать с волонтерскими отрядами Хабаровского края // AmurMedia.ru. 2019. 6 октября. URL: <https://amurmedia.ru/news/862923/> (дата обращения: 09.02.2023).

⁴⁵ Интервью: Волонтерское движение во время чрезвычайных ситуаций стало более организованным — МЧС // ТАСС. 2019. 17 сентября. URL: <https://tass.ru/interviews/6890350> (дата обращения: 09.02.2023).

⁴⁶ Московские спасатели приняли участие в VI Всероссийском форуме «Лиза Алерт» // Поселение Воскресенское в городе Москве. 2019. 15 ноября. URL: <https://admsspvoskresenskoe.ru/moskovskie-spasateli-prinali-ucastie-v-vserossijskom-forume/> (дата обращения: 05.05.2024).

⁴⁷ Голикова назвала взаимодействие добровольцев, НКО и властей залогом решения проблем // ТАСС. 2019. 5 декабря. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7267343> (дата обращения: 09.02.2023).

⁴⁸ Байлин и «Лиза Алерт» разработали приложение для поиска пожилых людей в городе // 66.RU. 2019. 26 ноября. URL: <https://66.ru/business/news/226504/> (дата обращения: 09.02.2023).

„Поисковый центр“ доступно для абонентов всех операторов связи (Евгения Чистова, руководитель по устойчивому развитию ПАО „ВымпелКом“)»⁴⁹.

Волонтеры поднимают вопросы пожарной безопасности, обращают внимание на важность профилактической работы для недопущения ЧС, а также на нехватку для этого как материальных, так и человеческих ресурсов у официальных служб и у самих волонтеров: «Налицо катастрофическое недофинансирование и нехватка кадров в лесных, пожарных и добровольческих организациях»⁵⁰.

Необходимость волонтерской помощи объясняют масштаб и специфика географического ландшафта российской территории. Например, «две трети огромной территории Якутии занимают горы. <...> Чтобы искать в таких условиях пропавших людей, активно привлекаются волонтеры. <...> ...чтобы не упустить драгоценное время, полиции и МЧС необходима помощь волонтеров, которые смогут оперативно реагировать, выполнять поиск со знанием дела, которые заметят следы заблудившегося человека и не упустят никаких важных деталей во время прочесывания местности»⁵¹.

Другим фактором вовлечения волонтеров становится нехватка штата сотрудников профессиональных служб: «Один сотрудник розыска ведет одновременно 40—60 дел. <...> ...Согласно анализу, для эффективной работы сотрудника количество дел не должно превышать 25—30 на человека. На практике их много больше, поэтому помощь волонтеров здесь очень ценна»⁵². В следственном ведомстве признают: «без добровольных помощников быстро найти „потеряшку“ почти невозможно. <...> Статистика СК такова, что подавляющее большинство потерявшихся ребят удается обнаружить в первые же часы либо сутки после исчезновения. И это удается сделать благодаря помощи волонтеров»⁵³. Значима и массовость волонтерского движения: «Большое количество участников и их представленность в регионах позволяют уже через 15 минут оказаться на месте. Безусловно, в поиске пропавших людей это серьезная поддержка и помощь»⁵⁴.

Важным фактором становится возможность для волонтеров действовать там, где у официальных служб не хватает полномочий или ресурсов: «В первую очередь добровольческие отряды приходят туда, где полномочия сотрудников МЧС ограничены — вскрыть случайно запертую дверь, помочь перенести лежащего инвалида. Помощь оказывается даже животным. <...> Главный фактор успеха — это оперативная реакция. <...> Нужно оказать первую помощь вовремя — желательно в первые 15 минут после происшествия. Чем больше обученных людей, тем больше они оказывают по-

⁴⁹ Билайн и «Лиза Алерт» разработали приложение для поиска пожилых людей в городе // 66.RU. 2019. 26 ноября. URL: <https://66.ru/business/news/226504/> (дата обращения: 09.02.2023).

⁵⁰ «Дешевле не допустить огня, чем его тушить»: волонтер из Екатеринбурга — о том, почему горят деревья // Екатеринбург он-лайн. 2019. 31 июля. URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-66180439-section_id-276.html (дата обращения: 09.02.2023).

⁵¹ В Якутии 1300 волонтеров научат поиску пропавших людей и оказанию первой помощи // Комсомольская правда. 2019. 19 июля. URL: <https://www.kp.ru/daily/27005.7/4066668/> (дата обращения: 09.02.2023).

⁵² Вячеслав Бородавко: «Помощь волонтеров очень ценна при розыске пропавших людей» // Городской портал Омска. 2018. 2 марта. URL: <https://www.om1.ru/news/society/134644/> (дата обращения: 09.02.2023).

⁵³ Розыск ведут добровольцы // Российская газета. 2019. 6 декабря. URL: <https://rg.ru/2019/12/05/skr-obiasnil-vazhnost-raboty-s-volonteram-i-po-poisku-propavshih-detej.html> (дата обращения: 09.02.2023).

⁵⁴ Как действует в Крыму поисковой отряд добровольцев «Лиза Алерт» // МК. 2019. 19 октября. URL: <https://crimea.mk.ru/social/2019/10/19/kak-deystvuet-v-krymu-poiskovoy-otryad-dobrovolcev-liza-alert.html> (дата обращения: 09.02.2023).

мощи вне своей спасательной деятельности и тем больше спасенных жизней»⁵⁵. Этот факт иллюстрирует позицию волонтеров как силы, закрывающей прорехи в работе социальных служб: «...освободив профессиональные кадры от... не таких важных в плане остроты и быстроты реагирования случаев. Берем их на себя... и развязываем руки МЧС, с одной стороны. И, с другой стороны, выполняем пробелы социальных... служб»⁵⁶. Немаловажным фактором здесь является и доверие волонтерам: «люди больше доверяют волонтерам, это играет большую роль в поисках»⁵⁷.

Иногда протоколы работы официальных служб могут снижать шансы на спасение потерявшихся, поскольку предполагают активизацию поисковой операции только через какое-то время: «У сотрудников полиции существуют определенные правила, по которым они осуществляют поиск граждан, пропавших без вести. Должно изначально пройти около трех суток, после этого заявление поступает в работу уже непосредственно в отдел, который занимается поиском пропавших граждан. <...> Здесь, конечно, большую роль играют волонтеры и добровольные помощники полиции, которые могут не ждать двух-трех дней»⁵⁸.

Волонтеры показывают свой потенциал также там, где не справляются местные администрации: «Стихийные бедствия этим летом доказали, что власти на местах не всегда успевают справиться с просьбами людей о помощи. Именно поэтому в пострадавших от пожаров и наводнений регионах колоссальную роль сыграли волонтеры»⁵⁹.

Выводы

Результаты анализа материалов СМИ показывают, что медиаимидж российского волонтера-спасателя в 2018—2019 гг. сформировался как образ «героя нашего времени», наделяемый идеологическими и социальными ценностями, отвечающими общественным потребностям.

Очевидным становится процесс легитимации спасательного волонтерства в России, оборотной стороной которого являются усиление государственного контроля за волонтерством, снижение его стихийности и управление в условиях ЧС. Речь идет о бюрократизации — разработке федеральных и региональных законодательных актов, регулирующих работу волонтеров, формировании реестров волонтеров, «книжек волонтеров», определении границ ответственности и полномочий сторон. Значимой темой являются проблемы подчинения и подготовки добровольцев в рамках работы госслужб в таких организациях, как Всероссийский студенческий корпус спасателей, Всероссийское добровольное пожарное общество, «Молодая гвардия» «Единой России», Росоюзспас; их обеспечение техникой

⁵⁵ Помощники МЧС. Московские волонтеры в 2019 году спасли 93 человека // *Аи Ф.* 2019. 4 декабря. URL: https://aif.ru/society/mchs/pomoshchniki_mchs_moskovskie_volontyory_v_2019_godu_spasli_93_cheloveka (дата обращения: 09.02.2023).

⁵⁶ Экспериментальную службу спасения создали волонтеры из Курска // *Россия 1. Вести.* 2018. 22 февраля. URL: <https://smotrim.ru/video/2163126> (дата обращения: 09.02.2023).

⁵⁷ Волонтер: на пропажу детей нужно всегда реагировать незамедлительно // *Vladnews.ru.* 2019. 15 ноября. URL: https://vladnews.ru/2019-11-15/162312/volonter_propazhu (дата обращения: 09.02.2023).

⁵⁸ Коварный грибной сезон. Отряд «Лиза Алерт» заявил о рекордном числе пропавших в лесах России людей // *BFM.ru.* 2019. 24 июля. URL: <https://www.bfm.ru/news/420198> (дата обращения: 09.02.2023).

⁵⁹ Глаза бояться — руки делают: иркутские волонтеры о том, почему важно помогать людям // *Комсомольская правда.* 2019. 16 августа. URL: <https://www.kp.ru/daily/27017.7/4079339/> (дата обращения: 09.02.2023).

и экипировкой; предоставление возможности бесплатного перемещения по стране в случае рекрутинга в другие регионы. Отдельно обсуждаются проблемы финансирования, выделяемого на конкурсной основе, открытие ресурсных и учебных центров подготовки волонтеров; совместные со штатными службами учения и акции, направленные на просвещение широких масс населения; организация мероприятий — форумов, конкурсов, встреч, инициированных государством.

Массовому вовлечению волонтеров способствует признание представителями государственного и волонтерского секторов ряда проблем:

- ограничений в работе официальных служб: нехватки персонала, времени, финансирования, специальных гибких методик реагирования на ЧС, в том числе связанных с недостаточным технологическим оснащением;

- специфики и масштаба современных бедствий, их «уникальности»;

- масштаба территории РФ и рационализации использования сил профессионалов;

- запроса со стороны гражданского общества на участие в реагировании на ЧС;

- масштаба и уровня организационного и инфраструктурного развития волонтерского движения;

- актуализации проблем, связанных с оказанием помощи населению в ситуациях, остающихся вне поля компетенции чрезвычайных служб (поисково-спасательные работы в природной среде, спасение животных);

- близости волонтеров к населению, открывающей возможность оказать пострадавшим первую помощь до прибытия специальных служб.

В частности, заметен тренд на усиление позиций поисково-спасательного волонтерства, признание его уникальности и влияния его методик на работу официальных служб.

В СМИ волонтерам отводится роль специалистов по безопасности, носителей уникальных методов работы в ЧС, но в то же время постоянно делается акцент на позиции «помощников» официальных служб; им отведена функция связующего звена между обществом и государственными службами. Также добровольцам отдают традиционную для некоммерческого сектора функцию просвещения населения по вопросам безопасности и охраны окружающей среды. Выступая в статусе экспертов в СМИ, они расширяют представления аудитории о ЧС, включая в него такие случаи, как пропажа людей и природные пожары в отдалении от поселений, а также поднимают социально значимые вопросы, касающиеся реабилитации населения после бедствий, заботы о пожилых.

Список литературы (References)

Башева О. А., Ермолаева П. О. Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 49—71. <https://www.doi.org/10.19181/vis.2020.11.1.625>.
Basheva O. A., Ermolaeva P. O. (2020) The Phenomenon of Digital Volunteerism in Emergency Situations: Its Essence, Types and Theoretical Framework. *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 11. No. 1. P. 49—71. <https://www.doi.org/10.19181/vis.2020.11.1.625>. (In Russ.)

Демушина О. Н. СМИ как инструмент легитимации институтов власти // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 3. С. 71—75. Demushina O. N. (2008) The Media as a Tool for Legitimizing Government Institutions. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. No. 3. P. 71—75. (In Russ.)

Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское волонтерство в чрезвычайных ситуациях: портрет, мотивы, деятельность. 2021. № 3. <https://www.doi.org/10.19181/INAB.2021.3>.

Information and Analytical Bulletin (INAB). (2021) Russian Volunteering in Emergency: Portrait, Motives, Activities. No. 3. <https://www.doi.org/10.19181/INAB.2021.3>. (In Russ.)

Московская А. А., Берендяев А. А., Москвина А. Ю. Между социальным и экономическим благом: конфликт проектов легитимации социального предпринимательства в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 31—51. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.02>.

Moskovskaja A. A., Berendjaev A. A., Moskvina A. Ju. (2017) Between Social and Economic Good: Conflicting Projects of Legitimation of Social Entrepreneurship in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 31—51. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.02>. (In Russ.)

Benford R. D., Snow D. A. (2000) Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment. *Annual Review of Sociology*. Vol. 26. P. 611—639. <http://www.jstor.org/stable/223459> (accessed: 25.04.2024).

Britton N. (1991) Permanent Disaster Volunteers: Where Do They Fit? *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 4. No. 20. P. 395—414.

Brugman B. C., Burgers C. (2018) Political Framing across Disciplines: Evidence from 21st-Century Experiments. *Research & Politics*. Vol. 5. No. 2. <https://www.doi.org/10.1177/2053168018783370>.

Calcutt B. (2019) Valuing Volunteers: Better Understanding the Primary Motives for Volunteering in Australian Emergency Services. Master of Philosophy thesis. School of Management, Operations and Marketing. University of Wollongong.

D'Angelo P. (2002) News Framing as a Multiparadigmatic Research Program: A Response to Entman. *Journal of Communication*. Vol. 52. No. 4. P. 870—888. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2002.tb02578.x>.

Entman R. M. (1993) Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*. Vol. 43. No. 4. P. 51—58. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>.

Francis J., Jones M. (2012) Emergency Service Volunteers: A Comparison of Age, Motives and Values. *Australian Journal of Emergency Management*. Vol. 27. No. 4. P. 23—28.

Hewege C., Mitchell J. (2013) Understanding Media Constructions of Volunteering: An Australian Perspective. *Asia Pacific Journal of Social Work and Development*. 2013. Vol. 23. No. 3. P. 155—167. <https://doi.org/10.1080/02185385.2013.818198>.

Holwitt P., Strohschneider S., Zinke R., Kaizer S., Kranert I., Linke A., Maehler M. (2017) A Study of Motivational Aspects Initiating Volunteerism in Disaster Management in Germany. *International Journal of Safety and Security Engineering*. Vol. 7. No. 3. P. 294—302. <https://doi.org/10.2495/SAFE-V7-N3-294-302>.

Lage D. A., Brant L. N. C. (2008) The Growing Influence of Non-Governmental Organizations: Chances and Risks. *Anuário Brasileiro de Direito Internacional*. Vol. 1. P. 79—93.

Landry A., Price C., Colwell R. (2022) The Rising Importance of Volunteering to Address Community Emergencies. *Canadian Journal of Emergency Management*. Vol. 2. No. 1. P. 56—67. <https://doi.org/10.25071/rxc1hw42>.

Lindekilde L. (2014) Discourse and Frame Analysis: In-Depth Analysis of Qualitative Data in Data in Social Movement Research. In: della Porta D. (ed.) *Methodological Practices in Social Movement Research*. Oxford: Oxford Academic. P. 195—227. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198719571.003.0009>.

Mendonça R. F., Simões P. G. (2022) Frame Analysis. In: S. A. Ercan et al. (eds.) *Research Methods in Deliberative Democracy*. Oxford: Oxford Academic. P. 345—355. <https://doi.org/10.1093/oso/9780192848925.003.0024>.

Pan Z., Kosicky M. (1993) Framing Analysis: An Approach to News Discourse. *Political Communication*. Vol. 10. No. 1. P. 55—75. <https://doi.org/10.1080/10584609.1993.9962963>.

Scheufele D. A. (1999) Framing as a Theory of Media Effects. *Journal of Communication*. Vol. 49. No. 1. P. 103—122. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1999.tb02784.x>.

Tong J. (2022) Confronting COVID-19: Constructing and Contesting Legitimacy through the Media in Chinese Contexts. *Chinese Journal of Communication*. Vol. 15. No. 2. P. 145—155. <https://doi.org/10.1080/17544750.2022.2054514>.

Twigg J., Mosel I. (2017) Emergent Groups and Spontaneous Volunteers in Urban Disaster Response. *Environment and Urbanization*. Vol. 29. No. 2. P. 443—458. <https://doi.org/10.1177/0956247817721413>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2527](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2527)

А. Д. Казун

ПОТРЕБЛЕНИЕ НОВОСТЕЙ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РУТИНЕ ДУМСКРОЛЛЕРОВ

Правильная ссылка на статью:

Казун А. Д. Потребление новостей в повседневной рутине думскроллеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 226—244. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2527>.

For citation:

Kazun A. D. (2024) News Consumption in the Daily Routine of Doomscrollers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 226–244. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2527>. (In Russ.)

Получено: 28.11.2023. Принято к публикации: 05.03.2024.

ПОТРЕБЛЕНИЕ НОВОСТЕЙ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РУТИНЕ ДУМСКРОЛЛЕРОВ

КАЗУН Анастасия Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований; доцент факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: adkazun@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9633-2776>

NEWS CONSUMPTION IN THE DAILY ROUTINE OF DOOMSCROLLERS

Anastasia D. KAZUN¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology; Associate Professor at the Faculty of Social Sciences

E-MAIL: adkazun@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9633-2776>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. Изменения в медиасреде и ситуационный контекст привели к тому, что в 2022 г. многие россияне существенно увеличили потребление новостей. Часть потребителей информации можно было охарактеризовать как думскроллеров — чрезмерно активных потребителей негативных новостей, несмотря на связанные с ними тревогу и злость. В данной работе рассматривается, как такие медиарепертуары вписываются в рутину, соотносятся с другими повседневными активностями и локализируются во времени и пространстве. Эмпирическую базу исследования составили 47 интервью с думскроллерами, проведенные в период с 20 ноября 2022 г. по 30 марта 2023 г. Делается вывод, что потребление новостей может быть интегрировано в рутину думскроллеров двумя способами. Оно может быть (1) распределенным в течение дня или (2) происходить в выделенное время. В первом случае новости заполняют свободное время человека, в том числе в моменты переключения между разными задачами. Такое распределенное потребление информационного контента может происходить в необычных контекстах: на вечеринке, на выставке, в душе, в состоянии сильного

Abstract. Changes in the media environment and the situational context have led to many Russians significantly increasing their news consumption in 2022. Some of them could be described as doomscrollers — overly active consumers of negative news, despite the anxiety and anger associated with it. This article examines how such media repertoires fit into routines, relate to other everyday activities, and are localized in time and space. The empirical basis of the study is 47 interviews with doomscrollers conducted from November 20, 2022 to March 30, 2023. The study shows that news consumption can be integrated into doomscrollers' routines in two different ways. It can be (1) spread out throughout the day or (2) occur at a designated time. In the first case, news fills a person's free time, including when switching between different tasks. Such distributed consumption of information content can occur in unusual contexts: at a party, at an exhibition, in the shower, in a state of strong alcoholic intoxication, etc. In the second case, informants emphasize that they deliberately choose a time and location for viewing news, which allows them to combine several daily activities or consume information content in an environment that is

алкогольного опьянения и т. д. Во втором случае информанты подчеркивают, что они сознательно выбирают время и локацию для просмотра новостей, что позволяет им совмещать несколько повседневных активностей или потреблять информационный контент в среде, которая воспринимается как более безопасная и комфортная. Сделан вывод, что классифицировать интенсивное потребление новостей как проблемное следует не только на основании количественных показателей, но и исходя из того, как оно вписано в распорядок дня и соотносится с другими повседневными активностями. Отдельные практики потребления информации, выделенные для думскроллеров, вероятно, являются следствием технического развития и перехода к медиасреде с большим выбором. Можно предположить, что они свойственны и менее активным потребителям новостей.

Ключевые слова: думскроллинг, проблемное медиапотребление, потребление новостей, медиасреда с большим выбором, медиазависимость, исследования аудитории

Благодарность. Исследование поддержано Российским научным фондом (РНФ), грант № 23-78-01206, <https://rscf.ru/project/23-78-01206/>.

Введение

Значительная часть совершаемых нами действий обуславливается привычками [Wood et al., 2002; Wood, Neal, 2009]. Это касается и просмотра новостей [Diddi, LaRose, 2006; Groot Kormelink, 2023]. Медиапотребление (1) вписано в рутину пользователя, (2) само по себе является хабиитуализированным, (3) может структурировать повседневность. Выбирая, из каких источников и в каком объеме узнавать новости, люди принимают во внимание свои повседневные активности, которые, в свою очередь, могут влиять на время и место потребления информационного контента. Решение об использовании того или иного ресурса может

perceived as safer and more comfortable. The author concludes that high news consumption should be classified as problematic not only on the basis of quantitative indicators, but also on the basis of how it fits into the daily routine and correlates with other daily activities. The particular practices of information consumption identified for doomscrollers are likely a consequence of the transition to high-choice media environment and technological developments. It can be assumed that they are also typical for less active news consumers.

Keywords: doomscrolling, problematic news consumption, news consumption, high-choice media environment, media addiction, audience studies

Acknowledgments. The study is supported by the Russian Science Foundation, grant № 23-78-01206, <https://rscf.ru/project/23-78-01206/>.

основываться не на его воспринимаемом качестве, а на том, насколько хорошо он вписывается в повседневный распорядок дня [Hill, Gauntlett, 1999]. Со временем практики медиапотребления хабиитуализируются. Отдельные исследователи даже обращают внимание на то, что люди могут продолжать оплачивать подписку на новостные ресурсы, которые им уже не нравятся, просто в силу привычки [Swart et al., 2017]. Сформированные таким образом медиарепертуары начинают влиять на распорядок дня. Например, в эпоху традиционных медиа детей в семьях укладывали спать до начала выпуска новостей или после его завершения [Costera Meijer, Groot Kormelink, 2015]. Привычки в отношении потребления информации принято считать устойчивыми, а их изменения — связывать с серьезными переменами в повседневной жизни человека или крупными новостными событиями, которые отражаются на потребности в информации [Diddi, LaRose, 2006; Ghersetti, Westlund, 2018].

Тем не менее существует ряд тенденций, существенно меняющих процесс потребления новостей. Наиболее глобальные перемены связаны с переходом к медиасреде с большим выбором (*high-choice media environment*) [Van Aelst et al., 2017]. Резкое увеличение доступности информации способствовало замене преимущественно домашнего потребления [Schrøder, 2015] в утренние и вечерние часы просмотром новостей в рабочее время [Boczkowski, 2010]. Массовый характер приобрело поверхностное ознакомление с новостями в ходе коротких часто повторяющихся проверок — «перекусывание новостями» (*news snacking*) [Barnes et al., 2023; Ohme, Mothes, 2023]. Таким образом, технологическое развитие способствовало изменениям места, времени, регулярности и продолжительности потребления информационного контента.

Одновременно с этим привычки в отношении просмотра новостей трансформировались под влиянием кризисных ситуаций. Например, изменение распорядка дня и увеличение потребности в ориентации на медиаконтент¹ (*need for orientation*) во время пандемии COVID-19 способствовали чрезмерному вниманию к информационному контенту [Broersma, Swart, 2022; Максименко и др., 2022]. В целом переход к избыточному потреблению новостей проблематизируется и описывается в терминах зависимости (*addiction*) [Tang et al., 2020], запоя (*binge-watching*) [Wojcieszak et al., 2022], наркомании (*news junkies*) [Broersma, Swart, 2022; Mourão et al., 2018] или думскроллинга [Mannell, Meese, 2022; Ytre-Arne, Мое, 2021]. В данном исследовании мы оперируем последним термином, поскольку он носит наименее оценочный и нормативно нагруженный характер. Под думскроллингом будем понимать избыточное и болезненное внимание к негативным новостям, сохраняющееся, несмотря на вызываемые ими тревогу или злость.

Хотя исследования чрезмерного потребления информационного контента отнюдь не многочисленны, они посвящены лишь отдельным аспектам данного

¹ Согласно концепции потребности в ориентации, люди в ситуациях, которые представляются им важными, но недостаточно понятными, активнее ищут информацию, а медиасообщения становятся основой для выработки позиции [Matthes, 2008]. Пандемия коронавируса оказалась именно такой — релевантной, но связанной с высокой неопределенностью — проблемой. Желание преодолеть неопределенность должно было подтолкнуть людей к более активному потреблению новостей по данной теме. Таким образом, если события понятны или незначимы для человека, его желание ориентироваться на медиасообщения невелико, тогда как актуальные вопросы, в отношении которых наблюдается высокая неопределенность (как это и бывает в кризисных ситуациях), способствуют поведению, направленному на поиск информации.

явления. Прежде всего, избыточное внимание к новостям обычно анализируется с опорой на количественные показатели. В частности, таким образом классифицируется просмотр новостей более четырех [Silver et al., 2013] или более шести часов в день [Holman et al., 2014]. Авторы обращают особое внимание на последствия такого активного медиапотребления для физического и ментального здоровья [Boukes, Vliegenthart, 2017; McLaughlin et al., 2022; Szabo, Hopkinson, 2007]. Тогда как практики, свойственные думскроллингу, и то, как они вписываются в повседневную рутину пользователей, обычно остаются за рамками исследований. Мы предполагаем, что рассматриваемый феномен не является гомогенным и нуждается не только в количественной оценке, но и в более детальном описании. В частности, часы просмотра новостей могут различным образом распределяться в течение дня, сочетаясь с другими повседневными активностями. От того, как организовано потребление информационного контента, могут зависеть последствия думскроллинга.

Современный российский контекст позволяет изучать практики и привычки, связанные с проявлениями думскроллинга. Осенью 2022 г. практически половина россиян (47,3%) декларировала возросшее по сравнению с началом года потребление экономических и политических новостей [Радаев, ред., 2023]. Тревожное настроение в обществе² способствовало повышению внимания к такой информации. Новости стали средством преодоления (чувства) неопределенности, а кризисная ситуация могла как увеличить роль новостей в повседневности россиян, так и способствовать пересмотру или расширению списка используемых источников информации. Сами думскроллеры приводили широкий спектр обоснований для повышенного внимания к новостям [Казун, 2024]. Одновременно с этим трансформировалась медиасреда. В частности, отдельные медиа и социальные сети были заблокированы, их использование без VPN оказалось недоступно. Опросы общественного мнения показывают, что роль некоторых источников информации существенно возросла. Так, в январе 2022 г. «Телеграм» был основным новостным ресурсом для 6% россиян, а в сентябре 2022 г. — уже для 18%³. Активная публичная дискуссия о проблеме фейковых новостей, которая началась в этот же период, могла подрывать доверие в том числе и к корректной информации [Duyn, Collier, 2019; Hameleers et al., 2022], подталкивая россиян к изменениям в своем медиарационе.

Таким образом, трансформацию медиапривычек россиян можно связать с несколькими причинами: (1) технологическим развитием и повышенной доступностью новостей, (2) кризисной ситуацией и увеличением потребности в ориентации на медиаконтент, (3) изменениями медиаландшафта (блокировкой ресурсов, появлением новых источников информации, например, телеграм-каналов «военкоров»), (4) публичной дискуссией о фейковых новостях и растущей поляризацией общества, которые могли способствовать изменению списка используемых ис-

² Доминанты. Поле мнений // Социологический бюллетень. Фонд «Общественное мнение». 2022. 10 ноября. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d442022.pdf> (дата обращения: 22.04.2024).

³ Основные источники информации россиян // Левада-Центр. 2022. 3 ноября. URL: <https://www.levada.ru/2022/11/03/osnovnye-istochniki-informatsii-rossiyan> (дата обращения: 22.04.2024) (материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

точников (например, отказу от идеологически чуждых информационных ресурсов даже при повышенном потреблении новостей в целом [Казун, 2023]). В данном исследовании мы рассмотрим, как в условиях такой турбулентности думскроллеры интегрировали повышенное потребление новостей в свою повседневную жизнь.

Методология

Эмпирическая база исследования состоит из 47 полуструктурированных интервью, проведенных в период с 20 ноября 2022 г. по 30 марта 2023 г. с россиянами, идентифицирующими себя как думскроллеров. При отборе информантов мы учитывали, что привычки в отношении потребления новостей зависят от медиасреды, в рамках которой происходила социализация индивида, а значит, имеют поколенческие различия [Bolin, 2017; Westlund, Weibull, 2013]. Исследователи также отмечают наличие гендерного разрыва в количестве и тематике просматриваемых новостей [Benesch, 2012; Rosentiel, 2008]. Соответственно, для обеспечения гетерогенности выборки важно варьировать такие параметры, как пол и возраст информантов. В итоге интервью были проведены с 21 мужчиной и 26 женщинами. Возраст информантов варьируется от 18 до 74 лет. Вместе с тем выборка смещена в сторону более молодых возрастных групп, поскольку для них более свойственно потребление новостей в интернете, которое обычно способствует возникновению думскроллинга. Список информантов представлен в таблице 1 приложения.

В рамках исследования мы относили информантов к думскроллерам на основании самооценки их потребления новостей как избыточного, болезненного, сфокусированного на негативном контенте. В выборку не были включены люди, которые просматривают большое количество новостей вынужденно, например в силу своей профессии. Также за рамками исследования остались те россияне, которым свойственно активное потребление новостей, не являющихся негативными или не относящихся к сферам политики, экономики или происшествий. Медиапотребление таких людей может в некоторых случаях быть классифицировано как зависимое, однако оно не является думскроллингом.

Анализируя свойственные думскроллерам режимы потребления новостей, мы обращаем особое внимание на локацию и контекст, в которых происходит ознакомление с информацией, а также на временной аспект ее просмотра (время суток, регулярность, продолжительность).

Думскроллинг: режимы медиапотребления

Думскроллинг является неоднородным феноменом и может предполагать различные способы потребления информации. На основании анализа интервью были выделены два режима потребления новостей: распределенное в течение дня и просмотра в выделенное время.

Распределенное в течение дня потребление новостей

В современном мире люди имеют доступ к новостям практически в любом месте и в любое время. Поэтому многие информанты ожидаемо рассказывают, что проверяют новости многократно в течение дня. Фактически информация о собы-

тиях повестки дня заполняет все паузы между повседневными активностями — рабочими задачами, домашним хозяйством и т. д. Новости просачиваются через рутинные практики и выступают своеобразными переходами между ними. Анна (39)⁴ описывает потребление информационного контента следующим образом:

Обычно я делаю это с утра, чтобы узнать, что за ночь произошло, и в моменты, когда на работе появляется свободная минутка и нужно на что-то переключиться. Я почему-то считаю, что на новости переключиться это будет хороший вариант, в какой-то момент, когда ты не знаешь, куда деть свое внимание.

Думскроллеры просматривают новости, когда у них появляется «свободная минута» (Михаил, 9; Михаил, 14; Андрей, 25; Яна, 26; Мария, 27; Даниил, 41; Алексей, 44), «свободные пять минут» (Анастасия, 4; Дарья, 47), «свободное время» (Татьяна, 2; Александр, 12; Анна, 31; Никита, 35), когда возникают «промежутки между работой и учебой» (Анастасия, 5) или когда «ничего делать» (Сеймур, 8; Александр, 30). Таким образом, в рассказах информантов ярко выражен нарратив о том, что «когда появляется пустое место, туда залезают новости» (Татьяна, 2). Новости позволяют заполнить свободное время, по-видимому, выполняя также развлекательную функцию и выступая формой эскапизма. При этом утренний цикл проверки может предполагать более детальное и длительное ознакомление с информацией по повестке дня, тогда как просмотры в течение дня выглядят отчасти похожими на «перекусывание новостями» [Molunex, 2018; Schäfer, 2020]. Впрочем, «перекусывание» предполагает поверхностное и краткое ознакомление с информацией, тогда как интервьюируемые упоминают, что такая проверка может занимать у них продолжительное время (например, около получаса).

При этом потребление информации о повестке дня может становиться еще более избыточным в случае небольшой загруженности информанта. Александр (30) отмечает:

Был период такой, когда нас работодатель отправил в оплачиваемый отпуск весной, в апреле прошлого [2022] года. Соответственно, делать нечего, освободившееся время заполнили новости.

Арина (13) описывает похожую ситуацию:

Когда я переехала в другой город, у меня резко снизилось количество активности вне вуза. И, мне кажется, я почти все свое свободное время теперь посвящаю этому [просмотру новостей]. Это такой способ уйти от реальности и просто трата времени впустую.

Современные исследователи нередко рассматривают внимание как ограниченный ресурс, борьбу за который ведут СМИ, политики, компании [Pedersen et al., 2021]. В случае отсутствия у человека альтернатив, между которыми распределя-

⁴ Здесь и далее в скобках после имени указан номер интервью, согласно таблице 1 в приложении. Таблица со списком информантов включает основную информацию, релевантную для исследования, которая, однако, не позволяет идентифицировать проинтервьюированных людей.

ется внимание, фокус интереса может быть смещен. Таким образом, повышенное внимание к новостям в некоторых случаях связано не только с информационной функцией СМИ, но и с возросшим количеством свободного времени, которое перераспределяется в пользу потребления такого контента.

Распределенное в течение дня потребление новостей нередко сопровождается необычными практиками. Например, Вероника (3), Анастасия (5), Екатерина (37) и Давид (46) слушали и читали новости в душе или в ванной, а Мария (27) — во время чистки зубов. Анастасия (5) описывает этот опыт следующим образом:

Я не успевала просмотреть одно интервью с главой Центробанка России, а мне было прямо очень интересно. В общем, я пошла в душ и просто на фоне в ванной включила его на громкую связь.

Для Анастасии просмотр новостей в такой нестандартной обстановке был однократным, вызванным высоким интересом к конкретному медиапродукту. При этом другие информанты, например Екатерина (37), описывают такую практику как регулярную:

Стою в душе и, если телефон разблокирован, я вижу какое-то уведомление из новостного канала, я могу пролистать в душе, открыть какое-то уведомление, посмотреть, что там такого произошло.

Существуют и другие примеры, как информанты потребляют новости в необычных обстоятельствах. Так, Яна (26) и Никита (35) рассказывают, что просматривают новости, находясь на вечеринках, а Даниил (41) — на выставке изобразительного искусства. Михаил (9) отмечает:

Я в состоянии алкогольного опьянения все равно пытаюсь мониторить новости. Потом иногда оказывается, что я ничего не запомнил, и с утра я перечитываю все как в первый раз.

При этом подобное поведение иногда вызывает непонимание и осуждение социального окружения, в частности друзей информантов, которые присутствуют с ними на вечеринке. Более того, сами интервьюируемые могут воспринимать свое повышенное внимание к новостям как нарушение социальной нормы. Кристина (19) рассказывает:

Когда я летела в самолете домой, то первым делом, когда у меня появилась связь, у меня сразу же начали приходить какие-то политические уведомления, и я сразу же начала их читать. Я даже не написала маме о том, что я приземлилась, — я сразу начала их читать.

Кристина считает правильным сообщить о прилете родственникам, однако пауза в потреблении новостей и приходящие на смартфон push-уведомления подталкивают сначала уделить внимание их обновлением.

Такой диссонанс между социальными нормами, потреблением новостей и разнообразными рутинными задачами можно описать как аритмию в терминах Анри Лефевра [Lefebvre, 2013]. Стремление к постоянному мониторингу информации по повестке дня начинает нарушать другие повседневные активности: «Как-то шла по улице, читала новости, ну, и споткнулась, и чуть не упала» (Мария, 27). Таким образом, избыточное потребление новостей в данном случае можно интерпретировать как, по крайней мере отчасти, деструктивное, причем не исходя из его негативно-го влияния на ментальное и физическое здоровье как это делалось неоднократно, а в связи с тем, что оно препятствует повседневной жизни думскроллеров.

Потребление в выделенное время

Альтернативой распределенному в течение дня вниманию к новостям является их просмотр в выделенное время. Если в первом случае потребление информации выглядит как многократные, но нередко непродолжительные посещения соответствующих ресурсов, то во втором речь идет о более длительных периодах просмотра новостей, которые при этом происходят, как правило, в определенное время. Объем контента, с которым знакомятся представители этих двух групп, может существенно не различаться.

Потребление новостей в выделенное время может быть направлено на оптимизацию режима дня, более эффективное распределение времени, например посредством совмещения нескольких активностей. Вероника (3) отмечает: «обычно смотрю новости и занимаюсь параллельно каким-то другим делом», при этом «делаю это ближе к вечеру, когда готовлю или принимаю пищу, потому что обычно ближе к вечеру и появляется новостная сводка всего того, что произошло за день, утром еще может быть неизвестно ни о чем, а вечером уже почти во всех источниках появляется полный разбор событий». Другим примером экономии времени, которое тратится на новости, может служить опыт Елены (21), которая проводит продолжительное время, перемещаясь между домом и работой, совмещая дорогу с ознакомлением с повесткой дня:

В связи с моим образом жизни у меня не очень много свободного времени — я всегда смотрю новости по дороге на работу. Дорога занимает около полутора часов, и времени хватает, чтобы все, что интересует, посмотреть. И по дороге с работы, как правило, тоже.

Резкое увеличение уделяемого информационному контенту времени возможно либо за счет его заимствования у других активностей (начал меньше времени уделять работе, прогулкам, домашнему хозяйству и за счет этого стал больше смотреть новости), либо через совмещение потребления новостей с типичными повседневными делами. Последнее представляется более конструктивным, поскольку не заставляет жертвовать другими задачами. В данном случае мы можем говорить о полиритмии [Lefebvre, 2013], которая возникает в процессе потребления новостей. Просмотр информационного контента совмещается с другими повседневными делами, при этом такое совмещение не наносит ущерб ни одной из активностей⁵.

⁵ Например, одновременное приготовление ужина и просмотр новостей не приводят ни к снижению качества пищи, ни к недостаточной погруженности в новости. Данные активности сосуществуют в расписании дня, не вступая в конфликт.

Впрочем, решения думскроллеров не обязательно будут направлены на экономию времени. Люди могут также выбирать наиболее комфортные для них условия потребления новостей. Хотя просмотр информационного контента в дороге часто упоминается информантами (Александр, 16; Елена, 21; Валерия, 22; Яна, 26; Анна, 31; Екатерина, 32), Татьяна (2) приняла решение от него отказаться, аргументировав это так:

Я обычно читаю дома, где я точно знаю, что я в безопасности. Потому что я видела случай в метро, где человек поругался с соседом, потому что он увидел, что он в «Телеграме» открыл. Я не то чтобы боюсь, что то же самое будет со мной, но как будто я себя не чувствую в безопасности, потому что я не знаю, что за люди вокруг едут⁶.

Формируя привычки в отношении медиапотребления, думскроллеры могут прикладывать усилия, чтобы сделать этот процесс комфортным. Информанты говорят о сознательном выборе контекста для просмотра информационного контента. Подобные попытки встраивания потребления новостей в рутину демонстрируют, что думскроллинг не всегда следует интерпретировать как проблемное поведение или зависимость от информации.

В целом у информантов сложился определенный стиль потребления новостей, который включает в себя временной (когда происходит просмотр новостей, с какой продолжительностью и регулярностью) и пространственный аспекты. При этом могут предприниматься попытки корректировки соответствующих привычек, если они воспринимаются как нежелательные в целом или в конкретный момент времени. Управление такими привычками может осуществляться через периодическое проведение цифрового детокса либо посредством приоритизации других активностей. Яна (26) описывает свои попытки соблюдать цифровую гигиену следующим образом:

Да вот я как раз ранее говорила о том, что я специально себе устраивала такие «дни детокса», но вот меня хватало максимум на один день, потом я все равно волей-неволей залезала в интернет, смотрела, че ж я такого пропустила там интересного.

Андрей (25) отмечает:

На выходных я занимаюсь своими делами. Если грядки копаю, например, то вообще могу не смотреть новости. Вечером приходится навестывать, смотрю, что произошло.

Таким образом, хотя просмотр новостей становится частью повседневности думскроллеров, он не воспринимается как неконтролируемый. Вместе с тем информанты указывают на потребность в дальнейшем компенсировать периоды эпизодического непотребления новостей и ознакомиться с пропущенной инфор-

⁶ Через четыре месяца с момента этого интервью в Москве после жалобы пассажира на дискредитирующий российскую армию контент в смартфоне был задержан и арестован на 14 суток мужчина. Подробнее об этом см.: Павленко О. Мужчина в Москве арестован на 14 суток по доносу пассажира метро о дискредитирующем контенте в телефоне // Коммерсантъ. 2023. 18 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5886539> (дата обращения: 22.04.2024).

мацией. Регулирование внимания к повестке дня представляет собой попытки перераспределения когнитивных, эмоциональных и временных ресурсов в конкретный момент и не нацелено на изменение привычек в целом.

Обсуждение результатов

Медиапотребление может быть интегрировано в рутину думскроллеров различными способами. *Распределенное в течение дня* потребление новостей выглядит как заполнение информационным контентом свободного времени, в том числе при переключении между разными задачами. Информанты используют возможность просматривать новости в любом месте и в любой момент времени. Поэтому потребление информации начинается происходить в необычных обстоятельствах — на вечеринке, в душе и т. д. Подобные практики не всегда соответствуют социальным нормам и ожиданиям окружающих и могут негативно сказываться на выполнении повседневных задач. В случае *потребления новостей в выделенное время* информанты демонстрируют саморегуляцию соответствующего поведения. Просмотр информации по повестке дня происходит в пространственно-временном контексте, который представляется для этого наиболее подходящим, поскольку позволяет оптимизировать распорядок дня или же в силу воспринимаемого комфорта и безопасности. Таким образом, в первом случае мы можем говорить о наличии аритмии между просмотром новостей и другими повседневными активностями, тогда как во втором случае наблюдается скорее полиритмия [Lefebvre, 2013].

Классифицировать интенсивное потребление новостей как проблемное [McLaughlin et al., 2022] следует не только на основании количественных показателей, но и исходя из того, как оно вписано в распорядок дня и соотносится с другими повседневными активностями. *Распределенное в течение дня* потребление новостей может принимать деструктивную форму, отвлекая от других важных дел. Тогда как потребление новостей в выделенное время при сопоставимом объеме просматриваемого контента выглядит управляемым и не кажется угрожающим повседневной жизни людей. Впрочем, попытки управления потреблением новостей обычно направлены на освобождение ресурсов для выполнения тех или иных задач в конкретный момент времени и не нацелены на корректировку сложившихся привычек в целом. Следует также отметить, что последствия выявленных режимов думскроллинга для физического и ментального здоровья, для продуктивности и успешности выполнения повседневных задач нуждаются в дальнейшей количественной оценке. На данных интервью нельзя однозначно оценить их конструктивность или деструктивность.

Ряд выделенных тенденций, по-видимому, являются общими и присущими не только думскроллерам — например, многократные короткие проверки обновлений, которые обычно описываются в терминах «перекусывания новостями» [Barnes et al., 2023; Ohme, Mothes, 2023]. Информация в этом случае потребляется в промежутках (interstices) в распорядке дня между запланированными действиями [Dimmick et al., 2011]. Исходя из имеющейся литературы, можно предположить, что такой режим просмотра новостей связан в первую очередь с влиянием мобильных устройств на медиарепертуары пользователей [Molunex, 2018], с появ-

лением бесконечных лент, способствующих пролистыванию большого числа заголовков (scrollability) [Searles, Feezell, 2023], или предпочтением определенных источников информации, например телеграм-каналов [Lou et al., 2021]. Таким образом, режимы потребления информации думскроллеров, вероятно, сформировались в результате одновременного влияния различных факторов — как развития технологий и перехода к медиасреде с большим выбором, так и кризисной ситуации, способствовавшей повышенному вниманию к новостям.

Следует отметить, что данное исследование не свободно от ряда ограничений. Прежде всего, категория думскроллеров выделялась на основании самооценок, которые не всегда тождественны фактическому объему потребляемого контента. В качестве попытки контролировать возможные расхождения в гайд были добавлены вопросы о частоте и продолжительности потребления новостей. В большинстве интервью количественные оценки информантов не вступают в противоречие с идентификацией себя как думскроллера. То есть люди, отмечающие, что они уделяют слишком большое внимание негативным новостям, также декларируют значительные временные затраты на потребление новостей (например, несколько часов в день). Другое ограничение исследования связано с потенциальной сенситивностью вопросов о внимании к новостям. Для снижения вероятности получения социально одобряемых ответов в инструментарии исследования использовались нейтральные формулировки. Такие термины, как проблемное потребление новостей или зависимость, не были задействованы. Наконец, рассуждения на такие темы, как внимание к информационному контенту, требуют от информантов достаточно высокой степени рефлексивности. Если человек ранее не задумывался о стиле своего медиапотребления, он может давать ответы, которые будут сформулированы в общем виде без достаточной детализации. Поэтому было важно задавать информантам уточняющие вопросы. Кроме того, внимание уделялось опыту и практикам в отношении информационного контента, то есть обсуждалось не только то, что люди думают, но и как они действуют.

Исследование демонстрирует, что феномен думскроллинга не является гомогенным, а формы, которые принимает избыточное внимание к негативным новостям, требуют дальнейшего изучения. Аналогичная работа была проведена, например, в отношении другой крайности в потреблении информационного контента — избегания новостей, которое было разделено на преднамеренное и непреднамеренное [Skovsgaard, Andersen, 2020], а также на постоянное и периодическое [Toff et al., 2023]. Выделенные на основании анализа интервью режимы потребления новостей думскроллеров могут в дальнейшем быть изучены на количественных данных, что позволит, например, оценивать последствия избыточного внимания к негативным новостям (для здоровья, эмоционального состояния, решения повседневных задач, социальных связей и уровня информированности).

Помимо возможности продолжить изучение думскроллинга на количественных данных, следует выделить еще ряд актуальных для дальнейшего изучения вопросов, которые не были затронуты в статье. В частности, внимания заслуживает эмоциональный опыт активного потребления негативных новостей. Представляется важным рассмотреть, какие чувства вызывает у аудитории такой контент и в каких терминах описываются переживания. Далее, феномен думскроллинга вызы-

вает интерес в разрезе социальных отношений. Потребление новостей обычно рассматривается как индивидуальное действие, однако в действительности просмотр информационного контента может осуществляться совместно, а обязанности по поддержанию осведомленности могут распределяться в семьях [Gur-Ze'ev et al., 2024] (например, новости может активно отслеживать только один из членов семьи, передавая близким основную информацию в межличностной коммуникации). Наконец, важный сюжет — трансформация практик потребления новостей со временем. В частности, наше исследование показывает, что для некоторых думскроллеров активное потребление новостей становится частью повседневной рутины, тогда как ряд работ, посвященных пандемии COVID-19, фиксирует тенденцию переходить от избыточного потребления новостей к их избеганию [Mannell, Meese, 2022]. Можно предположить, что степень легкости, с которой новый режим потребления новостей вписывается в повседневную рутину, зависит от предыдущего опыта взаимодействия с информационным контентом [Edgerly, 2023] и от того, насколько комфортными воспринимаются те или иные практики [Coleman, 2013]. Таким образом, феномен думскроллинга нуждается в дальнейшем изучении и может быть рассмотрен с позиции разнообразных теорий, подходов и даже дисциплин.

Список литературы (References)

Казун А. Д. Есть ли выход из пузыря? Мотивы потребления идеологически чуждой информации думскроллерами // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 168—181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.12>.

Kazun A. D. (2023) Is There a Way Out of the “Bubble”? Motives for the Consumption of Ideologically Diverse News by Doomscrollers. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 168—181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.12>. (In Russ.)

Казун А. Д. «Обложиться информацией, чтобы хоть что-то понимать»: индивидуальные и социальные основания думскроллинга // Мир России. 2024. № 2. С. 77—94. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-2-77-94>.

Kazun A. D. (2024) ‘Surround Myself with Information to Understand at Least Something’: Individual and Social Reasons for Doomscrolling. *Universe of Russia*. No. 2. P. 77—94. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-2-77-94>. (In Russ.)

Максименко А. А., Дейнека О. С., Мортикова И. А. Инфодемический думскроллинг и психологическое благополучие россиян // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 12. С. 129—136. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.20>.

Maksimenko A. A., Deyneka O. S., Mortikova I. A. (2022) Infodemic Doomscrolling and the Psychological Well-Being of Russians. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. No. 12. P. 129—136. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.12.20>. (In Russ.)

Как россияне справляются с новым кризисом: Социально-экономические практики населения / под ред. Радаева В. В. Научные доклады факультета социальных наук НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ, 2023. Вып. 1 (1). URL: <https://id.hse.ru/books/818258101.html> (дата обращения: 21.04.2024).

Radaev V. V. (ed). (2023) Coping with a New Crisis: Socio-Economic Practices of the Russian Population. Research Reports of the HSE Faculty of Social Sciences. Moscow: HSE University. Issue 1 (1). URL: <https://id.hse.ru/books/818258101.html> (accessed: 21.04.2024). (In Russ.)

Barnes R., Mulcahy R., Riedel A. (2023) Push Notifications and News Snacking: The Impact of Mobile News Alert Framing on Reader Engagement. *New Media & Society*. <https://doi.org/10.1177/14614448231196580>.

Benesch C. (2012) An Empirical Analysis of the Gender Gap in News Consumption. *Journal of Media Economics*. Vol. 25. No. 3. P. 147—167. <https://doi.org/10.1080/08997764.2012.700976>.

Boczkowski P.J. (2010) The Consumption of Online News at Work. *Information, Communication & Society*. Vol. 13. No. 4. P. 470—484. <https://doi.org/10.1080/13691181003639841>.

Bolin G. (2017) Media Generations. Experience, Identity and Meditised Social Change. London: Routledge.

Boukes M., Vliegenthart R. (2017) News Consumption and its Unpleasant Side Effect: Studying the Effect of Hard and Soft News Exposure on Mental Well-Being Over Time. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*. Vol. 29. P. 137—147. <https://doi.org/10.1027/1864-1105/a000224>.

Broersma M., Swart J. (2022) Do Novel Routines Stick After the Pandemic? The Formation of News Habits During COVID-19. *Journalism Studies*. Vol. 23. No. 5—6. P. 551—568. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.1932561>.

Coleman S. (2013) How Voters Feel. Cambridge: Cambridge University Press.

Costera Meijer I., Groot Kormelink T. (2015) Checking, Sharing, Clicking and Linking. Changing Patterns of News Use between 2004 and 2014. *Digital Journalism*. Vol. 3. No. 5. P. 664—679. <https://doi.org/10.1080/21670811.2014.937149>.

Diddi A., LaRose R. (2006) Getting Hooked on News: Uses and Gratifications and the Formation of News Habits Among College Students in an Internet Environment. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. Vol. 50. No. 2. P. 193—210. https://doi.org/10.1207/s15506878jobem5002_2.

Dimmick J., Feaster J. C., Hoplamazian G. J. (2011) News in the Interstices: The Niches of Mobile Media in Space and Time. *New Media & Society*. Vol. 13. No. 1. P. 23—39. <https://doi.org/10.1177/1461444810363452>.

Duyn E. V., Collier J. (2019) Priming and Fake News: The Effects of Elite Discourse on Evaluations of News Media. *Mass Communication and Society*. Vol. 22. No. 1. P. 29—48. <https://doi.org/10.1080/15205436.2018.1511807>.

Edgerly S. (2023) Avoiding News is Hard Work, or Is It? A Closer Look at the Work of News Avoidance among Frequent and Infrequent Consumers of News. *Journalism Studies*. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2023.2293834>.

Ghersetti M., Westlund O. (2018) Habits and Generational Media Use. *Journalism Studies*. Vol. 19. No. 7. P. 1039—1058. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2016.1254061>.

Groot Kormelink T. (2023) How People Integrate News into Their Everyday Routines: A Context-Centered Approach to News Habits. *Digital Journalism*. Vol. 11. No. 1. P. 19—38. <https://doi.org/10.1080/21670811.2022.2112519>.

Gur-Ze'ev H., Aharoni T., Kligler-Vilenchik N., Tenenboim-Weinblatt K. (2024) “I Hope my Partner Will Keep me up-to-date”: How Couples Navigate News Consumption and Avoidance. *Journalism Studies*. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2023.2299451>.

Hameleers M., Brosius A., Marquart F., Goldberg A. C., van Elsas E., de Vreese C. H. (2022) Mistake or Manipulation? Conceptualizing Perceived Mis- and Disinformation among News Consumers in 10 European Countries. *Communication Research*. Vol. 49. No. 7. P. 919—941. <https://doi.org/10.1177/0093650221997719>.

Hill A., Gauntlett D. (1999) *TV Living: Television, Culture and Everyday Life*. Routledge.

Holman E. A., Garfin D. R., Silver R. C. (2014) Media's Role in Broadcasting Acute Stress Following the Boston Marathon Bombings. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 111. No. 1. P. 93—98. <https://doi.org/10.1073/pnas.1316265110>.

Lefebvre H. (2013) *Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life*. Bloomsbury Academic.

Lou C., Tandoc Jr. E. C., Hong L. X., Pong X. Y. (Brenda), Lye W. X. (Rachelle), Sng N. G. (Trisha). (2021) When Motivations Meet Affordances: News Consumption on Telegram. *Journalism Studies*. Vol. 22. No. 7. P. 934—952. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.1906299>.

Mannell K., Meese J. (2022) From Doom-Scrolling to News Avoidance: Limiting News as a Wellbeing Strategy During COVID Lockdown. *Journalism Studies*. Vol. 23. No. 3. P. 302—319. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.2021105>.

Matthes J. (2008) Need for Orientation as a Predictor of Agenda-Setting Effects: Causal Evidence from a Two-Wave Panel Study. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 20. No. 4. P. 440—453. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edh118>.

McLaughlin B., Gotlieb M. R., Mills D. J. (2023) Caught in a Dangerous World: Problematic News Consumption and Its Relationship to Mental and Physical Ill-Being. *Health Communication*. Vol. 38. No. 12. P. 2687—2697. <https://doi.org/10.1080/10410236.2022.2106086>.

Molyneux L. (2018) Mobile News Consumption. *Digital Journalism*. Vol. 6. No. 5. P. 634—650. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1334567>.

Mourão R. R., Thorson E., Chen W., Tham S. M. (2018) Media Repertoires and News Trust During the Early Trump Administration. *Journalism Studies*. Vol. 19. No. 13. P. 1945—1956. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2018.1500492>.

Ohme J., Mothes C. (2023) News Snacking and Political Learning: Changing Opportunity Structures of Digital Platform News Use and Political Knowledge. *Journal of Information Technology & Politics*. <https://doi.org/10.1080/19331681.2023.2193579>.

Pedersen M. A., Albris K., Seaver N. (2021) The Political Economy of Attention. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 50. No. 1. P. 309—325. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-101819-110356>.

Rosentiel T. (2008) Where Men and Women Differ in Following the News. *Pew Research Center*. URL: <https://www.pewresearch.org/2008/02/06/where-men-and-women-differ-in-following-the-news/> (accessed: 30.03.2024).

Schäfer S. (2020) Illusion of Knowledge through Facebook News? Effects of Snack News in a News Feed on Perceived Knowledge, Attitude Strength, and Willingness for Discussions. *Computers in Human Behavior*. No. 103. P. 1—12. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.08.031>.

Schrøder K. C. (2015) News Media Old and New: Fluctuating Audiences, News Repertoires and Locations of Consumption. *Journalism Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 60—78. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2014.890332>.

Searles K., Feezell J. T. (2023) Scrollability: A New Digital News Affordance. *Political Communication*. Vol. 40. No. 5. P. 670—675. <https://doi.org/10.1080/10584609.2023.2208083>.

Silver R. C., Holman E. A., Andersen J. P., Poulin M., McIntosh D. N., Gil-Rivas V. (2013) Mental- and Physical-Health Effects of Acute Exposure to Media Images of the September 11, 2001, Attacks and the Iraq War. *Psychological Science*. Vol. 24. No. 9. P. 1623—1634. <https://doi.org/10.1177/0956797612460406>.

Skovsgaard M., Andersen K. (2020) Conceptualizing News Avoidance: Towards a Shared Understanding of Different Causes and Potential Solutions. *Journalism Studies*. Vol. 21. No. 4. P. 459—476. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2019.1686410>.

Swart J., Peters C., Broersma M. (2017) Navigating Cross-Media News Use. *Journalism Studies*. Vol. 18. No. 11. P. 1343—1362. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2015.1129285>.

Szabo A., Hopkinson K. L. (2007) Negative Psychological Effects of Watching the News in the Television: Relaxation or Another Intervention May Be Needed to Buffer Them! *International Journal of Behavioral Medicine*. Vol. 14. No. 2. P. 57—62. <https://doi.org/10.1007/BF03004169>.

Tang G., Hung E. P.W., Au-Yeung H.-K.C., Yuen S. (2020) Politically Motivated Internet Addiction: Relationships among Online Information Exposure, Internet Addiction, FOMO, Psychological Well-being, and Radicalism in Massive Political Turbulence. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. No. 2. Art. 2. <https://doi.org/10.3390/ijerph17020633>.

Toff B., Palmer R., Nielsen R. K. (2023) *Avoiding the News: Reluctant Audiences for Journalism*. New York, NY: Columbia University Press.

Van Aelst P., Strömbäck J., Aalberg T., Esser F., de Vreese C., Matthes J., Hopmann D., Salgado S., Hubé N., Stępińska A., Papathanassopoulos S., Berganza R., Legnante G., Reinemann C., Sheaffer T., Stanyer J. (2017) Political Communication in a High-Choice Media Environment: A Challenge for Democracy? *Annals of the International Communication Association*. Vol. 41. No. 1. P. 3—27. <https://doi.org/10.1080/23808985.2017.1288551>.

Westlund O., Weibull L. (2013) Generation, Life Course and News Media Use in Sweden 1986—2011. *Northern Lights: Film & Media Studies Yearbook*. Vol. 11. No. 1. P. 147—173.

Wojcieszak M., Clemm von Hohenberg B., Casas A., Menchen-Trevino E., de Leeuw S., Gonçalves A., Boon M. (2022) Null Effects of News Exposure: A Test of the (Un)Desirable Effects of a ‘News Vacation’ and ‘News Binging’. *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 9. No. 1. Art. 1. <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01423-x>.

Wood W., Neal D. T. (2009) The Habitual Consumer. *Journal of Consumer Psychology*. Vol. 19. No. 4. P. 579—592. <https://doi.org/10.1016/j.jcps.2009.08.003>.

Wood W., Quinn J. M., Kashy D. A. (2002) Habits in Everyday Life: Thought, Emotion, and Action. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 83. No. 6. P. 1281—1297.

Ytre-Arne B., Moe H. (2021) Doomscrolling, Monitoring and Avoiding: News Use in COVID-19 Pandemic Lockdown. *Journalism Studies*. Vol. 22. No. 13. P. 1739—1755. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2021.1952475>.

Приложение

Таблица 1. Список информантов

	Информант	Продолжительность интервью	Пол	Возраст
1	Олеся	48 мин	Жен	21
2	Татьяна	1 ч 40 мин	Жен	20
3	Вероника	40 мин	Жен	19
4	Анастасия	34 мин	Жен	21
5	Анастасия	44 мин	Жен	22
6	Михаил	39 мин	Муж	22
7	Ольга	1 час 13 мин	Жен	62
8	Сеймур	29 мин	Муж	23
9	Михаил	29 мин	Муж	20
10	Александр	23 мин	Муж	22
11	Лариса	38 мин	Жен	57
12	Александр	46 мин	Муж	21
13	Арина	36 мин	Жен	18
14	Михаил	55 мин	Муж	25
15	Максим	64 мин	Муж	22
16	Александр	21 мин	Муж	57
17	Анастасия	50 мин	Жен	20
18	Анжелика	42 мин	Жен	43
19	Кристина	51 мин	Жен	24
20	Мария	60 мин	Жен	32
21	Елена	29 мин	Жен	56
22	Валерия	60 мин	Жен	21
23	Анна	40 мин	Жен	45
24	Валера	58 мин	Муж	24
25	Андрей	1 час 14 мин	Муж	29
26	Яна	1 ч	Жен	20
27	Мария	42 мин	Жен	58
28	Михаил	56 мин	Муж	19
29	Михаил	44 мин	Муж	18
30	Александр	48 мин	Муж	41
31	Анна	45 мин	Жен	21
32	Екатерина	48 мин	Жен	47
33	Анатолий	42 мин	Муж	21
34	Матвей	59 мин	Муж	19

	Информант	Продолжительность интервью	Пол	Возраст
35	Никита	49 мин	Муж	20
36	Евгений	37 мин	Муж	55
37	Екатерина	45 мин	Жен	23
38	Галина	55 минут	Жен	57
39	Анна	32 минуты	Жен	20
40	Мария	41 мин	Жен	74
41	Даниил	37 мин	Муж	20
42	Елена	39 мин	Жен	44
43	Елена	29 мин	Жен	53
44	Алексей	42 минуты	Муж	43
45	Андрей	35 мин	Муж	60
46	Давид	1 час	Муж	21
47	Дарья	45 мин	Жен	25

DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2511](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2511)**И. Е. Сапан, И. Р. Шарапов****СЕРАЯ ЗОНА СОЦИАЛЬНОГО:
К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
В РАМКАХ СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА****Правильная ссылка на статью:**

Сапан И. Е., Шарапов И. Р. Серая зона социального: к вопросу о концептуализации в рамках системно-коммуникативного подхода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 245—257. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2511>.

For citation:

Sapan I. E., Sharapov I. R. (2024) The Gray Zone of the Social: To the Issue of Conceptualization within the Framework of the Systemic Communicative Approach. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 245–257. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2511>. (In Russ.)

Получено: 28.10.2023. Принято к публикации: 27.03.2024.

СЕРАЯ ЗОНА СОЦИАЛЬНОГО: К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В РАМКАХ СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА

САПАН Илья Евгеньевич — аспирант кафедры социальной философии и философии истории философского факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: isapan1994@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8300-1679>

ШАРАПОВ Игорь Родионович — кандидат политических наук, заместитель руководителя Дирекции государственных проектов, МИА Россия сегодня, Москва, Россия

E-MAIL: i.sharapov@ria.ru

<https://orcid.org/0009-0009-8123-731X>

Аннотация. Авторы предпринимают попытку осуществить концептуализацию понятия «серая зона» в рамках социальных практик. В качестве релевантного метода, который позволяет описать совокупность качественных характеристик серой зоны, исследователи избирают системно-коммуникативный подход, возникший на основе достижений социальной теории Никласа Лумана. Предлагая в качестве эмпирических данных несколько кейсов из области банковской и правовой сферы, авторы последовательно излагают ключевые особенности серых зон как совокупности разнородных коммуникаций, не участвующих в воспроизводстве (аутопоиезисе) социальных систем. С опорой на системно-коммуникативный подход серую зону можно рассматривать как нечто, что социальная система не может проинтерпретировать в логике собственных коммуникаций, то есть до опреде-

THE GRAY ZONE OF THE SOCIAL: TO THE ISSUE OF CONCEPTUALIZATION WITHIN THE FRAMEWORK OF THE SYSTEMIC COMMUNICATIVE APPROACH

Ilya E. SAPAN¹ — PhD Student at the Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Faculty of Philosophy
E-MAIL: isapan1994@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8300-1679>

Igor R. SHARAPOV² — Cand. Sci. (Polit.), Deputy Head of the Directorate of State Projects

E-MAIL: i.sharapov@ria.ru

<https://orcid.org/0009-0009-8123-731X>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² International Information Agency "Russia Today", Moscow, Russia

Abstract. Within this paper, the authors attempt to conceptualize the notion of the «gray zone» as a phenomenon within the framework of social practices. They employ the systemic communicative approach, derived from Luhmann's social theory, as a relevant method to describe qualitative characteristics of the gray zone. Considering several cases from the banking and legal spheres, the authors outline the key features of gray zones as a set of heterogeneous communications that are not involved in the reproduction (autopoiesis) of social systems. According to the systemic communicative approach, the gray zone can be seen as something the social system cannot interpret within the logic of its own communications, that is, until a certain time it cannot be observed and integrated into its communicative series. The authors conclude that studying the gray zone phenomenon and its concep-

ленного времени не может подвергаться наблюдению и встраиванию в свой коммуникативный ряд. Авторы приходят к выводу, что изучение феномена серой зоны и его дальнейшей концептуализации возможно только постфактум. Однако попытка задать генерализованное описание данного явления на основании эмпирических фактов может послужить начальной точкой для разработки стратегий управления и регулирования данного явления в будущем.

Ключевые слова: серая зона, концептуализация, социальные системы, государство, Никлас Луман, системно-коммуникативный подход

tualization is possible only «post facto». However, an attempt to define a generalized description of this phenomenon based on empirical facts can serve as a starting point for developing strategies for managing and regulating this phenomenon in the future.

Keywords: gray zone, conceptualization, social systems, state, Niklas Luhmann, systemic communicative approach

Введение в проблематику

Современное общество переживает быстрые и радикальные изменения, вызванные глобальным политическим кризисом, технологическим прогрессом и социальными трансформациями. На наш взгляд, подобные изменения должны быть выявлены и изучены, для чего необходимо применение особых (по возможности максимально релевантных) концептуальных подходов к анализу и пониманию социальной реальности. Эти действия способствуют совершенствованию практик адаптации общества к рискам и вызовам современности, что, в свою очередь, позволяет:

а) сохранить конкурентоспособность государства на международной арене (например, появляются новые возможности обеспечить тренд на улучшение образовательных систем, актуализировать изменение правовых и регуляторных рамок и т.д.);

б) смягчить негативные последствия политических кризисов, устраняя уязвимости в вопросах стабильности и безопасности общества;

в) обеспечить социальную устойчивость и качественно улучшить глобальное сотрудничество между частным сектором и академическими институтами (исследовательские проекты, технологические трансферы, совместные программы обучения, и др.).

Понятие «серая зона» обычно используют, когда описание и/или идентификация каких-то процессов заходит в смысловую тупик. Его применяют для того, чтобы указать на пограничные области и явления, находящиеся на пересечении формальной и неформальной, легальной и нелегальной, общественной и личной сфер. То есть серая зона — это *terra incognita*, или *terra nullius*, в которой что-то происходит, однако мы не всегда знаем, что именно и каким образом.

Понятие серой зоны применяется в различных областях, например в нейрофизиологии при исследовании пограничных состояний мозга «между жизнью и смер-

тью» [Owen, 2017], в военной науке [Бартош, 2021], экономике [Medina, Schneider, 2021], эпистемологии [Ламберов, 2023], международном праве [Старцун, Балканов, 2016]. В связи с этим возникает вопрос о границах и контексте применения данного понятия в условиях научной дискуссии, его объяснительном потенциале. Отдельную сложность представляет собой использование этой терминологической единицы в качестве инструмента интерпретации и концептуализации явлений, входящих в исследовательское поле таких дисциплин, как социология, политология, социальная философия, и т. п. В условиях нарастающей междисциплинарности многие термины из точных наук (например, «энтропия», «эволюция», «коммуникация» и т. д.) приобретают особое значение в общественных дисциплинах. Обратный процесс (из полисемии, «разноголосицы» к устойчивой терминологической единице) с тенденцией на генерализацию смыслового содержания термина может вывести на новые достижения в области социогуманитарной экспертизы (в том числе благотворно влияя на практики междисциплинарных исследований).

Наш исследовательский интерес сосредоточен на *серой зоне социального в ее возможной концептуализации*. В рамках исследования мы опишем серую зональность социума, выявим и проанализируем ее отличительные характеристики как уникального феномена с опорой на достижения теории социальных систем Н. Лумана¹.

В процессе исследования уточняется понятие «серая зона» в русле политической науки, что само по себе ценно, особенно если учитывать хаотичное и повсеместное словоупотребление данного понятия. Кроме того, описание и идентификация качественных характеристик серой зоны социального дают возможность оценивать ее функциональную компоненту, что зачастую выводит исследователей на обнаружение прикладных аспектов категоризации². Также реактуализируются методы и подходы, имплицитно содержащиеся в теории, сквозь призму которой исследователи выдвигают идеи и умозаключения, что позволяет обеспечивать процесс ревизии знания, его коррекции и обновления.

Также стоит сделать небольшой акцент на причинах выбора именно системно-коммуникативного подхода, который возникает на базе теории социальных систем. Дело в том, что данная теория, разработанная во второй половине XX века немецким социологом Н. Луманом, одна из немногих, которая претендует на полное описание общества. Особый язык теории, ее концептуальные инструменты позволяют сравнивать разрозненные и неадекватные социальные величины, в структуре которых серая зона способна возникнуть. Так, О. А. Литвинова отмечает, что использование языка и метода Н. Лумана целесообразно «при исследовании политико-управленческих сетей, проблемных комплексов, их институционально-инструментальных аспектов, влияния среды, при когнитивном анализе иерархических структур в социальных системах» [Литвинова, 2007: 59]. Можно согласиться и с мнением Р. Штихве [Штихве, Беляев, Зименкова, 1999], рассуждавшего об исследовательских преимуществах

¹ Если выразиться иначе, то предпринять попытку как бы освободить понятие «серой зоны» от кавычек, в которые ее заключают в момент фиксации на письме, придав ему тем самым свойства конкретного термина, описывающего элемент социальной реальности.

² Под словом «категоризация» мы понимаем фундаментальный когнитивный акт, состоящий в отнесении предметов, явлений или процессов к той или иной категории для встраивания описываемого феномена в структуру взаимосвязанных понятий [Cohen, Lefebvre, 2005].

концепции функциональных систем Н. Лумана. Как отмечает ученый, высокая абстрактность теории «...предполагает конкретные вопросы исследования, такие, например, как имеют ли они код, имеются ли собственные роли системы, распознаваемы ли роли публики и т.д. Здесь имеется в виду стремление работать с максимально абстрактными терминами с последующей их конкретизацией и использованием для изучения конкретных социальных феноменов» [там же: 167].

В силу вышеизложенного мы склонны утверждать, что разбор «серой зоны» социального становится важной задачей для понимания процессов, происходящих в современном обществе.

Некоторые примеры серой зоны социального

Справедливо начать с вопроса, существует ли серая зона социального как некий социальный факт, как его понимал Э. Дюркгейм³. Для того чтобы ответить утвердительно, мы будем вынуждены двигаться в своих рассуждениях индуктивно, из конкретных и ограниченных наблюдений, которые впоследствии могли бы дать нам шанс выйти на уровень генерализации.

Так как умозрительные операции бывают продуктивнее, если они привязаны к реальным процессам, перечислим для иллюстрации пару прецедентов, которые можно отнести к серой зоне.

Как пишет газета «Коммерсант», представители банка «Тинькофф» подали в полицию заявление на семью из Санкт-Петербурга: «По их версии, супруги вместе с сыном оплачивали товары по картам кредитной организации, получали за них кэшбэк, а затем сдавали покупки обратно в магазины»⁴. Сумма ущерба составила почти 4,5 млн рублей. Если верить данной публикации, то, по мнению экспертов, банк находится в ситуации правовой неопределенности и де-юре не может требовать обратно кэшбэк, потому что на условиях договора между банком и клиентом «вопрос возврата кэшбэка никак не прописан»⁵. Это характеризуется как «чистое упущение службы безопасности и юристов кредитной организации»⁶. Показательно, что, во-первых, данное деяние группой лиц совершалось *не единожды* (то есть длительно); во-вторых, несмотря на то что действие этой группы было явно направлено на собственное обогащение/выгоду (что как минимум должно облагаться налогом), оно все же не подлежало никакой санкции ни со стороны правоохранительных органов, ни со стороны кредитной организации. Обобщая, мы могли бы описать этот случай как активность внутри серой зоны экономической и правовой систем.

Второй пример также из банковского сектора. Согласно публикации РБК от 19 мая 2023 г., «Российские банки оказались лишены возможности выполнять нормы недавно принятого закона об электронных повестках (127-ФЗ): по нему участники рынка должны отказывать в получении кредитов уклонистам от при-

³ На наш взгляд, в данном случае недостаточно отвечать утвердительно лишь на том основании, что коль скоро присутствует описание неких общественных практик как «серых», они уже потому и есть нечто наличное (своеобразное заявление в духе А. Мейнонга и его «сортов» бытия).

⁴ Фоменко Д. «Кэшбэк в крупном размере»: с чем связаны претензии «Тинькофф» к клиентам // Коммерсантъ. 2022.14 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5618472>(дата обращения: 19.09.2023).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

зыка, но доступ к новому единому реестру военнообязанных и дополнительному реестру повесток для них не прописан»⁷. В результате непроработанного с должной тщательностью законопроекта на тот период, когда вышла публикации в СМИ, банки оказались «в подвешенном состоянии». Возник целый комплекс вопросов, сложностей и потенциальных рисков, которые обнаруживает даже первичная банковская экспертиза. Как итог, по мнению управляющего партнера юридической компании Enterprise Legal Solutions Ю. С. Федюкина, данный прецедент может рассматриваться как «дополнительный стимул в развитии рынка серого сегмента кредитования»⁸.

Коррупция, несмотря на то что она расценивается правовой системой как уголовное деяние, зачастую как бы «проскальзывает» в серую зону социального. Вот что пишет Петер Грефф, профессор социологии и эмпирических социальных исследований в Кильском университете им. Кристиана Альбрехта: «Серые зоны <...> встроены в саму политическую систему. Законодательный орган, например в свете сложных и запутанных вопросов, таких как разработка системы учета затрат в здравоохранении, иногда позволяет частным интересам проявляться за счет общественных интересов, защищая их от публичного обсуждения и корректировки и таким образом иммунизируя эти серые зоны. Кроме того, влияние на то, как СМИ представляют факты в газетах или на интернет-форумах, может способствовать иммунизации»⁹.

Есть масса других примеров подобного рода, однако не будем вдаваться в долгие перечисления и попытаемся обрисовать понятийный абрис данного явления с опорой на системно-коммуникативный подход.

Обращаясь к системной теории, можно говорить о социальной системе как об аутопойетичной, самореферентной и уникальной совокупности коммуникаций. Каждая социальная система (политика, право, экономика и т. д.) занята тем, что редуцирует комплексность вокруг себя. С этой точки зрения об обществе можно говорить как о вместилище всех социальных систем, как о гранд-системе.

Чтобы система могла развиваться (усложняться), она руководствуется собственными различиями (к примеру, при помощи бинарного кода, «сакральное — профанное» (религия), и т. д.), присоединяя релевантные коммуникации друг к другу. В данной теории коммуникация — это не общение между людьми («не существует никакой коммуникации сознания с сознанием, не опосредованной социально» [Луман, 2004: 110]). Согласно системной теории, общество не состоит из людей (так называемых психических систем): психические системы обладают структурным сопряжением (*Strukturelle Kopplung*) с социальными (органические системы, в свою очередь, с психическими, например сознанием и мозгом), но в коммуникацию вступают только социальные системы, обладающие оперативной замкнутостью (то есть осуществляющие коммуникации внутри себя, понимающие и оцениваю-

⁷ Банки попросили Минобороны делиться информацией о получателях повесток. Данные им нужны, чтобы исполнять запрет на кредитование уклонистов // РБК. 2023. 19 мая. URL: <https://www.rbc.ru/finances/19/05/2023/6465da6e9a79476122b53a42>(дата обращения: 19.09.2023).

⁸ Там же.

⁹ Grauzonen moderner Korruption Normative und soziale Bedingungen von Handlungen an der Grenzezukorruptem Verhalten // Bundeszentrale für politische Bildung. 2021. 7 Mai. URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/332691/grauzonen-moderner-korruption/> (дата обращения: 20.02.2024).

щие их через себя и для себя). Отсутствие людей в обществе — это принципиальный момент. Как однажды выразился С. Пинкер, Первая мировая война — это «не более чем очень, очень большое количество кварков на очень, очень сложных траекториях движения» [Пинкер, 2019: 94]. Но чтобы изучать войну, мы используем иные мерила, иную методологическую оптику. Общество не сводится к массе людей; классические же точки зрения на общество, по мнению Н. Лумана, грешат излишним психологизмом и гуманистическими предубеждениями¹⁰.

Что же в таком случае представляет собой серая зона как феномен? Мы могли бы это описать как побочный эффект, «тень» от коммуникаций, которые осуществляет та или иная система и которую она не встраивает в историю собственных коммуникаций. В случае с банком «Тинькофф» это видно наиболее явно. Экономическая система (которая реализуется благодаря организации банка) воспринимала операции по начислению кэшбэка (то есть совершала коммуникацию), а правовая система не реагировала на факт обогащения, так как не обладала коммуникационным инструментом для его наблюдения (возможный прецедент не был прописан в юридических документах). Мы могли бы предположить, что если, согласно теории социальных систем, социальная система действует в логике бинарного кода, суть которого заключается в селекции коммуникаций (принятие/отторжение, да/нет), то серая зона — это либо «ни да, ни нет», либо попросту «не знаю»¹¹. Начисление кэшбэка на 4 млн рублей де-факто по-своему наблюдалось правовой и экономической системами, но де-юре не попадало ни в какую из них.

К вопросу о разнице между структурным сопряжением, «слепым пятном» наблюдения социальной системы и серой зоной социального

В процессе концептуализации понятия «серая зона социального» в логике системно-коммуникативной теории Н. Лумана может наличествовать риск реинтерпретации прежних идей, уже содержащихся в означенной теории. Для того чтобы исключить подобные риски, мы предлагаем провести качественное различие между концептуальными элементами, которые характеризуют «ограниченность» социальных систем в процессе выстраивания коммуникаций.

Одной из таких концептуальных единиц в теории Н. Лумана является понятие «структурное сопряжение», или «структурное соответствие» (*Strukturelle Kopplung*). Оно вбирает в себя особое описание согласованности системы и ее окружения. Структурные соответствия напрямую не наблюдаются системами, так как они выступают *условием* для существования систем. Н. Луман приводит следующую аналогию: «Структурные сопряжения всегда остаются скрытыми. Самовосприятие осознает собственное тело, и оно знает, например, что нужно осуществлять тело-

¹⁰ Проиллюстрируем это следующим образом: каждый раз, когда отдельный человек ищет «понимания» или «человеческого отношения» в организациях, обеспечивающих функционал социальных систем, он совершает рациональную ошибку. Часто мы можем услышать резкие характеристики организаций как «бездушных машин бюрократии» или гневные восклицания насчет отношения к людям «как к пустому месту». И хотя организации состоят из людей, ответственных лиц с именами и фамилиями, сама функциональная система и организации, ее обеспечивающие, в строгом смысле людей не различают, а различают только бюрократические акты, то есть коммуникации.

¹¹ Здесь уместно привести позицию Яна Лукасевича в работе «В защиту логистики», где он заявляет: «Логика коренным образом изменится, если мы предположим, что наряду с истинностью и ложностью существует еще и какое-то третье логическое значение или же более таких значений» (см. [Lukasiewicz, 1961: 210—219]).

движения, чтобы поменять свою зону зрительного восприятия. Но в этот же самый момент сознание не знает и не может понять, как работает его мозг в конкретный момент» [Luhmann, 2002: 27]. Или другой пример из той же работы немецкого теоретика: «Дети учат язык, на котором говорят там, где они растут» [там же: 24], то есть само окружение устроено так, что дети усваивают язык, и сами дети так устроены, что способны усваивать язык окружения. Подобные закономерности Н. Луман обобщает в термине «структурное сопряжение». В этом смысле нам следует согласиться с мнением А. В. Назарчука, что «Структурные соответствия, пункт за пунктом усиливая координацию, позволяют адекватно выразить на собственном языке системы то, что существует и волнует ее „вовне“.<...>Системы не адаптируются, они изначально приспособлены друг к другу, это условие их существования» [Назарчук, 2012: 55].

Наряду с этим Н. Луман в процессе описания коммуникативных процессов в системах часто использует такое выражение, как «слепое пятно». В работе «Речь и молчание» в соавторстве с П. Фухсом Н. Луман пишет, что для наблюдения системой чего-либо сам факт различия является слепым пятном, так как оно «в первую очередь организует условие наблюдения и может быть заменено на другое слепое пятно» [Luhmann, Fuchs, 1989: 217]. Вместе с тем данное условие выступает еще и инструментом конструирования. Именно так А. Ю. Антоновский рассуждает о понятии слепого пятна, описывая конструктивистскую логику различий в работах Н. Лумана: «Сам этот процесс порождения одним различием другого различия, или различия различий, можно представить как процесс порождения реальности, объектов, отличных от того, чем они не являются. Граница, или различие, оказываются таким образом „слепым пятном“: определить или локализовать его не удастся, однако он служит своего рода средством конструирования объектов» [Антоновский, 2007: 31].

Так чем же тогда отличается серая зона социального от «слепых пятен» и структурных сопряжений? Обобщая, на этот вопрос можно ответить следующим образом: серые зоны существуют, откуда они не видны социальной системе, а слепые пятна вкупе со структурными сопряжениями и являются условием всякого зрения системы и ее существования в принципе. Действия, которые происходят в серой зоне социального, не встраиваются в коммуникативную историю социальных систем, несмотря на свою фактичность.

Невидимость «слепых пятен», структурного сопряжения и серой зоны — это невидимость разного рода. Если серая зона исчезнет, не пострадает ни одна из систем. Если исчезнет «слепое пятно» или структурное сопряжение — исчезнет сама система. Проведем аналогию. Если исчезнет инфразвук¹², который не слышим человеком (но который звучит на своей частоте), то человеческий орган слуха не пострадает. Если исчезнет барабанная перепонка и ушная раковина, то об органе слуха как таковом не может быть и речи. И как части органа слуха являются условием для восприятия звучания и существования органа вообще, так же и «слепые пятна» и структурные сопряжения являются условием существования/разли-

¹² Разумеется, нельзя сказать, что инфразвук существует, откуда существует человек. Однако сама категоризация некоторых звуков с приставкой «инфра» (от лат. *infra* — ниже, под) возможна лишь благодаря устройству органов человеческого слуха.

чения системы. И как инфразвук остается неразличимым нами звуком, «звуком, который не звучит», так и серая зона социального есть нечто, что наблюдается, но не воспринимается социальной системой.

Качественные характеристики серой зоны социального

Впечатляющие интуиции насчет серых зон социального можно обнаружить в творчестве американского политического писателя, поэта и эссеиста Хакима Бея: подобные зоны он называет временными автономными зонами (В.А.З.) [Бей, 2020]. По мнению Х. Бея, они определяются как некие области в пространстве государственной власти, которые возможно оккупировать. Американский мыслитель заявляет: «В.А.З. подобна восстанию, избегающему прямого столкновения с государством, тактической герилье, призванной отбить определенную территорию (участок земли, промежуток времени или область воображения), после чего ей надлежит раствориться, чтобы возникнуть вновь уже в другом месте/времени еще до того, как государство успеет обрушить на нее всю свою мощь» [там же: б]. И в самом деле — зона лишь тогда «серая», когда система не в состоянии различить ее, встроить в логику собственных коммуникаций, осмыслить как целостный и уникальный процесс. Социальная система может даже наблюдать отдельные ее элементы, при этом не схватывая серую зону в ее эмерджентности. Как только она обнаруживается, моментально меняет статус, как правило, на противозаконный, но уже различаемый.

Существование В.А.З., утверждает Х. Бей, возможно внутри диапазона «порожденных абстракций» со стороны государственной машины, которые она принимает «за нечто реальное»; в силу чего «именно внутри этого диапазона погрешности кроется возможность существования В.А.З. <...> Государство не в силах ее распознать, потому что история не располагает соответствующей терминологией» [там же]. Идея в целом верная, но предпосылки сомнительны. Государство едва ли питает иллюзии насчет собственных реакций и действий. В некотором смысле оно и творит реальность, в сетке которой граждане осуществляют интеракции¹³.

Серая зона, с нашей точки зрения, начинается с самого различения ее возможности. Чтобы оказаться внутри серой зоны, ее надо как минимум осознать. И уже потом в ней становится возможно действовать. Однако здесь наблюдается парадокс: чтобы осознать серую зону, она уже должна существовать, иначе каким образом она вообще способна прийти на ум, появиться как понятие и даже подвергаться изучению, дескрипции? Вероятно, здесь есть место инсайту¹⁴.

Анализировать серую зону и заявлять о ней (будь то в публичных обсуждениях, научных статьях, правовых актах, судебных разбирательствах и т. п.) можно толь-

¹³ Здесь уместно упомянуть М. Фуко и его концепцию власти как феномена, «растворенного» в повседневных практиках.

¹⁴ Самостоятельное обнаружение серой зоны (то есть В.А.З.) в среде общественных практик, по мнению Х. Бея, сродни озарению. Аллегорически это изображено в фантастической комедии Р. Джервейса «Изобретение лжи»: в мире, где все говорят только правду, главный герой внезапно потрясен осознанием, что можно сказать нечто несоответствующее действительности. Этот факт производит революцию в его сознании и, как следствие, в его жизни. По сути, главный герой очутился в серой зоне — при явной интеракции он будто выпадает из логики социального, без особого труда получая общественные блага: деньги, успешную карьеру и признание, симпатию окружающих и т. п., просто сочиняя небывлицы о себе.

ко постфактум, когда она уже схвачена и освещена, то есть локализована и ликвидирована. Конкретная, активная, «живая» серая зона невидима для социальной системы. Любые действия в серой зоне социального сродни гипотетическому действию четырехмерного физического объекта в трехмерном физическом мире. В этом смысле можно согласиться с мнением П. Бергера и Т. Лукмана, что «реальность повседневной жизни всегда оказывается хорошо понятной, за пределами которой — темный фон» [Бергер, Лукман, 1995: 75]. Примерно схожие рассуждения мы можем найти у К. В. Фокина в его рецензии [Фокин, 2019] на книгу «Protean Power: Exploring the Uncertain and Unexpected in World Politics» за авторством Питера Катценштайна и Люсии Сиберт [Katzenstein, Seybert, 2018]. По мнению рецензента, комментирующего концепцию «протеевой мощи» как феномена, гибко и незримо противостоящего власти контроля, «„изучение“ подобных явлений сводится к описанию постфактум, которое тяжело или практически невозможно генерализовать» [Фокин, 2019: 287].

Мы усматриваем несколько предпосылок возникновения и длящегося существования серых зон внутри «общественного тела». Во-первых, это наличие коммуникаций внутри системы, которые имеют кругообразный и тупиковый характер (то есть из раза в раз прикрепляются только к себе самим). Во-вторых, это наличие раздражающих (раздражающих) систему событий, которым она не может дать интерпретацию на собственном языке¹⁵. В-третьих, серые зоны возникают вследствие самой природы социальных систем, а именно их сложности (здесь уместно вновь сослаться на наблюдения П. Греффа). Последние, усложняясь и дифференцируясь, подвергают себя самоанализу, усложняясь от этого еще сильнее. Для соблюдения правил необходимы правила применения правил. Это бесконечный регресс. В результате во внешнем мире социальных систем возникает множество событий, которые они «не успевают» интерпретировать. Эти события можно назвать серыми зонами.

Важно отметить, что особое место в проблематике серых зон занимает интернет¹⁶. Потенциал глобальной сети остается одним из главных предметов обсуждения представителей самых различных сфер академического сообщества. Интернет, как сложное и сверхбыстро развивающееся явление, порождает серые зоны (до недавнего времени из известных — криптовалютный рынок и теневая сеть *Dark Net*). Интернет своеобразно «дублирует» социальную реальность, при этом имплицитно в ней находясь. Многие практики, которые осуществлялись вживую и воочию, реализуются сегодня дистанционно. Это лишний раз подтверждает мнение Н. Лумана о том, что общество не сводится ни к массе людей и отношениям между ними, ни к территории, ни к тому, что его можно наблюдать снаружи.

Подытоживая, постараемся дать определение. *Серая зона социального — это комплекс коммуникаций внутри социальных систем, которые: а) производятся самими системами, при этом не участвуя в их аутопойезисе; б) актуально не встраи-*

¹⁵ Серая зона в своей процессуальности для социальной системы — это словно наблюдение разговоров на иностранном языке, которым сам не владеешь: на твоих глазах что-то обсуждается, что-то происходит, но что именно, непонятно, «зрячая слепота».

¹⁶ Это тоже прекрасная иллюстрация системно-коммуникативного разделения «человек / социальная система». Всемирная информационная компьютерная сеть, которая связывает отдельных пользователей и при этом сводит их не к массе пользователей за монитором, а к самой оперативной связи между ними (читай: коммуникации).

ваются в коммуникативную историю систем и в) не детерминируются системами в логике бинарного кода.

Серая зона социального, несомненно, представляет собой сложный и многогранный феномен, который требует внимания и дальнейшего исследования. В свете неоднозначности и разнообразия мнений, связанных с этим явлением, важно признать необходимость разработки эффективных регулирующих механизмов и стратегий для смягчения негативных последствий, которые она может повлечь. Расширение знаний о серой зоне и развитие механизмов управления ею могут способствовать устойчивому развитию общества и обеспечению правопорядка, что отражает важность продолжения исследований и принятия соответствующих мер для регулирования этого явления.

Список литературы (References)

Антоновский А. Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФ РАН, 2007.

Antonovskiy A. Yu. (2007) Niklas Luhmann: Epistemological Introduction to the Theory of Social Systems. Moscow: IPh RAS. (In Russ.)

Бартош А. А. «Серые зоны» как ключевой элемент современного операционного пространства гибридной войны // Военная мысль. 2021. № 3. С. 25—37.

Bartosh A. A. (2021) "Grey Zones" as a Key Element of Today's Operational Space of Hybrid Warfare. *Voennaya Mysl'*. No. 3. P. 25—37. (In Russ.)

Бей Х. Автономные зоны. Временные и постоянные. СПб.: CHAOSSS PRESS, 2020.
Bey H. (2020) Autonomous Zones. Temporary and Permanent. Saint Petersburg: CHAOSSS PRESS. (In Russ.)

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Berger P., Lukman T. (1995) Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge. Moscow: Medium. (In Russ.)

Ламберов Л. Д. Строгость доказательства: «Серая зона» между формализацией и практикой // Философия науки. 2023. № 1. С. 121—133. <https://doi.org/10.15372/PS20230107>.

Lamberov L. D. (2023) The Rigor of Proof: The "Grey Zone" between Formalization and Practice. *Philosophy of Science*. No. 1. P. 121—133. <https://doi.org/10.15372/PS20230107>. (In Russ.)

Литвинова О. А. Система и окружающая среда социологии Никласа Лумана. М.: Альфа-М, 2007.

Litvinova O. A. (2007) System and Environment of Niklas Luhmann's Sociology. Moscow: Alfa-M. (In Russ.)

Луман Н. Общество общества. I. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004.

Luhmann N. (2004) Society of Society. I. Society as a Social System. Moscow: Logos. (In Russ.)

Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: Издательство «Весь Мир», 2012.

Nazarchuk A. V. (2012) *The Doctrine of Niklas Luhmann on Communication*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

Пинкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М.: Альпина Нон-фикшн, 2019.

Pinker S. (2019) *The Blank Slate. The Modern Denial of Human Nature*. Moscow: Alpina Non-Fiction. (In Russ.)

Старцун В. Н., Балканов И. В. Понятие «серой зоны» и проблемы ее отражения в механизме правового обеспечения международной безопасности (по материалам «Белой книги» командования специальных операций США, 2016 г.) // Вестник военного права. 2016. № 3. С. 77—86.

Startsun V. N., Balkanov I. V. (2016) The Concept of “Grey Zone” and Problems of Its Reflection in the Mechanism of Legal Provision of International Security (Based on the “White Book” of the US Special Operations Command, 2016). *Military Law Bulletin*. No. 3. P. 77—86. (In Russ.)

Фокин К. В. Серая зона, или Измеряя неизмеримое? // Политическая наука. 2019. № 3. С. 285—302. Рец. на кн.: Katzenstein P. J., Seybert L. A. (eds.) (2018) *Protean Power: Exploring the Uncertain and Unexpected in World Politics*. N. Y.: Cambridge univ. press. 380 p.

Fokin K. V. (2019) The Grey Zone, or Measuring the Unmeasurable? *Political Science*. No. 3. P. 285—302. Book Review: Katzenstein P. J., Seybert L. A. (eds) (2018) *Protean Power: Exploring the Uncertain and Unexpected in World Politics*. N. Y.: Cambridge univ. press. 380 p. (In Russ.)

Штихве Р., Беляев А., Зименкова Т. В. Универсализм системной теории: интервью с профессором Рудольфом Штихве // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 1. С. 166—176.

Stichweh R., Belyaev A., Zimenkova T. V. (1999) Universalism of System Theory. Interview with Professor Rudolf Stichweh. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 2. No. 1. P. 167—176. (In Russ.)

Cohen H., Lefebvre C. (2005) *Handbook of Categorization in Cognitive Science*. Amsterdam: Elsevier.

Luhmann N. (2002) *Das Erziehungssystem der Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Luhmann N., Fuchs P. (1989) *Reden und Schweigen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Lukasiewicz J. (1961) *Z Zagadnień Logiki i Filozofii: Pisma Wybrane*. Warszawa: PWN. (In Pol.)

Katzenstein P. J., Seybert L. A. (2018) *Protean Power: Exploring the Uncertain and Unexpected in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Medina L., Schneider, F. (2021) The Evolution of Shadow Economies through the 21st Century. In: Delechat C., Medina L. (eds.) *The Global Informal Workforce: Priorities for Inclusive Growth*. Washington, DC: International Monetary Fund. P. 11—70.

Owen A. (2017) *Into the Gray Zone: A Neuroscientist Explores the Border Between Life and Death*. New York, NY: Scribner.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2421](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2421)

О. В. Вередюк, Е. А. Черных

КАЧЕСТВО ЗАНЯТОСТИ РАБОТНИКОВ В РОССИИ: ИЗМЕРЕНИЕ НА ОСНОВЕ ИНДЕКСНОГО ПОДХОДА

Правильная ссылка на статью:

Вередюк О. В., Черных Е. А. Качество занятости работников в России: измерение на основе индексного подхода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 258—276. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2421>.

For citation:

Veredyuk O. V., Chernykh E. A. (2024) Quality of Employment in Russia: Measurement Based on Index Approach. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 258–276. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2421>. (In Russ.)

Получено: 24.04.2023. Принято к публикации: 29.02.2024.

КАЧЕСТВО ЗАНЯТОСТИ РАБОТНИКОВ В РОССИИ: ИЗМЕРЕНИЕ НА ОСНОВЕ ИНДЕКСНОГО ПОДХОДА

ВЕРЕДЮК Олеся Васильевна — кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: o.veredyuk@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9862-633X>

ЧЕРНЫХ Екатерина Алексеевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия
E-MAIL: chernykh.ekaterina108@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>

Аннотация. Статья посвящена многомерному измерению качества занятости на основе данных выборочных обследований населения. Апробирован индексный подход к измерению качества занятости, интегрирующий три его измерения — доход от работы, стабильность и условия занятости — через набор соответствующих индикаторов для каждого из них. Базой для расчетов стали данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения в России (РМЭЗ НИУ ВШЭ). Агрегатный коэффициент (индекс) депривации качества занятости с границами от 0 до 1 составил 0,139, то есть в среднем положение каждого работника в России находится ниже порогового значения в 0,5 при учете трех рассматриваемых измерений качества занятости. Также рассчитаны составляющие индекс коэффициенты распространенности и интенсивности депривации качества занятости.

QUALITY OF EMPLOYMENT IN RUS- SIA: MEASUREMENT BASED ON INDEX APPROACH

Olesya V. VEREDYUK¹— Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor
E-MAIL: o.veredyuk@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9862-633X>

Ekaterina A. CHERNYKH^{2,3}— Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher; Leading Researcher
E-MAIL: chernykh.ekaterina108@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>

¹ St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

² Institute of Economics RAS, Moscow, Russia

³ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the multidimensional measurement of employment quality based on data from population surveys. The authors test an index approach to measuring the quality of employment, integrating its three dimensions (work income, stability of employment, and employment conditions) using a set of corresponding indicators for each of them. The calculations are carried out on data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS HSE). The aggregated coefficient (index) of deprivation of employment quality which varies from 0 to 1 is estimated at 0.139. That is, on average, the position Russian workers is below the threshold of 0.5 when considering the three dimensions of employment quality considered. Within the study, the authors also calculate the coefficients of prevalence and intensity of deprivation in the quality of employment that make up the index.

Применяя данный индексный подход к оценке депривации качества занятости в разрезе групп по возрасту, полу и уровню образования, авторы получили результаты, которые, с одной стороны, подтверждают уже имеющиеся научные представления о разрывах в качестве занятости социально-демографических групп, с другой стороны, позволяют увидеть проблему с нового ракурса. Дизайн индекса и содержательная интерпретируемость значений позволяют позиционировать его как дополнение к существующим подходам к оценке различных характеристик занятости.

Ключевые слова: качество занятости, депривация качества занятости, индексный подход, Россия, условия труда, РМЭЗ НИУ ВШЭ

Applying this index approach to different age, gender, and educational groups, the authors obtain results that, on the one hand, confirming existing knowledge on gaps in the quality of employment of various social and demographic groups, and on the other hand, providing a new perspective on the problem. The design of the index and the meaningful interpretability of the values allow it to be positioned as a complement to existing approaches to assessing various characteristics of employment.

Keywords: quality of employment, deprivation of quality of employment, index approach, Russia, working conditions, RLMS HSE

Введение

Трансформация экономики, дисбалансы спроса и предложения на рынке труда, диверсификация карьерных траекторий на фоне распространения новых форм занятости актуализируют задачу изучения адаптационных особенностей занятости работников в России. Решению данной задачи может способствовать развитие подходов к измерению качества их занятости.

Качество занятости (КЗ) — сложная концепция, толкование которой (в том числе содержание «высокого» и «низкого» качества) зависит от того, оценивается ли она с точки зрения общества, фирмы или индивида [Vermeulen, Greet, 2005]. Вопрос о КЗ, зародившись в 1960-х и 1970-х годах в концепциях «качества трудовой жизни», со временем перерос в дебаты о том, что представляет собой «хорошая» работа, которые затем перетекли в методологические дискуссии о его измерении [Burchell et al., 2014]. Актуальность разработки подходов к количественной оценке КЗ работников сопряжена с тем, что такое измерение, позволяя лучше обнаруживать места критических ограничений развития и точки роста, повышает шансы на включение проблематики КЗ работников в круг приоритетных областей государственного регулирования.

Новизна работы имеет методологический характер. Она состоит в исследовании депривации качества занятости с точки зрения индексного подхода (с построением соответствующего индекса) на основе российских индивидуальных микроданных и его апробировании на данных по группам работников в разрезе пола, возраста и образования.

Объектом исследования выступает оценка качества занятости работников. Предметом — оценка депривации¹ (лишений) КЗ с помощью индексного подхода. Основная цель состоит в разработке композитной меры, релевантной усложняющейся сфере занятости, с целью более обоснованной поддержки принимаемых политических решений.

В исследовании проверяются две гипотезы. Первая предполагает, что применяемый индекс позволяет отражать специфику сферы труда и занятости в отечественной экономике, улавливая существенные признаки неформальной и неустойчивой занятости². Вторая — что с помощью данного индекса возможно проводить сравнительную оценку качества занятости в разрезе отдельных групп работников.

Далее в статье рассматривается понятие качества занятости и дается обзор существующих подходов к его оценке. После этого приводятся данные и описываются результаты проведенного авторами исследования. Завершается статья выводами и рекомендациями.

Понятие качества занятости и подходы к его оценке в научной литературе

В научных публикациях российских и зарубежных авторов встречаются разные термины, обозначающие близкие по содержанию (в контексте данного исследования) проблемные области: качество занятости (*quality of employment*), качество работы (*work/job quality*), качество трудовой жизни (*quality of working life*), качество рабочей среды (*quality of working environment*), достойный труд (*decent work*). Отечественная исследовательская традиция наряду с качеством занятости, описываемым через качество отношений занятости [Уровень и качество жизни..., 2022], выделяет «качество трудовой жизни» [Бобков, Черных, 2023; Цыганкова, 2008; Цыганков, 2006; Чекмарева, 2016] и «качество труда» [Иванова, 2019; Тарасова, 2014; Стефанова, Козимянец, 2016]. При этом нередко при употреблении данные понятия смешиваются. В западной литературе КЗ часто эквивалентно как указанным терминам, так и «качеству рабочего места» (*job quality*), «качеству работы» (*quality of work*), «хорошим» и «плохим» рабочим местам (*good and bad jobs*) [Roopali, 2005], «достойному труду» (*decent work*)³. Можно констатировать, что научное единство в интерпретации указанных терминов не достигнуто. Однако заметим, что приведенные категории объединяет термин «качество», означающий совокупность существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих предмет или явление от других [Новая философская энциклопедия, 2010]. В данном исследовании будет использован термин КЗ, содержание которого в российских публикациях наиболее близко англоязычному термину «*quality of employment*». Под ним будет пониматься способность занятости, то есть деятельности, связанной с удовлетворением личных и общественных потребностей индивида, служить работнику источником

¹ В работе термин «депривация» используется для обозначения состояния работника, качество занятости которого находится ниже порогового значения по тому или иному его измерению.

² К существенным общим признакам неформальной и неустойчивой занятости можно отнести полное или частичное исключение этой формы трудовой деятельности из сферы регулирования трудового законодательства и социальных прав и гарантий.

³ European Commission. URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/policies/sustainable-growth-and-jobs/employment-and-decent-work_en (дата обращения: 14.09.2023).

дохода в рамках приемлемых условий труда и обеспечивать ему доступ к социальным гарантиям.

Исследователи признают трудность выбора аспектов КЗ, подлежащих оценке⁴, и сложность их корректного учета. Существуют конкурирующие модели измерения КЗ, разработанные за последние 20 лет различными международными структурами, например:

- 1) глобальная система показателей для Целей устойчивого развития (Sustainable Development Goals) Организации Объединенных Наций, ООН⁵;
- 2) индикаторы достойного труда (Decent Work Indicators) Международной организации труда (МОТ) [ILO, 2013];
- 3) руководство по измерению качества рабочей среды (Guidelines on Measuring the Quality of the Working Environment) Организации экономического сотрудничества и развития [OECD, 2017];
- 4) инициатива по измерению качества занятости (Framework on Measuring Quality of Employment) Европейской экономической комиссии ООН [UNECE, 2015];
- 5) качество рабочих мест (Working Conditions Monitoring Framework) Европейского фонда по улучшению условий жизни и труда (Eurofound) совместно с МОТ [Eurofound, ILO, 2019].

Указанные инициативы содержат наборы индикаторов, измеряющих аспекты КЗ на уровне как рабочего места, так и социально-экономической системы [ЕЭК ООН, 2021; Cazes et al., 2015].

Действующие модели оценки КЗ строятся, как правило, либо с использованием одного показателя — *проху* качества занятости (например, удовлетворенность трудом, размер оплаты труда), либо на основе набора нескольких выборочных показателей, либо путем построения индекса [Roopali, 2005].

В отечественной научной литературе используют все три варианта оценки КЗ. Так, в *моделях с использованием одного показателя проху* качества занятости выступает, например, субъективная оценка удовлетворенности работой [Вередюк, 2018; Черных, 2022]. Здесь для выявления особенностей КЗ рассчитываются средние значения оценок уровня удовлетворенности работой в разных возрастных группах и проводится сравнительный анализ их распределения по ряду критериев. Поиск факторов удовлетворенности работой на основе множественного корреляционного анализа позволяет находить различные закономерности в КЗ. Тренды удовлетворенности работой дают представления о динамике КЗ.

Модели с использованием выборочных показателей включают в себя: уровень безработицы; структуру экономически активного и неактивного населения; производительность труда; мобильность кадров; демографическую ситуацию; распределение занятого населения по статусу на основной работе, сферам деятельности [Бреев, 2005]. КЗ рассматривается и через призму таких элементов, как

⁴ Measuring Job Quality: Difficult but Necessary // ILOSTAT. URL: <https://ilostat.ilo.org/measuring-job-quality-difficult-but-necessary/> (дата обращения: 04.04.2023).

⁵ United Nations. Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. New York, NY: Springer, 2015. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/21252030%20Agenda%20for%20Sustainable%20Development%20web.pdf> (accessed: 25.04.2023).

рынок труда, уровень занятости, уровень жизни в домашних хозяйствах [Крутова, 2006], количественные и качественные характеристики условий занятости, в том числе заработной платы [Смирнова, 2001]. Также предлагаются комплексы параметров: обеспечение законодательно закрепленных прав и обязанностей участников социально-трудовых отношений; совершенствование условий труда; соответствие занятости полученной профессии и уровню образования; формирование достойного уровня оплаты труда [Жук, 2015]; уровень заработной платы, количество рабочих часов, фиксированность и общую стабильность трудового контракта [Chernyshev, 2007].

В отечественных работах, представляющих модели оценки *на основе интегрального индекса*, рассчитывается интегральный индекс качества трудовой жизни [Андреева, Полкова, 2013; Жолудева, Мельниченко, 2018; Зонова, 2010]. Измерения и показатели, используемые в методиках, приведены в таблице 1.

Если давать обобщенную оценку приведенным подходам отечественной школы авторов, то с точки зрения значимых аспектов (измерений) КЗ включают: доходы от работы, стабильность и условия занятости. Однако с позиции уровня охвата различных измерений занятости (в среднем выделяется 3—5 измерений) все они несут сугубо макроэкономический характер и строятся на данных Росстата. Отчасти этим объясняется выбор используемых индикаторов в пользу валовых социально-экономических, а также экологических. Часть индикаторов в указанных методиках входит в перечень индикаторов достойного труда, рассчитываемых Росстатом, что еще раз подтверждает близость в трактовке терминов «качество занятости» и «достойный труд».

Кроме того, некоторые входящие в тот или иной индекс индикаторы коррелируют между собой, что дает основания считать общее количество используемых индикаторов (число которых варьируется от 9 до 17) избыточным. Последнее обстоятельство усложняет содержательную интерпретацию результатов полученных индексов.

В части индексных методик удалось найти несколько прошедших апробацию на международных данных, а именно «Индекс качества работы» (Job Quality Index, JQI) Европейского института профсоюзов⁶, «Индекс качества работы» (Job Quality Index) (2012 г.) и «Индекс нематериальных характеристик работы» (Non-pecuniary Job Quality Index) (2013 г.) Европейского фонда улучшения условий жизни и труда (Eurofound) [Eurofound, 2013; Green, Mostafa, 2012; Cazes et al., 2015], «Индекс качества работы» (Job Quality Index) в частном секторе США [Alpert et al., 2019], а также «Индекс качества занятости» (Employment Quality Index, QoE Index) Международного института неравенства Лондонской школы экономики⁷, основанный на методе оценки многомерной бедности Алкир — Фостера [Alkire, Foster, 2011].

⁶ Job Quality Index (JQI). URL: <https://www.etui.org/topics/labour-market-employment-social-policy/job-quality-index-jqi> (дата обращения: 25.05.2023).

⁷ International Inequalities Institute, London School of Economics and Political Science. URL: <https://quality-employment.org/methodology/> (дата обращения: 19.04.2023).

Таблица 1. Измерения и индикаторы индексных методик расчета качества занятости

Методика	Измерения и индикаторы
Е.Л. Андреева, Т.В. Полкова, 2013	Занятость и безработица (включая показатели уровня занятости, численности зарегистрированных безработных в расчете на вакансию, уровень безработицы по методике МОТ); <i>заработная плата и доходы</i> (отношение средней номинальной начисленной заработной платы к величине прожиточного минимума трудоспособного населения, соотношение номинальной заработной платы работников организаций к валовому региональному продукту, ВРП на занятого, коэффициент фондов); <i>квалификация и производительность</i> (доля занятых в экономике с высшим и средним профессиональным образованием, выпуск квалифицированных рабочих на 10 тыс. занятых, производительность труда в регионе); <i>безопасность и организация труда</i> (численность пострадавших на производстве с утратой трудоспособности, удельный вес численности работников промышленности, доля занятых в не отвечающих гигиеническим нормативам условиях, доля занятых на не отвечающем требованиям охраны труда оборудовании, доля занятых в неформальном секторе экономики); а также <i>предприятия и инвестиции</i> (степень износа основных фондов, оборот малых предприятий на душу населения, валовое накопление основного капитала)
В.В. Жолудева, Н.Ф. Мельниченко, 2018	Индикаторы: уровень занятости и безработицы; отношение средней номинальной начисленной заработной платы к величине прожиточного минимума трудоспособного населения; соотношение номинальной заработной платы работников организации и ВРП на одного занятого; доля занятых в экономике с высшим и средним образованием; производительность труда; удельный вес занятых на работах с вредными и опасными заболеваниями
О.В. Зонова, 2010	Индикаторы из трех групп измерений: <i>экономической</i> (ВРП на душу населения, удельный вес убыточных производств в регионе, индекс промышленного производства, индекс потребительских цен, коэффициент износа основных фондов, доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства), <i>социально-трудовой</i> (реальные денежные доходы населения, средняя величина просроченной задолженности по оплате труда в расчете на работника, доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума, отношение доходов 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченного населения, естественный прирост населения, средняя продолжительность жизни, уровень безработицы, численность пострадавших на производстве, численность работников с профессиональными заболеваниями, численность работающих во вредных и опасных условиях, численность работающих на не отвечающем требованиям охраны труда оборудовании) и <i>экологической</i> (расходы на охрану окружающей среды в бюджете региона, объем сброса сточных вод, доля нормативно-очищенных сточных вод, объем выбросов в атмосферу, доля уловленных и обезвреженных выбросов, количество отходов, доля обезвреженных отходов, площадь нарушенных земель, площадь рекультивированных земель, объем выплат за загрязнение окружающей среды, уровень заболеваемости населения)

Методика	Измерения и индикаторы
Индекс качества работы (Job Quality Index, JQI)*, 2008	Измерения оценивают восприятие работником своей работы с точки зрения: <i>заработной платы; форм и гарантий занятости**; рабочего времени и баланса между работой и личной жизнью; условий труда; навыков и развития карьеры; представления коллективных интересов</i> . Каждое из этих измерений состоит из отдельных показателей***
Индекс качества работы (Job Quality Index), 2012	<i>Доходы; перспективы (prospects) занятости****; внутренние характеристики рабочих мест (intrinsic quality of work): условия труда (экологические и эргономические, социальные взаимодействия на работе, поддержка коллег и руководства, эмоциональные требования, требуемая скорость работы) и содержание работы (автономия в работе, полноценное использование имеющихся навыков, степень контроля работника над работой); качество рабочего времени (working time quality): наличие переработок (обычно более 48 часов в неделю); процент работающих посменно, по выходным, в вечерние и ночные часы; баланс между работой и личной жизнью*****</i>
Индекс нематериальных характеристик работы (Non-pecuniary Job Quality Index), 2013	<i>Внутренние характеристики рабочих мест; риски занятости (employment risks)*****; риски на рабочем месте (workplace risks); качество рабочего времени; баланс между работой и личной жизнью</i>
Индекс качества занятости (Job Quality Index) в частном секторе США, 2019	Оценивается смещение рабочих мест в сторону качественных рабочих мест, предполагающих относительно более высокую заработную плату и более продолжительный рабочий день. Деление на рабочие места высокого и низкого качества производится с помощью расчета среднего недельного дохода (почасовая заработная плата, умноженная на отработанное время), а затем рассчитывается количество рабочих мест с зарплатой выше или ниже данного значения. Значение индекса, равное 100, указывает на равномерное распределение рабочих мест высокого и низкого качества, значение ниже 100 — на преобладание мест низкого качества, а выше 100 — высокого качества. Индекс корректируется на инфляцию
Индекс качества занятости Международного института неравенства Лондонской школы экономики	<i>Трудовой доход (доход по основному месту работы), стабильность занятости (профессиональный статус, стаж работы на текущем месте) и условия занятости (принадлежность к системе социального обеспечения и рабочее время). Для каждого из показателей устанавливается пороговое значение депривации, затем каждый работник классифицируется по каждому показателю, и на основе вложенного веса строится индекс степени депривации (лишения). Строится с использованием индивидуальных данных</i>

Источники: составлено авторами. Подробнее про состав показателей и специфику их подсчета см. [Eurofound, 2013; Green, Mostafa, 2012; Бобков, Черных, 2023].

* Job Quality Index (JQI). URL: <https://www.etui.org/topics/labour-market-employment-social-policy/job-quality-index-jqi> (дата обращения: 19.12.2023).

** Гарантия занятости означает вероятность того, что работа сохранится в будущем.

*** Подробнее о практике применения данного индекса см. [Leschke, Watt, Finn, 2008, 2014; Leschke, Watt, 2012].

**** *Перспективы занятости* — материальная потребность в доходах и психологическая потребность в наличии занятости.

***** *Баланс между работой и личной жизнью (work-life balance)* отражает степень, в которой занятость может сочетаться с неоплачиваемой работой, включая уход за членами семьи.

***** Вероятность стать безработным, ожидаемая продолжительность безработицы и степень государственной защиты от безработицы.

Измерения и показатели, которые включает каждая из данных методик, приведены в таблице 1. В указанных зарубежных методиках используются разные базы данных, при этом среди значимых измерений КЗ, число которых варьируется от трех до шести, обнаруживаются общие измерения КЗ, а именно: доходы от работы и рабочее время (часы работы).

Принимая во внимание усложнение и диверсификацию процессов в сфере занятости, наиболее перспективным из приведенных подходов мы считаем индексный подход, позволяющий одновременно учитывать КЗ по разным измерениям. Для построения индекса КЗ важно одновременно стремиться достичь полноты охвата наиболее существенных аспектов КЗ, минимизируя общее количество индикаторов для интерпретируемости результатов. Если обобщить рассмотренные индексы, то к наиболее существенным аспектам КЗ можно отнести оплату труда, стабильность и условия занятости (включая время работы). Сопоставимая значимость этих измерений подтверждается в ряде исследований КЗ [Sehnbruch et al., 2020; González et al., 2021]. Выбор индикаторов под каждое из измерений во многом определяется спецификой сферы труда и занятости в конкретной экономике, а также доступностью и регулярностью сбора данных. В части расчетов КЗ относительно новым (в первую очередь для отечественных исследований) подходом можно считать использование данных по индивидам (микроданным).

Данные, методы и результаты исследования

Эмпирической базой наших расчетов стали данные 30-й волны лонгитудного Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ)⁸, охватывающей период с сентября 2021 по январь 2022 г. Такой выбор обусловлен тем, что это последняя из волн исследования, которая пришлась на период «прежней нормальности» в России, датированный завершением активной фазы коронакризиса и началом военной операции на Украине.

Из репрезентативной выборки индивидов в сконструированную для исследования итоговую выборку вошло 3856 респондентов, которые отнесли себя к занятым. По каждому из них доступна полная (без пропусков) информация в части индикаторов, анализируемых в данной работе. Объем итоговой выборки составил 76 % от первоначальной выборки занятых⁹. Возрастные границы респондентов, оказавшихся в выборке, — 17—84 года. Анализировались ответы респондентов применительно к номинированной ими основной работе.

За основу для построения индекса депривации КЗ взят метод Алкир — Фостера [Alkire, Foster, 2011]. Он был апробирован для построения индекса КЗ в ряде исследований [Sehnbruch et al., 2020; González et al., 2021]. В частности, индекс

⁸ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Институтом социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. URL: <http://www.hse.ru/rhms> и <https://rhms-hse.cpc.unc.edu> (дата обращения: 24.02.2023).

⁹ Преимущественно (в 84 % случаев с неполной информацией) отсутствовали данные в части дохода респондентов от работы. Отсутствие ответов на соответствующие вопросы не позволило включить в итоговую выборку наблюдения по индивидам, занятым вне организации, что отчасти компенсировалось низким порогом отсекаемых занятых в организациях, так как под организациями в РМЭЗ понимаются организации, в которых работает более одного человека.

предполагает применение двух отсечений: во-первых, *внутри* каждого из выбранных измерений КЗ для определения факта депривации индивида по каждому из них; во-вторых, *между* измерениями КЗ для подсчета количества измерений КЗ, по которым работник оказывается депривирован.

Построение индекса на основе данного метода предполагает выбор измерений КЗ и соответствующих индикаторов для каждого из них, а также определение границ разных уровней КЗ. В таблице 2 они приведены с учетом задач исследования, предварительного анализа литературы и доступных данных. В частности, к значимым измерениям депривации КЗ на индивидуальном уровне отнесены: доход от работы, стабильность и условия занятости.

Таблица 2. *Измерения и индикаторы качества занятости и их веса*

Измерение (вес)	Индикатор (вес)	Признак и граница депривации	Доля работников*, % (std. ошибка)
Доход от работы (1/3)	Оплата труда (1/3)	Почасовая оплата ниже 2/3 медианы почасового заработка**, то есть меньше 111 руб. в час ¹⁰	21,4 (0,007)
Стабильность занятости (1/3)	Трудовой статус (1/6)	Отсутствие официального (письменного) оформления при работе в организации Работа вне организации	6,4*** (0,004)
	Стаж на текущем месте работы (1/6)	≤ 3 года (для лиц, старше 24 лет) ≤ 1 год (для лиц в возрасте 17—24 года)	31,3 (0,008)
Условия занятости (1/3)	Участие в системе социального обеспечения (1/6)	Неофициальное (хотя бы частично) перечисление заработной платы	11,9 (0,005)
	Чрезмерные часы работы (1/6)	> 48 часов в неделю**	14,0 (0,006)

* Доля депривированных в соответствующем индикаторе качества занятости в общей численности занятых в выборке.

** Показатель входит в индикаторы достойного труда, рассчитываемые Росстатом.

*** Для полной выборки занятых в РМЭЗ эта доля составила 15,4 %.

Кратко поясним значимость каждого из используемых измерений КЗ. *Доход от работы* включен как источник для удовлетворения потребностей работника и членов его домохозяйства, а также как индикатор оценки характеристик работника рынком труда. Оплата труда является основным доходом большинства занятых в России, где есть проблема работающих бедных¹¹. *Стабильность занятости* акцентирует внимание на доступности прав, ассоциирующихся с работой, и стабильности доступа к ним у работников; рисках индивида оказаться в состоянии

¹⁰ По расчетам авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, медианная заработная плата в час составила 167 руб.

¹¹ Учитывая это обстоятельство, используемый индекс множественной депривации КЗ (вес измерения и порог (граница) отсечения) должен помогать определять таких работников по первому измерению КЗ. По каждому из оставшихся измерений депривация КЗ будет признаваться только в том случае, если одновременно наблюдаются два ее признака в каждом из них.

безработицы; возможности работника развивать личностные и профессиональные качества и, наконец, его психологическом благополучии. *Условия занятости* призваны отразить доступность части выгод от занятости, выходящей за рамки правовых норм, а также сбалансированность работы и личной жизни. Подробнее о значимости данных измерений на микро- и макроуровне см. [Sehnbruch et al., 2020; González et al., 2021].

Актуальность рассматриваемых измерений и индикаторов КЗ для отечественных социально-экономических реалий связана с тем, что они позволяют учитывать характерные для экономики нашей страны неформальную занятость и неустойчивую занятость в формальном секторе. Однако их распространенность среди занятых варьируется. Как показано в таблице 2, по данным на конец 2021 — начало 2022 г. низкий доход от работы (оплата труда ниже 2/3 медианы почасового заработка) наблюдался у 21,4% работников. Одним из распространенных показателей КЗ является короткий стаж на текущем месте работы¹² как одно из измерений стабильности занятости, который отмечался у 31,3% работников. Ограниченное участие в системе социального обеспечения и чрезмерные часы работы в среднем касались 12,9% работников. При этом формализованный трудовой статус (то есть работа по трудовому договору, трудовому соглашению, контракту) отсутствовал лишь у 6,4% занятых в итоговой выборке.

После выбора измерений и индикаторов КЗ дальнейшая процедура построения индекса состоит из следующих шагов. Опишем их подробно. Во-первых, для каждого индикатора устанавливается порог — граница депривации (см. табл. 2). Это позволяет получить профиль каждого работника в разрезе каждого индикатора с присвоением 1, если у индивида наблюдается соответствующий признак депривации КЗ, и 0, если признака нет. Во-вторых, устанавливаются веса каждого измерения КЗ таким образом, чтобы в совокупности они составляли единицу. Также определяются веса индикаторов внутри каждого из измерений. Мы исходили из сопоставимой значимости входящих в построение индекса измерений и индикаторов внутри измерений, поэтому приняли равными веса: а) каждого из измерений КЗ (так как в нашем случае три измерения, то вес каждого — 1/3), б) индикаторов внутри отдельно взятого измерения (в нашем случае два из трех измерений представлены двумя индикаторами каждое, поэтому вес каждого из индикатора пары — 1/6)¹³. Последующие вычисления индекса происходят с учетом выбранных весов, поэтому все получаемые величины являются взвешенными. В-третьих, для каждого работника рассчитывается балл КЗ по каждому из индикаторов и измерений КЗ. В-четвертых, для каждого работника вычисляется *общий* — по совокупности всех трех измерений или индикаторов — *балл индивидуального качества занятости*. Это можно осуществить путем суммирования баллов по отдельным индикаторам или измерениям. Полученные в итоге баллы будут (исходя из описанной системы весов) находиться в границах от 0 до 1, где 1 означает, что работник депривирован в каждом измерении и каждом индикаторе КЗ, а 0 — отсутствие рассматриваемых признаков депривации КЗ. В-пятых, установ-

¹² Стаж не более трех лет для лиц старше 24 лет и не более одного года — для лиц в возрасте 17—24 года.

¹³ Данный выбор весов отражает идею множественной депривации.

ливается еще один порог, теперь для определения группы работников, имеющих множественную депривацию КЗ (далее — ДКЗ) по совокупности всех трех измерений. В нашем случае его значение составляет 0,333¹⁴, то есть работники с баллами депривации равными и выше указанного значения причисляются к группе депривированных. Соответственно, максимальное количество баллов, которое может набрать работник, — 1. В-шестых, определяется доля работников с множественной ДКЗ в общей численности работников, что можно назвать коэффициентом распространенности депривации качества занятости, H (*headcount ratio*). Далее рассчитываются баллы ДКЗ, приходящиеся в среднем на каждого из имеющих множественную ДКЗ. Для этого баллы индивидуального КЗ работников данной группы суммируются и делятся на общее количество таких работников¹⁵. Получившийся показатель — коэффициент интенсивности депривации качества занятости A (*average intensity share*) оценивает глубину депривации в обществе. И, наконец, рассчитывается агрегатный коэффициент ДКЗ (или индекс множественной ДКЗ) M (*adjusted headcount ratio*) как произведение двух предыдущих коэффициентов H и A . Индекс показывает количество баллов депривации, приходящееся в среднем на каждого работника из полной выборки. Другими словами, M можно получить путем деления суммы индивидуальных баллов депривации работников с ДКЗ на общее количество работников в выборке¹⁶. Границы индекса варьируются от 0 до 1, где 0 означает отсутствие работников с множественной ДКЗ и, соответственно нулевую сумму баллов депривации в числителе дроби, а 1 — наличие депривации КЗ по всем трем измерениям у каждого из работников из полной выборки.

Таким образом, расчет ДКЗ может проводиться как по отдельным измерениям (и показателям), так и по их совокупности. Согласно методике Алкир-Фостера, в формализованном виде индивидуальная оценка (в баллах) ДКЗ, c_i , которая учитывает все измерения КЗ, записывается, как

$$c_i = \sum_{d=1}^D w^d I(s_i^d < z^d),$$

где s_i^d характеризует работника i по измерению качества занятости d (при общем количестве измерений D), z^d — граница депривации по измерению d . Функция $I(\cdot)$ принимает значение 1, в случае, если фактическое значение выше границы депривации, то есть работник имеет депривацию качества занятости, и 0 — если ее нет. И w^d — это вес измерения d , а суммарно вес всех измерений равен 1.

Другими словами, оценка депривации каждого работника представляет собой сумму его взвешенных деприваций. Оценка депривации (c_i) возрастает по мере увеличения числа деприваций, испытываемых индивидом, и достигает максимума, равного 1, когда индивид депривирован по всем измерениям. У работника, не испытывающего лишений ни по одному из измерений, оценка депривации бу-

¹⁴ Выбор порога (границы, линии) отсекация во многом зависит от цели регулирующего воздействия — для проведения адресной политики, стремящейся сосредоточиться на наиболее депривированных группах работников. При низкой границе отсекация группа работников с ДКЗ оказывается довольно многочисленной.

¹⁵ Если данный результат разделить на 0,333 (вес одного измерения), то получим альтернативную оценку коэффициента A — в количестве измерений ДКЗ.

¹⁶ Если данный результат разделить на 0,333 (вес одного измерения), то получим альтернативную оценку коэффициента (индекса) M — в количестве измерений ДКЗ.

дет равна 0. Индивид i считается имеющим множественную ДКЗ, если суммарная оценка его депривации равна или выше установленного порога — границы депривации k ($k=0,333$).

Индекс множественной депривации качества занятости по популяции $M(k)$ рассчитывается по формуле:

$$M(k) = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N [c_i \times L(c_i \geq k)] = H(k) \times A(k) = \frac{Q}{N} \times \frac{\sum_{i=1}^Q c_i}{Q} = \frac{\sum_{i=1}^Q c_i}{N},$$

где функция $L(\cdot)$ принимает значение 1 в случае, если фактические индивидуальные баллы выше границы депривации, то есть работник имеет множественную депривацию качества занятости, и 0 — если ее нет. N — общая численность работников в выборке, Q — количество работников с множественной ДКЗ, H — коэффициент распространенности депривации качества занятости, A — коэффициент интенсивности депривации качества занятости. Первый коэффициент характеризует долю работников с депривированным качеством занятости, ДКЗ в общей численности работников; а второй — баллы депривации КЗ, приходящиеся в среднем на каждого из имеющих множественную ДКЗ работников. Индекс множественной ДКЗ M имеет границы вариации от 0 до 1, где 0 означает отсутствие деприваций в популяции, а 1 — ситуацию, при которой каждый работник имеет депривацию по всем измерениям качества занятости. Из этого следует, что чем ближе значение агрегатного индекса к 1, тем выше депривация качества занятости в популяции работников.

Расчеты на микроданных по России показали, что коэффициент распространенности депривации качества занятости H оказался равным 0,312, другими словами, 31% всех работников имеют ДКЗ, то есть депривированы в одном и более измерениях КЗ. Коэффициент интенсивности депривации качества занятости A составил 0,447, что означает, что в среднем каждый из работников с ДКЗ депривирован в 1,3 из трех измерений КЗ. И, наконец, значение агрегатного коэффициента (индекса) депривации КЗ M составило 0,139, что может быть интерпретировано так, что в среднем каждый работник депривирован 0,5 из трех измерений качества занятости.

При этом у 45,8% работников в выборке депривация качества занятости по предложенным измерениям полностью отсутствует (не наблюдается), а 0,5% работников, напротив, оказываются депривированными по всем трем измерениям КЗ одновременно.

Если перейти от общей картины ситуации с КЗ к более детальному ее анализу с позиции отдельных групп работников, классифицированных по полу, возрасту и уровню образования, то становится заметной неоднородность качества занятости (см. табл. 3).

Декомпозиция индекса множественной ДКЗ и его компонентов по критерию «пол» проявляет различия между мужчинами и женщинами, а именно: среди занятых женщин ДКЗ выше, чем среди мужчин: 0,144 против 0,134 соответственно. При этом распространенность ДКЗ (H) выше среди женщин, а интенсивность (A) — среди мужчин. Последнее может быть связано с концентрацией мужчин в соответствующих профессиональных группах, для которых депривация качества за-

нятости более характерна, чем для других (например, занятость, предполагающая плохие условия труда или работу без официального оформления).

Таблица 3. **Декомпозиция индекса множественной депривации качества занятости и его компонентов**

Критерий декомпозиции	Н (Стд. ошибка*)	А (Стд. ошибка*)	М (Стд. ошибка*)	
Пол	0,289	0,465	0,134	
	(0,011)	(0,008)	(0,006)	
	0,332	0,434	0,144	
женский	(0,011)	(0,005)	(0,006)	
Возрастная группа	0,316	0,400	0,127	
	(0,033)	(0,013)	(0,014)	
	15—24	0,301	0,461	0,139
	(0,014)	(0,009)	(0,009)	
	25—34	0,285	0,445	0,127
	(0,011)	(0,006)	(0,005)	
35—54	0,389	0,450	0,175	
(0,018)	(0,010)	(0,008)		
55 и старше	0,481	0,467	0,225	
(0,024)	(0,009)	(0,013)		
Образование	0,377	0,452	0,170	
Начальное	(0,010)	(0,005)	(0,005)	
Среднее профессиональное	0,171	0,416	0,071	
Высшее	(0,011)	(0,009)	(0,005)	

Источник: рассчитано авторами на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

* Стандартные ошибки средних значений соответствующих величин рассчитаны методом бутстрапирования.

В разрезе возрастных групп ДКЗ выше среди лиц старшей возрастной группы (55 лет и старше). Более детальный анализ позволяет увидеть, что этот разрыв объясняется преимущественно депривацией дохода от занятости.

По критерию образования закономерность такова: чем выше его уровень, тем ниже индекс множественной ДКЗ. Такая же закономерность наблюдается и для двух компонентов ДКЗ — ее распространенности и интенсивности. Данные результаты в очередной раз подтверждают, что образование имеет значение для рынка труда.

Отметим, что при расчетах с использованием более высокого значения заработной платы — 205 руб. (как 2/3 от медианной заработной платы по данным Росстата¹⁷) полученные соотношения индекса множественной депривации качества занятости между соответствующими группами работников в целом сохраняются.

Выводы

В статье на данных по индивидам РМЭЗ НИУ ВШЭ апробирован индексный подход к измерению депривации качества занятости, в основу которого положе-

¹⁷ Рассчитано авторами по данным Росстата о среднечасовой заработной плате (430,1 руб.) и соотношении медианной и средней заработных плат (71,5%). См.: Неравенство и бедность // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 24.02.2024).

на методика Алкир — Фостера, ранее хорошо зарекомендовавшая себя в исследованиях качества занятости в других странах.

Как показало исследование, индекс позволяет отражать специфику сферы труда и занятости в отечественной экономике, поскольку улавливает существенные признаки неформальной и неустойчивой занятости. Он дает возможность провести сравнительную оценку ДКЗ в разрезе отдельных групп работников (по возрасту, полу и уровню образования). Возможность анализировать горизонтальную депривацию КЗ и выявлять наиболее уязвимые группы работников путем оценки степени их уязвимости (депривации) — преимущество данного подхода в условиях неравенства между группами работников.

Индекс относительно легок в конструировании и интерпретации, поэтому может дополнять многомерными подходами одномерные подходы к измерению состояний занятости, применяемые на государственном уровне принятия решений. Его использование позволит проводить таргетированную политику, направленную на группы работников с депривацией качества занятости. Полученные результаты дают возможность шире и целостнее посмотреть на сферу занятости с точки зрения тех аспектов, которые часто выпадают из фокуса дискуссий о благополучии работников и их домохозяйств, — трудового статуса, стажа и часов работы.

Ограничения применяемого подхода связаны в первую очередь с выбранными индикаторами рассматриваемых измерений КЗ, которые могут не лучшим образом аппроксимировать измеряемое. Ограничения есть и в части возможности учета отраслевой и региональной специфики заработной платы.

Исследования качества занятости в рамках индексного подхода можно развивать, анализируя изменения индекса в динамике (для любого индекса динамика в принципе представляет больший интерес, чем его абсолютное значение в моменте), а также на основе альтернативных баз данных по индивидам, подбирая индикаторы для соответствующих измерений качества занятости.

Список литературы (References)

Андреева Е. Л., Полкова Т. В. Оценка качества трудовой жизни населения регионов России // Экономика региона. 2013. № 3. С. 91—100.

Andreeva E. L., Polkova T. V. (2013) Evaluation of the Quality of Working Life of the Population of Russian Regions. *Economics of the Region*. No. 3. P. 91—100. (In Russ.)

Бобков В. Н., Черных Е. А. Взаимосвязь качества занятости и качества трудовой жизни: обзор исследований и контуры их развития // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 3. С. 361—384. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_5_361_384.

Bobkov V. N., Chernykh E. A. (2023) The Relationship of the Quality of Employment and the Quality of Work Life: A Review of Research and the Outlines of Their Development. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. Vol. 19. No. 3. P. 361—384. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_5_361_384. (In Russ.)

Бреев Б. Д. О качестве занятости населения России // Общество и экономика. 2005. № 7/8. С. 305—325.

Breev B. D. (2005) On the Quality of Employment in Russia. *Society and Economics*. No. 7/8. P. 305—325. (In Russ.)

Вередюк О. В. Качество занятости молодежи в России: анализ оценок удовлетворенности работой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 306—323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.16>.

Veredyuk O. V. (2018) Quality of Youth Employment in Russia: Analysis of Job Satisfaction Assessments. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 306—323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.16>. (In Russ.)

ЕЭК ООН. Новые формы занятости и качество занятости: последствия для официальной статистики. UNECE, 2021. URL: <https://unece.org/sites/default/files/2021-06/New%20forms%20of%20employment%20RUS.pdf> (дата обращения: 12.06.2023).

UNECE (2021) New Forms of Employment and Quality of Employment: Implications for Official Statistics. URL: <https://unece.org/sites/default/files/2021-06/New%20forms%20of%20employment%20RUS.pdf> (accessed: 12.06.2023).

Жолудева В. В., Мельниченко Н. Ф. Статистическая оценка качества трудовой жизни работников в Российской Федерации // Статистика и экономика. 2018. Т. 15. № 4. С. 42—51. <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2018-4-42-51>.

Zholudeva V. V., Melnichenko N. F. (2018) Statistical Evaluation of the Quality of Working Life of Employees in the Russian Federation. *Statistics and Economics*. Vol. 15. No. 4. P. 42—51 <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2018-4-42-51>. (In Russ.)

Жук С. С. Исследование качественных характеристик занятости: чем довольны и к чему стремимся? // European Social Science Journal. 2015. № 6. С. 82—88.

Zhuk S. S. (2015) A Study of the Qualitative Characteristics of Employment: What are You Satisfied with and What are You Striving for? *European Social Science Journal*. No. 6. P. 82—88. (In Russ.)

Зонова О. В. Качество трудовой жизни: определение и критерии оценки // Проблемы современной экономики. 2010. № 3. С. 79—81.

Zonova O. V. (2010) Quality of Working Life: Definition and Evaluation Criteria. *Problems of Modern Economics*. No. 3. P. 79—81. (In Russ.)

Иванова К. А. Качественные характеристики занятости: дифференциация смежных понятий // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 3. Ч. 1. С. 56—62; URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=351> (дата обращения: 15.05.2023).

Ivanova K. A. (2019) Qualitative Characteristics of Employment: Differentiation of Related Concepts. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. No. 3. Part 1. P. 56—62. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=351> (accessed: 25.04.2023). (In Russ.)

Крутова О. С. Типология качества занятости в условиях формирования института рынка труда: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Петрозаводск: Институт экономики Карельского научного центра РАН, 2006.

Krutova O. S. (2006) Typology of the Quality of Employment in the Conditions of the Formation of the Institution of the Labor Market. Extended Abstract of PhD Disserta-

tion in Economy Sciences (08.00.01). Institute of Economics of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Petrozavodsk. (In Russ.)

Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0140b25e3b350ce9bc35a140> (дата обращения: 25.04.2023).

New Philosophical Encyclopedia: in 4 Volumes. (2010) Moscow: Mysl. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0140b25e3b350ce9bc35a140> (accessed: 25.04.2023). (In Russ.)

Смирнова Н. А. Качество занятости как приоритетное направление повышения уровня жизни населения: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. М.: Всероссийский центр уровня жизни при Министерстве труда и соц. развития РФ, 2001. Smirnova N. A. (2001) The Quality of Employment as a Priority for Improving the Standard of Living of the Population. Extended Abstract of Doctor Dissertation in Economy Sciences (08.00.05). All-Russian living standards center under the Ministry of Labor and Social development of the Russian Federation. Moscow. (In Russ.)

Стефанова Т. Г., Козимянец К. В. Качество труда в системе менеджмента качества // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. № 3. С. 82—86.

Stefanova T. G., Kozimyanets K. V. (2016) Quality of Labor in the Quality Management System. *Proceedings of St. Petersburg state Economy University*. No. 3. P. 82—86. (In Russ.)

Тарасова Г. М. Качество труда как основа создания качества продукции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 1—1. С. 304—307.

Tarasova G. M. (2014) Quality Work as a Basis for the Establishment of Quality. *Proceedings of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*. No. 1—1. P. 304—307. (In Russ.)

Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего / под ред. В. Н. Бобкова (отв. ред.), Н. В. Локтюхиной, Е. Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2022. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>.

Bobkov V. N.; Loktyukhina N. V., Shamaeva E. F. (eds.) (2022) The Level and Quality of Life of the Population of Russia: From Reality to the Design of the Future. Moscow: New Chronograph. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>. (In Russ.)

Цыганков В. А. Теория и методология исследования качества трудовой жизни. М.: Экономика, 2006.

Tsygankov V. A. (2006) Theory and Methodology for Studying the Quality of Working Life. Moscow: Economics. (In Russ.)

Цыганкова И. В. Современные взгляды на проблему качества трудовой жизни // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 19. С. 134—141. Tsygankova I. V. (2008) Modern Views on the Problem of the Quality of Working Life. *Vestnik of Chelyabinsk State University*. No. 19. P. 134—141. (In Russ.)

Чекмарева Е. А. Обзор современных методик оценки качества трудовой жизни населения // *Качество и жизнь*. 2016. № 4. URL: https://ql-journal.ru/articles/ru/2016/4/4_2016_sait_53-61.pdf (дата обращения: 25.04.2023).

Chekmareva E. A. (2016) Review of Modern Methods for Assessing the Quality of the Working Life of the Population. *Quality and Life*. No. 4. URL: https://ql-journal.ru/articles/ru/2016/4/4_2016_sait_53-61.pdf (accessed: 25.04.2023). (In Russ.)

Черных Е. А. Качество трудовой жизни и удовлетворенность занятостью на российском рынке труда // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18. № 2. С. 214—226. <https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.2.6>.

Chernykh E. A. (2022) Quality of Working Life and Job Satisfaction on the Russian Labour Market. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. Vol. 18. No. 2. P. 214—226. <https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.2.6>. (In Russ.)

Alkire S., Foster J. (2011) Counting and Multidimensional Poverty Measurement. *Journal of Public Economics*. Vol. 95. No. 7—8. P. 476—487. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.11.006>.

Alpert D., Ferry J., Hockett R. C., Khaleghi A. (2019) The U. S. Private Sector Job Quality Index. Cornell Law School. URL: <https://ubwp.buffalo.edu/job-quality-index-jqi/wp-content/uploads/sites/171/2021/08/jqi-white-paper.pdf> (accessed: 25.04.2023).

Burchell B., Sehnbruch K., Piasna A., Agloni N. (2014) The Quality of Employment and Decent Work: Definitions, Methodologies, and Ongoing Debates. *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 38. No. 2. P. 459—477. <https://doi.org/10.1093/cje/bet067>.

Cazes S., Hijzen A., Saint-Martin A. (2015) Measuring and Assessing Job Quality: The OECD Job Quality Framework. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. Paris: OECD Publishing. No. 174. <https://doi.org/10.1787/5jrp02kqw1mr-en>.

Chernyshev I. (2007). Towards an International Quality of Employment Framework: Conceptual Paper of the Task Force on the Measurement of Quality of Work. Working Paper No. 1. Joint UNECE/ILO/EUROSTAT Seminar on the Quality of Work. Geneva, 18—20 April, 2007.

Green F., Mostafa T. (2012) Trends in Job Quality in Europe. Publications Office of the European Union, Eurofound, Luxembourg. <https://doi.org/10.2806/35164>.

ILO (2013) Decent Work Indicators: Guidelines for Producers and Users of Statistical and Legal Framework Indicators: ILO Manual: Second Version. International Labour Office. Geneva: ILO.

Eurofound (2013) Quality of Employment Conditions and Employment Relations in Europe. Dublin.

Eurofound, ILO (2019) Working Conditions in a Global Perspective. Publications Office of the European Union and International Labour Organization. <https://doi.org/10.2806/870542>.

González P., Sehnbruch K., Apablaza M., Méndez R., Arriagada V. (2021) A Multidimensional Approach to Measuring Quality of Employment (QoE) Deprivation in Six Central

American Countries. *Social Indicators Research*. Vol. 158. P. 107—141. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02648-0>.

Leschke J., Watt A., Finn M. (2008) Putting a Number on Job Quality? Constructing a European Job Quality Index, European Trade Union Institute for Research, Education and Health and Safety. Brussels.

Leschke J., Watt A., Finn M. (2012) Job Quality in the Crisis — an Update of the Job Quality Index (JQI) Working Paper 2012.07 European Trade Union Institute. Brussels. URL: <https://www.etui.org/sites/default/files/12%20WP%202012%2007%20EN%20WEB%20version.pdf> (accessed: 25.04.2023).

Leschke J., Watt A. (2014) Challenges in Constructing a Multidimensional European Job Quality Index. *Social Indicators Research*. Vol. 118. No. 1—31. <https://doi.org/10.1007/s11205-013-0405-9>.

OECD (2017) OECD Guidelines on Measuring the Quality of the Working Environment. Paris: OECD Publishing. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264278240-en> (accessed: 25.04.2023).

Roopali J. (2005) Work Values and the Quality of Employment: A Literature Review. Department of Labour, New Zealand. URL: <https://thehub.swa.govt.nz/assets/documents/Work%20values%20and%20the%20quality%20of%20employment,%20a%20literature%20review.pdf> (accessed: 25.04.2023).

Sehnbruch K., González P., Apablaza M., Méndez R., Arriagada V. (2020) The Quality of Employment (QoE) in Nine Latin American Countries: A Multidimensional Perspective. *World Development*. Vol. 127. Art. 104738. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.104738>.

UNECE (2015) Handbook on Measuring Quality of Employment: A Statistical Framework, prepared by the Expert Group on Measuring Quality of Employment. New York, NY; Geneva: United Nations. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2015/ECE_CES_40.pdf (accessed: 25.04.2023).

Vermeulen G. (2005) Quality in Work and Employment in the European Working Conditions Survey. Working Paper No. 4. UNECE/ILO/Eurostat Seminar on the Quality of Work, Geneva. URL: <https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/2005/05/labour/wp.4.e.pdf> (accessed: 25.04.2023).

DOI: [10.14515/monitoring.2024.2.2598](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2598)**А. Г. Асмолов**

**ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ ПОЛИМОТИВАЦИИ.
РЕЦ. НА КН.: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ: СОВРЕМЕННЫЕ
ТРАКТОВКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ / ПОД НАУЧ. РЕД.
Л. Н. ОВЧАРОВОЙ, В. А. АНИКИНА, П. С. СОРОКИНА.
М.: ВЦИОМ, 2023**

Правильная ссылка на статью:

Асмолов А. Г. Человек как субъект полимотивации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 277—286. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2598>. Рец. на кн.: Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / под науч. ред. Л. Н. Овчаровой, В. А. Аникина, П. С. Сорокина. М.: ВЦИОМ, 2023.

For citation:

Asmolov A. G. (2024) A Human as a Subject of Polymotivation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 277–286. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2598>. Book Review: Ovcharova L. N., Anikin V. A., Sorokin P. S. (eds.) (2023) Human Potential: Modern Interpretations and Research Results. Moscow: VCIOM. (In Russ.)

Получено: 27.03.2024. Принято к публикации: 15.04.2024.

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ ПОЛИМОТИВАЦИИ. РЕЦ. НА КН.: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТОВКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ / ПОД НАУЧ. РЕД. Л. Н. ОВЧАРОВОЙ, В. А. АНИКИНА, П. С. СОРОКИНА. М.: ВЦИОМ, 2023

АСМОЛОВ Александр Григорьевич — доктор психологических наук, научный руководитель, Академия развития потенциала человека Корпоративного университета Сбербанка, Москва, Россия; заведующий кафедрой психологии личности факультета психологии, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; директор Школы антропологии будущего, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия
E-MAIL: agas@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2319-398X>

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на коллективную монографию «Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований», вышедшую в издательстве ВЦИОМ в 2023 г. Актуальность рецензируемой коллективной монографии обосновывается, во-первых, дефицитом качественных теоретических трудов, посвященных человеческому потенциалу. Во-вторых, практической необходимостью преодоления кризисных тенденций последних лет, поиска новых подходов в экономической, социальной и культурной сферах, позволяющих обеспечить более насыщенную, продуктивную и осмысленную жизнь. Содержательно рецензия разделена на две части. В первой разбираются важнейшие идеи, продвигаемые авторами монографии, такие как

A HUMAN AS A SUBJECT OF POLYMOTIVATION. BOOK REVIEW: OVCHAROVA L. N., ANIKIN V. A., SOROKIN P. S. (EDS.) (2023) HUMAN POTENTIAL: MODERN INTERPRETATIONS AND RESEARCH RESULTS. MOSCOW: VCIOM

Aleksandr G. ASMOLOV^{1,2,3} — Dr. Sci. (Psychol.), Scientific Director; Head of the Department of Personality Psychology at the Faculty of Psychology; Director of the School of Anthropology of the Future
E-MAIL: agas@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2319-398X>

¹ Academy of Human Potential Development of Sberbank Corporate University, Moscow, Russia

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

³ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Moscow, Russia

Abstract. The article reviews the collective monograph «Human Potential: Modern Interpretations and Research Results», published by VCIOM in 2023. The relevance of the monograph under review is justified, firstly, by the shortage of high-quality theoretical works devoted to human potential, and secondly, by the practical need to overcome the crisis trends of recent years, to search for new approaches in the economic, social, and cultural spheres, allowing for a richer, more productive and meaningful life. The review is divided into two parts. The first part examines the most important ideas promoted by the authors of the monograph, such as the need to shift from the paradigm of human capital to the paradigm of human potential; development of human-centricity; analysis of not only the static but also the dynamic aspect of

необходимость сдвига от парадигмы человеческого капитала к парадигме человеческого потенциала; развитие человекоцентричности; анализ не только «статического», но и «динамического» аспекта человеческого потенциала; важность индивидуальной агентности и самостоятельности в реализации возможностей человека. Во второй части рецензии кратко излагается сущность каждой из глав, подчеркивается ценность междисциплинарного подхода, реализованного авторским коллективом.

Ключевые слова: человеческий потенциал, агентность, ценностно-ориентированная деятельность, неопределенность, человекоцентризм, междисциплинарность

human potential; the importance of individual agency and independence in realizing human capabilities. The second part of the review briefly outlines the essence of each of the chapters included into the monograph and emphasizes the value of the interdisciplinary approach implemented by the team of its authors.

Keywords: human potential, agency, value-based activities, uncertainty, human-centrism, interdisciplinarity

Вышедшая в 2023 г. в издательстве ВЦИОМ монография «Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований», с моей точки зрения, представляет интерес как минимум по двум причинам [Человеческий потенциал..., 2023].

Первая причина — это необходимость изменения научной картины мира в дисциплинах о понимании закономерностей развития человека в эволюции природы и общества. Последние десятилетия мышление исследователей было сковано парадигмой человеческого капитала, за которой явно или неявно проступает модель «диктатуры прошлого опыта» при объяснении принятия решений в самых разных ситуациях. В этой модели человек сводится к ресурсу, который эксплуатируют организации, крупные предприятия и различные социальные системы. В отличие от парадигмы человеческого капитала, в работах А. Сена и Д. Канемана [Сен, 2004, 2016; Канеман, 2013], акцент делается на бесконечные возможности выбора ценностно-ориентированных видов деятельности в ситуациях неопределенности. Идеологи концепции человеческого потенциала явно или неявно исповедуют идею Спинозы, что человек является причиной самого себя [Спиноза, 1957]. Именно поэтому и в образовании, и в экономике я отстаиваю идею о необходимости сдвига мышления от парадигмы человеческого капитала к парадигме человеческого потенциала. В свете сказанного сканирование горизонтов исследования человеческого потенциала, предложенное авторами монографии, мне представляется оригинальным и эвристичным. Оно восполняет зияющий пробел в исследованиях человека как субъекта полимотивации.

Вторая причина моего интереса — наметившийся совсем недавно сдвиг интересов лидеров бизнеса от клиентоцентризма к человекоцентризму. Я уверен, что рассматриваемая монография будет в высшей степени полезна для ведущих с экономической точки зрения корпораций России. Все чаще обсуждается возрастающая значимость человека, его осознанного самостоятельного созидательного действия, проактивно поддерживающего или трансформирующего окружающую среду для индивидуального и общественного благополучия, для устойчивости и даже для простого выживания общества в условиях быстрых и зачастую непредсказуемых изменений. Эти вопросы выходят на первый план как в фундаментальном социологическом знании, так и в образовательной, демографической и социально-экономической политике. Человеческий потенциал — одно из центральных понятий в этом контексте. Несмотря на возрастающий интерес к обозначенной проблематике, полномасштабные исследования человеческого потенциала единичны. Представленная коллективная монография — первая за последние десять лет попытка интеграции и комплексного переосмысления современных дискуссий с использованием результатов новейших масштабных междисциплинарных исследований в этой области, проведенных силами НИУ ВШЭ в рамках работы консорциума НЦМУ «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала».

Актуальность рецензируемой работы обусловлена не только дефицитом качественных теоретических трудов, посвященных человеческому потенциалу, но и практической значимостью вопроса: как обществу, компаниям и каждому отдельному человеку справиться с кризисными тенденциями последних лет, найти новые решения и подходы в экономической, социальной и культурной сферах, которые бы позволили обеспечить более насыщенную, продуктивную и осмысленную жизнь? Авторы монографии обращаются не только к «статическому», но и к «динамическому» аспекту человеческого потенциала, отмечая важность индивидуальной агентности и самостоятельности в реализации возможностей человека. В условиях событий глобального масштаба 2020-х годов, радикально меняющих привычную социетальную динамику, значение данной работы особенно возрастает.

Монография состоит из двух частей. В первой части проанализированы современные теоретико-методологические разработки, актуальные тренды, идеи и концепции, связанные с понятием «человеческий потенциал». Вторая часть посвящена обсуждению эмпирических данных о состоянии и тенденциях изменений человеческого потенциала в России, а также факторов, влияющих на него в международном контексте. Содержательный акцент сделан на междисциплинарности, что позволяет преодолеть монополизм интеллектуальных течений и придает монографии особую ценность. Авторы — ведущие специалисты в сфере человеческого потенциала — знакомят нас с передовыми разработками в области социологии, психологии, экономики, педагогики, управления, географии, что позволяет получить комплексное представление о человеческом потенциале в России и мире, а также о современных проблемах и перспективах его развития.

Так как особую роль в дискуссиях о практической политике в сфере образования и человеческого развития играет экономическая наука, монография начинается с экскурса в проблему «человеческого» измерения экономического роста. В главе «Эволюция концепции человеческого потенциала в экономической на-

уке» М. С. Сушенцова и В. А. Аникин показывают, как благодаря работам нобелевского лауреата А. Сена [Сен, 2004, 2016] экономика перешла от теории полезности к теории возможностей человека. Для обсуждения и продвижения этих идей в 1998 г. другой нобелевский лауреат Дж. Хекман создал Центр человеческого потенциала и социальной политики в Чикагском университете. Благодаря научным разработкам Центра с середины 2000-х годов человеческий потенциал стал связываться с развитием «внутренних способностей» человека, что помогло увидеть важность деятельностных аспектов личности, агентности и самостоятельности.

Глава П. С. Сорокина и Е. А. Позднуховой представляет собой обзор и интерпретацию дискуссий вокруг понятия «человеческий потенциал» в современной науке. Исследователи обращают внимание на распространение в научной литературе понятия «человеческий потенциал» (в дополнение к более традиционному и характерному для дискуссий в среде экономистов термину «человеческий капитал»), что отвечает на необходимость поиска нового комплексного подхода, описывающего и объясняющего процессы социально-экономического развития. Как справедливо отмечено в работе, понятие «человеческий потенциал» включает помимо «стратегических активов человека», являющихся важным капиталом на рынке труда, и другие параметры, позволяющие не только реагировать на существующие институциональные условия, но и проактивно их изменять, трансформировать окружающую среду — характеристики, которые могут стать в ближайшем будущем особенно важными на рынке труда. Авторы не останавливаются на этом подробно, однако представляется важной идея о том, что человеческий потенциал ценен не только в экономике и не может оцениваться исключительно по рыночным меркам.

Значимую роль в развитии человека и человеческого потенциала играет образование. В мировом научном дискурсе набирает популярность область исследований, связанная с нейронауками об образовании. Статья Т. Н. Канонир и А. В. Петраковой представляет читателям дискуссию о новых возможностях, вызовах и ограничениях при внедрении результатов исследований нейронаук в реальные образовательные практики, связанные с развитием человеческого потенциала.

Проекцией человеческого потенциала на плоскость психологической науки является «личностный потенциал» — понятие, введенное автором следующей главы Д. А. Леонтьевым в начале 2000-х годов и активно используемое сегодня в различных контекстах, включая прикладные инициативы, направленные на совершенствование школьного образования. Личностный потенциал рассматривается как «стержень личности», обеспечивающий системную организацию ее ресурсов. Именно от этого зависит, будет ли сам человек бенефициаром собственных ресурсов человеческого потенциала или же окажется инертным исполнителем чужой воли, давления внешних обстоятельств. Автор выделяет три основные функции личностного потенциала (самоопределение, достижение и сохранение) и затрагивает ключевые вопросы его формирования и развития.

Ю. В. Мильшина и А. Ю. Гребенюк представляют глобальные тренды и вызовы, влияющие на развитие человеческого потенциала. Авторы использовали комплексную методологию, совмещающую методы анализа больших данных на базе системы iFORA и экспертные методы, опросы с участием более 400 ведущих ми-

ровых и российских ученых и специалистов (проанализировано более 750 млн документов). Исследователи выделяют топ-10 трендов и определяют характер их влияния на человеческий потенциал. В их числе переход к концепции обучения в течение всей жизни, онлайн-образование, рост цифровой грамотности, новые модели занятости, переход к превентивной и персонализированной медицине, обострение конкуренции за таланты, расширение образовательных методов и практик (позитивное влияние); расширение цифрового контроля, распространение нездорового образа жизни, рост неравенства (негативное влияние). Широкая картина объективных изменений в мире, которую рисуют авторы, органично дополняет и иллюстрирует концептуализацию новой фазы социетальной эволюции, про которую говорится в главах 1.2 и 1.6: мир меняется, человек с его мотивацией, ценностями, творческими способностями и энергией становится еще более важным, чем прежде, фактором успеха и благополучия социальных структур вокруг. Благодаря современным технологиям у человека появляются новые возможности, но также возникают и новые вызовы.

Глава «Развитие человеческого потенциала в ответ на вызовы деструктуризации: взгляд со стороны педагогики» (авторы — Ю. Н. Корешникова и П. С. Сорокин) продолжает анализ. Мир переживает четвертую промышленную революцию, для благополучия и устойчивости как отдельной личности, так и общества в целом все более важной становится способность действовать проактивно. Исследователи выдвигают и обосновывают контуры новой теории неоконструктивизма и показывают возможности адаптации некоторых педагогических практик к новым реалиям нео- или деструктуризации. Полученные результаты могут быть особенно полезными для педагогов с точки зрения создания условий для формирования отвечающего современным требованиям человеческого потенциала, включая поддержку развития способности к самостоятельному созидательному действию.

В монографии не остался без внимания и вопрос здоровья как ключевого компонента человеческого потенциала. В главе Е. В. Селезневой, Е. Г. Потапчик, С. В. Сажиной, С. А. Тимонина, А. Е. Щура анализируется место здоровья в концепции человеческого потенциала, дается характеристика индикаторов и методик, которые могут использоваться для оценки накопленного здоровья, рассматриваются механизмы влияния на здоровье различных факторов и соотношение их эффектов в современном обществе. Авторы убедительно показывают, что личная ответственность и способность к заботе о себе в стратегической перспективе становятся важными компонентами человеческого потенциала для поддержания здоровья, что, по нашему мнению, демонстрирует важную грань того запроса к индивидуальной агентности как фактору благополучия, о которой говорится в главах 1.2 (П. С. Сорокин и Е. А. Позднухова) и 1.6 (Ю. Н. Корешникова и П. С. Сорокин).

Глава Н. Д. Ворониной, Н. С. Михайловой, М. А. Нагерняк, Л. Н. Овчаровой, С. А. Тер-Акопова имеет особое значение в контексте расширенного понимания человеческого потенциала по отношению к доминирующему в последние десятилетия подходу в русле теории человеческого капитала. Текст посвящен комплексным подходам к измерению благополучия и качества жизни с учетом показателей человеческого потенциала. Авторы рассматривают различные аспекты жизни как важные характеристики благополучия, которые выступают одновремен-

но условиями формирования и эффектами развитого человеческого потенциала (материальное благополучие, здоровье, образование, субъективное благополучие, трудовые условия, безопасность, жилье, экология и др.), а также формулируют ценные рекомендации, которые могут способствовать информированному принятию решений в области государственной политики.

В главе «Как измерить человеческий потенциал? Ключевые принципы», подготовленной Е. Ю. Кардановой и Е. А. Орёл, рассматриваются вопросы измерения человеческого потенциала, подробно описываются принципы и механизмы, заложенные в передовые мониторинговые инструменты, приводятся отечественные и зарубежные примеры наиболее удачных кейсов измерения сложных конструктов, связанных с наиболее востребованными в современном мире элементами человеческого потенциала (например, так называемые универсальные компетенции). Авторы убедительно показывают, что для объективной массовой оценки различных компонентов человеческого потенциала необходим учет достижений психометрики. Без этого формальная система образования не сможет дать убедительный ответ на вызовы времени.

Новый взгляд на малоизученную проблему, связанную с вопросом о том, как институты формального и неформального образования отвечают на стремительный рост интереса населения к современным финансовым инструментам, связанным прежде всего с фондовым рынком, демонстрирует глава А. А. Тимофеева. Результаты представленного исследования, с одной стороны, показывают быстро растущее количество инициатив обучения работе на фондовом рынке, а с другой — их значительную дифференциацию не только по масштабу и методикам, но и по качеству и конечным целям. Автор доказывает, что обучение работе на фондовом рынке может стать недостающим элементом в усилиях системы образования, направленных на развитие предпринимательской компоненты человеческого капитала. Особую ценность имеет то, что в данной работе демонстрируется потенциал рассмотренных образовательных инициатив с точки зрения формирования предприимчивости, инициативности и агентности, реализуемых не только в сфере работы на фондовом рынке, но и в более широкой экономической и социальной среде.

Вторая часть рецензируемой монографии [Человеческий потенциал..., 2023] представляет широкий диапазон эмпирических исследований, посвященных важным и малоизученным факторам формирования, механизмам, эффектам, глобальным трендам и вызовам, влияющим на развитие человеческого потенциала.

В работе «Демографические аспекты человеческого потенциала в мире и России на основе макро- и микроданных» (авторы — М. Б. Денисенко, О. В. Синявская, В. А. Козлов) рассматривается взаимосвязь процесса старения с характеристиками качества человеческого потенциала. Важным достижением авторов является то, что они не только рассматривают вызовы старения, но и формулируют ответы на них. В качестве примеров возможных способов решения приводятся успешные кейсы политики активного долголетия, предлагаются методы измерения человеческого потенциала в стареющем обществе.

Глава «Креативные индустрии в современной России: роль человеческого потенциала» (авторы — В. О. Боос, В. В. Власова, М. А. Гершман, А. В. Демьянова,

Е. С. Куценко) посвящена результатам углубленного и многогранного количественного исследования креативных индустрий, которые показывают рост численности творческих работников в последние годы не только в креативных индустриях, но и в других областях (ИТ, реклама, связи с общественностью и др.). Как отмечают авторы, более 60 % специалистов имеют высшее образование, а их работа, как правило, соответствует полученной ранее профессии, что указывает на важность усилий системы образования по поддержке тех сегментов экономики, которые имеют наиболее высокий потенциал. Креативные индустрии концентрируются в Москве и Санкт-Петербурге. При этом доля творческих работников составляет более 40 % от общей численности занятых в креативных индустриях России.

Инклюзия как важная характеристика систем формирования и развития человеческого потенциала долгое время упускалась из внимания исследователей. Глава В. К. Антоновой и К. Фрѐлиха восполняет указанную лауну. Авторы выделяют три уровня в оценке человеческого потенциала в корпоративном контексте и в более широкой социально-экономической среде (микроуровень — агентность, мотивация, самостоятельность; мезоуровень — приверженность ценностям инклюзии и декоммерциализации на уровне бизнес-структур; макроуровень — наличие инклюзивного роста в обществе) и демонстрируют, что инклюзивность помогает устойчивости общества, обогащая человеческий потенциал.

В главе А. В. Хархурина и Е. В. Каширской представлена новая обучающая система «Ключи к полилингвальному, межкультурному и творческому образованию» (Plurilingual Intercultural Creative Keys; ПИСК), направленная на формирование системной адаптации личности в современном мире через развитие креативных, межкультурных и языковых компетенций. Авторы на конкретных примерах показывают, что развитие определенных мягких навыков может стать важным вектором в формировании человеческого потенциала, при этом особое значение имеет фактор полилингвальности.

Работа «Вклад образовательных организаций в накопление человеческого потенциала и социально-экономическое развитие территорий» (авторы — И. А. Коршунов, Н. Н. Ширкова) сконцентрирована на изучении вклада образовательных организаций, вовлеченных в обучение взрослых, в накопление и приумножение человеческого потенциала (капитала). Система непрерывного образования рассматривается в триединой парадигме: 1) слушатель (объект непрерывного обучения), 2) образовательные организации (субъекты непрерывного образования), 3) территории (заказчики и одновременно потребители человеческого капитала и потенциала). В результате проведенного исследования авторы предлагают новую методику для оптимального выбора образовательных программ, с учетом особенностей контекста.

Анализу цифрового благополучия как одного из важнейших аспектов при оценке факторов формирования и эффектов человеческого потенциала посвящена глава О. В. Демидкиной и К. О. Вишневого. Авторы прогнозируют, что качество и точность оценки воздействия цифровых технологий на благополучие человека будут возрастать по мере разработки новых метрик и совершенствования методов анализа больших данных. При этом представляется ценной сама постановка вопроса о необходимости отдельного внимания к вопросам благополучия в цифровой среде.

Тему науки и технологий как факторов, меняющих среду формирования и раскрытия человеческого потенциала, продолжает глава А. В. Демьяновой, А. И. Нефедовой и Н. А. Шматко. В статье, теоретической основой которой служат классические идеи социального воспроизводства П. Бурдьё, Х. Цукерман, С. и Дж. Коулов, представлены результаты анализа воспроизводства человеческого потенциала в сфере науки и технологий с 2010 по 2020 г. Авторы показывают, что воспроизводство корпуса ученых и инженеров в России носит неярко выраженный характер, а внутри него происходят неоднородные и разнонаправленные процессы, отличающиеся от большинства европейских стран. Рынок труда в этой области становится все более закрытым и стремится к самовоспроизводству, что порождает стратегические риски для укрепления авторитета и повышения продуктивности российской науки в мире.

В главе «Инновационная культура: что позволяет человеческому потенциалу реализовываться в компаниях» (авторы — В. В. Власова, В. А. Рудь) выделяются основные составляющие современной инновационной культуры, такие как миссия, обучение, вовлеченность, открытость, гибкость, а также связанные с ними аспекты. Инновационная культура рассматривается как фактор, определяющий возможности раскрытия человеческого потенциала в компаниях. Активное участие бизнес-организаций в формировании и развитии отвечающего современным требованиям человеческого потенциала — одно из решающих условий конкурентоспособности российской экономики, фактор инновационной культуры, безусловно, значим в этом контексте.

Завершающая глава в книге (авторы — Н. К. Куричев, М. И. Рогов, М. В. Зотова, Е. А. Антонов, А. В. Шелудков, О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов) посвящена способности социотерриториальных систем справляться с внешними и внутренними шоками и потрясениями (на примере России) и роли человеческого потенциала в указанных вопросах. Авторы делают обзор проблематики экономической резилентности российских территорий, рассматривают место российских городов в международном разделении труда на основе присутствия многонациональных компаний, анализируют влияние кризиса пандемии COVID-19, определяют роль практик управления в адаптации к кризису как институциональных аспектов формирования и развития человеческого потенциала.

Представленная монография — результат усилий нескольких десятков исследователей из разных дисциплинарных областей, которые в поисках нового комплексного подхода проделали масштабную работу по сбору, анализу и обобщению актуального и малоизученного материала. Они обратились к факторам и проблемам социально-экономической динамики, а также к изучению роли человека в указанных процессах. Концептуальное ядро авторского подхода формирует гипотеза о том, что именно человек должен находиться в центре теоретических моделей и практических решений, разрабатываемых для повышения благосостояния человека и общества.

Если говорить о перспективах дальнейших исследований в области человеческого потенциала, которые проводят НИУ ВШЭ и Консорциум НЦМУ «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала», то особый вклад в расширение и углубление представлений о человеческом потенциале могут внес-

ти работы, посвященные механизмам, оценивающим возможности конкретных цифровых технологий и решений приносить пользу человеку и обществу через формирование и оценку человеческого потенциала. В целом ряде глав авторы исходят из во многом верной предпосылки, что расширение доступа к цифровым технологиям и умение их использовать способствуют повышению благополучия человека. Однако важно понимать, что цифра сама по себе не «панацея». Значительный риск состоит в том, что, стремясь сформировать и измерить человека на основе алгоритмизированных систем (особенно бурно развивающихся, например, в корпоративных средах), можно потерять то, что в человеке составляет собственно человеческую сущность, и то, что, вероятно, сегодня является одним из наиболее важных компонентов человеческого потенциала — способность к творчеству, эмпатии, выстраиванию не только продуктивных, но и созидательных, осмысленных отношений с миром. Понимание вызовов и трудностей, связанных с использованием цифровых технологий для решения этих задач, может быть важным шагом на пути определения перспективных способов осмысления и развития человеческого потенциала.

Подводя итоги, можно утверждать, что коллективная монография «Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований» является ценным научным трудом, аккумулирующим междисциплинарный научный подход, и современное авторское видение проблематики человеческого потенциала. Коллективная монография будет полезна не только преподавателям и исследователям, экспертам и практикам, студентам и аспирантам. Она как воздух нужна лидерам государственного управления и бизнеса, провозглашающим стратегию человекоцентризма. Уверен, что именно смысловая опора на эту монографию приведет современный бизнес, систему государственного и муниципального управления к куда большим успехам, чем это происходит в наше изменчивое время.

Список литературы (References)

- Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2013.
Kahneman D. (2013) *Thinking, Fast and Slow*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.
Sen A. (2004) *Development as Freedom*. Moscow: New Publishing House. (In Russ.)
- Сен А. Идея справедливости. М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная миссия», 2016.
Sen A. (2016) *The Idea of Justice*. Moscow: Gaidar Institute; Liberal Mission Foundation. (In Russ.)
- Спиноза Б. Этика // Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957.
Spinoza B. (1957) *Ethics*. In: *Selected Works*. Moscow: Gospolitizdat. Vol. 1. (In Russ.)
- Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / под науч. ред. Л. Н. Овчаровой, В. А. Аникина, П. С. Сорокина. М.: ВЦИОМ, 2023.
Ovcharova L. N., Anikin V. A., Sorokin P. S. (eds.) (2023) *Human Potential: Modern Interpretations and Research Results*. Moscow: VCIOM.

